

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2008

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О-33   **О времени, о Норильске, о себе...** / Ред.-сост.
Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*», 2008. — 552 с.

ISBN 978-5-89180-055-7.

ББК 84-4

*Издательский фонд клуба норильчан в
Москве «69 параллель» создан при
финансовой поддержке нашего земляка*

***Вадима Федоровича
Николайчука***

ISBN 978-5-89180-055-7

9785891800557

© Составление. Касабова Г.И., 2008

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2008

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга воспоминаний появилась на свет только благодаря тому, что три года назад в Москве родился клуб норильчан «69 параллель». Он объединил людей одной группы крови — норильской. Крепость подобного родства объяснять другим нет смысла, а свои и без того понимают, почему возник и со временем набирает все большую активность клуб норильчан, существующий на общественных началах*.

Наши встречи в московском кинотеатре «Иллюзион» окрестили элексиром здоровья. Души прежде всего. А первую нашу книгу воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» мы считаем родословной большой норильской семьи. Ее старейшины были первыми, кто осваивал норильские земли и положил начало горно-металлургическому делу на Крайнем Севере, потом у них трудную эстафету приняли другие поколения... И все они Норильск называют главным городом своей жизни, и все продолжают называть себя норильчанами — где бы ни жили до и

---

* Норильчане сразу назвали свою общественную организацию клубом норильчан в Москве и очень скоро окрестили его «69 параллель». К сожалению, зарегистрировать клуб под таким названием не позволило Министерство юстиции РФ. И хотя члены клуба привычно продолжают называть себя по-прежнему, официальное название нашего норильского объединения следующее: Региональная общественная организация — Общество «Красноярское землячество «69 параллель». На этой параллели стоит Норильск — и это главный опознавательный знак норильского сообщества в Москве.

после Норильска. Так уж сложилось, бывшими норильчанами не бывают.

Для кого-то биография города на 69-й параллели — это история. Для нас это биография собственной жизни. Нам кажется, что по субъективным воспоминаниям очевидцев можно получить более полное (и объективное!) представление о времени и эпохе, связанной со становлением и развитием Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Завенягина. В год своего 65-летия он перешагнул в новую жизнь, и об этом расскажут уже другие поколения норильчан.

Чем грешат субъективные рассказы? Возможно, какими-то неточностями — тому виной время и избирательность нашей памяти. Излишней эмоциональностью или скудным перечислением фамилий... Но мы сознательно не вмешивались в тексты: из коллективной биографии норильской семьи не должен быть вычеркнут ни один человек. Кто знает, может, когда-нибудь правнуки будут искать дорогую фамилию, в том числе и в нашей книге? А бесхитростный взволнованный рассказ поможет понять им настроение незнакомого времени. Не исключено, что, возможно, мы идеализируем прошлое — ведь люди рассказывают о своей молодости, о профессиональном становлении. О лучших годах своей жизни...

Как в каждой семейной летописи, в нашей книге много снимков из личных архивов. Не всегда известно, кто их автор, не всегда точен

указанный год съемки. Надеемся, что на нас за это не будут в обиде ни известные фотомастера, ни безвестные фотолюбители.

Воспоминания норильчан публикуются не в хронологическом или каком-то ином порядке, а по мере их поступления в клуб.

...Воспоминания мы принимаем от всех, кто испытывает потребность описать свою жизнь и работу в Норильске, рассказать о дорогих людях и памятных событиях... В клубе, как в доброй семье, любят не умных, красивых или заслуженных, а всех. Потому что все мы одной крови. Родные.

Перед вами первая книга воспоминаний норильчан. Это только начало. Каждый из вас может стать автором следующего издания, если вам есть что сказать о Норильске, о времени, о себе.

Если кто-то из читателей заметил неточности в изложении события, факта, фамилии или имеет дополнения и уточнения к описанному авторами, просим известить нас об этом.

С предложениями можно обращаться в клуб норильчан в Москве «69 параллель» по телефону 748-31-17 или в издательство «ПолиМЕдиа» по телефону 159-86-11.

Председатель клуба норильчан
в Москве «69 параллель»

Галина Касабова

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1935 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№00239. Об организации строительства Норильского никелевого комбината

№ 00239. 25-го июня 1935 г., гор. Москва

Во исполнение постановления ЦК и СНК Союза ССР от 23/VI 1935 г. за № 1275-198сс о передаче ГУЛАГу НКВД постройки Норильского никелевого комбината,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Принять в сроки, установленные СНК от ГУСМП в Москве, Норильске и промежуточных базах весь личный состав, ассигнования, постройки, оборудование, материалы, архив и проч., касающееся Норильска.

2. Организовать в Норильске исправительно-трудовой лагерь, присвоив ему наименование: «Норильский исправительно-трудовой лагерь», возложив на таковой:

- а) строительство Никелевого комбината;
- б) освоение района расположения комбината и его предприятий.

3. Норильский исправительно-трудовой лагерь подчинить непосредственно начальнику ГУЛАГа тов. Бергману.

4. Начальником Норильского строительства и лагеря назначить тов. Матвеева.

5. Главным инженером строительства назначить тов. Воронцова.

6. Ввиду особо-тяжелых условий Норильска (в Арктике, 2300 километров по воде от г. Красноярска) – нач. ГУЛАГа разработать и представить мне на утверждение повышенные нормы:

- а) продовольствия;
- б) снабжения обмундированием;
- в) выдачи премиальных денег.

7. Зачет рабочих дней производить по сверхударным нормам, на основании утверждения мною временного положения о зачете рабочих дней.

8. В виде особого поощрения за хорошую работу заключенным, проявившим себя в течение года в Норильске ударниками, предоставить право привести туда свои семьи за счет НКВД и колонизоваться там.

9. В виду особой важности Норильского строительства и нахождения его в исключительно трудных условиях, вменяю в обязанности всем органам НКВД немедленно отвечать на все запросы ГУЛАГа или Норильского лагеря, касающиеся этого строительства.

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР

Г.Ягода

**Народный Комиссариат
Внутренних дел**

Главное Управление
Исправительно-трудовыми лагерями,
распределениями и местами заключения

**11.С.О.
21 июня 1935 г.
№ 680936**

Москва, Кирова, дом 3
Телекоммутатор НКВД

СОВ. СЕКРЕТНО

Лит. **I**

Вх. № _____ от _____ 193 г. получено _____ 193 г.
На № _____ от _____ 193 г.

При ответах ссылаться на №, число и отдел

УНКВД
г. Красноярск
Начальнику Норильского Лагеря НКВД

т. Матвееву.

При сем препровождается копия постановления СНК СССР от 23 июня
с.г. за № 1275-198 сс- о строительстве Норильского Никкелеваго Комбината.

Приложение: 1 копия.

ЗАМ. НАЧ. ГУЛАГ НКВД
/РАПОПОРТ/

В.З. Матвеев — первый директор Норильского комбината

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
Москва-Кремль

С.Секретно

№ 1275-198сс
23 июня 1935 года

О строительстве Норильского никелевого
комбината

Для успешного освоения Норильского никелевого и угольного месторождения и строительства комбината проектной мощностью 10.000 тонн никкеля в год с пуском его в 1938 году, Совет Народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Строительство Норильского никелевого комбината признать ударным и возложить его на Главное управление лагерями Наркомвнудела, обязав его организовать для этой цели специальный лагерь.

2. Обязать Главсевморпуть передать, а Наркомвнудел принять к 10.VII.35 г. все имеющиеся в Норильске постройки, оборудование, транспортные средства, технические материалы, продовольствие, геологический архив и прочее имущество, принадлежащее Норильскому комбинату /в том числе камнеугольным копиям/, а равно все выделенные Главсевморпутем для Норильска и находящиеся в отправных и промежуточных базах /Москва, Красноярск и др./ или в пути материальные фонды, оборудование, продовольственные и промышленные товары, вместе с завезенными и находящимися в пути в Норильск административно-техническим персоналом и рабочей силой.

3. Обязать НКТП не позднее 5.VII.35 г. выделить и отгрузить в Архангельский порт 15 комплектов станков Крелиуса, марки «АБ» и 5 станков марки «Б» с трубами и запасными частями к ним в распоряжение НКВД, одновременно обеспечив станки квалифицированными буровыми мастерами.

Обязать ГУСМП обеспечить переброску в течение II и III кварталов с.г. эти станки через Пясино в Норильск.

4. Обязать НКВД начать бурение не менее чем 5 станками в течение IV квартала 1935 года с проектной глубиной не менее 300 мтр.

5. Обязать НКВД начать открытые эксплуатационные работы Норильского месторождения с 1.1. 1936 г.

6. Обязать НКВД:

а/ закончить в 1935 году все изыскания в Норильске и научно-исследовательские работы, передав к 1.136 г. Союзниккельовопроекту геологические материалы с утвержденными заданиями, данные по гидрогеологии, флюсам и строительным материалам и результаты работ научно-исследовательских организаций по опытному обогащению руды и металлургической плавке;

б/ произвести окончательные изыскания трассы узкоколейной железной дороги Дудинка – Норильск – оз. Пясино /135 км/ и составить проект с тем, чтобы обеспечить окончание постройки дороги Норильск – Пясино /15 км/ и дороги Дудинка-Норильск /120 км/ к концу 1936 года.

7. Обязать НКТП:

а/ обеспечить окончание проектирования всего комбината к 1 августа 1935 г., для чего в составе Союзниккельовопроекта выделить Специальную проектную группу, обеспечив ее лучшими кадрами;

б/ обеспечить окончание проектирования угольных рудников, входящих в состав комбината, к 1-му мая 1936 года;

в/ выделить в распоряжение Наркомвнудела достаточное количество специалистов, необходимых для освоения строительства комбината;

г/ обеспечить научно-техническую консультацию и экспертизу правильного ведения работ по строительству;

д/ обеспечить к середине 1938 года окончание строительства рафинировочного завода в Красноярске для Норильского файнштейна, получения из него 10 тыс. тонн никкеля в год и соответствующего количества меди, кобальта, платины и палладия.

8. Ассигновать из резервных фондов СНК СССР Наркомвнуделу на проведение работ, проектирование и приобретение оборудования и материалов в 1935 году 10.000.000 руб., из них во II квартале 7.000.000 рублей.

9. Обязать Госплан СССР выделить дополнительно ГУЛАГ НКВД необходимые фонды на оборудование и материалы по прилагаемому списку.

Учитывая краткость навигационного периода по р. Пясино и Енисею, необходимость заброски указанных грузов к началу навигации в Архангельск для дальнейшей доставки их Северным морским путем, выделение фондов произвести в 10-дневный срок.

10. Обязать ГУСМП:

а/ обеспечить в навигацию 1935 года завоз первыми иностранными пароходами, зафрахтованными для Карской операции технических и продовольственных грузов из Архангельска и Мурманска до о. Диксона 5.000 тонн с перевалкой этих грузов на р. Пясино, Норильск, а также 5.000 тонн по реке Енисею до Дудинки;

б/ обеспечить в навигацию 1936 года перевозку из Архангельска, Мурманска и Красноярска до Норильска через Пясино 12.000 тонн и до Дудинки 18.000 тонн.

в/ продлить, начиная с 1 июля 1935 года, авиалинию Красноярск-Игарка до Норильска, обеспечив регулярное воздушное сообщение с Норильском.

11. Для обеспечения указанных перевозок, обязать:

а/ НКВД передать не позже 1.VII.35 г. Главсевморпути для перевозки Норильских грузов от о. Диксон по р. Пясино пароход «Молотов», 2 лихтера, принадлежащие ранее Комсевморпути, и 1500 тонн речного деревянного топлива;

б/ НКТП передать не позже 15.VII.35 г. Главсевморпути для перевозок Норильских грузов по Енисею и Пясино из готовых в навигацию 1935 г. один пароход в 300 сил и один лихтер на 1000 тонн;

обязать НКВД в течение 1935-1936 г. обеспечить строительство причальных линий Дудинка-Норильск.

12. Обязать НКПС обеспечить переброску в июне и первой половине июля в Архангельск 6.600 тонн грузов.

13. Обязать Красноярский крайисполком обеспечить все необходимые для Норильского строительства перевозки по Енисею и в первую очередь сплавы леса до Дудинки.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР

В.Молотов

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров Союза ССР

И.Мирошников

P.S. Приведенное постановление — точная копия документа с сохранением его орфографии. Обратите внимание на пункты 2, 6, 7 — судя по их тексту, Норильский комбинат родился раньше официальной даты 23 июня 1935 г.

*Мы, дети страшных лет России,
забыть не можем ничего.*

Александр Блок

**Нашу книгу открывают воспоминания
Евгения Грампа
о родителях, прошедших Норильлаг.**

Евгений Александрович с рождения носил фамилию отца Александра Николаевича Грампа, хотя и фамилия, и отчество были придуманы им в годы конспиративной партийной работы на Северном Кавказе. От рождения осталось только имя, данное сыну родителями.

Дед Евгения Александровича — Иван Борисович Агаджанов, рабочий нефтяных промыслов в Баку. У него было 14 детей, из которых выжили три сына и дочь. Самый младший ребенок в семье — Араксия Ивановна Агаджанова. Ее воспитателем по сути стал брат Александр, отец Евгения — разница в их возрасте составляла 17 лет. До самой смерти брата и его жены их связывали не только родственные, но и теплые дружеские отношения.

В 2000 г. Араксии Ивановне исполнилось 80 лет. Она пережила не только братьев, но и сына брата Александра Евгения Грампа (он умер в 1998 г.), урожденного Агаджанова. Или — Кливанс, ибо его мать американка, отказавшаяся от гражданства родной страны из любви к «русскому армянину» Александру Грампу.

Воспоминания о родителях сын начал писать в 1989 г. — сразу по возвращении из Америки, где впервые побывал в семье своих американских родственников. Родная сестра матери вручила племяннику ее письма из России в Америку — в семье не только бережно их хранили, но и опубликовали в американских газетах в 1930—1931 гг. Доброжелательный взгляд иностранки на молодую Советскую Россию рисует удивительно точную и яркую картину жизни страны в преддверии массовых политических репрессий.

Е. Грамп опубликовал свои воспоминания и письма матери в журнале «Согласие» в 1992 г. Журнал просуществовал очень недолго, его тираж в 5 тысяч экземпляров вряд ли позволил ознакомиться с этими документами эпохи широкому кругу читателей, интересующихся историей Норильска.

После смерти Е. Грампа в 1998 г. Араксия Ивановна Агаджанова передала семейный архив Грампа в «Мемориал».

*Евгений (Джим) Грамп.
50-е годы*

Евгений Грамп:

«... уже через год после ареста отца мать добровольно отказалась от американского гражданства и приняла гражданство СССР».

*Современную историю я познавала
не из книг и журналов. Я сама
жила в истории и была ее частью*

*Гертруда Кливанс,
из письма к родным*

Письма моей матери, которые она посылала в 1930–1931 гг. из Москвы своим родителям в Америку, — основная часть этой публикации. Мне кажется, что читателям будет небезынтересно познакомиться с историей появления этих писем, с личностью и судьбой их автора, судьбой нашей семьи.

Моя мать Гертруда Яковлевна Кливанс родилась в 1907 г. на севере Соединенных Штатов, в городе Янгстауне, штат Огайо, в семье небогатого американского бизнесмена. В 1928 г. она окончила престижный женский Радклифф-колледж Гарвард-

*Семья Евгения (Джима) Грампа (слева направо):
жена Евгения, сын Саша, мать Гертруда Яковлевна,
отец Александр Николаевич и гости — школьные подруги Евгения
Вероника Пьянкова из Румынии и Людмила Замятина —
организатор всех встреч школьных друзей*

ского университета по специальности «английская литература». До 1930 г. преподавала литературу в средней школе Янгстауна.

В июле 1930 г. с туристической группой на небольшом японском корабле «Arabia Maru» в городе Сиэтле началось ее кругосветное путешествие. После посещения Китая и Японии туристы направились во Владивосток, чтобы оттуда по морю продолжить свой путь.

На пароходе мама и ее спутники познакомились с советским военным атташе в Японии Виталием Примаковым, который возвращался в Москву. Под впечатлением его рассказов о Советской России у небольшой группы американских туристов появилась идея изменить маршрут и проехать через всю страну по Транссибирской магистрали на поезде «Владивосток — Москва», а затем через Германию вернуться в Штаты. Этот план был осуществлен: в сентябре моя мать оказалась в Москве.

Ее очень заинтересовала страна, и она решила задержаться на некоторое время в столице. С помощью Примакова устроилась на работу — преподавала английский язык группе советских инженеров, которым по заданию правительства предстояло на два года поехать в США для продолжения образования.

Мама прожила в Москве тогда почти год — с сентября 1930-го по июнь 1931-го, после чего вернулась в Америку. Одновременно с ней для учебы в аспирантуре американских университетов в Штаты приехали и ее недавние московские ученики, с которыми она уже была связана крепкой дружбой. Они продолжали встречаться и в Америке. Особо теплые отношения сложились у мамы с моим будущим отцом Александром Грампом, учившимся в аспирантуре университета имени Джона Пордью (город Лафейетт, штат Индиана). Постепенно их дружба перешла в любовь, и они решили стать мужем и женой.

К тому времени за плечами двадцативосьмилетнего А. Грампа (между прочим, всю жизнь мама называла его только по фамилии) была бурная комсомольская юность (Северный Кавказ, Москва) и пять лет учебы в Московском институте инженеров транспорта.

Много лет спустя, 14 июня 1957 г., отец сделал в дневнике такую запись: «Почему-то сегодня вспомнились первые откровенные беседы с Гертрудой. Это было в Кливленде, куда я приехал на воскресное свидание из Лафайетта, а она — из Янгстауна... По выражению лица и скромной улыбке я пытался тогда разгадать секрет ее обаяния, секрет чего-то неуловимо притягательного в ее облике. Но одно мне было совершенно ясно: я безоглядно и навсегда влюблен в нее.

О, эти прекрасные минуты! Они осчастливили меня на всю жизнь!

Прошло 25 лет с того дня, когда я поставил своей целью навсегда связать свою судьбу с Гертрудой. Еще не зная ее ответа, я почему-то был уверен в том, что она испытывает большое чувство по отношению ко мне, что у нее нет страха перед предстоящими житейскими трудностями, а есть твердое желание разделить со мной мою судьбу.

Много и долго я думал тогда о том, какую ответственность беру на себя: ведь из-за меня, простого советского инженера, она решилась оставить богатую Америку, расстаться с матерью, отцом, сестрами и братом, со многими родственниками и друзьями. Все это еще более усиливало мою любовь.

Не знаю, почему я вспомнил все это именно сегодня, когда наш сын защищал диплом в институте. Сейчас уже час ночи, я один в комнате, наедине со своими мыслями».

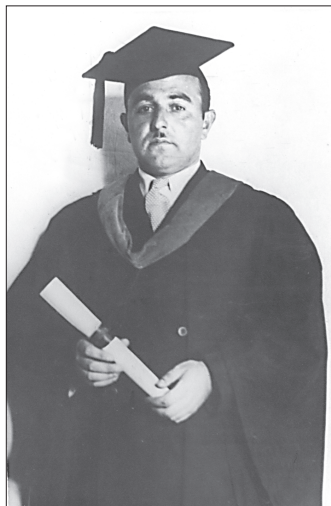
В 1933 г., получив степень магистра технических наук, отец вернулся в Россию. Вскоре к нему в Москву приехала мама. В том же году они поже-

нились, а в августе 1934-го на свет появился я. Жизнь молодой семьи складывалась благополучно и счастливо.

Отец работал (как всегда, очень напряженно) на ответственном посту в Наркомате путей сообщения, мама преподавала английский язык в одном из московских вузов. Мы жили в просторной благоустроенной квартире в центре Москвы.

Счастливая жизнь оборвалась внезапно: в августе 1937 г. отец был арестован и объявлен «врагом народа, участником правотроцкистской вредительской организации на транспорте». Маму тут же уволили с работы, почти все вещи были конфискованы. Из квартиры нас выселили сначала в полуразвалившийся барак на окраине Москвы, а чуть позже — и оттуда, прямо на улицу. Пришлось прописаться и снять угол в деревне Портновской по Белорусской дороге, недалеко от Кубинки.

Мама в то время еще имела американское гражданство и при желании могла бы вместе со

*А.Н. Грамп — магистр
технических наук. США,
1933 г.*

мною уехать в Америку. Знакомые журналисты, корреспонденты американских газет, работавшие в Москве, неоднократно предлагали ей содействие в организации отъезда, но она твердо отклоняла все эти предложения. Более того, в 1938 г., то есть уже через год после ареста отца, мать добровольно отказалась от американского гражданства и приняла гражданство СССР.

Мама реально представляла последствия, к ко-

торым мог привести этот шаг, — ведь уже тогда вслед за мужьями арестовывались многие жены «врагов народа». Впоследствии нам приходилось встречать десятки женщин, которые в качестве так называемых ЧСИРов (член семьи изменника родины) провели долгие годы в лагерях Воркуты и Магадана. Тот факт, что моя мать никогда не была официально репрессирована, — просто игра случая, лотерея: все могло сложиться иначе.

Многие относились к поступку мамы как к сознательной жертве, как к подвигу. Наверное, они правы, но сама она так никогда не считала. Для нее это было естественное и единственно правильное решение. Более того, зная ее, я абсолютно уверен, что, несмотря ни на какие обстоятельства, вопрос о возвращении в Америку вообще не возникал, да и сама мысль об этом никогда не приходила ей в голову.

Конечно, я понимаю, что восторгаться поступками матери — хотя и закономерно, но, наверное, не совсем скромно, поэтому стараюсь писать о ней предельно объективно, не только как о матери, а как о неординарном человеке, которого я хорошо знал. Считаю ее не только незаурядной, но и в какой-то степени уникальной, выдающейся личностью. По своим моральным и нравственным качествам, отношению к людям, пониманию добра и зла она была человеком, намного опередившим свое время, человеком из сказочного «коммунистического далека», которое мы все должны и обязаны были «приблизить» как можно скорее... Несмотря на свое «буржуазное» происхождение, она была, если можно так выразиться, гораздо «социалистичнее» (в серьезном понимании этого слова), чем многие из нас, родившиеся и выросшие в нашей «социалистической» стране. Именно поэтому везде и всегда люди любили, более того — боготворили ее, но не всегда понимали суть поступков и решений.

Но вернемся к нашему повествованию.

После ареста отца мама долгое время безуспешно пыталась найти работу. Наконец с большим трудом ей удалось временно устроиться в одном учреждении «иномашинисткой». Положение еще более осложнилось, когда началась война. Деревня Портновская, где мы некоторое время жили, уже осенью 1941 г. оказалась занятой немцами. Мы тогда едва успели уехать в Москву, даже не сумев забрать с собой оставшиеся после конфискации вещи.

Всю войну мы впятером (с родителями отца и его сестрой) ютились в малюсенькой комнатке большой коммунальной квартиры. На кроватях все не помещались, поэтому кто-то спал на столе, кто-то под столом. Первое время, когда объявляли воздушную тревогу, бегали ночью в бомбоубежище, потом привыкли, перестали. Наше с мамой положение усугублялось еще и тем, что в квартире мы жили фактически нелегально, без прописки: вздрагивали при каждом стуке в дверь. Нелегко приходилось и с хлебом насущным. Некоторое время, как записано в трудовой книжке, мама работала «мазальщицей» в коробочном цехе табачной фабрики «Ява». Относительное улучшение нашего положения наступило в 1943 г., когда активизировались отношения СССР с Соединенными Штатами, — ей удалось устроиться переводчицей в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей).

Во время войны постоянную поддержку и помощь нам с мамой оказывали родственники отца, особенно его младший родной брат Сурен Иванович Агаджанов*. Это был прекрасный во всех отношениях человек. Человек необычайной судьбы и редкого мужества. В 1925 г. отец привез его в Москву из Нальчика, где тот служил подмастерьем у сапожника. После окончания рабфака благодаря природным организаторским способностям

---

* Свою вторую фамилию — Грамп — отец придумал себе в гражданскую войну, в 20-е годы, когда был в комсомольском подполье на Северном Кавказе.

он на редкость быстро прошел в столице путь от простого рабочего до руководителя крупного авиационного завода.

Узнав об аресте отца, он бесстрашно пошел на прием к Н.С. Хрущеву, тогдашнему секретарю МГК ВКП(б), и заявил, что ручается за брата и не верит в его виновность. По всем законам тех лет даже и без этого шага его карьера должна была — в лучшем случае — закончиться. Но этого не произошло: то время было еще и временем парадоксов. В дальнейшем он стал генералом, был награжден многими орденами, всю войну и после ее окончания работал директором крупнейших авиационных заводов страны. Несмотря на свое положение, он всегда поддерживал нас с матерью морально и, как мог, помогал. По меркам того времени подобное поведение можно без всяких скидок назвать героическим. Сверхнапряженная работа и жизнь сделали свое дело, не смогли не сказаться на здоровье: умер дядя Сережа, как я всегда его называл, в сорок семь лет от третьего инфаркта в подмосковном кремлевском санатории «Барвиха». Случилось это в декабре 52-го.

Отец после ареста последовательно проходил кошмарные этапы ГУЛАГа: очные ставки на Лубянке, допросы в Бутырках, одиночное заключение в Елецкой тюрьме. Вот одна из его дневниковых записей, относящаяся к 1938 г.: «В самые тяжелые для меня дни, на всех допросах, преодолевая невероятные физические и нравственные страдания, я ни разу не сказал неправду. Ни семисуточный «конвейер», ни перевод в одиночку, ни лишение книг и передач, ни угрозы арестовать жену не сломили меня. Я был готов умереть, но не изменить своим взглядам».

В январе 1938 г. решением военной коллегии Верховного суда СССР он был приговорен к 10 годам заключения и отправлен этапом на север Красноярского края, где десятки тысяч заключенных строили новый заполярный город Норильск.

В 1945 г. «за ударный труд во время войны» отец был досрочно освобожден из заключения и получил возможность работать в Норильске по вольному найму, но без права выезда на материк. Мама сразу же решила, что мы должны ехать к нему.

В январе 1946 г. мы тронулись в путь, который оказался более длительным, чем предполагалось. Достаточно сказать, что в Красноярске пришлось снять комнату и прожить там свыше трех месяцев (!) в ожидании места на самолет.

И вот наконец в апреле долгожданный авиарейс состоялся, и мы приземлились в поселке Дудинка, где тогда находился аэропорт Норильского комбината. Окоченевших (тогда еще летали не на пассажирских, а на транспортных самолетах), нас привезли в местную гостиницу, где мы с трудом пришли в себя. По предварительной договоренности отец должен был позвонить нам в эту гостиницу из Норильска. Как ни странно, в этот момент маму больше всего волновал вопрос о том, как она будет с ним разговаривать. Дело в том, что обычно они разговаривали с отцом на английском. Мама была почти уверена, что за эти долгие девять лет от его английского языка ничего не осталось. А как разговаривать с ним по-русски — она не могла себе представить. Никогда не забуду ее неподдельную радость, когда она услышала в телефонной трубке родной голос и английскую речь... До конца своих дней они разговаривали друг с другом только на английском.

Восьмиклассник Евгений Грамп, которого в семье и друзья называли Джимом

*Джиму 13 лет. Он приехал на каникулы из Норильска и отправился на юг с тетей Араксией (А.И. Агаджановой).
Нальчик, 1948 г.*

Мое положение было еще сложнее. Когда отца арестовали, мне было всего три года, так что я его практически не помнил. По существу, предстояла встреча с совершенно незнакомым человеком. Хорошо хоть, что не надо было думать о том, на каком языке с ним разговаривать...

Кому-то это может показаться странным, но годы жизни нашей семьи в Норильске были счастливыми. Сначала мы жили в гостинице, потом получили неплохую двухкомнатную квартиру. Отец, как всегда, с полной самоотдачей работал на строительных объектах (теперь уже в качестве руководителя), мама преподавала английский язык в техникуме, я учился в школе. Конечно, нельзя забывать, что

рядом был 100-тысячный лагерь заключенных, что по дороге в школу мы ежедневно встречали бесконечные колонны эков с номерами на одежде, которых под охраной конвоиров с собаками вели на работу. И нам, детям, приходилось слышать обращенное к экам знаменитое предупреждение охраны: «Шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения». Все это было, но тогда воспринималось как само собой разумеющееся.

Никакой явной дискриминации мы, дети так называемых бывших заключенных, в школе не испытывали. Помню только один такой случай. В четвертом классе нам объявили, что те, кто окончит учебный год с отличными оценками, летом будут отправлены в Артек. Я попал в число отличников, был включен в список, и только в самый последний момент, когда речь уже шла о приобретении билетов, мне вдруг сказали, что я не еду, и объяснили — по какой причине. Этот эпизод, как я считаю, положительно повлиял на мое еще детское восприятие жизни: с тех пор всякую несправедливость я стал считать нормой, а не наоборот.

После нашего переезда в Норильск мама перестала посылать письма родным в США и не сообщила своего нового адреса, опасаясь, что ее переписка с Америкой еще более осложнит и без того тяжелое положение нашей семьи.

После 1937 г. мама в течение почти десяти лет периодически посылала родителям немногословные письма, в которых писала, что все живы-здоровы, что все хорошо и т. п. В течение этих лет она не только ни разу не пожаловалась на свою жизнь и судьбу, но даже не намекнула на то, что отец был арестован и все эти годы они находились за тысячи километров друг от друга. Многим это трудно понять, да и мне в том числе, но для мамы, как я уже говорил, это было вполне естественным.

В Норильске родителей окружали интересные, близкие по духу люди, и я чувствовал, как многие

тянулись к ним. Вот как вспоминает о нашей семье живущая ныне во Владикавказе Л. Хабалова, которая приехала в Норильск в 1947 г. в качестве молодого специалиста-геолога и жила в одном с нами подъезде: «Таких людей, как Гертруда Яковлевна и Александр Николаевич, я больше никогда не встречала. У меня было ощущение, что, как от мощных «аккумуляторов», я на всю жизнь зарядилась от них энергией, любовью к людям. Так влияли они на всех, кто попадал в сферу их притяжения. В их доме легко дышалось, казалось, что становишься лучше, чище, добрее. Гертруда Яковлевна умела создать вокруг себя такую атмосферу, в которой прекрасно чувствовали себя прибалты и корейцы, русские и евреи, армяне и осетины. Это было проявление интернационализма в лучшем понимании этого слова» (Московская правда. 1989. 24 сент.).

Летом 1949 г. отец задумал довольно рискованное мероприятие — съездить в отпуск в Москву, чтобы повидать своих престарелых родителей. Риск состоял в том, что в его паспорте был пресловутый 39-й пункт, запрещавший проживание и пребывание в более или менее крупных городах и населенных пунктах, расположенных на железнодорожных и водных магистралях, и т. д. Тем не менее поездка состоялась, и все, слава Богу, закончилось благополучно. Помню, что в этой поездке больше всего поразила меня поступок дяди Сережи. Он не только не уклонился от встречи с опальным братом, но пригласил его к себе в Горький, где работал в то время директором авиационного завода, принимал его у себя дома и на директорской даче, знакомил со своими заместителями. А ведь это было еще при Сталине! Все это трудно представить даже теперь.

Родители всегда подчеркивали, что мужество, проявленное братом отца в тяжелые годы, было по крайней мере не меньшим, чем то, которое проявляли люди по другую сторону колючей проволоки.

«Норильское счастье» нашей семьи длилось не-

*Семен Калусский
и Джим Грамм.
Норильск, 1949 г.*

долго. В конце лета 1950 г. совершенно неожиданно появился приказ начальника комбината, согласно которому большое число так называемых «бывших заключенных» (в том числе и мой отец) было уволено «за невозможностью дальнейшего использования». Уволенные, естественно, теряли не только работу, но и жилье. Одновременно стали распростра-

няться слухи о якобы предстоящих повторных арестах.

В этих условиях многие решили, что надо как можно скорее вылететь в Красноярск, чтобы попытаться найти работу и жилье в каком-нибудь из окрестных поселков (в крупных городах «бывшим» жить было нельзя). Тогда в случае ареста у семьи вроде бы оставалась крыша над головой.

На семейном совете приняли решение: мы с отцом без всяких сборов немедленно вылетаем в Красноярск, а мама пока остается, чтобы позже двинуться в южном направлении на теплоходе, уже с вещами.

Так и сделали. Через несколько дней отец устроился на работу начальником строительного участка в небольшом горняцком поселке Ирша (недалеко от города Канска), получил там комнату. Спустя два месяца к нему из Норильска приехала мама. В Ирше и соседних поселках осело довольно много знакомых норильчан.

Когда мы прилетели в Красноярск (это был конец августа 1950 г.), прямо в аэропорту отец мне сказал: «Ситуация у нас крайне сложная и неопределенная: мама — в Норильске, я — здесь

без работы, жилья и нормального паспорта, в любой момент меня могут снова арестовать. А тебе надо где-то жить и учиться. Лети в Москву, сделай попытку как-нибудь закрепиться у бабушки».

Так я и сделал. Каким-то образом мне удалось «нелегально» прожить в Москве несколько месяцев и даже успешно окончить первую четверть девятого класса. Но с пропиской так ничего и не вышло. Не смог помочь и бесстрашный дядя Сережа. Сохранилась копия письма тогдашнего министра авиационной промышленности П.В. Дементьева руководителю московской милиции:

«Прошу прописать Е.А. Грампа, племянника генерал-майора авиации Агаджанова С.И. ...» Но и это не помогло. Второго ноября я выехал к родителям в Иршу.

Между тем в Ирше и окрестных поселках начали развиваться драматические события. Слухи о повторных арестах скоро подтвердились. Бывших норильчан начали арестовывать и отправлять в красноярскую тюрьму. Причем делалось это без спешки, постепенно: сегодня забирали одного, через неделю другого, через месяц еще двоих и т.д. Стало ясно: арестовывают по мере того, как органам становятся известны новые адреса бывших политзаключенных, выехавших из Норильска. Постепенно стал понятен и сам механизм этой процедуры: арестованный проводил в красноярской тюрьме около трех месяцев в ожидании решения Особого Сопровождающего из Москвы за подписью Берии, на основании которого он приговаривался к «вечной ссылке» в один из отдаленных и необжитых районов Красноярского края.

Складывалась парадоксальная ситуация: так как конечный результат был предопределен, все заранее обреченные на заклание, стремясь обрести какую-нибудь определенность, хотели, чтобы их арестовали как можно быстрее. Каждый, уходя утром на работу, надеялся, что сегодня наконец его арестуют. Некоторым не повезло: пришлось ждать очень долго...

Я приехал в Иршу в праздничный день — 7 ноября 1950 г., но отца уже там не застал: он был арестован прямо на работе за два дня до этого — 5 ноября и отправлен в красноярскую тюрьму. Мама рассказала, что у них в комнате на случай ареста всегда находилась небольшая котомка с НЗ, в которой она периодически обновляла скоропортящиеся продукты.

Впоследствии отец рассказывал, что пребывание в красноярской тюрьме по сравнению с прежними временами было более «спокойным». На допрос вызывали всего один раз и всем задавали один и тот же вопрос: «Продолжали ли вы все это время заниматься контрреволюционной деятельностью?» После отрицательного ответа просили расписаться. Последующие три месяца уходили на ожидание приговора из Москвы. Все это касалось, разумеется, не только бывших норийчан. Через красноярскую тюрьму прошли тысячи бывших политических заключенных, арестованных в разных регионах. Только позже стал ясен глобальный замысел этой операции, осуществлявшейся в масштабе всей страны: «отловить» всех оставшихся в живых бывших заключенных, которые уже отбыли в лагерях свой срок по 58-й статье, и направить их в «вечную ссылку» в отдаленные районы Сибири.

Когда отец сидел в тюрьме, мама несколько раз ездила к нему на свидания, возила передачи, ходила по кабинетам тюремного начальства, пытаясь «выхлопотать» не самый худший район для «вечной ссылки». Дело в том, что среди этих районов были такие, где просто невозможно было найти работу, и при отсутствии какой-либо помощи со стороны люди фактически были обречены на гибель. Помню, самым страшным считался Долгомостовский район: единственное, что там можно было делать, — это собирать смолу с деревьев...

Усилия мамы не пропали даром — в марте 1951 г. отца отправили этапом в Удере́йский район (к северу от Ангары), где создавалась сеть геологоразведочных партий. Вскоре он устроился инженером

по строительству в небольшом поселке Ишимба, там уже жили человек двести ссыльных и несколько вольнонаемных начальников. Чтобы представить себе местоположение этого поселка, надо вообразить географическую карту бывшего СССР и мысленно определить его геометрический центр — это и есть точка в тайге, где расположена Ишимба. Добираться туда из Красноярска надо было так: водным путем по Енисею до поселка Стрелка, потом направо по Ангаре до поселка Мотыгино, а оттуда — по таежному бездорожью 100 километров строго на север.

Мы с мамой решили: как только я заканчиваю девятый класс и начинается летняя навигация по Енисею, отправляемся к отцу, в этот самый «геометрический центр» страны.

Заканчивая рассказ о жизни в Ирше, хочу поделиться одним наблюдением, которое, конечно, не претендует на какие-либо широкие обобщения. Итак, в небольшом поселке, где, подчеркиваю, не было никаких репрессированных и где практически все знали друг друга, средь бела дня у всех на виду по явно политическим мотивам арестовывается человек и отправляется в красноярскую тюрьму. Через несколько дней в поселок приезжает его сын и приступает к учебе в местной школе. Казалось, в обществе, где, как говорилось, «народ и партия едины», отношение ко мне должно быть совершенно однозначным.

Между тем и мои товарищи по школе, и учителя, и соседи, и знакомые все эти месяцы относились ко мне не просто хорошо, а, я бы сказал, прекрасно. Более того, я стал как бы местной достопримечательностью — не знаю, правда, то ли из-за ареста отца, то ли потому, что я целую четверть отучился аж в московской школе. Знаю только, что уже в то время я пришел к глубокому убеждению: пусть не все, но по крайней мере многие так называемые простые люди уже тогда не верили всем этим бредням про «врагов народа».

После окончания учебного года мы со всем своим скарбом двинулись в Красноярск, там пересели на небольшой пароходик и поплыли вверх по Енисею. Эта часть путешествия тоже была незабываемым кошмаром, но главные приключения ждали нас впереди. Когда мы плыли уже по Ангаре, наше суденышко по вине пьяного штурмана ночью налетело на пороги (подводные камни), получило пробоину и начало тонуть. Правда, все закончилось благополучно (мы не утонули), но во время спасательных работ мама серьезно повредила надкостницу на правой ноге. В суматохе мы не придали этому значения и продолжили свое путешествие (а, собственно, что нам еще оставалось?).

В поселке Мотыгино мы встретились с друзьями отца, которые снарядили нас в дальний путь, теперь уже по суше. Первую его половину, 50 километров, миновали более-менее благополучно — проехали на попутном грузовике. А вот дальше начались приключения. Несмотря на летнее время, дорога на этом участке представляла собой сплошное грязное месиво, поэтому передвигаться приходилось весьма оригинальным способом: со всем своим скарбом мы разместились на толстом металлическом листе, который был прицеплен к трактору. Так предстояло «проехать» 50 километров...

Когда три четверти пути остались позади, состояние мамы резко ухудшилось: распухшая нога нестерпимо болела, поднялась температура. Это случилось недалеко от последнего населенного пункта на нашем пути, поселка Кировска (и там был свой Кировск!). В нем, к счастью, оказалась маленькая медсанчасть, где маме пришлось пролежать... целых два месяца.

И вот наконец мы все трое в Ишимбе: тут вместе с родителями я прожил до осени 1951 г., а потом уехал в районный центр, поселок Южно-Енисейск, в 50 километрах от Ишимбы, где была единственная в округе школа-десятилетка. Там я снимал комнату у

прекрасной женщины Ады Куприс, которая еще в молодости была выслана из Литвы в Сибирь. Сейчас она живет в «ближнем зарубежье» — Паневежисе; мы поддерживаем с ней теплые отношения и поныне. Она с горькой иронией вспоминает, как я старательно заучивал тогда Маяковского: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» — на нее это почему-то произвело неизгладимое впечатление...

Учась в десятом классе, я довольно часто бывал у родителей. Иногда добирался до них на попутных грузовиках, а в бездорожье — пешком, с попутчиками по безлюдным таежным дорогам: двенадцать часов (50 километров) туда и через день — двенадцать часов (50 километров) обратно. Сейчас мне самому это кажется невероятным, но все это было, было...

Как бы парадоксально это ни звучало, должен заметить, что, несмотря на бытовые и прочие трудности, годы, проведенные родителями в «вечной ссылке», в Ишимбе, тоже в какой-то степени были счастливыми. Жили там дружно, одной семьей, и даже, я сказал бы, весело. Снова, как и в Норильске, родителей окружали интересные, замечательные люди со всех концов света. Мы как-то подсчитали, что в этом маленьком поселке оказались люди двадцати одной национальности. Не припомню разве что негров...

Здесь родители познакомились с теми, кто остался верными, близкими друзьями до конца жизни, — Давидом Мироновичем Бацером, Львом Исааковичем Брагинским, Ириной Калистратовной Гогуа, семьей Куприсов. Мама, как всегда, много читала: здесь были люди, которые из одной ссылки в другую перевозили с собой самое ценное — ящики уникальных книг.

К весне начались мои «приключения» в школе. Получалось так, что по всем предметам у меня выходили отличные отметки и вроде бы надо было готовить представление в крайню на присуждение медали.

Тут надо кое-что пояснить. Одни мои товарищи по школе были детьми коренных местных жителей (меньшинство), другие — детьми ссыльных. Последние или еще маленькими детьми были высланы сюда с семьями, или родились уже здесь. Так или иначе, но по своему статусу они сами считались ссыльными со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда им исполнялось шестнадцать, они не получали паспорта, им не разрешалось выезжать за пределы данного района, дважды в месяц они были обязаны отмечаться у местного коменданта. О том, чтобы после окончания школы поехать в какой-нибудь город и попытаться поступить в институт, не могло идти и речи.

Таким образом, как поступать со «ссыльными» детьми, школьному начальству было ясно. А вот опыта обращения с такими, как я (ведь мы с мамой приехали к ссыльному отцу добровольно), у него попросту не было. Этим и объяснялась волокита, связанная с представлением меня к медали. С одной стороны, начальству хотелось, чтобы школа имела своего медалиста, с другой — оно боялось, как бы из этого чего не вышло.

Началось с того, что еще в середине учебного года директор школы попросил, чтобы мой отец (!) представил ему свою подробную автобиографию. В конце года по моему «делу» неоднократно заседал педсовет, но так и не смог решить вопрос, можно ли представить к медали выпускника школы, у которого ссыльный отец. Так как вопрос являлся политическим, а не педагогическим, его решили передать на рассмотрение в райком партии. Там после длительного обсуждения наконец было принято вполне демократическое решение: да, можно. А речь шла всего-навсего о том, посылать ли документы в далекий Красноярск или нет!

На волокиту ушло слишком много времени, и я понял: дальнейшее ожидание бессмысленно. Обратился к дирекции школы: «Не надо мне никакой

медали, дайте любой аттестат, иначе я просто никуда не успею». И мне выдали на руки весьма оригинальный аттестат (я его храню до сих пор): естественно, без золотой или серебряной каемки, но зато по всем предметам были поставлены отличные оценки. Кстати, медаль (серебряную) я все-таки получил, но уже учась на третьем курсе института...

Получив наконец в руки долгожданный документ, я отправился в Ишимбу, пробыл там несколько дней, попрощался с родителями и однажды рано утром с небольшим рюкзаком за плечами по грязной таежной дороге начал свой долгий путь в Москву. Признаюсь, невеселыми были в этот момент «мои мысли, мои скакуны...».

...Вскоре после приезда в Москву я увиделся с дядей Сережей. Это был конец лета 1952 г., наша встреча была одной из последних. Запомнил его слова: «В твоём положении главное — поступить в институт, в какой — не имеет принципиального значения. Но никогда не забывай: твой отец ни в чем не виноват. Во всех анкетах пиши только правду».

Конечно, дядя был для меня самым большим авторитетом, но по молодости лет я, наверное, слишком прямолинейно воспринял его напутствие. Очевидно, несмотря на свой довольно длительный околоГУЛАГовский опыт, я в некоторой степени все еще оставался наивным мальчиком.

Начал я с того, что пошел (между прочим, исключительно по своей собственной инициативе) в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) имени И.В. Сталина — тот самый, который когда-то окончил мой отец и где одно время (в 30-е годы) он был директором. Мне казалось, что там остались еще люди, которые помнили его и которые смогут оказать мне какое-то содействие. Они и в самом деле сразу обнаружили. И шепотом, боязливо оглядываясь по сторонам, произнесли какие-то хорошие слова о моем отце, но тут же посоветовали: «Уноси, парень, отсюда ноги, и как можно быстрее».

*Первый год учебы в
московских институтах:
Борис Лисюк — в горном, а
Джим Грамп — в Станкине.
Москва, январь 1953 г.*

На следующий день я пошел в приемную комиссию недалеко от МИИТа расположенного Станкоинструментального института, тоже имени И.В. Сталина. Протянув председателю комиссии свой нестандартного вида аттестат, сказал: «Мой отец репрессирован с 1937 года и в настоящее время находится в вечной ссылке в Сибири. Мать моя — американка. Если вы таких не принимаете, скажите об этом сразу, я пойду тогда в другой ин-

ститут». Надо заметить, что в то время многие мои сверстники, товарищи по несчастью, старались, мягко говоря, не афишировать своего «происхождения». Наверное, поэтому мое откровенное заявление повергло членов приемной комиссии и всех присутствующих в состояние шока. Председатель невнятно произнес: «Как вы могли подумать! Мы ведь живем в демократическом государстве...»

Документы мои были приняты, я успешно сдал вступительные экзамены и вскоре был зачислен на первый курс технологического факультета.

Учеба на первом курсе совпала с драматическими событиями в истории страны. До сих пор поражаюсь, какими быстрыми темпами изменялась обстановка (во всяком случае, в Москве) после смерти Сталина.

Как-то в мае, проходя по улице Кирова, я зашел в приемную военной коллегии Верховного суда СССР и сказал, что хотел бы подать заявление с просьбой о пересмотре дела моего отца. В приемной практи-

чески не было посетителей (очевидно, тогда еще немногие решались туда зайти), и мне без всякой волюнтаристичности назначили дату приема.

Через несколько дней я сидел перед полковником КГБ, который держал в руках пухлую папку — дело отца. На всю жизнь запомнил зловещую надпись в правом верхнем ее углу: «Хранить вечно». Наш «разговор» свелся к его единственной фразе: «Заявление я принимаю, дело вашего отца будет обязательно пересмотрено, но поймите нас правильно: таких дел у нас тысячи, и на это уйдет очень много времени».

Сама обстановка в военной коллегии, тон, каким это было сказано, и другие приметы наступающей «оттепели» лишний раз убедили меня в том, что гигантская система ГУЛАГа скоро начнет рушиться, что это лишь вопрос времени. А ведь после смерти Сталина прошло всего два месяца!..

Летние каникулы я решил провести не на берегу Черного моря (был такой вариант), а у родителей в Ишимбе (наверное, я все-таки был неплохим сыном!). Узнав о моих планах, ко мне обратилась с просьбой Ада Куприс, у которой я жил в свое время в Южно-Енисейске и которая теперь вместе со своим мужем Алексом жила в Ишимбе. Просьба состояла в том, чтобы я привез с собой их 13-летнего сына Римаса, которого, в случае моего согласия, родственники должны были доставить из Литвы в Москву. Дело в том, что, когда в 1940 г. Ада была выслана в Казахстан, у нее на руках был грудной сын. Когда он немного подрос, к ней в ссылку приехал ее брат и забрал сына в Литву. С тех пор мать и сын больше не виделись.

Вскоре Римаса привезли в Москву, и через несколько дней мы двинулись по хорошо знакомому мне маршруту через всю страну в далекую Ишимбу.

Наше путешествие — это целая эпопея, но особенно запомнился мне один эпизод.

На конечном этапе нашего пути последние 25 ки-

лометров (от Кировска до Ишимбы) предстояло идти пешком. Предварительно по радиотелефону мы договорились с отцом Римаса, что тот выйдет нам на встречу. На всю жизнь запомнилась мне эта встреча... С противоположных концов небольшой лесной поляны, высоко подняв руки над головой, навстречу друг другу бежали два рыдающих человека — отец и сын, которые до этого никогда не видели друг друга. Я тоже в тот момент не мог сдержать слез...

К тому времени в районах «вечной ссылки», в том числе и в Ишимбе, все оставалось практически без перемен. И хотя совсем недавно по радио было передано сообщение об аресте Берии, почти все смирились со своей участью и не ждали каких-либо изменений в своей судьбе.

И вот в этой обстановке приезжаю из Москвы и я начинаю настойчиво убеждать всех в том, что в недалеком будущем «оковы тяжкие падут», все обретут свободу и т. п. Меня даже возили по окрестным поселкам, чтобы, как говорится, из первых уст люди могли услышать эти невероятные пророчества.

Должен сказать, что многие (в том числе и мама) скептически отнеслись к этим моим предсказаниям. Пожалуй, единственным исключением был отец. Но дело в том, что он всегда, подчеркиваю, всегда, даже в самые страшные времена, твердо и уверенно говорил, что в конце концов справедливость восторжествует, жертвы произвола будут реабилитированы, все будет названо своими именами и поставлено на свои места. Надо сказать, что в той обстановке представить себе, что бесконечная спираль репрессий может быть раскручена в «обратном» направлении, было просто невозможно. Поэтому окружающие обычно относились к оптимистическим высказываниям отца как к фантазиям, не придавая им серьезного значения.

Таким образом, наши прогнозы имели разные основания: мой основывался на некоторых конкретных фактах и ощущениях, которые я «привез» из Москвы, его — на глубоком идейном убеждении.

Так или иначе, наши прогнозы, к счастью, осуществились, но, как говорится, пальма первенства в этом вопросе безусловно принадлежит отцу.

Я пробыл у родителей около двух месяцев и в конце августа отправился в обратный путь, еще раз выразив твердую уверенность, что скоро мы встретимся в Москве.

Так оно и случилось. В 1954 г. институт «вечной ссылки» был ликвидирован, ссыльным стали выдавать паспорта, и они получили возможность передвигаться по стране.

Как только отец получил паспорт, родители приехали в Москву, где судьба подарила им еще 30 лет счастливой совместной жизни.

Отец вскоре был полностью реабилитирован. Нам возвратили нашу прежнюю квартиру, ту самую, в которой он был арестован и из которой нас с мамой выселили в 1937 г. О других таких прецедентах (возвращение в прежнюю квартиру) я не слышал, но это объясняется просто случайным стечением обстоятельств.

Дело в том, что до 1937 г. наша семья занимала второй этаж небольшого двухэтажного дома, расположенного во дворе МИИТа. Это была как бы ведомственная директорская квартира. К тому времени, когда отец вернулся в Москву, в этом доме уже давно никто не жил: там размещалась какая-то институтская контора. Никакого законодательства об обеспечении жильем реабилитированных тогда еще не существовало. И вот руководители МИИТа, помнившие отца, по собственной инициативе перевели контору в другое место, выдали нам ключи от этой бывшей конторы и помогли переоборудовать ее под жилье. Потом, правда, некоторые институтские начальники попытались это дело переиграть, но поезд, как говорится, уже ушел. Мы прожили в этой квартире 15 лет.

После реабилитации отец нашел в себе силы вернуться к своей прежней специальности и в те-

чение многих лет был доцентом Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Одновременно до конца своих дней он активно занимался общественной деятельностью. Мама все эти годы сотрудничала в качестве переводчика и редактора с Внешторгиздатом. Родители старались наверстать упущенное: каждое лето много путешествовали по стране, часто бывали в театрах, консерватории...

Между тем мамины родственники в Америке (отец, брат, сестры), с которыми она так внезапно прекратила переписку, все эти годы предпринимали многочисленные, но безуспешные попытки найти ее. Они искали Гертруду Кливанс через Госдепартамент США, советское посольство в Вашингтоне, американское посольство в Москве, Красный Крест, Организацию Объединенных Наций...

В начале 50-х годов младшая сестра мамы попыталась хоть что-то разузнать о ее судьбе через тогдашнего представителя СССР в ООН В.В. Кузнецова. Родные вспомнили, что Кузнецов прекрасно знал моих родителей. Дело в том, что в 1930 г., как и мой отец, он был маминым учеником на курсах английского языка в Москве, а во время учебы в США (1931–1933 гг.) неоднократно встречался с ней и даже бывал в гостях в ее доме в Янгстауне. К сожалению, длинное письмо маминой сестры на имя В.В. Кузнецова (копия его сохранилась) осталось без ответа*.

Родные нашли маму только в 1964 г., спустя 10 лет после возвращения родителей из Сибири в Москву и через 17 лет после того, как мама перестала им писать.

---

* Через много лет (в 1971 г.), будучи уже первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР (Л. И. Брежнев), В. В. Кузнецов писал в письме моему отцу: «С большой теплотой вспоминаю годы, когда мы были учениками Гертруды, восхищались ею и любили ее. Незабываемы и встречи с ней в США».

А произошло это самым неожиданным образом. На очередной запрос американскому посольству в Москве пришел такой ответ: «По официальным каналам ничего выяснить не удастся, так как советские органы практически не оказывают нам содействия в поиске лиц, которые не являются гражданами США. Но... в телефонном справочнике Москвы 1960 года приводится адрес А.Н. Грампа. Попробуйте написать по этому адресу, может быть, это и есть муж Вашей дочери, которую Вы разыскиваете...»

О том, как была возобновлена переписка с Америкой, можно было бы написать рассказ с детективным сюжетом. Скажу только одно: радость была обоюдной и безмерной, родные мамы к этому времени были почти уверены, что ее давно нет в живых; мама же была счастлива узнать, что еще жив отец, которому в то время было уже под девяносто.

Меня часто спрашивают: почему мама после возвращения в Москву сама не попыталась возобновить связь со своими родственниками в Америке? Ответ, как я думаю, прост: все дело в принципах, которых она всегда придерживалась в своей жизни. Дело в том, что все эти годы я работал в так называемом почтовом ящике, и она прекрасно понимала, что переписка с Америкой, мягко говоря, ничего хорошего мне, как ее сыну, не сулит.

В 1966 г. мама получила от своих родных приглашение приехать на два месяца в Америку, чтобы увидеться после 33 лет разлуки. Мама сначала никак не соглашалась на поездку: не хотела на столь длительный срок оставлять отца. Но в итоге нам удалось ее уговорить. Потом долго пришлось «уговаривать» ОВИР, который, конечно, сначала ответил отказом. Сохранилась копия заявления, направленного моим отцом на имя начальника 2-го Главного управления КГБ. В нем, в частности, говорилось: «Отцу моей жены уже исполнилось 87 лет. Вполне

естественно его желание перед смертью увидеться с дочерью, которую он не видел более 30 лет. В самые страшные годы репрессий моя жена всем своим поведением доказала беспредельную верность и преданность не только мне, как мужу, но и своей второй Родине. В этих обстоятельствах мне представляется чудовищным отказ ОВИРа УКГБ гор. Москвы в разрешении моей жене на выезд в США для свидания с родными. Повторяю: всей своей жизнью она подтвердила, что заслуживает полного политического доверия».

В связи с возможной поездкой мамы в Америку меня вызвали в КГБ. О посещении этой организации тоже можно было бы написать немало. Во время длительного разговора я упрямо повторял: «Зная свою мать, я абсолютно уверен в том, что ее поездка в Америку не может нанести никакого ущерба нашей стране».

*Они учились в
Норильске: три
закадычных
школьных друга —
Лисюк, Грамп и
Калюсский.
Москва, 1979 г.*

В конце концов разрешение было получено и поездка состоялась.

Мама пробыла в Америке 60 дней, но душой и сердцем все это время она оставалась с нами. За два месяца мы получили от нее 50 писем — она писала почти каждый день. Это была счастливая и сказочная поездка. Всей своей нелегкой жизнью она заслужила этот подарок судьбы.

Уверен, что, несмотря на все выпавшие на ее долю тяготы и лишения, мама прожила интересную и счастливую жизнь. Особенно это относится к последнему, московскому периоду. Здесь она наконец обрела покой и относительное благополучие, познала радость общения с любимым внуком, как всегда, была окружена многочисленными друзьями, которые относились к ней с искренней любовью. Самыми близкими были, конечно, те, кто разделил с нами судьбу в Норильске, Ирше, Ишимбе. Трогательные отношения сложились у нее с уцелевшими соратницами отца по далекой комсомольской юности.

*Первая встреча выпускников норильской школы № 1
в столице. С фотоаппаратом — Джим Грамп.
Москва, Ленинские горы, 1979 г.*

*Их навсегда подружил Норильск (слева направо):
Мая Борун-Каратаева, Олег Ремейко, Джим Грамп,
Семен Калюсский. Москва, 1979 г.*

Она их называла «олд* комсомолками», они ее — «наша декабристка».

Благодаря любви и стараниям мамы отец и в 80 лет не превратился в старика. Он продолжал с утра до вечера работать, всегда был бодр, оптимистичен и жизнерадостен. Но все в этой жизни, увы, когда-нибудь кончается.

Отец умер, как и желал того всегда, мгновенно, как говорится, на полном ходу. Однажды, между какими-то двумя заседаниями, он зашел домой, прилег на кушетку немного отдохнуть, вскрикнул... и скончался. Мама позвонила мне на работу, я тут же приехал. Помню ее слова: «Вся жизнь — и одна минута...» Это было в марте 1983 г.

После смерти отца мама прожила два года. Она умерла 1 февраля 1985 г. от рака легких в возрасте 78 лет.

---

* Олд — старый (англ.).

Родители похоронены рядом на Ваганьковском кладбище в Москве.

Любимым увлечением мамы было чтение. В любых обстоятельствах она читала и перечитывала массу книг на русском и английском. Знатоки удивлялись, насколько хорошо она знала и глубоко понимала русскую литературу XIX в. (Толстого, Чехова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина).

По отзывам многих, мама хорошо владела пером (разумеется, писала на английском), но, к сожалению, не оставила после себя абсолютно никаких воспоминаний, дневников, записей. Страшный обыск 37-го оставил у нее неизгладимое впечатление. На всю жизнь запомнил слова мамы: «Я всегда стараюсь уничтожать все лишние бумаги. Если еще раз суждено пережить обыск, пусть он будет хотя бы не таким длительным».

Моей попытке записать ее воспоминания на магнитофонную пленку помешала какая-то «высшая сила». Летом 1984 г. я наконец уговорил ее начать

*Людмила Замятина и Джим Грамп.
Москва, 1981 г.*

делать такие записи. В один из дней поставил на журнальный столик магнитофон, приготовил стопку кассет, придвинул два удобных кресла и предложил приступить к делу. И вдруг она говорит: «Я себя так плохо чувствую, что сделать этого не могу». Я пишу «вдруг», потому что до этого она практически никогда не болела и на здоровье не жаловалась. Именно в тот день впервые появились симптомы страшной болезни, от которой она умерла через шесть месяцев... Мой замысел так и остался неосуществленным.

Казалось, абсолютно никаких воспоминаний человек не оставил. Но, очевидно, не зря говорится, что рукописи не горят. Жизнь иногда преподносит сюрпризы.

В 1989 г., через четыре года после смерти мамы, я получил приглашение от ее сестры (той самой, которая «переписывалась» с В.В. Кузнецовым) приехать к ней в гости в Америку. Уже не существовало более «железного занавеса», а экономический — еще не появился, так что поездка состоялась. Я впервые увидел своих американских родственников, которые многие годы воспринимались мною как нечто мифическое, нереальное.

В первый же день тетя не без гордости сообщила мне, что сохранила все мамины письма, которые та присылала в Америку, начиная с момента ее отъезда в кругосветное путешествие в 1930 г. Особенно меня заинтересовали те, которые мама присылала из Москвы в 1930–1931 гг., когда она впервые оказалась в России. Мой интерес к ним еще более возрос, когда мне показали сохранившиеся пожелтевшие экземпляры местной газеты «Youngstown Vindicator», где, как оказалось, эти письма регулярно публиковались в 1930—1931 гг. Сохранились также экземпляры американских газет 1931 г., где были опубликованы интервью, в которых мама после своего возвращения в Америку делилась своими впечатлениями о России. Письма и интервью молодой американки, прожившей в России почти год, цели-

ком занимали первые страницы газетных номеров и преподносились как репортажи из «горячей точки планеты» под крупными заголовками: «Россия восхищает девушку из Янгстауна», «Зима приносит тяжелые испытания москвичам», «Девушка из Янгстауна пересекает Кавказский хребет», «Американская учительница возвращается в Америку и рассказывает о советской России» и т. п.

Все эти газеты я привез с собой в Москву, но руки до них долго не доходили. Наконец летом прошлого года во время отпуска я решил перевести опубликованные в этих газетах письма мамы на русский язык. Конечно, они представляли для меня прежде всего личный интерес: у меня было ощущение, что я провел с самым близким мне человеком не только дни, которые я занимался переводом, но и тот далекий год, прожитый мамой в Москве 60 лет назад...

Итак, Москва, 1930-й ...

Гертруда
Кливанс

**Письма из России
в Америку
(1930–1931)**

...Не удивляйтесь, что я ничего не пишу о нашем прошлом. Постарайтесь понять меня правильно: во-первых, то, что мы пережили здесь после 37 года, просто невозможно изложить на бумаге, во-вторых, пережитое нами находится за пределами вашего воображения. Вы никогда не сможете понять и тысячной его доли, так как у вас нет адекватных критериев для оценок.

Поймите главное: я счастлива сейчас и была счастлива все эти годы, я не сожалею ни об одном из серьезных решений, которые принимала в своей жизни. Современную историю я познавала не из книг и журналов. Я сама жила в этой истории и была ее частью.

ВЛАДИВОСТОК

После поездки по Японии мы направились во Владивосток. На пароходе познакомилась с военным атташе советского посольства в Японии Примаковым, который возвращался из Японии в Москву. Примаков хорошо говорит по-английски, и мы попросили его рассказать нам о России. Он отнесся к нам очень благожелательно, много и интересно рассказывал. После бесед с ним у нескольких человек из нашей туристической группы появилась идея проехать по Транссибирской магистрали через всю Россию до Москвы.

Расположенный на холмах Владивосток нам очень понравился. С моря он чем-то напоминает Ванкувер. Этот город всегда представлялся мне каким-то концом света, теперь он, наоборот, казался началом нового мира.

Первый вечер и весь следующий день мы посещали клубы и заводы, встречались со студентами, рыбаками, рабочими. Здесь, на самой окраине страны, мы были сразу поражены всеобщим энтузиазмом и всеобщей верой в успех пятилетнего плана. Такое впечатление, что в этой стране все планируется и ничего не делается без конкретной цели.

НАШ ДОМ НА КОЛЕСАХ

Вскоре мы начали собираться в дальний путь. Нас не испугали фантастические слухи о том, что нас ждет в Сибири: отсутствие продуктов, поезда, которые едут со скоростью 20 миль в час, вредные насекомые и т. д.

В нашей группе было семь женщин и пять мужчин, из женщин я была самая молодая. Мы ехали в жестком купированном вагоне, у нас было три купе. В каждом купе два нижних и два верхних лежачих места, маленький столик и окно — таков был наш дом в течение десяти суток.

По утрам, если поезд останавливался на какой-нибудь станции, мы заполняли кипятком большой бак и приступали к завтраку. И хотя на остановках нельзя было купить никакой еды, я не помню, чтобы когда-нибудь завтракала с таким удовольствием, как в этом поезде.

Было интересно впервые оказаться в транссибирском экспрессе. В пути мы часто вспоминали подлинное значение слова «экспресс», особенно когда нашим мужчинам несколько раз приходилось расчищать путь от песка и земли после того, как поезд начинал пробуксовывать на подъемах. Однако, несмотря на все неудобства, впечатления от поездки были самые хорошие, и я никогда их не забуду. Идея провести десять дней на колесах и семь из них, пересекая Сибирь, на первый взгляд может показаться ужасной, но я не помню, чтобы когда-либо была так счастлива, как в эти дни.

Жизнь каждый день преподносит все новые и новые впечатления. Мне трудно описать мелкие детали, но и они производят большое впечатление. У меня, например, и сейчас перед глазами стоит группа крестьян у нашего вагона — обутые в лапти женщины, держащие в одной руке селедку, в другой — кусок хлеба. Именно такими я представляла русских крестьян в своем воображении.

Наш старый знакомый Примаков ехал в Москву в одном поезде с нами. Много времени мы провели в его купе, беседуя на разные темы. Там же мы познали все прелести вагона первого класса — там даже можно было вымыться.

У Примакова к пиджаку был приколот один из самых почитаемых здесь значков — значок бывшего политкаторжанина. В поезде мы разговаривали еще с двумя мужчинами, у которых были такие значки. Их рассказы о пребывании в тюрьме и на царской каторге я слушала с замирающим сердцем. Трудно представить, как эти люди, прошедшие тюрьму и ссылку, могут без всякой озлобленности снова работать с полной отдачей сил.

В поезде мы познакомились с учеными, экономистами, геологами. Трех я стала обучать английскому языку, сама начала сразу же после отъезда из Владивостока изучать русский. С момента, как я просыпалась (если я вообще засыпала!), время проходило в интересных разговорах за чашкой чая.

Из окна вагона мы любовались прекрасными видами России. На всем пути нас окружали бесконечные леса и горы. Неизгладимое впечатление производит Сибирь, особенно озеро Байкал. Трудно представить, что десять дней ты едешь по одной стране.

МОСКВА

И вот ранним утром мы подъезжаем к Москве. Несмотря на дождь, грязь и слякоть, у меня было приподнятое настроение. С вокзала мы сразу поехали в гостиницу. Старое, но довольно комфортабельное здание. Внутри очень холодно. Я заплатила за пять дней и купила билет до Берлина через Ленинград. Наш отель находится внутри древней Китай-городской стены в самой старой части города, совсем рядом с Красной площадью.

На следующее утро мы посетили музеи и Кремль, но практически только вечером увидели сам город. Передвигались по городу мы в основном пешком, машин в Москве очень мало.

Москва — это очень красивый город площадей и кольцевых бульваров. Вечером мы слушали оперу Римского-Корсакова в Большом театре. Театр роскошный, похож на оперные театры многих городов мира. Пожалуй, нигде в такой степени не заметны социальные изменения, вызванные революцией, как здесь. В золоченой центральной ложе, где раньше сидел царь со своей семьей, сейчас можно увидеть одетых в простую одежду рабочих.

Для страны, где нет безработных и общих выходных дней, Москва — исключительно переполненный людьми город. Мне кажется, что ни в одном другом городе мира на улицах нет такого количе-

ства людей, как в Москве. В любое время дня улицы забиты людьми, в переполненные трамваи невозможно войти, и Красная площадь представляется единственным местом, где всем вроде бы хватает места. Но сейчас даже там многолюдно. Недавно там открылся новый мавзолей Ленина, куда каждый день с утра до вечера выстраивается длинная очередь через всю площадь.

Сегодня, когда я была на Красной площади, впервые после наступления зимы, она мне показалась особенно красивой. Построенный из черного и красного гранита мавзолей, храм Василия Блаженного и готические стены Кремля, припорошенные снегом, — это было прекрасно. Мне кажется, что Красная площадь — самое русское место в Москве. Я никогда не устаю там гулять.

Особенно красива зимняя Москва ночью. Мне много об этом говорили, теперь я убедилась в этом сама. Интересно было бродить по тихим московским переулкам в первую снежную ночь и наблюдать, как девушки зажигают газовые фонари.

РЕШИЛА ЗАДЕРЖАТЬСЯ В МОСКВЕ

Меня очень заинтересовала Россия, и я решила на некоторое время задержаться в Москве. Чтобы иметь возможность себя прокормить, устроилась здесь на работу: преподаю английский язык группе советских специалистов. За эту работу я получаю 200 рублей в месяц. Через неделю у меня будет еще несколько групп, и я буду неплохо зарабатывать. Проблема в том, что заработанные здесь рубли можно тратить только в России, так что сколько бы я ни заработала, увозить отсюда деньги не имеет никакого смысла. Я, правда, хочу на эти деньги съездить в Ленинград и на Кавказ.

Три дня назад я временно поселилась в доме квакеров* и теперь являюсь, наверное, самой счаст-

---

* Квакеры — христианская протестантская секта (главным образом в Англии и США). В 30-е годы оказывала содействие иностранным специалистам, работавшим в Москве. (Примеч. пер.).

ливой женщиной в СССР, так как у меня есть отдельная комната! Москва настолько перенаселена, что здесь очень трудно снять не только комнату, но даже диван в чьей-нибудь квартире.

Я так заинтересовалась этой страной и настолько погрузилась в здешнюю атмосферу, что, кажется, ничего сейчас не знаю об остальном мире. Я даже почти совсем забыла, что недавно была в Китае и Японии. Забыла я и о днях недели: здесь нет ни начала, ни конца недели, каждый день имеет просто номер. Такое впечатление, что все работают без выходных.

ТЯЖЕЛЫЙ БЫТ

Кроме дней недели, я забыла также, что такое масло, белый хлеб, горячая вода, глаженная одежда, туфли на высоком каблуке, конфеты и многое другое. Скоро, наверное, буду с вождением смотреть на кусок мыла.

Чего я никогда не забуду — это капуста в любом виде: в виде супа, пудинга, десерта и т. д. Такое впечатление, что это — единственный продукт, который существует здесь в неограниченном количестве.

И что, наверное, запомнится навсегда — это бесконечные очереди абсолютно за всем, даже за хлебом и за капустой, даже в так называемые общественные столовые, где, кроме супа в алюминиевых мисках и компота из сухофруктов в стеклянных стаканах, обычно ничего не бывает.

Все здесь можно покупать только по карточкам и практически ничего нельзя приобрести в свободной продаже. Хотя в промтоварных магазинах нет в свободной продаже никаких товаров, они все равно переполнены: люди стараются приобрести здесь по карточкам хотя бы самое необходимое — нижнее белье, нитки и т. д.

Большинство людей ходят в какой-то бесформенной одежде. Такое понятие, как хорошо одетая женщина, здесь вообще отсутствует. Многие ходят

в рваной обуви, так как починить туфли просто нигде, а купить — тем более. Некоторые не имеют никакой другой обуви, кроме сандалий или тапочек. Женщины надевают на голову мужские кепки или береты, сделанные из носовых платков. Пальто здесь выполняет только одну функцию — сохранять тепло, ни о какой моде здесь речи нет.

Удивительная страна! Все это здесь никого особенно не беспокоит.

Этот год здесь считается особенно тяжелым: было произведено большое количество товаров и продовольствия, но очень многое из этого пошло на экспорт, чтобы на вырученную валюту можно было купить американское оборудование. В результате такой политики сейчас много сибирского масла в Китае и Германии, русских сигарет в Европе, украинского сахара в Турции, белого русского хлеба в США и т. д.

Зато здесь всего этого нет. Мясо выдается один раз в неделю рабочим, учителям и т. д., молоко — только детям, масло один раз в месяц, папиросы — только военным. Яиц, кофе и фруктов нет совершенно, сахар бывает эпизодически. Основное питание — овощи, чай и черный хлеб, но зато какой он вкусный, когда ты голоден!

Мое питание особым разнообразием не отличается. Единственное, в чем я уверена наверняка, — это в том, что завтраком и ужином буду обеспечена. Дело в том, что завтракаю и ужинаю я дома, а по содержанию завтрак от ужина ничем не отличается: и в том, и в другом случае это — хлеб и чай. Конечно, можно купить масло у спекулянтов, но это могут позволить себе только те, у кого есть очень большие деньги. Апельсины, виноград, яблоки и другие фрукты (то, что в Америке можно купить на каждом шагу) здесь практически отсутствуют, их можно купить только за очень большие деньги.

В большом дефиците здесь бумага, даже десять конвертов для писем мне продали по знакомству. Зато в городе много книжных магазинов, в которых

полно книг. Здесь все читают книги и газеты, и почти все где-нибудь обязательно учатся.

В сфере обслуживания здесь не проявляют ни малейшей спешки. Тебе могут обещать сделать что-нибудь завтра, а сделают только через две недели. Когда идешь на прием к какому-нибудь официальному лицу, не можешь быть уверена, что он окажется на месте. Я ко всему этому так привыкла, что уже забыла, что такое пунктуальность.

Я уже знаю язык достаточно хорошо, чтобы спросить, как куда добраться, и понять ответ. Мне кажется, что русские — наиболее приветливые и вежливые люди из всех иностранцев, с которыми мне приходилось встречаться. Слово «пожалуйста» — одно из самых часто употребляемых здесь слов. Многие спрашивают о моей семье: «Ваши родители не коммунисты?» — и когда я с улыбкой отвечаю, что нет, они недоумевают: «Как же они решили вам приехать сюда?»

ГODOVЩИНА РЕВОЛЮЦИИ

Хочу вам рассказать, как здесь отмечалась очередная годовщина революции. За много дней до праздника по всему городу развешивались плакаты, лозунги и флаги, сооружались трибуны. Всюду развешивались графики, отражающие ход выполнения пятилетнего плана.

7 ноября я проснулась в 6 часов утра, мне показалось, что еще ночь: я никогда не просыпаюсь раньше 9—10 часов. У нас были специальные пропуска на трибуну Красной площади, с которой мы должны были наблюдать военный парад и демонстрацию. Для того чтобы пройти через плотные кордоны милиции вокруг центра города, мне пришлось неоднократно предъявлять все мои документы, кроме разве что свидетельства о рождении. Мы уже было решили, что доберемся до Красной площади только в рядах демонстрантов, но все-таки нам повезло: мы оказались на трибуне.

Военный парад начался ровно в 9 часов, минута в минуту, он произвел на меня большое впечатление. В параде участвовали танки, пушки, конница, над площадью пролетали огромные бомбардировщики. Техника и солдаты, а также плывущие над площадью мощные звуки «Интернационала» внушали присутствующим уверенность в том, что Советский Союз никому не сдастся без боя и никогда не будет застигнут врасплох.

После военного парада началась демонстрация. Через громкоговорители над площадью звучали лозунги и призывы на четырех языках: русском, немецком, английском и французском. Периодически звучал главный призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В праздничных демонстрациях здесь участвует очень много рабочих и служащих, практически со всех заводов, фабрик и учреждений. В условиях царящего здесь всеобщего контроля рабочие и служащие боятся попасть в черные списки и поэтому почти поголовно участвуют в демонстрациях.

Все новые и новые тысячи людей с песнями, лозунгами и красными знаменами вступали на площадь. В этот день было холодно и сыро. Хотя я была обута в теплые американские туфли, домой вернулась простуженной. С сочувствием думала о тысячах демонстрантов, многие из которых были в спортивных или домашних тапочках.

На второй день праздника, 8 ноября, все рабочие и служащие, в том числе и мои студенты, были «вежливо приглашены» принять участие в субботнике — так здесь называется день бесплатной работы. Студенты в этот день разгружают картошку или капусту на овощных базах или дрова на железной дороге. Все участвуют в субботниках более или менее охотно. Здесь считается, что ученые, учителя, служащие должны регулярно заниматься физическим трудом, чтобы знали: буржуазная жизнь больше никогда не вернется.

Сейчас здесь повсюду создаются ударные бригады для того, чтобы завершить пятилетку в четыре года. Даже в моих учебных группах самые сильные ученики создали ударные бригады, которые помогают отстающим. Другой метод такой: одна из групп берет на себя повышенные обязательства и вызывает на соревнование другую группу.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА

С приходом холодов в Москве важной проблемой становится зимняя одежда. О, что бы я сейчас отдала за пару зимних американских ботинок! Здесь совершенно невозможно ничего купить, в том числе и зимнюю обувь. Деньги в Москве ничего не значат: вы можете иметь сотни бумажных рублей, но, если в магазине нет обуви, нельзя же одеть эти бумажные деньги на ноги!

Я сделала глупость, отослав часть своих зимних вещей домой в Америку с девушкой, которая была со мной в Китае и Японии. Ведь я не предполагала, что задержусь здесь надолго, и хотела избавиться от лишнего груза. Все американские специалисты, живущие в Москве (ученые, инженеры и др.), специально ездят в Берлин и Париж, чтобы купить там обувь, зимнюю одежду, мыло и другие вещи.

Хорошо, что в моей комнате в доме квакеров, где я временно живу, есть печка, которая не только согревает в холодную погоду, но и сохраняет тепло на следующий день. Недавно в нашем доме поселилась американская пара, с которой я познакомилась. Они, как иностранные специалисты, могут приобретать продукты и вещи в специальных магазинах. Иногда и мне вместе с ними удается проникнуть туда и кое-что приобрести.

Моя хозяйка хорошо готовит, умеет даже делать яблочный пирог, хотя мука здесь скорее коричневая, чем белая. Питаться дома — гораздо лучше, чем в общественной столовой, так что никаких трудностей с питанием я в данный момент не ис-

пытываю. Кроме того, часто в доме бывают интересные люди, и иногда мы засиживаемся за обеденным столом с трех до шести часов.

Сейчас у меня есть семь частных учеников, которых я тщательно выбирала, чтобы им было интересно заниматься со мной, а мне с ними. В процессе занятий стараюсь совершенствовать свой русский язык.

Одна из моих учениц — очаровательная девушка моих лет, которая изучает металлургию и иногда даже меня начинает обучать этому предмету. У нее очень интересные родители. Отец — старый русский аристократ с длинными седыми волосами, всегда одевает смокинг и галстук-бабочку. В их маленькой квартирке сохранились всякие роскошные вещи из прошлой обеспеченной жизни. Сестра моей ученицы окончила университет, знает четыре иностранных языка. Она — одна из моих учителей по русскому языку. В доме моей ученицы всегда бывает много интересных людей, среди них актеры, живущие в Москве немецкие коммунисты и др. Кроме того, ко мне приходят три ученика, хорошо знающие английский, которые хотят лишь практиковаться в разговорной речи. Я даже испытываю чувство неловкости за то, что получаю от них деньги, так как эти занятия только доставляют мне удовольствие. Как видите, для того, чтобы приятно проводить время, мне даже не надо выходить из своей комнаты!

Что касается тех групп, в которых я преподаю английский, там все идет нормально, мои студенты очень гордятся тем, что их преподаватель — настоящая американская учительница. Должна сказать, что я ни на йоту не утратила интереса к этой работе. Именно она больше, чем что-либо другое, удерживает меня в Москве.

Между прочим, староста одной из моих учебных групп, парень лет двадцати семи, последние несколько недель уделяет мне повышенное внима-

ние, а теперь после уроков провожает меня до дома. Как-то он сказал, что коммунизм отнимает у молодых людей много времени, которое можно было бы использовать для любви. Он занимает какой-то ответственный пост и уже два года не был в отпуске. «Мы привыкли только работать, работать и работать», — не раз повторял он. Все мои ученики относятся ко мне с большим участием и во всем стараются мне помочь.

У меня здесь много друзей, все дни и вечера обычно заняты. Часто мы организуем «party», хотя это слово звучит здесь довольно странно, особенно если учесть, что чай надо греть на примусе или на керосинке. Весь ужин — это в лучшем случае хлеб с маслом. Вот так за чашкой чая мы ведем долгие беседы на нескольких языках. Я осваиваю русский язык довольно быстро. Когда я разговариваю по-русски, никто не верит, что я здесь всего несколько месяцев.

У меня на столе лежит полдюжины начатых, но не оконченных писем. Найти здесь бумагу для писем так же трудно, как, например, календарь-еженедельник. Я ищу эту очень необходимую мне вещь уже несколько недель, но пока безуспешно. Пришлось самой соорудить нечто похожее.

В ПОИСКАХ ЖИЛЬЯ

Последний месяц я отношусь к тем москвичам, у которых нет ни своей комнаты, ни своей кровати. Я никогда не представляла раньше, что человек может оказаться в таком положении.

Дело в том, что женщина, которой принадлежит комната в доме квакеров, где я временно жила, неожиданно вернулась из Ленинграда. Она ко мне прекрасно относится, разрешила пока оставить вещи у нее, но комнату мне пришлось освободить, и я оказалась в критическом положении.

Очень трудно представить, что такое возможно в городе, где живет свыше миллиона жителей, но

тем не менее это так: я уже целый месяц ищу себе какое-нибудь жилье, но до сих пор не могу снять не только комнату, но даже угол. И у меня нет никакой реальной надежды что-нибудь найти. Боюсь, что оставшуюся часть зимы мне придется ночевать то здесь, то там, разве что не на скамейке в парке: там очень холодно. К счастью, у меня здесь много друзей, которые стараются мне помочь и, думаю, не оставят меня в беде.

Да, здесь нередко сталкиваешься с такими ситуациями, которые даже невозможно было представить дома, в Янгстауне.

Последние недели я пользовалась гостеприимством своих друзей, которые по каким-либо делам уезжали в Сибирь, в Берлин или на Кавказ. Несколько дней я прожила в комнате американского писателя Уильяма Генри Чемберлена, который любезно приютил меня на время своей поездки в Ленинград. Завтра уезжает на юг один знакомый американский инженер с женой, так что по крайней мере две недели я буду спать на их кровати.

Ситуация с жильем здесь не поддается описанию. Гостиницы всегда переполнены, частных домов здесь нет вообще. Сейчас я веду переговоры с одной супружеской парой — они живут в двух комнатах и хотят сдать мне альков в своей столовой. Если не удастся найти что-нибудь другое, придется воспользоваться этим вариантом.

В процессе поиска жилья я столкнулась с потрясающей необязательностью местных жителей: сначала они назначают что-нибудь на 15-е число, затем переносят на 20-е, а потом и вообще на следующий месяц. Такое случалось со мной так много раз, что мне кажется, я уже никогда не побегу, услышав: «Волк!»

Однажды я снимала койку в комнате у женщины, муж которой уехал в командировку в Сибирь. Он вернулся неожиданно, причем ночью, когда я спала. Проснувшись, я увидела, что он лежит на соседней кровати вместе со своей женой. А, собствен-

но, где же ему еще было находиться?! Пришлось срочно перебираться в другое место.

Не выглядит ли это парадоксальным? Имея работу здесь, в столице России, я в течение целого месяца не могу снять для себя хотя бы угол в русской семье. Несколько ночей мне пришлось ночевать на кухне у моих друзей. Эти ночи я провела там рядом с русской печью и миллионами клопов. Знаете ли вы, что такое русская печь, на которой варят еду? Она делается из кирпичей и занимает половину кухни. Для того чтобы хоть немного обезопасить себя от клопов (между прочим, этот дом считается одним из самых чистых в Москве), раскладушку надо располагать достаточно далеко от стены. Ну а тараканы — это безобидные насекомые. Каждый вечер они группировались в одном из углов потолка, и я имела возможность следить за их тактическими со-вещаниями.

Надо сказать, что с кроватными клопами я по-знакомилась здесь давно и уже научилась на ощупь различать тараканов, блох, вшей и клопов. Ничего удивительного в этом нет: почти каждый просыпается здесь среди ночи, чтобы выяснить, какие насекомые атакуют его на этот раз. Теперь я уже ко многому привыкла и даже не боюсь, когда у меня в ногах спит кошка, которая проникает в мою комнату через форточку. Правда, когда она впрыгнула в первый раз, я решила, что за мной пришли из ГПУ!

Откровенно говоря, у меня уже не хватает терпения преодолевать трудности, связанные с отсутствием жилья. Вот уже шесть недель я не имею пристанища, и похоже, что не буду иметь его еще шесть месяцев. Если бы я не была уверена, что через 24 часа пожалею об этом, я бы уже давно взяла билет и уехала домой в Америку. Но мне почему-то кажется, что даже в самых безвыходных ситуациях происходит что-то неожиданное, и положение меняется к лучшему. Это именно то, на что я надеюсь.

НОВОСЕЛЬЕ

У меня большая радость: наконец-то мне удалось снять если не комнату, то хотя бы часть комнаты (здесь это называется «снять угол») у одной женщины, которая работает медицинской сестрой. Так как дом, в котором я поселилась, не совсем обычный для Москвы, хочу подробно описать вам мое новое жилище.

Этот дом является одним из первых кооперативных домов, которых пока не так много в Москве. В нем живут работники аппарата советского правительства — Совнаркома. За квартиру они внесли вступительный взнос (300 рублей), а затем в течение 25 лет должны выплатить стоимость квартиры — около 3 тыс. рублей. Квартиры принадлежат жильцам пожизненно, и при желании они могут сдать часть площади, как это сделала моя хозяйка, поселив в своей комнате меня.

Комната, в которой мы живем с хозяйкой, по здешним меркам довольно большая (она примерно такого же размера, как первый холл в нашем доме в Янгстауне). В комнате есть диван-кровать, на которой сплю я, и малюсенькая софа, на которой каким-то образом ухитряется спать хозяйка. На днях она надеется приобрести раскладушку через своего знакомого, работника ГПУ, — это единственная организация, имеющая магазины, где можно приобрести мебель.

Есть здесь и некоторые удобства. Имеется небольшая кухонька размером с самый маленький чуланчик в нашем доме в Янгстауне. На кухне газовая плита, что является здесь большой редкостью. Правда, прежде чем поднести спичку к горелке, надо встать на табуретку и где-то под потолком повернуть три рукоятки. Зато в любой момент мы можем иметь горячий чай и даже сварить обед, не разжигая печь. В кухне есть водопровод, из крана всегда течет ледяная вода, от которой коченеют руки.

В нашем крыле дома на десять квартир есть

две ванны и даже телефон. Чтобы такие два удобства, как ванна и телефон, были одновременно — это здесь неслыханная редкость. Дом поддерживается в идеальной по здешним меркам чистоте. Здесь абсолютно тихо и почти не слышно детей. А мне приходилось жить в коммунальных квартирах с одной кухней. Теперь вы можете себе представить, какое счастье я обрела!

Комната в моем распоряжении почти целый день, так как хозяйка работает с 9 до 5. Вечером она занимается общественной работой, я тоже обычно чем-то занята, так что мы почти не видимся. Хозяйка почти ничего не готовит дома (обедает на работе), так что я могу пользоваться кухней и иногда варить себе обед. Конечно, это не сравнить с огромной коммунальной квартирой, где на общей кухне несколько семей готовят еду на керосинках и примусах. Причем перед тем, как зажечь горелку, примус надо довольно долго подкачивать, а уже когда он начинает работать, кажется, что включился заводской гудок! В такой обстановке пропадает всякий аппетит!

ПОСЫЛКА ИЗ АМЕРИКИ

Одновременно с новосельем произошло еще одно счастливое событие: я наконец получила долгожданную посылку от вас! Все, что в ней было, пришло в целости-сохранности, в том числе и пишущая машинка, на которой я печатаю это письмо. Особенно я обрадовалась различным мелочам, которые, очевидно, вложила мама: иголки, нитки, мыло, эластичный пояс для чулок (здесь этот предмет туалета вообще неизвестен) и даже сахар. Сейчас, правда, сахар здесь появился, но я его оставлю на черный день!

Туфли — прекрасные, они мне хорошо подошли. Так как здесь многие ходят практически круглый год в галошах, постараюсь их сохранить как можно дольше. Знаете ли вы, что здесь заказать туфли у частника стоит 200 рублей, а это — единственный

способ приобрести обувь. Очень обрадовалась чулкам: последние дни буквально нечего надеть.

На почте за посылку с меня хотели взять 300 рублей. После того как я обошла множество кабинетов, удалось уговорить начальство, чтобы с меня взяли только 43 рубля, как с иностранного специалиста. Но и это — больше, чем 20 долл., или почти половина моей квартплаты. Еще 11 рублей пришлось заплатить за доставку посылки из Ленинграда в Москву. Мне очень не хотелось платить такие деньги, но и оставаться без вещей я уже не могла. Домой я привезла посылку на дрожках (так здесь называется конная санная повозка). Это мне стоило почти столько же, сколько доставка посылки из Ленинграда в Москву.

Кроме этих затрат мне пришлось только что заплатить 28 рублей одной знакомой, давшей мне свои галоши, которые я успела полностью износить. В итоге на данный момент я осталась практически без денег да еще с долгами. Воистину, за удовольствие надо платить!

К сожалению, с посылкой не обошлось без накладок. В телеграмме я просила прислать три моих вязаных костюма, но вы, наверное, не так поняли текст и вместо этого прислали три комплекта нижнего теплого белья. Но я все равно счастлива — теперь у меня есть жилье и зимняя одежда!

ПРОЦЕССЫ НАД «САБОТАЖНИКАМИ»

Последнее время здесь повсюду проходят шумные процессы над так называемыми саботажниками. Особенно много разговоров о последнем из этих процессов. Сначала все обвиняемые были приговорены к смертной казни, а затем правительство неожиданно проявило великодушие и заменило смертные приговоры тюремным заключением. Большинство людей этого понять не могут. Дело в том, что только что их заставляли маршировать под знаменами и требовать смертной казни саботажникам, и

вдруг приговоры отменяются. Сегодня утром мои студенты рассказали мне, что на заводах и фабриках происходят стихийные митинги, на которых рабочие протестуют против решения ЦИКа об отмене смертных приговоров.

Психология, которая лежит за всем этим, представляет большой интерес. Очевидно, никто не знает и, наверное, никогда не узнает, справедливы ли все эти приговоры.

Технические специалисты запуганы продолжающимися арестами. Каждый инженер дрожит от страха, думая, что он будет следующим. Если по одной из многих причин, оправданных или объяснимых, какой-то проект осуществляется не так, как это было запланировано, всегда можно ждать обвинения в саботаже. Выходцы из буржуазных семей боятся, естественно, вдвойне.

Здесь циркулирует много слухов о восстаниях и покушениях. Хотя большая их часть оказывается вымыслом, все время есть ощущение, что где-то может прорваться недовольство народа, который в общем-то находится в отчаянном положении. Государство всячески старается убедить население в том, что виновником всех трудностей являются контрреволюционеры и саботажники.

Шествия и митинги, требующие смертной казни контрреволюционерам и саботажникам, здесь организуются довольно часто. Предприятия и учреждения на это время закрываются, улицы перекрываются веревками и барьерами. В эти часы по городу распространяется много слухов, в том числе слухи об убийстве Сталина и других руководителей. После завершения шествий трамваи снова начинают перевозить огромные массы людей из одного конца города в другой.

В газетах и по радио такие марши и демонстрации преподносятся как выражение воли народа, но, для того чтобы их правильно оценивать, надо иметь

в виду, что они носят по существу принудительный характер.

В эти дни в Москве происходит важное событие — идет суд над очередной «бандой контрреволюционеров». Думаю, что вы читали об этом в американских газетах. Здесь из этого делается большое шоу. Вчера тысячи рабочих маршировали по улицам и требовали смертной казни «вредителям», как здесь называют контрреволюционеров. Сегодня по специальному билету я присутствовала в качестве зрителя на одном из заседаний этого суда. На меня все это произвело огромное впечатление, но об этом расскажу вам при встрече.

Вообще, писать письма отсюда довольно трудно. С одной стороны, мне кажется, что можно описывать все, как оно есть на самом деле, так как создается впечатление, что власти все равно знают все обо всех. (Здесь шутят, что даже если ты во сне переворачиваешься на другой бок, кто-то тут же сообщает об этом властям!) С другой стороны, многие советуют быть осторожней и осмотрительней в письмах. Так что имейте в виду, что многое из того, что я хотела бы написать вам, я не пишу. Я даже иногда сомневаюсь в том, что все ли мои письма доходят до вас. Иначе почему вы так часто присылаете обеспокоенные телеграммы?

Обо мне не беспокойтесь и не волнуйтесь. Я здорова, счастлива, меня окружают прекрасные люди, у меня очень интересная работа. Да, кстати, не верьте, пожалуйста, тому, что пишут о России американские газеты. На самом деле здесь по крайней мере в три раза хуже, чем они об этом пишут!

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Моя основная работа оказалась очень интересной. Все ученики в моей группе окончили советские технические вузы и сейчас занимаются только английским языком, так как их готовят к поездке в Америку для учебы в аспирантуре. Я занимаюсь с

ними два часа каждый день, причем мои занятия состоят только из разговорной практики. За одно такое занятие мне платят 12 рублей, что весьма даже неплохо. Считается, что это очень важная работа, поэтому сейчас я пользуюсь всеми льготами, которые полагаются иностранным специалистам.

Директор института, при котором работают наши курсы, только что был назначен на место Рамзина, недавно осужденного лидера так называемой промпартии. Некоторое время назад меня попросили дать частные уроки двум высокопоставленным лицам — членам Высшего экономического совета и ЦИКа. Как видите, я здесь общаюсь с высшими кругами! А вообще я решила больше частными уроками не увлекаться, чтобы оставалось больше времени для занятий русским языком и для других интересных дел...

Конечно, будучи неплохо обеспеченной, относительно сытой и тепло одетой, трудно оценить реальное положение местных жителей, но, даже наблюдая со стороны, можно многое понять. Я считаю, что здесь даже хорошо зарабатывающие люди не могут чувствовать себя удовлетворенными жизнью. Они не голодают, но никогда не имеют полноценных продуктов. Витамины, зеленые овощи, яйца, фрукты для большинства людей недоступны. Когда заходишь в магазины для дипломатов и иностранных специалистов и видишь продукты, выставленные там на витрине, удивляешься, как местные жители не выламывают двери этих магазинов каждый день.

В государственных магазинах сейчас нет практически никаких продуктов, даже моркови и капусты. Чем больше наблюдаешь здешнюю жизнь, тем больше понимаешь, что русский народ — самый терпеливый народ в мире. Все знают, что все лучшее, производимое в стране, отправляется за границу, но никто против этого не протестует.

Единственное, что можно купить по карточкам каждый день, — это хлеб. Мне, например, полагает-

ся маленькая булочка, и ничего больше. К хлебным карточкам прикреплены карточки на другие продукты, причем каждая карточка имеет свой номер. Если в магазине что-то продается, например: крупа, макароны, лапша или мелкие сушеные фрукты для компота, — то на стене магазина вывешивается объявление о том, что сегодня по такому-то талону можно получить столько-то лапши и т.д. Тут же у магазина выстраивается длинная очередь, которая сохраняется до тех пор, пока не кончится данный продукт.

Папиросы сейчас не продаются, а распределяются по заводам и предприятиям, причем для их изготовления нередко вместо табака используются капустные листья. Одной затяжки достаточно, чтобы понять, что это не табак. Конфеты делают из соевых бобов, хотя на вид они как шоколадные. В магазинах нет даже овощей, вся картошка мерзлая и несъедобная, одна морковка стоит 25 коп. Теоретически дети должны получать молоко каждый день, но не думаю, что оно им достается чаще, чем раз в неделю...

Сейчас правительство делает все, чтобы к концу года возможно большее количество денег оказалось в его руках. Поэтому в кооперативные магазины поступили такие экзотические продукты, как ветчина, бекон, сыр, колбаса и другие продукты, которые до недавнего времени можно было купить только на черном рынке. Теперь по таким же баснословным ценам их можно купить в кооперативных магазинах. Таким образом, за килограмм сыра в государственном магазине человек должен заплатить 20 рублей. Это выглядит странно в стране, где так много говорят о коммунизме.

Сейчас декабрь, погода стоит довольно холодная, сегодня, например, 21 градус по Цельсию (12 — по нашему). Меня все предупреждают, что в феврале — марте может быть еще холоднее. С наступлением холодов я с ужасом думаю о людях, которые уже с

3–4 часов утра занимают очередь в магазины за продуктами и товарами. Зимой здесь усугубляются и транспортные проблемы. Дело в том, что зимой люди одевают настолько утепленные пальто, что в трамвае занимают вдвое больше места, чем летом. Трамваи не отапливаются, поэтому в холодный день даже приятно оказаться зажатой в толпе — это единственный способ согреться. Окна обычно покрыты льдом, так что никто не знает, когда какая остановка. Поэтому с момента, как тыходишь в трамвай и до самого выхода, нужно протискиваться вперед и при этом непрерывно спрашивать: «Вы там-то выходите?» Входить в трамвай можно только через заднюю дверь, а выходить — через переднюю, так что вся поездка проходит в борьбе не на жизнь, а на смерть за то, чтобы добраться до передней двери.

Здесь не бывает часов пик. С утра до вечера повсюду толпы людей, в трамвай можно сесть только с большим трудом.

На днях со мной произошел забавный случай. Так получилось, что я вошла в трамвай через переднюю дверь, хотя это строго запрещено: этим правом обладают только женщины с детьми и инвалиды. Вместе со мной вошли еще четыре человека, не имеющие на это права. Шестым, как оказалось, был контролер! Он быстро оштрафовал четырех вошедших со мной нарушителей (по 3 рубля с человека) и попросил предъявить документы меня. В ответ я улыбнулась и сказала ему по-английски: «А пошелка ты к черту!» Он сразу изменился в лице, стал объяснять пассажирам, что я член иностранной делегации, провел меня в глубь вагона и заставил какого-то мужчину уступить женщине место (неслыханное здесь дело). Как видите, отношение к иностранцам здесь уважительное!

Я тут познакомилась с известными корреспондентами некоторых американских газет, в том числе с Альбертом Р. Вильямсом. На днях была приглашена на чай к представителю Юнайтед Пресс.

Вы бы видели меня на этом приеме! На ногах у меня были стоптанные туфли для игры в гольф, одета я была в белый вязаный костюм с двумя заплатами, на шее — красный шарф, в руках — голубая сумка. Даже такой нелепый и более чем скромный наряд здесь считается шикарным.

Вообще вам, конечно, трудно понять наши радости. Недавно, например, приобрела себе резиновые боты — сейчас это самая ценная вещь в моем гардеробе. Они мне ужасно жмут, тяжелые, как валенки, но зато они резиновые!

А в общем-то я здесь ни в чем не нуждаюсь. Зарплаты мне вполне хватает, так как деньги я трачу только на еду и жилье. Все равно их тут тратить не на что, ведь купить ничего нельзя.

Меня окружает много хороших и добрых людей, у меня есть близкие друзья и очень интересная работа. Жизнь вокруг становится интереснее с каждым днем, и мне кажется, что на свете сейчас нет другого места, где бы я хотела быть больше, чем здесь.

В ОТПУСК НА КАВКАЗ!

Мои ученики, советские инженеры, которым предстоит учеба в аспирантуре американских университетов, окончили занятия 15 апреля, сдав экзамен по английскому языку. Экзамены принимали американские профессора, специально приехавшие для этой цели в Москву.

Вечером в день экзамена я устроила у себя ужин для моих учеников. В комнату каким-то образом втиснулось очень много людей. Я их постаралась накормить настоящими американскими бутербродами и салатами. Было такое впечатление, что за столом собрались представители всех национальностей Советского Союза (не было разве что эскимосов!). Ребята прекрасно исполняли русские, украинские и кавказские танцы. А когда они пели, можно было заслушаться.

Так как результаты вступительных конкурсных экзаменов будут сообщены из Нью-Йорка не так скоро, у слушателей курсов оказалось свободное время, и им предоставили отпуск. Мы, группа из шести человек (две американки и четверо советских парней), решили провести свой отпуск на Кавказе. Свои планы мы держали в секрете, иначе наша группа могла бы увеличиться с шести человек до пятидесяти!

Зная, что с питанием на юге, мягко говоря, не очень благополучно, мы со второй девушкой-американкой с помощью магазина для иностранных специалистов заранее заготовили питание, главным образом консервы. Наш расчет оказался точным: последнюю банку мы открыли за три часа до возвращения в Москву!

В нашей группе было четверо советских парней в возрасте 27–28 лет. Трое из них — инженеры-электрики, один — Саша Грамп — железнодорожник. Как железнодорожник, он может везде доставать билеты на поезд — очень редкое и важное преимущество в этой стране!

21 апреля мы выехали из Москвы. В поезде быстро подружился и стали называть друг друга по имени: Саша, Петя (Питер), Женья (Юджин) и т.д. Меня все называли «Гертрудочка».

Когда путешествуешь по этой стране, все необходимое в пути ты должен брать с собой. Дома остается разве что только кровать (постельное белье тоже надо брать с собой!). Но в наших рюкзаках, кроме питания, практически ничего не было. Мой личный багаж состоял из зубной щетки и нескольких блузок.

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Мы ехали в вагоне третьего класса, который здесь называется плацкартным. На этот раз — никаких отдельных купе (как было в трансибирском экспрессе), в вагоне — одни полки-лежанки и никаких перегородок. Вагона-ресторана в поезде не было, на остановках — только кипяток.

Два дня в поезде прошли интересно и весело. Мы даже пытались научить наших спутников петь на английском языке негритянские песни. В первый пункт нашего маршрута — город Пятигорск, расположенный у подножия Кавказских гор, мы приехали поздней ночью.

На вокзале сонный кучер предложил довести нас до гостиницы на дрожках за 15 рублей, но мы гордо отказались и предпочли пройти двухкилометровый путь по пустынным бульварам пешком. В гостинице дверь оказалась закрытой, и пришлось долго стучать, чтобы разбудить швейцара. (Кстати, в России вообще все гостиницы закрываются в 12 часов, и опоздавшим постояльцам приходится виновато оправдываться, как провинившимся школьникам.) Открыв дверь, швейцар сказал, что гостиница закрыта по техническим причинам и он нас впустить не может. Однако увидев, что мы основательно устраиваемся на мраморных ступенях гостиницы и не собираемся уходить, он все же открыл нам несколько комнат, но сказал, что ни света, ни постелей не будет. Но, как здесь говорят, «ничего» — нас это вполне устроило.

Из Пятигорска на пригородных поездах мы ездили в Минеральные Воды и Кисловодск, которые славятся своими источниками. Сразу бросилось в глаза, что в магазинах здесь гораздо больше продуктов и товаров, чем в Москве. В столовых выбор тоже гораздо лучше. К примеру, наш завтрак выглядел так: ветчина, яичница из трех яиц, кофе, простокваша, булочки (почти такие же вкусные, как в Америке). К сожалению, это изобилие продолжалось для нас всего два дня. Больше всего нам понравился Кисловодск. Он чем-то напоминает американские курортные городки.

Дальнейший план нашего маршрута был таков: на поезде доехать до Владикавказа, а оттуда по знаменитой Военно-Грузинской дороге пересечь Кавказский хребет и попасть в столицу Грузии — Тифлис.

Во Владикавказе мы узнали, что дорога открыта только на участке протяженностью примерно 60 км, а дальше все занесено снегом и проезда нет. Но мы свой план решили не менять: иначе нам пришлось бы ехать кружным путем через Баку, а это было бы слишком долго и дорого.

Мы рискнули и договорились с одним водителем, что он нас довезет хотя бы до конца открытого участка дороги. Казалось, что его грузовичок (развалюха 1914 года выпуска) состоит только из бензобака и четырех колес, но вскоре выяснилось, что он все-таки может передвигаться.

Когда мы тронулись в путь, кругом была весенняя зелень, снег виднелся только на вершинах довольно далеких от нас гор. Однако постепенно дорога становилась все более заснеженной, ехать было все труднее и труднее. Наконец, когда мы доехали до малюсенькой деревушки Кобе, водитель сказал, что двигаться дальше невозможно, посадил нас, развернулся и уехал. Представляете наше положение?

С помощью знаков и мимики стали объяснять подошедшим крестьянам, что нам бы нужно одну-две лошади, чтобы продолжить путь. После долгого совещания они привели двух лошадей, запряженных в сани. Одна лошадь выглядела неплохо, но вторая, казалось, должна упасть через пять шагов. Мы привязали наши рюкзаки к лошадям и вместе с двумя проводниками тронулись в путь. Трое из нас ехали на санях, трое шли пешком. Снег был такой глубокий, что лошади еле передвигались. Мы решили идти вперед, оставив вещи на лошадях, и договорились с проводниками, что будем ждать их в следующей деревушке.

ПО КРЕСТОВОМУ ПЕРЕВАЛУ

Это было, наверное, самое серьезное испытание в моей жизни. Без какого-либо снаряжения и специальной одежды целый день мы шли по глубокому мокрому снегу, проваливаясь в него иногда до под-

мышек. Передвигались группами по два человека, помогая друг другу выбираться из снежных ям. Мы были абсолютно вымокшими, но, пока мы шли, нам не было холодно. Останавливаться было опасно: в этом случае мы могли бы просто замерзнуть. Падая и поднимаясь, мы продолжали движение вперед.

Кругом была абсолютная тишина, нас окружали только горы и снег, снег, снег... Время от времени на одной из вершин мы видели большой крест, напоминавший нам название перевала, по которому мы пересекали Кавказский хребет, — Крестовый.

Когда уже начало темнеть, совершенно обессиленные, мы наконец вышли к небольшому одинокому дому, в котором жила грузинская семья. Хозяева встретили нас очень гостеприимно, как старых друзей. Внутри их дом оказался (совершенно неожиданно для нас) вполне современным и хорошо обставленным. В нем не хватало разве что только водопровода.

Нам выделили лучшую комнату с тремя кроватями, на каждой из которых была гора одеял и подушек (почти до потолка). Хозяйка внесла в комнату большой медный таз, сверкающий, как солнце, и, налив в него воду, предложила нам сначала вымыть ноги. Все это напоминало мне сцены из библии.

Пока мы мылись и сушились, к дому на лошади подъехал один из наших проводников. Вторая лошадь, как выяснилось, не смогла преодолеть Крестовый перевал и вернулась. Мы с жадностью набросились на привезенные проводником продукты, забыв о том, что они строго рассчитаны на все дни нашего путешествия. Мы, наверное, никогда не спали так крепко, как в эту ночь...

Встали мы в 4 часа утра, чтобы начать движение до того, как солнце растопит верхний слой снега. И действительно, снег под нашими ногами был твердый и гладкий, как мрамор. Утро было прекрасным, такой красоты я никогда не видела. По срав-

нению со вчерашним днем все было так хорошо, что мы впали в какую-то эйфорию: пели и даже плясали, совершенно не подозревая, что нас ждет новое приключение.

После 5 часов бодрого продвижения вперед «дорога», по которой мы шли, вдруг уперлась в край глубокой пропасти. Далеко внизу мы увидели речку и автомобильную дорогу. Нам стало ясно, что мы сбились с пути...

Положение казалось безвыходным, но, к счастью, нам повезло — вскоре мы встретили одного грузина, который знаками объяснил нам, как спуститься к дороге. Спуск был крутой, долгий и очень опасный. Мы с трудом удерживали друг друга, чтобы не скатиться вниз. К концу спуска у всех кружилась голова.

ЗА КАВКАЗСКИМ ХРЕБТОМ

И вот наконец мы у реки, у дороги. Здесь снова была весна, и трудно было представить, что совсем недавно вокруг нас был только снег. Примерно через час к нам присоединился наш проводник с багажом. До ближайшего поселка, где можно было сесть на автобус, мы добирались на двухколесной повозке (здесь она называется «арба»). На автобусе до Тифлиса мы ехали еще пять часов (четыре раза у нас прокалывались колеса, очевидно, из-за каменистой дороги).

Тифлис очень красивый город — много прекрасных бульваров и парков, много современных зданий рядом с глубокой стариной. Мы остановились в гостинице «Восток», лучшей в городе. Думаю, что нам удалось туда попасть только потому, что среди нас было двое обладателей иностранных паспортов.

С продуктами в Тифлисе гораздо хуже, чем на Северном Кавказе. Мы заплатили полтора рубля за фунт жуткого черного хлеба. Яиц и мяса здесь практически нет. В гостинице мы познакомились с одним американцем, брокером из Бостона, который

в одиночку путешествовал по Кавказу. Он сказал мне, что никак не мог себе представить, что выпускница Гарвардского университета может иметь такой «пролетарский» вид.

Из Тифлиса на поезде мы поехали в Батуми. На этот раз мы оказались даже не в плацкартном, а в так называемом общем вагоне. Общий — это значит, что в вагон набивается столько людей, сколько смогло в него втиснуться. На нижней полке, предназначенной для одного человека, размещаются пятеро, на верхней — трое и даже на третьей полке (где-то под потолком) спят дети и подростки.

Один из наших парней — Саша Грамп имел специальный ключ, которым мог открывать все двери в любом вагоне. После жуткой посадки, которая не поддается описанию, он открыл своим ключом купе, предназначенное для проводников, и впустил нас туда. Когда к нам подошел дежурный по поезду, Саша сказал ему, что он сопровождает американскую делегацию, которая направляется на первомайские торжества в Батуми, и что данное купе должно быть предоставлено этой делегации. Дежурный не возражал, и мы стали обладателями отдельного купе!

В Батуми завершилось наше ни с чем не сравнимое увлекательное путешествие по Кавказу. Первый раз в жизни я путешествовала без копейки денег в кармане. Дело в том, что во время поездки мы жили коммуной: перед отъездом собрали по 400 рублей с каждого, и все деньги находились у одного нашего парня, который за все и расплачивался. При мне была только расческа. Даже мой паспорт все время находился в кармане у Саши Грампа...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Из первого после 17-летнего перерыва письма Гертруды Кливанс родным в Америку) Москва, 5 августа 1964 года.

...Не удивляйтесь, что я ничего не пишу о нашем прошлом. Постарайтесь понять меня правиль-

но: во-первых, то, что мы пережили здесь после 37 года, просто невозможно изложить на бумаге, во-вторых, пережитое нами находится за пределами вашего воображения. Вы никогда не сможете понять и тысячной его доли, так как у вас нет адекватных критериев для оценок.

Поймите главное: я счастлива сейчас и была счастлива все эти годы, я не сожалею ни об одном из серьезных решений, которые принимала в своей жизни. Современную историю я познавала не из книг и журналов. Я сама жила в этой истории и была ее частью.

Посвящается отцу

*Был богом Ленин долгие года.
Им и о нем написаны тяжёлые тома:
О чуткости его и простоте,
О скромности и доброте,
Как он животных и детей любил,
Товарищей по партии ценил,
И верно дружбу их хранил.
Навязывали с детства нам «воспоминания» о нем,
Насквозь промокшие враньем.
От нас скрывали,
                    что он цвет России расстрелял,
И лучшие умы в изгнание сослал.
Что церкви он разрушить приказал,
Служителей их в тюрьмы посадил,
Детей их по миру пустил
                    и всю Россию разорил.
И до сих пор в своих библиотеках мы храним
                                    вранье, написанное им.
Спросила я у Бога,
                    что в доме у меня есть негодное Ему.
И высветились книги Ленина,
                                    лежащие в углу.*

8-9.01.1997 г.

И. Евзерова (Качурина)

Моисей Евзеров:

*«Нераскаявшийся враг
вновь в строю борцов за
индустриализацию своей
страны, за Социализм...»*

Главный герой записок — Михаил Ильич Левин. Как легко догадается читатель, Моисей Исаакович Евзеров пишет о собственной горькой судьбе. Почему он скрылся за псевдонимом? Его дочь И. Евзерова-Качурина утверждает: когда отец описывал свою жизнь в ГУЛАГе от третьего лица, он все-таки меньше переживал, старался отстраниться от личных невзгод. Если это в принципе возможно.

М.И. Евзеров

А может, помимо его воли вмешался страх? В.М. Казарцев, много лет знавший Моисея Исааковича, был потрясен рассказом М.И. Евзерова о поездке после реабилитации на родину. Не успел он приехать в Донбасс, как его вызвали в КГБ:

— Сколько вам надо времени, чтоб собраться?

Заикающимся голосом Евзеров попытался было сказать о своей реабилитации, но его оборвали:

— Откуда приехал, немедленно туда!

Значит, опять в Норильск. Вот тогда-то на нервной почве Моисей Исаакович почти потерял зрение.

Как бы то ни было, у самого автора уже не спросишь: Моисей Исаакович Евзеров умер 15 лет назад. Его записки принесла в клуб норильчан «69 параллель» дочь. Они публикуются впервые.

Записки горного инженера

ПУТЬ В НОРИЛЬСК

Все заключенные Красноярского пересыльного лагпункта, в том числе я, Михаил Ильич Левин, с нетерпением ждали отправки в Норильск. Прельщала поездка по Енисею. После двух лет пребывания в тюрьме и в обнесенном колючей проволокой и теперь уже шумном многолюдном лагпункте поездка по Енисею, возможность любоваться его живописными берегами казались необычно увлекательными. Конечно, каждый понимал, что на пароходе будет усиленный конвой, но к этому уже привыкли и научились рассматривать охрану как неизбежную деталь любого пейзажа. Арестанты шутили. Если они когда-нибудь освободятся и вернутся домой, то в дверях сделают волчки и за дверью поставят надзирателя. Без этого они не смогут уснуть: им все будет казаться, что чего-то не хватает. Привычка — вторая натура.

В ясный июньский день этап арестантов подошел к Енисею. Широкая лента могучей реки ослепительно сияла, переливаясь причудливыми оттенками стали и серебра. Безоблачное голубое небо, отражаясь в воде, придавало ее зеркальной поверхности впечатление спокойствия, мира. Река безмятежно нежилась под лучами горячего летнего солнца. Еле заметно набегала на берег легкая волна. Эх! Снять бы всю одежду, броситься в холодную воду реки и плыть, плыть без конца, смывая с себя всю грязь, горечь и думы последних лет.

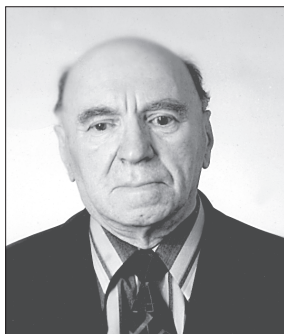
Но где же пароходы? Чтобы поднять массу людей, рассеявшихся вдоль берега, нужна целая флотилия. А вблизи стоят только огромные баржи. По видимому, в них грузы для Норильска, и пароходы возьмут их на буксир.

Святая наивность. Зэки полагали, что их повезут на пароходах, дадут возможность любоваться Енисеем!

— Встать, взять вещи. Двигаться вперед. Задним подтянуться, — раздается команда конвоя.

Медленно зашевелились передние ряды. Извилистой колонной потянулся за ними весь этап. Вот уже первые заключенные подошли к трапу одной из барж и начали подниматься по нему. Голова колонны исчезла в чреве баржи, и она начала, как китайский фокусник, втягивать в себя и проглатывать человеческую ленту.

Михаил Ильич опустился в баржу. Крутая лестница вела в трюм. По обеим сторонам неширокого прохода высились три этажа деревянных пустых нар. Было темновато и холодно. Солнечные лучи слабо проникали через люк, у которого стояла охрана. Левин занял место в среднем ряду. Расположился с вещами на нарах. По обе стороны от него оказались заключенные мариинского этапа. Хорошо, что хотя бы рядом свои, знакомые люди. За время этапа заключенные, отбывавшие срок в одной тюрьме, ближе познакомились, сблизились и теперь старались держаться друг друга. На палубу заключенных не выпускали. Вентиляции в баржах не было никакой. От дыхания большого количества людей в трюме стало душно. Готовить горячую пищу было негде. Кипяченой воды выдавали ограниченное количество, и, измученные жаждой, люди пили холодную забортную воду. Подавалась она насосами по плохо промытым шлангам и имела неприятный запах и привкус резины. Начались желудочные заболевания. Ослабленные заключенные легко им поддавались.

*М.И. Евзеров.
1984 г.*

Вот тебе мечты о знакомстве с великой сибирской рекой, с красотой ее лесистых берегов и островов, с прохладой и свежестью ее прозрачных водяных струй!

Вместо всего этого отвратительная, полутемная плавучая тюрьма без окон, без дверей, но с неизменным конвоем наверху. Вот и параша. Все на месте. Этапирование «врагов народа» к новому пункту их страданий продолжается.

И до чего забывчив и легковверен человек! Как быстро он забывает обиды, мучения. Только блеснул луч надежды, огонек просвета, и он уже видит вдали обетованный край, полный света, радости и счастья. И так хочется верить во все хорошее, чистое, светлое! И так горько разочарование!

Михаил Ильич старался не поддаваться отчаянию. Как ни тяжело сейчас, срок окончания заключения все же с каждым днем неотвратимо приближается. Уже отбыто почти 2,5 года, то есть 25 процентов всего срока. В лагере он упорной работой добьется снижения времени заключения за счет зачетов. Может, удастся добиться и пересмотра дела. В Норильске у него будет больше возможностей писать, и он будет слать десятки заявлений во все инстанции. Он еще будет на воле! Он вернется в Красноярск на лучшем, быстроходном пароходе, в каюте первого класса. Он будет сидеть на палубе на складном легком кресле и любоваться берегами Енисея. И будет сиять солнце, и небо будет голубым, и кругом будут друзья. И пароход будет плыть не на север, как сейчас, а на юг! Только не пить сейчас забортной, сырой воды! Она неiset гнилую, позорную смерть на вонючей параше. Все перетерпеть во имя светлого будущего, во имя реабилитации, во имя встречи с семьей.

Мучительный рейс подходил к концу. Караван баржей, груженный тысячами заключенных, подходил к устью Енисея — Дудинскому порту, расположенному за Северным полярным кругом.

В 1939 г. это еще был небольшой поселок. Хотя он и числился центром Таймырского национально-го округа, но был только перевалочной базой Норильского медно-никелевого комбината. Сюда по Северному морскому пути и Енисею шли со всех концов Советского Союза самые разнообразные грузы: стройматериалы, лес, металл, машины, продовольственные и промышленные товары. Здесь все перегружалось с судов и барж в вагоны узкоколейной железной дороги и шло в Норильск.

Заключенных вывели из барж. Измученные за время тяжелого рейса, они еле добрались до Дудинского лагпункта Норильлага. Это были те же одноэтажные деревянные бараки, что и в Красноярске, но, пожалуй, более светлые и лучше оборудованные. На территории лагпункта валялся еще строительный мусор, земля не просохла после таяния снега. Ходить можно было только по узким деревянным дорожкам, настланным между бараками. О ночевке на свежем воздухе уже не могло быть и речи. Под небольшим слоем талой земли лежала вечная мерзлота. Вокруг никакой зелени. Чувствовалось, что этап прибыл на Крайний Север.

На Дудинском лагпункте прибывших заключенных начали кормить горячей пищей. Хватало кипяченой воды. Больные могли обратиться за помощью в медпункт. В его работу включились на добровольных началах врачи, оказавшиеся среди заключенных прибывших этапов. Это были опытные специалисты разных профилей, но сейчас все были заняты одним делом: боролись с поносом, цингой, истощением заключенных.

И как же они преобразились, снова включившись в привычную им работу! Как будто вместе с белыми халатами к ним вернулись уверенность в своих силах, радость жизни, чувство собственного достоинства.

Они были совсем не похожи друг на друга. Бросалась в глаза солидная мужественная фигура хирurga Родионова. Высокий рост, широкие плечи скра-

дывали его сухощавость. Может быть, на воле его фигура уже начала бы полнеть, появился бы живот, второй подбородок, но все это сняла тюрьма. Теперь он был подтянут, и это шло к крупным чертам его большого лица, к седой шевелюре, отливавшей белизной отполированного серебра. И с каким достоинством он нес эту могучую голову ученого! И рядом с ним щуплый, подвижный, черный, как жук, Саркисян — бывший военный врач. Ничего не могло изменить красок его лица. Как будто кавказское солнце пропекло его насквозь, и теперь ничего не смогли с ним сделать ни следствие, ни суд, ни годы тюрьмы. Или, может быть, уже сибирское солнце вновь оживило прежнюю смуглость его лица?

Родионов, Саркисян, Розенблюм, Бриллиант, Соколов, Щербаков — самоотверженному труду этих и целого ряда других врачей из числа заключенных Норильлаг обязан тем, что цинга не свирепствовала в его отделениях, что смертность здесь была значительно ниже, чем в других лагерях, что многие невинно пострадавшие в период культа личности Сталина дожили до своей реабилитации, вновь вернулись в ряды строителей коммунизма.

В Дудинском лагпункте заключенные задерживались недолго. Небольшими партиями их отправляли в Норильск по железной дороге узкой колеи. Людей размещали на открытых небольших платформах. Маленький паровоз типа «Кукушка» медленно тянул карликовый состав часов 12–13. Поезд двигался по тундре. Шла вторая половина июня. Было почти тепло. Легкий ветерок приносил из тундры запах цветов, травы, мхов.

Не все заключенные, прибывшие в Дудинку, отправлялись непосредственно в Норильск. Часть из них оставалась на месте для погрузочно-разгрузочных работ и строительства в порту. Отдельные небольшие этапы шли на разные лагкомандировки, разбросанные вокруг Норильска.

Михаил Ильич был направлен на отдельный лагпункт, обслуживающий шахту «Надежда». К этому лагпункту, как и к шахте, железнодорожных путей еще не было. По узкоколейке можно было добраться только до 102-го километра. Отсюда надо было еще 8 километров добираться пешком. Грузы на шахту и в лагпункт доставлялись тракторными санями и конными волокушами.

Дорога, проложенная по тундре, была неудобной. Грузы доставлялись с большим трудом. Еще хуже было двигаться пешком.

На 108-й километр прибыли к вечеру, чтобы утром отправиться дальше на шахту. Выгрузились и заночевали в большом неотапливаемом бараке. Было холодно и тоскливо. А впереди восьмикилометровый трудный путь по тундре пешком с вещами.

Не дойти! Придется все бросить в пути. Лучше оставить вещи в лагпункте 102-го километра и самому идти налегке. Что беспокоиться о вещах? Они останутся в надежных руках лагерного начальства. Ведь забранные вещи в тюрьме остались в полной сохранности.

Так Михаил Ильич и сделал. Оставил у себя минимальное количество вещей. Остальное все: наволочки, простыни, белье, сапоги — оставил на лагпункте, не взяв никакой расписки, не сделав описи вещей. Его заверили, что все будет доставлено на «Надежду».

*Разведка угля шурфами
у горы Надежда*

Утром чуть свет двинулись в путь. Ноги вязли в размякшей глинистой тундре. Шли тяжело. Конвой не торопил. Впереди колонны поставили более слабых, пожилых заключенных. Они определяли темп передвижения. Но даже частые остановки не могли помочь ослабленным людям. Многие побросали в пути свои вещи, которые так бы имгодились в лагере. К вечеру прибыли на лагпункт. Это было несколько бараков, обнесенных колючей проволокой. Здесь же находились столовая, кухня и небольшая баня. Перед воротами лагпункта произвели проверку прибывшего этапа. Охрана лагпункта приняла этап у конвоя. Через узкую проходную будку прибывшие заключенные вошли в зону и направились в барак.

Кончился один из тяжелейших периодов в их жизни — период тюрьмы, строгой изоляции, этапов. Началась жизнь лагерная.

ШАХТА И ЛАГПУНКТ «НАДЕЖДА»

Из двух жилых бараков лагпункта один уже был занят ранее прибывшими заключенными.

Как узнал впоследствии Левин, в основном это были бытовики, осужденные за грабежи, воровство, растраты. Было среди них несколько осужденных по 58-й статье, но все они обвинялись по сравнительно легкому 10-му пункту этой статьи, то есть за агитацию против советской власти, и имели небольшие сроки заключения. Людей, арестованных в 1937–1938 гг. и осужденных по страшным пунктам 58-й статьи: 7, 6, 9, и 11, то есть за вредительство, террор, диверсии и участие в контрреволюционных организациях, — среди них еще не было. Все эти ранее прибывшие люди работали на шахте или в хозлагобслуге, то есть в бытовых учреждениях лагеря. К лагерным условиям они успели в какой-то степени приспособиться.

По-видимому, они и строили эти первые бараки

и для себя сделали один из них более удобным для жилья: в нем нары не были сплошными. Между каждыми двумя топчанами стояла тумбочка. Каждый над своей койкой сделал полочки для мыла и разных мелких вещей. Топчаны сделали с бортами.

Во втором бараке, куда вселился вновь прибывший этап, нары были сплошными в два этажа. Дощатый настил верхнего этажа нары загораживал свет небольшого окна, и в бараке было полутемно. Было в нем не особенно тепло. Барак был каркасно-засыпной. Засыпка, должно быть, была сделана в зимний период. В нее попал снег. Когда он растаял, засыпка осела, и теперь со стен дуло. Доски нары не были подогнаны друг к другу вплотную. С верхних нары крошки и мелкий мусор сыпались вниз.

Горячую пищу выдавали один раз в день, в обед. Это был жидкий картофельный суп с мясом или рыбой; на второе — каша овсяная или ячневая. Хлеб давали один раз в день по утрам — 700 граммов, сахар — раз в месяц по килограмму.

В лагунке внутри зоны был ларек. Здесь можно было купить хлеб, масло, сахар, консервы, компот. Нормы продажи продуктов не было никакой, и все зависело от наличия денег, но их почти ни у кого не было. Пищи не хватало, особенно в первое время пребывания в лагере, когда сказывалось недоедание в тюрьме. Впоследствии в известной степени питание зависело от самого заключенного. Оно было дифференцированным и определялось процентом выполнения норм. Каждый заключенный вместе с хлебом получал талон в столовую, в котором была указана группа питания. Ослабленные и больные заключенные по указанию врача могли получить диетическое питание. Оно обычно выдавалось в течение месяца. На следующий месяц вновь требовалось разрешение врача.

ИТРовское питание было обособленным — готовилось в отдельных котлах. Оно зависело от про-

цента выполнения производственного плана. Группа питания устанавливалась инженерно-техническому персоналу на месяц в зависимости от результата работы предыдущего месяца. Часть инженерно-технических работников жила вне лагеря, хотя и в зоне оцепления, куда входили производственные объекты. Обычно, в таком случае, они жили в отдельных помещениях и получали полагающееся им питание сухим пайком. Из своей среды выделялся дневальный, который готовил питание на всю группу.

Столовыми лагпунктов обычно ведали заключенные из числа осужденных по бытовым статьям. Часто это были люди, работавшие на воле поварами. Из бытовиков также подбирались и вся обслуга столовой: повара, кухонные работники, мойщики посуды. Администрация лагеря тщательно следила, чтобы в столовой не было хищений. Виновные в этом немедленно снимались с работы и отдавались под суд.

Хищения продуктов не были главным злом в столовой. Если бы и удалось что-нибудь из них вынести, то сбыть похищенные продукты было некуда. Ухудшалось питание общей массы заключенных за счет разных поблажек, которые делались работниками столовой своим товарищам-бытовикам. Последние не получали дифференцированного питания, но всегда пользовались самым лучшим питанием. В этих делах контроль хотя и был возможен, но очень затруднен.

На следующий день после прибытия в лагерь заключенные прошли медицинское освидетельствование. Оно проводилось врачами медпункта лагерного подразделения в присутствии начальника лагпункта. Все заключенные по состоянию здоровья и пригодности к работе делились на три группы. В первую входили самые молодые, крепкие, здоровые лагерники. Они предназначались для наиболее тяжелых физических работ. Во вторую группу — здоровые заключенные средней крепости, пригодные для

обычных физических работ. В третью группу попадали ослабленные люди, которым на производстве снижали обычные нормы выработки. Из них комплектовались хозлагослуга, дневальные, рабочие на легких работах.

Медосмотр делался весьма тщательно, группа трудоспособности определялась обычно правильно, и заключенные ее редко опротестовывали. Да и заключенные-врачи не допустили бы неправильных определений. Инвалиды от работы освобождались, но их бывало очень мало, так как в Норильск они могли попасть только случайно.

Группу инвалидов пополняли и люди, пострадавшие на производстве. Часто инвалиды также использовались в качестве дневальных и дежурных на легких работах. Категория трудоспособности заключенного заносилась в его карточку. Время от времени производилась перекомиссовка.

Михаил Ильич был отнесен ко второй категории трудоспособности.

Весь этап заключенных, прибывших из Мариинской тюрьмы в отдельный лагпункт «Надежда», был предназначен для работы на шахте того же названия.

Распределял их по местам работ начальник шахты Либерман. Это был вольнонаемный горный техник лет 28–30. Рыжеватые волосы покрывали голову мелкими жесткими витками. Все лицо, с некрупными чертами, было в веснушках. Частая улыбка обнажала белые небольшие зубы. При этом сморщивался небольшой нос. Прежде чем назначать человека на работу, он выяснял, что за работник стоит перед ним. После непродолжительной беседы Либерман предложил Михаилу Ильичу идти работать техруком шахты «Надежда». По-видимому, он до этого познакомился с его личным делом. Предложение было неожиданным. Размышляя во время этапирования о том, что ожидает его в лагере, Миха-

ил Ильич рассчитывал только на тяжелую физическую работу. «Хорошо бы, — думал он, — попасть в шахту на подземные работы, ближе к своей специальности, накопленному опыту, где можно было бы принести наибольшую пользу!» Но это пустая мечта! Ведь в течение двух с половиной лет в тюрьме его, как и остальных заключенных, уверяли, что их работа советской власти не нужна, что она в услугах врагов народа не нуждается. Любая работа в шахте уже была бы радостью. И вдруг ему предлагают инженерно-техническую работу по специальности! Раздумывать особенно тут было нечего. Какая бы ни была шахта, Михаил Ильич не опасался, что с нею не справится. Не пугали и особенности работы на Крайнем Севере. Ведь помимо работы в Кузбассе, где климатические условия также были не слишком благоприятными, он почти три года проработал заведующим шахтой «Грумант Сити» на Шпицбергене, расположенном гораздо севернее Норильска. Он был знаком и с вечной мерзлотой, и с полярной ночью. Радовала возможность вновь залезть под землю, ощутить запах шахты, видеть, как труды твоих рук и усилия твоих товарищей превращаются в потоки угля, широкой лентой идущие на-гора.

Он дал согласие на работу техруком, даже поверхностно не ознакомившись с самой шахтой и горно-геологическими условиями, с состоянием горных работ и механизмов. Не поинтересовался он, согласовано ли его назначение с руководством комбината, считая это само собой разумеющимся делом. Не задал также Михаил Ильич ни одного вопроса об условиях его работы. Он не спросил об этом и сейчас, как никогда не делал этого при любых назначениях на воле.

Нераскаявшийся враг вновь был в строю борцов за индустриализацию своей страны, за Социализм, вновь себя чувствовал в своей родной стихии, готовый отдать все свои знания и силы любимому делу.

До чего же жалкой оказалась шахтенка, в которую на следующий день опустился Михаил Ильич! Все выработки состояли из одного уклона, порядка 100 метров длиной и одного штрека 35-го горизонта. На этом штреке был неглубокий приямок, из которого небольшой центробежный насос качал воду. Порода и уголь поднимались по уклону в железных вагонетках. Забой уклона был забит льдом. Крепь в выработках была поставлена неумело: замки дверных окладов сделаны аляповато, наклон крепи неправильный.

Михаил Ильич не стал говорить Либерману о своих впечатлениях. Опыт предыдущей работы показал ему, что этого делать не следует. В шахтах очень не любят людей, начинающих с первого своего появления критиковать работу своих предшественников. Как правило, это рассматривается как зазнайство, стремление похвастать своими знаниями, опытом и заодно, охаяв чужую работу, воспользоваться ею.

Ясно было, что горные работы ведет какой-то недостаточно опытный человек. Казалось бы естественным, что ими руководил Либерман. Объем работ был небольшим, и с ним вполне справится один человек.

Впоследствии оказалось, что Либерман специализировался по буровзрывным работам и, по-видимому, с проходкой горных выработок и очистительными работами был недостаточно знаком. К тому же и бытовые условия у него были организованы весьма неудачно. Он жил в Норильске, на расстоянии почти 12 километров от шахты. Значительную часть этого пути приходилось идти пешком, так как других способов добраться до шахты не было. Да и дома у него не все было благополучно. Жили они с женой неладно. Она то уходила от него, то возвращалась. Все это не могло не отразиться на его работе: он приходил на шахту поздно. Вечером, должно быть опасаясь семейных неурядиц, старался попасть пораньше в Норильск.

Между тем шахта, какая бы она ни была, требует непрерывного наблюдения. Кто-то должен быть ее фактическим хозяином. Как оказалось, им был до появления на шахте Михаила Ильича горный мастер Дреер. Это был немец, осужденный на 10 лет лагерей по 10-му пункту 58-й статьи Уголовного кодекса. В заключении он находился уже порядочно и был достаточно опытным лагерником. Было ему в то время лет 37–38. Это был хорошо сложенный мужчина выше среднего роста. Черты его лица были бы совершенно правильными, если бы тонкий нос не был чуть-чуть длиннее, чем следовало. Одевался он очень аккуратно. Хорошо была подогнана черная ватная куртка, брюки тщательно заправлены в сапоги.

С горным делом он был связан еще на воле: где-то работал горным мастером, но этих его знаний и опыта было бесспорно мало для руководства шахтой, пусть даже маленькой, в довольно сложных условиях, какие оказались на «Надежде». Эта шахта не была самостоятельным предприятием. Она считалась участком другой шахты — «Угольного ручья», расположенного на расстоянии около 6 километров от «Надежды». «Угольный ручей» разрабатывал пласты мощностью до 6 метров. Для него маленькая шахта «Надежда» с пластом мощностью всего в 1–1,2 метра не представляла особенного интереса. К тому же она давала очень небольшое количество попутного угля, да и того некуда было девать, так как «Надежда» не была связана с «местной магистралью», то есть с узкоколейным железнодорожным путем Дудинка–Норильск. Представители шахты «Угольный ручей», а тем более ее руководители очень редко появлялись на «Надежде». Для Норильского комбината шахта «Надежда» пока еще не имела особой ценности. Уголь Норильску давали другие шахты, разрабатывавшие мощный первый пласт коксующегося угля.

Руководители комбината также крайне редко посещали шахту. В этих условиях Либерман был фактически самостоятельным руководителем шахты. А при нем, в свою очередь, на шахте хозяйничал Дреер. Власть его, особенно над заключенными, была довольно солидной: он определял места работ, влиял на нормы выработки. Он же ежедневно подписывал рапорты о проделанной работе, следовательно, определял, какое питание будет получать заключенный, сколько он в конце месяца получит денег. Дело в том, что заключенные в зависимости от выполнения норм получали определенную сумму денег. Верхним пределом ее было 80 рублей.

ИТРовцы получали небольшой должностной оклад, который достигал 200 рублей в месяц. Эти деньги играли большую роль в жизни заключенных: на них в ларьке можно было закупить дополнительное питание, табак, спички, кое-какие предметы одежды. Часть денег можно было перевести семье. Рапорты после просмотра их Дреером утверждались Либерманом, но это уже была формальная подпись, так как он не знал фактически производственных объемов работ, не мог их контролировать.

Итак, Дреер был на «Надежде» большим человеком. Появление новых квалифицированных инженерно-технических работников ухудшало его положение и, естественно, было ему не по нутру. Особенно ему не понравилось назначение техническим руководителем шахты инженера-заключенного. Если бы прислали техническим руководителем на «Надежду» вольнонаемного, он жил бы в Норильске, на шахте был бы наездом, так же как и Либерман, а шахтой по-старому командовал бы Дреер. Надо как-то добиться, чтобы назначенный техруком инженер сам отказался от предложенной ему работы. Надо его припугнуть! Если он даже и не поддастся нажиму, то, во всяком случае, будет осторожнее и не

рискнет отказаться от услуг Дреера. Он решил поговорить с Михаилом Ильичом.

— Знаете ли вы, — спросил Дреер, — что Норильский комбинат находится в непосредственном ведении НКВД?

— Знаю, конечно, — ответил Левин.

— Тут надо быть очень осторожным. Малейшая ошибка на шахте, и вас привлекут к ответственности, а при пунктах 58-й статьи вам ждать пощады не приходится.

— От ошибок и неприятностей ни один горняк не гарантирован. Будем стараться, чтобы их было возможно меньше. Ответственности же за ведение горных работ не боюсь. Не первый год веду их.

Михаила Ильича действительно не беспокоили возможные неприятности на работе. Ни сейчас, ни впоследствии, за все время руководства им отдельными горными предприятиями Норильского комбината, он не задумывался над тем, что он — заключенный, осужденный по самым страшным пунктам 58-й статьи, что при осложнениях на шахте его могут обвинить в том, что он сознательно их вызвал. И тогда не вылезть ему из лагеря!

Михаил Ильич думал о самой работе, как ее лучше вести. В шахте он забывал обо всем: о своем заключении, лишениях, перенесенных бедах.

Он вновь жил полной жизнью.

Михаил Ильич не допускал даже мысли, что «Надежда» будет, как и раньше, продолжать влачить жалкое существование. На шахте не было перспективных планов развития, все же ясно было, что ее работы будут быстро развиваться. Залогом этого служило хотя бы то, что сюда начали прибывать этапы заключенных. Аппарат шахты не имел достаточного количества сотрудников. Надо было комплектовать состав инженерно-технических работников: подобрать мастеров, бригадиров, выделить начальника вентиляции, а кое-кого из ранее набран-

ных заменить. В прибывшем на шахту этапе были инженерно-технические работники — горняки. Из них выделить нужных людей было нетрудно. Михаил Ильич оставил Дреера горным мастером одной смены, в другую назначил инженера из Кузбасса — Берегового, руководство вентиляцией было поручено горному технику Арону. Сразу же были скомплектованы бригады. Среди заключенных не оказалось квалифицированных горнорабочих. Предстояло подготовить их на шахте, в первую очередь крепильщиков. Последних надо было подбирать из состава плотников и столяров, имевшихся на шахте.

Михаил Ильич и после назначения техруком продолжал жить в общем бараке, вместе со всеми заключенными прибывшего с ним этапа. Наряду с людьми, осужденными по 58-й статье, тут были и бытовики.

На шахте начали работать в две смены. В бараке было постоянно очень шумно. Было здесь и не особенно чисто: одежду, в которой люди ходили на работу, хранили здесь же, в бараке. Нахождение ИТРовцев в одном бараке с рабочими стирало грань между руководителями и подчиненными. Это не имело большого значения среди вольнонаемных, а среди заключенных это создавало ряд затруднений. Ведь все были равно бесправными, почему одни должны были подчиняться другим? Почему бытовики, считавшие себя привилегированными, признанными сторонниками советской власти, должны были подчиняться «врагам народа» — «лордам»?

Было голодно. Питание пока еще выдавалось из общего котла, и его явно не хватало.

Иногда, хотя и очень редко, Либерман оставался на ночь на шахте. Тогда ему приносили из лагерьной кухни котелок вареной картошки с черным хлебом. Угощал он этой картошкой и Михаила Ильича. Белая, разварная, горячая, она казалась необычайно вкусной. Надо сказать, что Либерман отно-

сил к заключенным очень внимательно и тактично. Не было случая, чтобы он в какой-либо форме подчеркнул разницу их положения или допустил грубость. Чувствовалось, что он очень ценил опыт и знания своих помощников — зэков. Должно быть, он мало верил в то, что имеет дело с действительными врагами советской власти. Это видно было и из того, что он кое у кого из заключенных брал письма, чтобы их отправить из Норильска «вольной почтой». Обычно письма заключенных шли через лагерь. Здесь их проверяли, кое-что вычеркивали, а некоторые письма задерживали, если они чем-нибудь не нравились цензору. При любых условиях они не скоро попадали в руки адресата. Заключенные старались отправлять письма через вольнонаемных. В этих письмах можно было писать более откровенно обо всем. Этим же путем старались отправлять заявления в вышестоящие органы о пересмотре дела.

Отправка писем через вольнонаемных была делом непростым и тоже рискованным. Ведь каждый вольнонаемный работник был сотрудником НКВД. Он мог передать письмо органам лагерного надзора. Тогда заключенный лишался на определенный срок права переписки, мог попасть в штрафной изолятор, становился нарушителем лагерного режима, что могло сказаться на всем его положении в лагере. Сильно рисковали и вольнонаемные, принимая письма заключенных. При обнаружении таких фактов вольнонаемный был бы обвинен в связи с заключенными, уволен из комбината и выслан за пределы Таймыра. И все же письма часто шли, минуя лагерную почту.

Михаил Ильич недолго оставался в общем бараке. Его переселили в одну из комнат шахтной конторы. Помещалась она в небольшом каркасно-засыпном здании. В нем были три комнаты. Из них две на нижнем этаже занимала контора, в третьей, в мансарде, жили шесть человек — служащих и

ИТР-заключенных. К моменту перехода сюда Михаила Ильича все нары, кроме одних верхних, были уже заселены, и он занял место наверху, почти у потолка. В комнате было тесно. Если не топили, было холодно, если же затапливали печь, то от жары некуда было деваться, особенно наверху. Страшно мучили клопы. Их было видимо-невидимо. Ночью они набрасывались на Михаила Ильича целыми полчищами. Спать было совершенно невозможно. Раем представлялась теперь койка в Мариинской тюрьме, где всегда было чистое постельное белье и где клопов и следа не было. Преимуществом нового помещения были большая тишина и порядок.

Комнаты конторы были очень маленькими, тесными, грязными. В одной был кабинет начальника шахты, в другой помещались все остальные сотрудники «Надежды». Надо было думать о другой конторе, другом жилье.

На шахте работы стали расширяться. Прежде всего надо было освободить забой уклона от льда. Легче всего это было сделать взрывными работами. Взрывники имелись на шахте. Это были расконвоированные заключенные — бытовики. Заключенных, осужденных по 58-й статье, к взрывным работам не допускали. Старшим взрывником был Иван Загребаленко — крупный вор-рецидивист, отбывавший десятилетний срок заключения. Своей бывшей «профессии» — воровства он не стыдился и иногда рассказывал о своих похождениях. Его группа на воле грабила товарные вагоны и магазины. Довольно комично Загребаленко представлял, как охала от восторга его деревенская жена, когда он приносил домой мешки сахара-рафинада или отрезы мануфактуры. Жилось ему, по его словам, неплохо, пока его не «застукали» на месте преступления. Надо признаться, что вид у Загребаленко был не особенно приятный: низкий лоб, широкий нос с раздутыми ноздрями, толстые губы, большой рот, пол-

ный здоровенных зубов, жесткие волосы, широкие плечи, слегка сутулая крепкая фигура. Свою работу он знал, был бесстрашным взрывником. Как это ни странно, Загребаленко был добродушным человеком и хорошим товарищем. Распоряжения Михаила Ильича выполнял беспрекословно, и между ними установились хорошие, почти дружеские отношения.

Загребаленко был страстным рыболовом. Как расконвоированный, он в свободное от работы время имел возможность уходить к озерам ловить рыбу. Всегда его сопровождала большая черная собака Альма. Озер кругом было много, и рыба в них еще не пуганная. Загребаленко обычно возвращался с большим уловом крупных рыб. Тогда в бараке был праздник.

Пища для заключенных лагеря готовилась из второсортных продуктов: соленое мясо, сушеная или соленая рыба, дешевые крупы. Да и работали на кухне доморощенные повара. Уха же, приготовленная из только что наловленной рыбы со свежей картошкой, была исключительно вкусная. Ею нередко угощали и Михаила Ильича.

Горные работы на шахте «Надежда» велись в зоне вечной мерзлоты. Вода, попадавшая в шахту с поверхности, быстро замерзала. Ее появление в подземных работах могло быть только результатом расхлябанности. Одной из первых работ Михаила Ильича было рытье нагорных канав у устья штольни. Доступ воды в шахту был скоро прекращен. На всякий случай на горизонте 35-го метра поперек уклона была прорублена в почве канава, и случайная вода, попавшая под землю, потом выкачивалась центробежным насосом.

После очистки уклона от мусора и льда началась его проходка. Одновременно прорезались по обеим сторонам уклона ходки и штреки.

Месторождение оказалось сложным. Уклон всем своим забоем врезался в пустую породу. Необычная для Левина, белая, плотная, она не была похожа на

осадочные породы, к которым он привык во время работы на угольных предприятиях других бассейнов. Это была жила твердой изверженной породы. Бурить ее теми ручными сверлами, которые применялись на шахте, было бесполезно. Во время работы их прижимали к забою грудью, животом, за что они были прозваны заключенными «брюшным тифом». Пришлось перейти на ударное бурение. Оно было таким же ручным, как и вращательное, но более приспособленным для бурения по твердым породам. Механического бурения на шахте еще не было. Количество людей на шахте росло. В лагпункт прибывали все новые этапы заключенных. Шли они небольшими партиями. В первый период Михаил Ильич не участвовал в их распределении. В лагпункте часть людей отправляли на строительство жилых домов в созданный стройучасток, не подчиненный шахте, часть людей оставляли в хозлагодислуге, а остальные шли на шахту. Последних по местам работ расставлял Либерман в присутствии Михаила Ильича. Впоследствии заключенных, прибывших на шахту, распределял уже один Левин.

ПАРТИЙНЫЕ И БЕСПАРТИЙНЫЕ ЗЭКИ

В эти сутки прибытия этапов не ожидалось. День подходил к концу. Был прекрасный вечер. Легкий теплый ветерок разогнал комаров и приносил душистый запах полярных цветов, мхов, трав, покрывавших ярким ковром большие пространства безлюдной тундры. Солнце, опускаясь, окрасило легкие облака в пурпурные, оранжевые и золотистые цвета. Стояла тишина. Людей не было видно: было как раз время ужина.

Михаил Ильич осматривал угольный отвал. Его необходимо переделать: надо удлинить эстакаду, перейти с неудобных копелевских самоопрокидывающихся вагонеток на глухие анзеновские, обычные для угольных шахт. Двенадцать этих вагонеток лежали на «Надежде» без употребления, так как не

могли ими пользоваться: не было опрокидов. Копелевских же вагонов было мало.

Михаил Ильич набросал эскиз такого опрокида. Он был изготовлен в шахтной кузнице. Теперь его надо было установить и опробовать.

Вечер и вся окружающая обстановка очень напоминали Михаилу Ильичу годы, проведенные на Шпицбергене. Такие же вечерние зори, такие же примитивные угольные отвалы, такое же начало работ, сходные горные условия. Но какая разница в положении Михаила Ильича! Там он был свободен, пользовался полным доверием, был окружен семьей, друзьями, людьми, разделявшими с ним и радости, и горести строительства нового рудника. Вспомнился секретарь партийной организации Александр Павлович Михайлов, с которым вместе выезжали из Архангельска, вместе создавали шахтерский коллектив рудника «Грумант Сити». Где он теперь? Куда его занесла партийная судьба? Михайлов всегда был очень общительным, уживчивым человеком, умел выпить в компании, повеселиться. Счастливый характер! Он никогда не имел врагов. У него были все данные избежать катастрофы 1937–1938 гг. Вероятно, он сейчас где-то отдыхает на курорте, наслаждается южной природой и горячим солнцем. Или он вновь за границей? Едва ли он даже знает об аресте Михаила Ильича, его тяжелой судьбе.

Но кто это идет по отвалу? Неужели начались галлюцинации? Ведь это Михайлов! Все та же улыбка, освещающая все лицо. Левин протер глаза. Но это было не видение, не галлюцинация, не плод расстроенного тюрьмой воображения. К нему шел живой Михайлов. Михаил Ильич бросился к нему навстречу. Крепко обнялись и расцеловались.

Михайлов — член партии с 1919 г., бывший нарком одной из советских республик, работавший в последние годы начальником Главсевморпути, — оказывается, был арестован в 1938 г. и теперь прибыл с вечерним этапом на шахту «Надежда».

Михаил Ильич не виделся с ним 6 лет. Печальна была встреча на суровой таймырской земле! С Михайловым Михаил Ильич встретился впервые в Архангельске. Намечалось назначение его заместителем управляющего рудником «Грумант Сити» на Шпицбергене, то есть заместителем Левина. Им предстояло вместе строить советский рудник, создавать шахтерский коллектив на Крайнем Севере, на норвежской земле. В Москве в Центральном Комитете партии, куда их обоих вызвали, предупредили:

— Главное, чтобы между вами не возникло никаких трений. От вашей совместной дружной работы будут зависеть благополучие всего коллектива, результаты работы. Смотрите, чтобы между вашими женами не возникало ссор, дразг.

Михайлов оказался жизнерадостным человеком, хорошим товарищем. От его небольшой плотной фигуры, улыбающегося круглого лица так и веяло доброжелательством. Михайлу Ильичу казалось, что улыбка и жизнерадостность Михайлова не всегда были искренними, но все же приветливый вид был приятнее неизменно хмурого вида его предшественника, с которым Михаил Ильич был вынужден расстаться. Правда, лицо Михайлова могло стать и гневным, и перекошенным, если что-нибудь шло не так, как следует. Жили на Шпицбергене дружно. Дело ладилось, и о совместной работе остались наилучшие воспоминания. У обоих была уверенность, что партийная судьба где-нибудь скрестит их дороги, и они с радостью вновь потянут общий воз порученного дела.

И вот встретились! И снова за Северным полярным кругом. Все так же в улыбке расплылось лицо Михайлова. Но как горька улыбка, как печальна встреча!

Подземные работы на «Надежде» постепенно налаживались. Рабочие учились бурить по углю и породе, крепить, делать забутовку, проходить горные выработки. Налаживалась и работа поверхностных

цехов: кузницы, мехмастерской. Все это было еще довольно примитивно, но все же значительно укрепились порядок и дисциплина. Много времени отнимала проверка рапортов. Они составлялись сменными мастерами и содержали описание работ, произведенных каждым человеком в отдельности. Стремление обеспечить заключенным-рабочим максимальную выдачу питания приводило к очень большим припискам. Бригадиры и мастера старались не обидеть заключенных, записать им такие объемы выполненных работ, которые при любых обстоятельствах давали не меньше 100 процентов выполнения норм. Такое положение приводило, с одной стороны, к незаинтересованности в работе: заключенные знали, что при любых условиях им «выведут» 100-процентное выполнение норм; с другой — к чрезвычайному росту норм выработки. Где-то в недрах комбината подсчитывались объемы работ, выполнявшиеся заключенными согласно рапортам. Отличить, что в них правильно, а что приписка, не было никакой возможности: попробуй учти, сколько было вынуто снега, сколько раз его при этом перелопачивали, сколько было вынуто земли и какой плотности, какой крепости бурилась порода. Планирующие органы видели, что установленные нормы резко перевыполнялись. Их увеличивали. Затем начинался новый тур: мастера увеличивали приписку, а плановики и нормировщики увеличивали нормы. Они становились фактически невыполнимыми. «Туфта» росла, как снежный ком. С этим надо было во что бы то ни стало кончать, чтобы вырваться из заколдованного порочного круга. При этом надо было не лишать добросовестно работающих людей возможности выполнять нормы и зарабатывать себе питание, необходимое для поддержания здоровья и способности к труду.

Постепенно эти «методы» составления рапортов были изжиты. В значительной степени это было

достигнуто за счет выдвижения на административные должности инженеров и техников, привыкших на воле к строгой дисциплине и порядку.

На шахте начал создаваться сплоченный коллектив рабочих и инженерно-технического персонала, хорошо и честно работавший без «туфты» и обмана.

Очень тщательно подбиралось пополнение для работы на шахте. Через отдельный лагпункт «Надежда» проходило много заключенных. Для подземных работ Михаил Ильич отбирал физически и морально наиболее крепких людей. Из сотни этапников таких набиралось человек 10–12. Остальные отправлялись в другие лагпункты. Это возможно было сделать, так как отдельный лагпункт «Надежда» был на положении пересыльного.

Созданный таким образом коллектив в течение многих лет был одним из лучших в Норильске. При подборе людей приходилось руководствоваться только беседой с ними и своим впечатлением о них. Перед собой Михаил Ильич имел только маленький листок с указанием статьи и срока, на который осужден заключенный, и категорию его трудоспособности. Никаких анкет, никаких данных о прежней специальности и работе не было. Все надо было принимать на веру. Особенно нельзя было верить бытовикам. Каждый из них заявлял, что он либо парикмахер, либо слесарь. Это были работы, считавшиеся наиболее легкими. Во время бесед также выявлялись специалисты. На шахте надо было заменить часть ИТРовского состава, ранее набранного Либерманом. Участковым маркшейдером, например, был Ситников, заключенный лет 28–30, ранее окончивший, по его словам, землемерное училище. Это был малоквалифицированный, разложившийся человек, думавший только о том, как лучше прожить в лагере. Надо отдать ему справедливость, он неплохо приспособился к лагерным условиям: прекрасно выглядел и был неплохо одет.

С самого начала работы в качестве техрука Михаил Ильич слышал о нем только отрицательные отзывы. Его низкая квалификация была видна и из состояния подземных работ, и из маркшейдерской документации, хотя чертил он очень красиво. Но где взять настоящего маркшейдера? Надо присмотреться к заключенным, прибывшим вместе с Михаилом Ильичом первым этапом. Там было много специалистов. Их принимали и распределяли по работам начальник лагпункта и Либерман. Левин тогда еще сам был в числе «распределяемых» и влиять на размещение людей не мог.

Михаил Ильич начал вызывать к себе по одному из заключенных, попавших без его ведома на общие работы. Вызывал всех подряд независимо от места работы или физического состояния.

В одном из барачных дневальных работал Александр Андреевич Попов. Это был человек выше среднего роста, довольно хрупкого сложения. Тюрьма, этапы резко сказались на нем. Его интеллигентное лицо типичного ленинградца со старомодным пенсне было бледным, изможденным. По-видимому, он был настолько истощен, что при медосмотре в лагпункте был признан негодным для физической работы. Так он и попал в дневальные.

Он оказался опытным маркшейдером, доцентом Ленинградского горного института, осужденным по 58-й статье в 1937 г. на 10 лет тюремного заключения. Попов был назначен главным маркшейдером шахты. Предстояло выделить для него рабочих, достаточно грамотных, добросовестных и физически крепких. Попов подобрал себе старшим рабочим бывшего начальника управления милиции одной из областей Урала Коновалова. Это был высокий мужчина лет 40, крепкого телосложения, с очень умным лицом. Высокий лоб, большое лицо выдавали крепкий, суровый, волевой характер. Улыбка была редким гостем на его лице. Как большинство людей, осужденных в

1937–1938 гг., он не любил рассказывать ни о себе, ни о своих делах. Известно было только, что осужден он по 58-й статье на 8 лет заключения. Другими рабочими были бытовики. Маркшейдерская группа стала сплоченной, дисциплинированной. Указания Попова выполнялись быстро и аккуратно. Впоследствии все замеры проходки, объемов работ выполнялись Коноваловым самостоятельно. Михаил Ильич мог быть уверенным, что замеры будут сделаны своевременно, точно, без обсчетов и приписок.

Геологом шахты был назначен инженер Боярогло, окончивший в свое время, так же как и Михаил Ильич, Московскую горную академию и прибывший с ним одним этапом.

Левин комплектовал шахту из заключенных, в основном осужденных в 1937–1938 гг. по разным пунктам 58-й статьи. Были среди них и бывшие члены партии, и беспартийные, инженерно-технические работники, рабочие и колхозники. Несмотря на осуждение, перенесенные лишения, они были людьми, безусловно преданными советской власти. Работали добросовестно, хорошо, с увлечением, как привыкли на воле.

Между всеми работниками шахты сверху донизу установились хорошие, товарищеские отношения. Работа шла без окриков, без подгонки, хотя и без панибратства. Все понимали, что надо быстрее готовить шахту к выдаче угля.

...ЗА СВЯЗЬ С ЗАВЕНЯГИНЫМ

Отбывание срока заключения в Норильлаге не было таким тяжелым, как в других лагерях. Возможно, что это было связано с тем, что во главе Норильского комбината и лагеря стоял Авраамий Павлович Завенягин, толковый инженер и хороший коммунист.

Среди заключенных, из которых некоторые, в том числе и Михаил Ильич, были хорошо знакомы

с Завенягиным по прежней работе или учебе в Московской горной академии, была распространена уверенность, что он попал не совсем добровольно на работу в Норильск, а в порядке опалы. Это подтверждалось тем, что в лагере находились инженеры, которые были осуждены на долгие годы тюремного заключения «за связь с Завенягиным». По-видимому, был такой период, когда собирались арестовать Авраамия Павловича и предварительно «заметали» людей, которым можно было бы приписать связь с Завенягиным. Впоследствии, должно быть, было решено его не трогать, но арестованных за связь с ним уже не выпустили на свободу и осудили на разные сроки, оставив формулировку в числе прочих обвинений «за связь с Завенягиным». Эти люди уже многое знали о методах следствия. Выпускать их на свободу было рискованно. Помимо всего прочего их освобождение рассматривалось бы как «брак в работе НКВД», что никак нельзя было допустить.

Что это могло быть так, Михаил Ильич не сомневался. Просматривая после окончания следствия материалы по своему делу, он убедился, что, когда еще был на свободе, ни о чем не думая, отдавал все свои силы работе на шахтах, налаживанию производства, был членом Сталинского горкома и Осинковского бюро райкома РКП(б), уже тогда против него подбирался материал, брались показания у ранее арестованных и находившихся на свободе людей. Такое положение могло быть и с Завенягиным.

С Авраамием Павловичем Михаил Ильич учился в Московской горной академии. Оба они были приняты в этот вуз в 1922 г. Левин прибыл в Москву из Смоленска. Он работал в политуправлении Западного фронта и после окончания гражданской войны в октябре 1921 г. демобилизовался и был принят на последний курс рабфака Смоленского университета. Отсюда он и попал в Москву в горную академию. Завенягин приехал из Донбасса с

партийной работы. В академии они были на разных факультетах: Завенягин — на металлургическом, Михаил Ильич — на горном. Партийная организация была единой для всей академии. Коммунисты друг друга хорошо знали по выступлениям на партийных собраниях, выполнению партийных поручений.

Завенягин был выбран партторгом, часто выступал на партсобраниях. Выступления его были толковыми, без демагогии. Говорил он ровно, спокойно, не повышая голоса.

Михайлу Ильичу всегда нравилась внешность Авраамия Павловича: большой лоб, тонкий правильный нос, небольшой рот с хорошим рядом белых зубов, нежная, матового оттенка кожа лица. Весь облик его выражал решимость и твердую волю. Михаил Ильич ждал встречи с Завенягиным. Ведь они не виделись почти 10 лет. Как он изменился внешне? Какова будет их встреча?

Михаил Ильич решил не напоминать об их прежних отношениях, чтобы не ставить ни себя, ни Завенягина в сложное положение.

Отдельный лагпункт «Надежда» расширялся. Строились новые бараки, баня. Увеличивался состав заключенных. Поверхностные же сооружения шахты оставались без изменения. По-прежнему контора ютилась в жалкой хибарке из трех комнатук. Это было в какой-то степени терпимо, когда на шахте почти не было управленческого аппарата. Надо было начинать строить контору. На шахте не было никаких чертежей подсобных временных сооружений. Не было кредитов на их строительство. Может, где-нибудь в недрах комбината это все и было, но об этом не знали ни Либерман, ни Левин. Решили строить контору по своим чертежам: из материалов, присылаемых для горных работ. Намечалось строить контору двухэтажной: четыре комнаты внизу и три мансардного типа наверху. Внизу должны были

быть кабинеты начальника и главного инженера шахты, бухгалтерия и комната для нормировщика и экономиста. В одной из комнат наверху должен был разместиться геолого-маркшейдерский отдел, две остальные предназначались для жилья специалистов — строителей на шахте не было, их забрала к себе созданная тут же на «Надежде» стройконтора.

Строительством на шахте ведал столяр Полкунов, отбывавший десятилетний срок заключения по 58-й статье. В свое время он был где-то прорабом, был арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности. Плотников на шахте было достаточно, и контора была к началу осени 1939 г. построена. В больших чистых комнатах разместился аппарат шахты. Получил кабинет и Михаил Ильич. Вместе с Михайловым они из лагпункта переселились в одну из комнат на верху конторы. С точки зрения обычной шахты контора не представляла ничего особенного, но на «Надежде», на фоне невзрачных одноэтажных бараков, она выглядела нарядно и радовала глаз. Построена она была на пригорке, за зоной лагпункта. Для Михаила Ильича построенная контора имела исключительное значение. Она вносила определенную организованность, дисциплину и порядок на шахте. Можно было вызвать в кабинет человека и вести беседу с глазу на глаз. Это были уже не разговоры на ходу двух заключенных, одинаково считавшихся врагами народа, а разговор главного инженера шахты с рабочим.

В кабинете Левина была исключительная чистота, на окнах висели занавески, на столе стоял букет полевых цветов.

Чтобы работа шла как следует, необходимо было забыть самому и заставить забыть других, что ты заключенный, что тебя в любой момент можно снять с работы, посадить в штрафной изолятор, откуда отправить на общие работы, обидеть, оскорбить. Особенно важно было поставить себя так, чтобы с тобой

считалась администрация лагеря, чтобы она понимала, что перед ней главный инженер шахты, а не бесправный заключенный.

С первых же дней работы Михаил Ильич заставлял уважать себя как заключенных, так и вольнонаемный состав шахты и лагпункта. Он ни перед кем не заискивал, никого не боялся. Это не было особенно продуманной линией, но было результатом того, что он не был сломлен судом, следствием и тюрьмой, оставался в душе коммунистом и никогда не чувствовал себя в чем-либо виновным перед партией и советской властью. Он отдавал все свое время и силы работе, и окружающие забывали, что перед ними «враг народа», к которому надо относиться с подозрением и недоверием. Михаил Ильич добился беспрекословного выполнения своих распоряжений как рабочими, так и ИТРовским составом. Впоследствии он убедился, что большинство заключенных, назначенных на инженерные должности, работали исключительно добросовестно, не за страх, а за совесть. Это могло показаться странным, и в это не верили отдельные работники лагеря. Они не могли понять, как это люди, обиженные, осужденные на долгие годы заключения, оторванные от семей и друзей, могут оставаться патриотами своей страны. Но это были советские люди, верившие партии и советской власти, любившие свою Родину и отдававшие ей все свои силы, хотя она и отвергла их, повернулась к ним спиной. Никто не жаловался, не хныкал. Все верили, что время изменится, истина восторжествует. Без такой веры невозможно было ни жить, ни работать.

В ЛАГЕРЕ БОЛЕТЬ НЕЛЬЗЯ

На пропускном пункте лагеря был список заключенных, которым разрешался свободный выход в зону оцепления. Левин был в этом списке и мог в любой момент выходить и входить в лагпункт. Го-

родского же пропуска у него не было. Он давался только расконвоированным заключенным, обычно бытовикам. Осужденные по 58-й статье редко получали городской пропуск, особенно имевшие такие «страшные» пункты 58-й статьи, какие были у Михаила Ильича, к тому же все эти пункты были прямые, те же через пункты 17-й или 19-й как соучастие или пособничество. Люди, осужденные по этим пунктам 58-й статьи, вообще не подлежали расконвоированию. В город Михаил Ильич мог попасть только под конвоем по разовому пропуску. Конвоиров обычно не хватало, и временами давался разовый пропуск под ответственность заключенного, имевшего постоянный пропуск.

Особой нужды Михаил Ильич в постоянном городском пропуске не чувствовал. Зона оцепления была довольна велика, она охватывала территорию ряда горных предприятий: шахты «Надежда», шахты «Угольный ручей», рудника открытых работ — и тянулась на десяток километров с востока на запад и на несколько километров с севера на юг. Все работы шахты «Надежда» оказывались в этой зоне. В свободное от работы время можно было пройти недалеко в тундру к близлежащим озерам и ручьям, набрать цветов, ягод. Мучили только комары и мошкара. Их были тучи! От укусов опухало лицо, шея, руки. К концу дня все это горело, как ошпаренное кипятком. Лагерникам выдавали накомарники, но комары ухитрялись залезать под них и жалить, жалить без конца. В накомарниках было неудобно работать. Они во время жары затрудняли дыхание. Все это было очень мучительно, особенно первые два-три месяца работы на «Надежде».

Михаил Ильич, живя в крупных городах, любил вспоминать тонкий звук комариного писка. Он напоминал далекое детство, отдых на поляне дремучего смоленского леса после длительного хождения по грибы, ягоды. Поставив корзинки, полные грибов

и ягод, бывало, растянешься на сухой земле и лежишь, блаженно зажмурив глаза. Кругом ярко-зеленая трава, ромашки, незабудки, воздух напоен густым запахом сосновой смолы. Тихо журчит ручеек, и где-то вдаль слышно тонкое пение комаров. Если когда-нибудь, бывало, и кольнет тебя тонкий хоботок комара, это замечалось только дома по зуду, но не могло испортить радости и счастья блуждания по лесу. Здесь же писк комаров был преддверием ада и предвещал мучительную пытку.

Но все же через некоторое время организм привык, видимо, к укусам, либо с увеличением населения лагпункта и разведением костров комары начали исчезать. Лагерники перестали на них обращать внимание. Комары почти перестали беспокоить. Все заключенные, работавшие в зоне оцепления, утром выпускались побригадно на работу и вечером обязаны были явиться в лагпункт. В это время во дворе лагпункта выстраивались все заключенные и делалась количественная проверка.

Людей в лагере было не очень много, и обычно проверка проходила сравнительно быстро. Хуже бывало, если количество заключенных оказывалось меньше списочного состава лагпункта. Тогда начиналась проверка по баракам, и это длилось иногда часами, сильно утомляя и раздражая заключенных, пришедших с работы усталыми, мокрыми и голодными.

Михаилу Ильичу, как уже было сказано, разрешили жить за зоной лагеря — в конторе. Это избавляло от проверок, шума и сутолоки лагеря, давало возможность держать комнату в чистоте, сохранить свои вещи, отдохнуть спокойно после работы.

Для начальства лагпункта проживание за зоной заключенного по таким суровым пунктам 58-й статьи было неприятным делом. Несколько раз оно пыталось вселить Левина в зону лагпункта, но обычно эти попытки отбивались начальником шахты.

Проживание за зоной лагпункта, работа по специальности создавали ощущение относительной свободы: не было тюремных решеток, не видно было конвоиров с примкнутыми штыками, не слышно было окриков надзирателей.

Либерман недолго оставался начальником шахты «Надежда». Вскоре он исчез. Больше с ним Михаил Ильич не встречался. На шахте распространились слухи, что Либерман снят с работы и уволен из комбината за связь с заключенными.

Вместо него начальником шахты был назначен горный инженер Павел Евсеевич Слепцов.

Как мал земной шар! Как узки дороги в необъятном Советском Союзе! Оказалось, что начальником шахты назначили человека, с которым Михаил Ильич встречался на воле.

Это было в середине 30-х годов. Левин работал управляющим одного из рудоуправлений Кузбасса.

Однажды к нему в кабинет пришли работники, ведавшие тыловым ополчением*. С ними пришел и Павел Евсеевич, работавший в производственном управлении тылового ополчения. После окончания деловой беседы об использовании на шахте ополченцев все из кабинета вышли, кроме Слепцова. Он попросил предоставить ему работу в рудоуправлении. Михаил Ильич недолго любил инженеров, после окончания вуза работавших не на производстве, а в аппарате. Он сказал, что свободных вакансий нет. Павел Евсеевич не мог не понять, что это вежливая форма отказа.

Слепцов Михаила Ильича сразу узнал, но не стал напоминать о прошлом. Левина встревожило это назначение. Оно не обещало ничего хорошего.

Либерман был простым парнем, ценившим знания и опыт своего техрука. Он считался с ним, за-

---

* Когда наступал призывной возраст, люди, лишенные гражданских прав, и их сыновья отправлялись не в воинские, а в трудовые части — тыловое ополчение.

щищал перед лагерем, не мешал работать. Как сложатся отношения со Слепцовым? Как назло, вскоре после его назначения Михаил Ильич заболел.

Он всегда был здоровым человеком. В тюрьме не болел, если не считать одного обморока, к врачам не обращался ни в тюрьме, ни в лагере.

В лагпункте был небольшой, но содержавшийся в образцовом порядке медпункт. Ведал им Виктор Данилович Латышев. Это был биолог с высшим образованием, переквалифицировавшийся в лагере в медицинского работника. В заключении он был давно, прошел солидную медицинскую практику при лагерных больницах и теперь неплохо справлялся с обязанностями заведующего медпунктом.

Невысокого роста, скуластый, он и по внешнему виду напоминал деревенского фельдшера. Осужден Латышев был за непреднамеренное убийство (в порядке самозащиты) к десяти годам заключения. Как бытовик, он был расконвоирован, мог ходить в город и пользовался относительной свободой. Латышев был культурным человеком, много читал специальной литературы, был умен, изворотлив. С ним было приятно иметь дело. У Михаила Ильича установились с Латышевым очень хорошие отношения, но услугами его он не пользовался.

Как-то вечером Михаил Ильич почувствовал боль в пояснице и резь в мочевом пузыре. Он решил зайти в медпункт. Прием больных давно был окончен, но Латышев жил при медпункте, и Михаил Ильич застал его дома.

Боли все усиливались, становились совершенно нестерпимыми. Всю ночь Левин пробыл в медпункте, и ему не удалось уснуть ни на одну минуту. Неприятные боли вызвали рвоту.

Утром Латышев договорился о помещении Левина в городскую лагерную больницу и сам отвел его туда. Михаил Ильич впервые в своей жизни попал в больницу. Это был большой деревянный барак,

расположенный внутри лагерной зоны. Палаты были опшукатурены и побелены. В каждой помещалось шесть-семь больных. На металлических койках с сетками лежали ватные матрацы, покрытые бязевыми простынями. Было чисто. Медицинский персонал весь состоял из заключенных. Уход был внимательным, заботливым, питание достаточным. Нигде не подчеркивалось, что ты заключенный.

После первой мучительной ночи боли не возобновлялись, только очень низко упала температура тела — до 34,5–35,4 °С. Лечащий врач считал, что боли были вызваны прохождением через почки песка или мелкого камешка.

В больнице Михаил Ильич пробыл 11 дней. Здесь он узнал, что на его место Слепцов назначил техруком заключенного — инженера Киселева, работавшего вместе с ним в Прокопьевске, в Кузбассе. Это было неприятное известие. Слепцов мог оставить Киселева на этой работе и после выздоровления Михаила Ильича. Для этого ему не требовалось никаких объяснений или доказательств.

Неизвестно, удалось бы Михаилу Ильичу вновь попасть на работу по специальности или пришлось бы перейти на общие работы, вновь вернуться в общий барак.

Михаил Ильич старался ни одного горного инженера не отправлять на общие работы. Будет ли этой линии придерживаться Киселев? Сам по себе он не казался Михаилу Ильичу человеком, подходящим для работы в качестве техрука. В условиях лагеря помимо знаний и горняцкого опыта нужны были еще очень крепкий характер, решительность, организованность. Этого у Киселева не было. Повидимому, он был совершенно деморализован следствием, судом и тюрьмой. Временами казалось, что он не совсем вменяем: глаза, не мигая, смотрели в одну точку, лицо было совершенно бессмысленным. Возможно, что у Слепцова и было намерение оста-

вить Киселева техруком, но скоро он смог убедиться, что тот не в состоянии заменить Левина.

Слепцов, как в свое время Либерман, жил в Норильске. Ему нужно было иметь на шахте человека, самостоятельно на свой страх и риск ведущего все работы. Для этой роли Киселев не подходил.

Когда Михаил Ильич вернулся из больницы, он сразу же приступил к исполнению своих обязанностей. Но болезнь не прошла для него даром. Он пришел к твердому выводу, что в лагере болеть нельзя. Необходимо всеми силами стараться сохранить здоровье. Если ты все же заболел, то должен это скрывать от всех. Сочувствия ни у кого не вызовешь, но будешь выброшен из жизни и будешь влачить жалкое существование лагерного «доходяги», всеми толкаемого и презираемого. Михаил Ильич нагляделся на таких людей. Большинство их опускались все ниже и ниже и в конечном счете гибли в суровых условиях. Надо было крепко держать себя в руках, твердо верить, что лагерь — это только ступень в твоей жизни, что впереди еще будет много светлого, счастливого, что есть смысл бороться, что вся эпопея с осуждением, тюрьмой, лагерем пройдет, как кошмарный сон.

Шахта «Надежда», или иначе № 12, как уже было сказано, не была связана железнодорожными путями с магистралью Дудинка—Норильск. Не было до нее и автодороги. Это создавало большие трудности со снабжением ее продуктами, материалами, особенно крепежным лесом. Все предназначенное для шахты и лагпункта выгружалось на 102-м километре и отсюда тракторными санями доставлялось на «Надежду». Трактором приходилось тянуть грузы по топкой тундре. Они нередко выходили из строя, вязли.

Между тем подземные работы развивались довольно интенсивно. Наступил такой момент, когда из-за отсутствия крепежного леса работы были

приостановлены. Тракторов в тот момент Норильский комбинат выделить не мог, да и едва ли они могли бы помочь. Стояла уже осень, и тундра размякла. Даже тракторы не вытянули бы саней, груженных лесом. Шахте грозила консервация, может, всего на пару недель, но это было бы для нее крайне неприятным делом. Людей пришлось бы передать временно на другие объекты Норильского комбината, вернее всего, на другие шахты. Обратно их было бы очень трудно получить, особенно наиболее добросовестных и здоровых работников — людей первой категории по трудоспособности. С таким трудом созданный коллектив быстро развалился бы.

Было решено попытаться доставить на шахту лес на собственных плечах. Это была очень трудная задача. 102-й километр, где был выгружен крепежник, был расположен ниже «Надежды» на несколько сотен метров. Лес надо было восемь километров нести на плечах вверх по мокрой тундре, по глинистым скользким откосам. Лес же был тяжелый, прибывший сплавом по Енисею и только слегка обсохший. Не легче был и местный лес — лиственница, заготовленная в близлежащих к Норильску районах Таймырского полуострова.

На доставку леса вышли все рабочие и ИТР шахты, заключенные и вольнонаемные во главе со Слепцовым и Михаилом Ильичом. Утро было туманным и пасмурным. Намечено было сделать за смену два рейса. Каждая пара несла одну лесину. Это было тяжелым испытанием. Ноги вязли в глине, скользили на холмистых склонах. Влажные, скользкие бревна норовили сорваться с плеч, больно ударить по ногам и полететь вниз.

Михаил Ильич шел в паре с горным мастером Говорухиным. Это был крепыш невысокого роста, осужденный по бытовой статье. Была только одна мысль: дотянуть бревно во что бы то ни стало, не показать, что у тебя силы на исходе. Ведь рядом,

растянувшись длинной цепью, идет вся шахта. Никто не жалуется, никто не стонет, никто не просит пощады. И никому нет дела, что ты измучен следствием, судом, тюрьмой, что ты недостаточно сыт, недавно только вышел из больницы. Ведь ты техрук шахты. С твоего согласия проводится эта безумная затея. Терпи! Неси и доставь бревно на шахту. Никто не должен заметить, что у тебя дрожат ноги, что ты холодеешь при мысли, что не дотянешь до очередной передышки, когда одновременно с напарником сбросишь бревно и, выбрав сухое место, сядешь отдыхать. В голове не было никаких мыслей, только одно желание дойти до места, дойти во что бы то ни стало, не осраившись.

Поздно вечером доставка леса была закончена. Сделали только по одному рейсу. На следующий день подземные работы на шахте возобновились. Доставленного леса хватило на несколько дней. К этому времени комбинат подбросил крепежник, и больше ходить за лесом и нести его на плечах не пришлось.

Об этом варварском эксперименте ни Михаил Ильич, ни рабочие шахты никогда не вспоминали и не говорили.

НАКОНЕЦ-ТО НА ШАХТЕ ПОСЛЫШАЛСЯ СМЕХ...

С момента ареста, то есть с февраля 1939 г., почти три года, Левин не видел ни одной женщины, ни одного ребенка. Как будто они исчезли с лица земли. Кругом были одни мужчины: они вели следствие, они судили. В тюрьме и лагере вся обслуга, все начальство состояли исключительно из мужчин. Неожиданно в контору шахты пришли две женщины. Это были работники управления комбината — первые, с которыми встретился Михаил Ильич. Начальника шахты не было, и обе зашли в кабинет главного инженера и представились Михаилу Ильичу: горный инженер Любовь Абрамовна и экономист Раиса Михайловна. Им было

года по 24–25. Были они совершенно не похожи друг на друга. Черты лица Любви Абрамовны были более твердыми, волевыми: тонкий нос, сжатые губы. Карие глаза на белом лице смотрели пристально, чуть-чуть подозрительно, бледное лицо оттенялось черными волосами. Раиса Михайловна вся была круглая: полная небольшая фигурка, круглое лицо матового цвета, глаза с явно восточным разрезом. Улыбка открывала ровный ряд красивых зубов. Рот был небольшой, нежный. В мягком изгибе губ чувствовалась какая-то еле уловимая горечь. (Впоследствии Михаил Ильич узнал, что и она в лагере пробыла 5 лет.)

Обе, по-видимому, были довольны приходом на шахту, оживленно беседовали, выясняя, в каком состоянии работы на «Надежде», каковы ее нужды.

У Любви Абрамовны чувствовалась все же какая-то настороженность, напряженность. Она, должно быть, недавно прибыла в Норильск, наслушалась разных наставлений о том, как надо держаться с заключенными, особенно такими «страшными», как осужденные по 58-й статье враги народа.

Любовь Абрамовна Зайдман старалась скрыть чувство некоторого стеснения в необычной для нее среде, временами вдруг замолкала.

Раиса Михайловна была оживленной, любезной, много смеялась, шутила. Чувствовалось, что она в своей тарелке.

Наконец-то на шахте послышался смех, веселый, задорный. Он был здесь необычным: заключенные да и администрация лагеря не смеялись и не улыбались. Одни отбывали срок незаслуженного наказания, другие охраняли «врагов народа».

Тут было не до смеха и улыбок. Они были здесь неуместными, пожалуй, даже кощунственными, как на похоронах или на кладбище.

Двадцать лет спустя, когда Михаил Ильич уже 5 лет был реабилитированным и полностью восстановленным во всех правах, гостившая у него на даче

в Кисловодске племянница все время допытывалась, почему он никогда не улыбается. «Ведь улыбка — это флаг корабля», — все время твердила она.

Она была еще маленькая, не понимала, какую бурю мучительных переживаний вызывает своими вопросами. И действительно, не к месту было постное лицо, сурово сжатые губы, сдвинутые брови, когда ярко сиявшее южное солнце освещало стеной стоявший зеленый сад. В листе поблескивали, как будто отполированные, яблоки, груши, персики, синели крупные сливы, застенчиво прячась от людских глаз.

Все было хорошо и красиво, дышало покоем и тишиной, но еще не зарубцевались раны пережитых страданий, да и зарубцуются ли они до самой смерти? Михаил Ильич пытался улыбнуться, но улыбка получалась жалкой, скорее похожей на гримасу ребенка, собирающегося заплакать.

...Девушки пробыли на шахте часа три. На обратном пути их провожали до границы запретной зоны Левин и Михайлов. Последний не удержался и на прощание спросил: «Скажите, Раиса Михайловна, вы не корейка?» — «Нет, я корейка. Корейка получается, когда свинью зарежут, бок ее прокоптят. Это очень вкусная штука. К сожалению, из корейки корейку не сделаешь». Она весело рассмеелась. Михайлов, человек остроумный, находчивый, не привыкший за словом лезть в карман, на этот раз смутился и замолк.

По-дружески распрощались и разошлись в разные стороны: женщины в Норильск — тепло и свет вольного города, Михайлов с Левиным за проволоку, в зону оцепления.

Впоследствии Михаил Ильич в заключении встречал многих женщин и детей, но первое посещение «Надежды» двумя девушками оставило надолго воспоминание как о чем-то радостном, очень светлом, незабываемом.

РУКИ РАСПУХЛИ, КАК БРЕВНА...

Была суровая зима 1940 г. Стояли трескучие морозы. Михаил Ильич торопился с закладкой штольни. Надо было врезаться в коренные породы до весны, пока не размякли наносы и вода не хлынула в штольню. Возиться в грязи и слякоти не доставило бы большого удовольствия. Да и доставка на новую шахту материалов была более легкой по санному пути, чем по топкой тундре. Начало работ задерживала маркшейдерская группа. Морозы и туманы затрудняли теодолитные работы, не давали возможности вынести точку закладки штольни на местность. Стекла очков у маркшейдера Попова покрывались ледяной коркой. Он ничего не видел, а без очков работать не мог. По его словам, не только руки, но и нос и глаза у него примерзали к теодолиту. Михаил Ильич нервничал, нажимал на Попова. Тот сердился, огрызался, но в мороз на полевые работы не выходил. А кто мог сказать, скоро ли установится подходящая погода.

Пока же Михаил Ильич подбирал для «Западной» ИТРовский состав и комплектовал бригады. Она должна была стать вторым участком «Надежды».

Как-то раз в конце марта выдался ясный, солнечный день. Мороз был не слишком сильный, не больше -25°C . Попов наконец получил возможность провести необходимые работы и вынести точку заложения штольни и ее направление на местность. Все необходимые предварительные камерные работы были произведены заранее.

Дня оказалось достаточно, чтобы выполнить все маркшейдерские работы и дать возможность начать проходку штольни. Но до этого надо было рассчитать от снега площадку перед устьем штольни, настлать пути для вывозки породы от проходки, построить эстакады, обогревалку.

Работы было решено вести в две смены: первую начинать в 8 часов утра, вторую — в 16 часов и

сменяться на месте. Наряд рабочим и мастерам обоих смен давал Михаил Ильич. В книгу нарядов заносились все задания на смену, мастер расписывался в их получении и уводил людей на работу. Наряды давались в новой конторе шахты «Надежда», находившейся примерно в 500–600 метрах от точки заложения новой штольни.

Ночи еще стояли длинные, и к моменту ухода людей на шахту «Западная» (так назывался новый участок) еще было темно.

Дней через 10 после начала работ на «Западной» Михаил Ильич как-то утром проводил наряд. Дул сильный ветер. Шел снег. Не видно было ни зги. Мороз был не слишком сильным — где-то около – 25 °С. Показатели погоды не позволяли день активировать, то есть признать непригодным для работы, и людей оставить в лагере. Самое неприятное было, что еще темно, что пробитую в снегу дорогу метель заносила и люди могли сбиться с пути. Кругом на много километров была только голая, мертвая тундра. Люди могли заблудиться, могли наткнуться на заслон охраны, не услышать из-за воя ветра окрика и быть расстрелянными. Если задержать смену до наступления светлого времени, то разыгрывающаяся пурга могла совсем сорвать работы.

Сроки же врезки штольни были жесткими. Потребность Норильска в коксующемся угле для собственных нужд была очень велика. Комбинат требовал ускорения работ. Итак, смена должна вовремя попасть на работу! Наряд дан. Надо выходить из конторы. Рабочие начали по одному выскакивать на улицу, но сразу возвращались обратно. Через дверь видна была вращающаяся белая снежная муть.

Среди рабочих начался ропот: «Нельзя идти, пропадем». Михаил Ильич обождал немного и решил сам вести рабочих на вахту. Все же он ранее работал на Крайнем Севере, был больше знаком с пургой, метелью. Недаром он почти три года зимо-

вал на Шпицбергене, работал в Сибири, был знаком со свирепыми морозами.

Став впереди колонны, он приказал: «Пошли!» Раздались возгласы: «Куда ведешь нас? На смерть ведешь!» Было действительно жутковато. Ветер завывал, захватывал снег, бросал его в лицо. Страшно было оставлять теплое, светлое помещение и идти в крошечный ад.

Но отступать уже было нельзя. Ведь это Таймыр! Будут более опасные моменты, будут более суровые пурги, осложнения в шахте. Распоряжения должны выполняться беспрекословно!

Михаил Ильич пошел, не оглядываясь. За ним потянулась вся смена. Замыкающим шел мастер. Михаил Ильич, собираясь на наряд, не думал идти в район «Западной»: ему предстояло сегодня проверить ход работ на «Надежде». Он был одет довольно легко: ведь вход в «Надежду» был расположен в нескольких десятках метров от конторы. Под землей же было 3–4 градуса мороза. При этих условиях было достаточно надеть на себя поверх телогрейки легкую прорезиненную куртку. На руках были брезентовые рукавицы. Идти так на «Западную» было рискованно, но времени на переодевание уже не было. Левин пошел без бушлата, без теплых рукавиц, без суконной маски для лица. Рабочие были одеты тепло. Уже метров через сто Михаил Ильич почувствовал, что у него мерзнет лицо. Было ощущение, что оно мертвеет, что вместо лица бесчувственная гипсовая маска. Ужас охватил Левина. Ни в Сибири, ни на Шпицбергене с ним такого не случилось. Он сбросил рукавицы, схватил рукой снег и стал натирать лицо. Когда начинала мерзнуть одна рука, он грел ее за пазухой и тер лицо другой рукой. Только впоследствии Михаил Ильич узнал, что тереть мерзнувший орган тела снегом нельзя.

К моменту, когда дошли до «Западной», он успел обморозить обе руки. Надо было немедленно

возвращаться в медпункт лагеря, где могла быть оказана ему первая помощь. Проверив, что все люди благополучно дошли до места работы, Михаил Ильич оставил смену на попечение мастера и быстро вернулся в медпункт. К этому времени кисти рук сильно распухли. У Левина оказалось обморожение 3-й степени.

На медпункте Латышева уже не было. Им теперь ведал Григорий Давидович Бриллиант — опытный врач, в свое время бывший главным врачом крупной больницы, а затем заведующим областным отделом здравоохранения на Украине. В 1938 г. он был арестован, обвинен во вредительстве и осужден на 25 лет заключения. Это был очень культурный, мягкий, обходительный и внимательный человек. К обязанностям заведующего медпунктом он относился с исключительной добросовестностью и рвением.

Осмотрев Михаила Ильича, Бриллиант покачал головой и сразу же велел погрузить руки в ванну с марганцовкой. Руки распухли, как бревна, кожа на них почернела и сходила клочьями. В течение двух недель длилось лечение, и все это время Михаил Ильич не мог посещать работ.

Со Слепцовым установились хорошие отношения. Это был беззаботный, жизнерадостный, веселый человек, любивший поговорить, рассказать анекдот. Жил он, как и Либерман, в Норильске. Добираться до вахты по-прежнему было нелегко. Это отнимало часа два, столько же требовалось затратить на обратное возвращение. Для шахты оставалось мало времени. Кроме того, по-видимому, Слепцов много выпивал и на вахту время от времени приходил обрюзгший, с большими синяками под глазами.

Вскоре Слепцова перевели начальником шахты «Угольный ручей». На «Надежду» начальником был назначен горный инженер Юрьев. Он решил установить на шахте более строгие порядки. Преж-

де всего Юрьев потребовал, чтобы заключенные, в том числе и весь инженерно-технический состав, называли его «гражданин начальник». Это было предусмотрено положением о заключенных. Подняв трубку телефона, заключенный обязан был сообщить: «Говорит заключенный такой-то», чтобы, не дай бог, его не приняли за вольнонаемного. Так было положено, но так никто не делал на шахте.

Начальника шахты Михаил Ильич и другие работники шахтоуправления называли по имени и отчеству. Ни Либерман, ни Слепцов против этого не возражали. В свою очередь, таким же образом и они обращались к своим заключенным. Это сближало на работе вольнонаемных и заключенных, давало возможность руководящим работникам з/к (так сокращенно называли заключенных) на время работы забывать их зависимое, приниженное положение. Впоследствии Михаил Ильич убедился, что такой же тактики придерживались заключенные-инженеры и в Норильске.

Как Юрьев ни старался, никто его «гражданином начальником» не называл. Это уже была завоеванная позиция в борьбе за достоинство и права заключенного инженерно-технического персонала, и никто не хотел ее сдавать.

Юрьеву, возможно, было безразлично, как его зовут заключенные, но он опасался, что услышат посторонние и его обвинят в «близости», панибратстве с заключенными. Это был вообще недалекий, педантичный человек, всего боявшийся. Попытался он вмешаться и в ход наряда. Это было пустой затеей, так как он ни работ, ни людей не знал. Пару дней Михаил Ильич терпел его присутствие на нарядах, затем в грубой форме предложил ему убраться из нарядной. Чтобы заключенный прогнал с наряда вольнонаемного начальника, было неслыханным делом. Юрьев опешил, но все же ушел и на нарядах больше не появлялся.

М. И. Евзеров

Со стороны Михаила Ильича это был рискованный шаг. Юрьев мог его снять с работы и отправить в штрафной изолятор, но он смолчал и в дальнейшем в дела Левина не вмешивался. На резкий шаг по отношению к Юрьеву Михаил Ильич решился не случайно. Ему не нравился этот сухой, пропитанный формализмом инженер. Как горняка, он себя ничем на шахте не проявил,

свой же мелочный, ничтожный характер показал сразу. Неприятна была его манера спрашивать, если он чего-либо не понимал: «По чьему заданию вы это сделали?» Намекал, должно быть, на выполнение чьей-то вредительской директивы. Он был прямой противоположностью двум предыдущим начальникам шахты. Те тоже не особенно вникали в ход работ на шахте, но оба были жизнерадостными, общительными людьми, с заключенными держались просто, как равные, избегали даже случайно обидеть кого-либо. Их приход всегда радовал. Они приносили атмосферу другого мира, известия о том, что творится там, на воле, за проволокой.

Юрьев приходил на шахту хмурый, серьезный, сосредоточенный. Завидев его, инженеры в конторе начинали перешептываться: «Идет козел, гражданин начальник. Сейчас начнет давать директивы».

Юрьев недолго пробыл начальником шахты. Его сменил молодой инженер-механик Николай Иванович Галкин. Все были довольны уходом Юрьева. Каким-то будет новый начальник шахты? Кого бог послал на «Надежду»?

P.S. На этом месте мы пока прервем записки горного инженера Моисея Исааковича Евзерова. Судя по деталям и подробностям лагерной жизни, свой рассказ о мытарствах в Норильске он начал почти по горячим следам. Писал долго, время от времени давая передышку самому себе: заново пережить Норильлаг, даже в воспоминаниях, очень тяжело.

Нам не хотелось сокращать документальное повествование автора, скрывшегося за именем Михаила Ильича Левина. Трудно переоценить личный вклад М.И. Евзерова в историю горного дела в Норильске и как непосредственного участника, и как человека, описавшего ее первые страницы.

Продолжение записок горного инженера М.И. Евзерова читайте во второй книге воспоминаний норильчан.

Посвящается отцу

Поколение 30-х

Мы были рождены в те роковые годы,
Когда рубили лес с древами вековыми.
И высевались новые, советские народы
В образовавшейся пустыне.
Нас памяти лишить старались,
Срубить с корнями дерево хотели;
Рабочих предков помнить разрешалось,
Иных забыть под страхом смерти повелели.
И мы росли в семье единой,
Единого отца благославляя,
Порой не зная, кто мы, чьи мы,
Вершившегося зла не сознавая.
Сегодня нас корят за это дети.
Или не понять, что жертвами мы были,
Но все равно перед ними мы в ответе,
И корни оживить должны, что не срубили.

Ирина Домарева (Ганишкевич)

Ирина Домарева:

*«У моего отца жизнь –
отнятая дважды...»*

«В.С. Домарев начинал свою трудовую жизнь геолога в 1925 г. в Норильске, и окончилась эта жизнь в Норильске же; начиналась она с изучения недр горы Рудной и оборвалась у подножия той же горы».

*И.А. Шамис,
ветеран Норильска,
ветеран гражданской войны.
Заполярная правда. 1985. 6 ноября*

Я совсем не помню своего отца. Мне не было и трех лет, когда нас разлучили, как оказалось, навсегда. Его образ сложился по рассказам хорошо знавших его людей, письмам, фактам биографии, сохранившимся документам и фотографиям. С раннего детства я слышала об отце только восторженные отзывы и как о человеке, и как о специалисте. Его письма полны тревоги за близких ему людей, любви к ним, живого участия, несмотря на трагизм его собственного положения.

В.С. Домарев

Гибель отца работники Геологического управления г. Норильска, где он работал главным инженером, восприняли как личное горе. Выражая нам свои соболезнования, они отмечали его исключительную чуткость и внимание не только к ним лично, но и к их семьям, особенно детям. Помню, что в моем еще детском сознании, жаждущем справедливости, никак не укладывалось, что такой человек мог быть назван «врагом народа».

И вот теперь, в преддверии его столетнего юбилея, я пытаюсь обобщить все, что знаю о личности, жизни, деятельности и трагической гибели моего отца ДОМАРЕВА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА.

Ирина Домарева (Ганишкевич)

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГОРОЙ РУДНОЙ

Наверное, не будет преувеличением сказать, что самой большой любовью Владимира Сергеевича была геология — дело всей его жизни. Геологические странствия, лишения кочевой жизни, страстная любовь к профессии и полная самоотдача ей закалили его физически и нравственно и впоследствии помогли вынести жестокие удары судьбы...

Еще будучи студентом горного института, он начал работать в области геологии, а после его окончания поступил в Геологический комитет в Ленинграде и сразу же, в мае 1925 г., в составе 4-й экспедиции под руководством П.С. Аллилуева был направлен в Норильск: проработал там шесть месяцев, проводя вместе с геологом Геолкома И.Ф. Григорьевым первое обстоятельное обследование горы Рудной. Это был единственный раз, когда Владимир Сергеевич был в экспедиции без жены. В дальнейшем, начиная с 1926 г., она сопровождала его во всех поездках, разделяя с ним все трудности кочевой жизни. Много лет спустя, 8 мая 1945 г., Владимир Сергеевич писал жене: «... часто вспоминаю, как ездили с тобой вместе и как было хорошо. Впрочем, вспоминаются не только поездки, а вообще вся наша жизнь. И так хочется опять быть вместе».

В 1926 г. в качестве начальника геологоразведочной партии Геолкома Владимир Сергеевич руководил разведкой и изучением Садонского месторождения на Северном Кавказе, а затем с 1927 г. — разведкой и изучением месторождений цветных металлов в Хакасии и Минусинском районе.

Кристально честный, не признающий никаких компромиссов, скромный, справедливый и бескорыстный, Владимир Сергеевич пользовался большим уважением и любовью работавших с ним людей и

местных жителей. Всегда приветливый, жизнерадостный, энергичный, он был вхож в любой дом. «Вот и наше солнышко явилось!» — встречали его местные квартирные хозяйки. Наталья Дмитриевна рассказывала, как уважительно относился он к национальным традициям и обычаям, особенно на Северном Кавказе, сам неукоснительно их соблюдал и строго требовал этого от нее.

Владимир Сергеевич бережно относился к государственным средствам, сэкономил каждую копейку, прежде всего урезая себя в жизненных удобствах. В то время как начальники других геологических партий перемещались со своими женами в автомобилях, Владимир Сергеевич и Наталья Дмитриевна «гарцевали» верхом на лошадях. Лошадей он очень любил. Каждый вечер заходил в конюшню проверить, отдохнули ли они с дороги.

Человек, не любящий природу, наверное, не выбрал бы геологическую стезю. Любовь к природе вообще и к животному миру в частности составляла суть Владимира Сергеевича. Практически всю жизнь пешком и верхом на лошади, на лодке, а потом и на оленях он прошел и проехал сотни километров по нехоженным и неезженным тропам необъятных российских просторов с фотоаппаратом и охотничьим ружьем, из которого не убил ни одного животного, ни одной птицы. Только однажды пришлось ему собственноручно пристрелить любимую овчарку Рекса из-за того, что ее покусал бешеный волк. Этого требовали правила безопасности вверенных ему людей. И только жена знала, чего это ему стоило!..

В 1932 г. Владимир Сергеевич был назначен главным инженером Минусинской геологоразведочной базы и проработал в этом качестве до февраля 1933 г. Подытожить этот период жизни Владимира Сергеевича можно словами составителя «Истории ЗСГУ (Западно-Сибирского геологоразведочного управления)» Л.Д. Староверова, который в 1976 г. писал в письме к Виктору Сергеевичу следующее: «Ваш брат, Владимир Сергеевич, в 1931–32 гг. был техруком

Хакаско-Минусинской геологоразведочной базы. Его руководство было кратким, но он оставил у сибиряков-минусинцев очень хорошее впечатление. Для «Истории» он представляет особую «ветвь» как лицо, возглавлявшее крупные работы по Минусинской меди от Института цветных металлов, ведшиеся из Ленинграда с 1928 г. до передачи их в 1931 г. в ЗСГУ в порядке децентрализации...»

В 1933 г. Владимир Сергеевич проводил разведочные работы в Орско-Халиловском районе (Южный Урал).

КОРОТКИЙ ПРИВАЛ. ОТЦОВСТВО

В 1934 г. Владимир Сергеевич был назначен главным инженером отдела изысканий Лентранс-проекта. Переход к оседлому образу жизни на девятом году супружества ознаменовался рождением 7 января 1934 г. дочери Ирины.

По-прежнему много сил, времени и знаний Владимир Сергеевич отдавал работе. Активно занимался педагогической деятельностью: преподавал в горном институте, геологоразведочном техникуме, пром-академии. Много внимания уделял молодым специалистам. Большую часть свободного времени отдавал микроскопии (петрографии), любил театр, шахматы. По словам Натальи Дмитриевны, Владимир Сергеевич безупречно относился к семье, обожал дочь, мечтал привить ей любовь к геологии, собирал для нее коллекцию камней. Когда дочь немного подросла, он все выходные дни проводил с ней. Будто предчувствуя скорую разлуку, отказался от посещения в выходные дни театров, гостей. Вот как описывал он впоследствии это время. «Когда ты была маленькой, то очень любила елку, любила ее украшать. Я брал тебя на руки (елка у нас бывала большая, почти до потолка комнаты), мы ходили вокруг елки. Ты брала ручонками игрушки, конфеты и т.д. и старалась их повесить на веточки. Но елка кололась, иглы мешали вешать. Я потихоньку вешал за тебя. А ты, увидев, как вдруг украсилась веточка, весело смеялась.

Зажигали елочку первый раз в день твоего рождения. Приходили Витек, Таня, дети тети Лели... и другие детишки. Димочка был большой, но с тобой он тоже любил играть. Когда зажигали свечи, все очень веселились и любили бегать вокруг елки...»

«Когда ты была совсем маленькая, я тебя часто носил в зоологический сад. Вначале ты любила смотреть птичек, а больших животных боялась, особенно хищных: львов, тигров, медведей — и рогатых: оленей, лосей, буйволов. А потом привыкла и к ним и с удовольствием смотрела, как белые медведи плавают в воде...» *(из писем к дочери)*.

Наверное, это и есть простое человеческое счастье — любимая работа, любимая и любящая жена, «такая семьянинка», обожаемая дочь... И как же коротко было счастье!

Однажды Владимира Сергеевича вызвали в НКВД и предложили сообщать интересующие их сведения о его сотрудниках, иными словами — стать «стукачом». Он с негодованием отказался. Это было началом его конца.

АРЕСТ. ГОДЫ В ГУЛАГЕ. НОРИЛЬСК

За ним пришли в ночь на 5 декабря 1936 г. Город, увешанный красными флагами, спал в ожидании праздника — дня сталинской конституции. Произвели обыск. Что-то искали, тщательно перевернув все, даже детскую кроватку. Перетряхнули все книги. Тут их поиски увенчались успехом. У Владимира Сергеевича была привычка копить деньги, закладывая их между страницами книг. Эти деньги были тут же конфискованы (вряд ли в пользу государства). Прихватили с собой и некоторую мелочь вроде золотой медали за окончание гимназии. А главное — увели человека, увели от дому, семьи, счастья, оставив слезы, боль, загубленные жизни...

В то время аресты, видимо, не приняли еще такого массового характера. Были разрешены свидания с арестованными. До собственного ареста Наталья Дмитриевна имела возможность несколько раз

увидеться с мужем, собственными глазами увидеть выбитые при допросах зубы, получить скудную информацию из его собственных уст. Из него так и не смогли выбить показаний ни против себя, ни против кого-либо другого. Во время одного из свиданий он сообщил жене, что, поскольку ему не могут предъявить никаких обвинений, есть надежда на его освобождение. Однако уже на следующем свидании, на которое Наталья Дмитриевна пришла вместе с женой также

В.С. Домарев. 1936 г.

арестованного приятеля Владимира Сергеевича, он, увидев их вместе, потребовал, чтобы она больше не общалась с этой женщиной, так как ее муж дал показания против него, и надежда на освобождение рассеялась как дым. А далее — осуждение на 10 лет лишения свободы по пресловутой 58-й статье.

Можно только догадываться, что переживает человек, вырванный из жизни и длительное время лишенный какой-либо информации о родных и близких. И хотя с Владимиром Сергеевичем осталась его любимая работа, что несколько облегчило его участь, она, как и всякая подневольная работа, не приносила должного удовлетворения. Он был этапирован в Норильск, где, естественно, в системе ГУЛАГа, занимался геологическим изучением. «Геологическое изучение, по существу, надо начинать сначала и даже хуже — переделывать. В свое время я проделал это для Норильска, можно сказать, поставил его на новые рельсы, по которым оно и катится дальше. Но заслуги остались за другими, и награды тоже. Я попал на мелкомасштабную геологическую съемку, чему и был доволен» (из письма к брату от 14 января 1946 г.).

«Я, пишущий эти строки, познакомился с Владимиром Сергеевичем в 1939 году в Норильске. Скромность, чуткость и отзывчивость Владимира Сергеевича по отношению к товарищам обратили на себя внимание не только мое, но и многих других, и уже в скором времени мы с ним были хорошими товарищами. Шесть лет жили мы с ним под одной крышей и делили горе и радости, а радостями у нас были вести от родных и успехи в работе. В начале лета мы обычно разъезжались по экспедициям, тепло провожая друг друга. Особенно радостны у нас были дни встреч по возвращении с полевых работ. К этому времени почти всегда приходили вести с материка, и мы делились новостями, впечатлениями от наших путешествий по тундре и тайге, мечтали о скорой встрече с родными и друзьями» *(из письма Пантелеймона Ивановича Савенко, адресованного Наталье Дмитриевне 4 мая 1947 г.)*.

Так протекали годы, долгие годы одиночества, тоски по близким, полной изоляции от нормальной человеческой жизни, но согреваемые любимой работой и узами товарищества с людьми аналогичной судьбы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ. ВРЕМЯ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ

Наконец наступил декабрь 1945 г. — долгожданное время конца срока заключения, уменьшенного на один год. Но процедура освобождения затягивалась. «У меня, несмотря на то что срок прошел, перемен никаких нет. Для людей моей категории со времени начала войны кроме конца срока надо некоторое ходатайство служебного начальства. Старое начальство давно бы все закончило. Но сейчас у нас во главе стоит Н.Н. Урванцев. Он прежде всего пропустил время. И вместо того, чтобы проделать все заблаговременно, несмотря на мои неоднократные напоминания, начал действовать лишь через три недели после срока и так вяло, что, не знаю, когда будет конец, может, и надолго затянуться. И уже по собственному почину Н.Н. поступил со мной возмутительно.

Есть у нас одна работа, запущенная и разваленная, где много обещали и ничего почти не дали, и сейчас начинают за нее тормозить. И вот Н.Н. назначает меня на эту работу. Не касаясь всех трудностей и неприятностей, которые сулит эта работа сама по себе, расскажу, в какое положение он ставит мою семью. Работа в глухой болотистой тайге в 60 км от Туруханска; это и самый ближний населенный пункт. Никаких дорог нет. Летом еще можно легко попасть в Туруханск на лодке, если найдешь таковую, но зимой связь разведки с внешним миром почти прекращается. Надо идти 60 км пешком по Н. Тунгуске. На последней громадные наледи. Идущие обязательно несколько раз купаются. По трудной дороге идут дня три с ночевками на сильном морозе под открытым небом. Несколько человек уже замерзло насмерть, у многих отняли ноги или пальцы на ногах. Теперь лишь очень редко ходят отдельные смельчаки, молодые и здоровые. На месте живут в землянках, грязных, насыщенных всякими насекомыми.

Ничего нет от культуры, до сих пор нет ни одной книги, не говоря уже о радио. Ирочку везти туда никак нельзя хотя бы из-за школы. За Наташу боюсь.

Бытовые условия ужасны, а, кроме того, народ там самые отбросы; то, что даже из Норильска стараются сплавить куда-нибудь подальше. У меня будут разъезды, и оставлять Наташу одну просто страшно... Таким образом, это назначение на некоторое время опять откладывает жизнь с семьей.

Но и это не все. Несмотря на все мои протесты, Н.Н. требует, чтобы я ехал на место работ теперь, как только дадут самолет, до освобождения. Между тем оформить изменение положения, получить деньги, послать вызов Наташе я могу только здесь... Таким образом, почти год ничего никак не сможет измениться» — так описывал этот период Владимир Сергеевич в письме к сестре жены Евгении Дмитриевне, у которой воспитывалась его дочь. Получив это письмо отчаявшегося человека, Евгения Дмитриевна составила текст письма Сталину от дочери с просьбой за отца,

ТРУД В СССР — ДЕЛО ЧЕСТИ, ДЕЛО СЛАВЫ.
ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА!

ГРАМОТА

ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА ТРУДОВОГО
СОРЕВНОВАНИЯ НОРИЛЬЛАГА НКВД СССР

ВЫДАНА ОТЛИЧНИКУ ТРУДОВОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Домареву Владимиру Сергеевичу
ДОВИВШЕМУСЯ САМЫХ ВЫСОКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ В
СВОЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО
НОРИЛЬЛАГУ НКВД СССР, ВЫПОЛНИВШЕМУ ПЛАН
мая МЕСЯЦА НА 157%

А ТАКЖЕ СОБЛЮДАВШЕМУ ЛАГЕРНЫЙ РЕЖИМ И
ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ

РЕШЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА ТРУДОВОГО
СОРЕВНОВАНИЯ ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ Лучший
гелогел Норильлага

Председатель Центрального штаба В. Мушин
Трудового соревнования

Заместитель председателя Центрального штаба
Трудового соревнования

Протокол № 25 от 13 июня 1945.

Типография
Норильского комбината

которое та переписала и собственноручно отнесла в Кремль. И очень скоро это возымело действие.

4 февраля 1946 г. Владимир Сергеевич писал жене: «От работ на Северной меня освободили и назначили на Ангару... Новая работа разбросана по большому району, а база находится в селе Мотыгино в 120 км по Ангаре от устья. Это большое село на большой реке, в хорошо обжитом районе. У нас там есть свои хорошие дома, так что и с квартирой будет хорошо. Если развести огород, то прекрасно будет и с питанием, хотя можно прожить и на один паек. Есть средняя школа, так что и Ирочку туда можно взять. Прекрасный климат... Сам я встретил изменение в назначении с удовольствием. Для меня главное — жить с семьей, а там это вполне возможно — значит, уже хорошо».

И вот наступил долгожданный момент освобождения. «20 марта наконец я окончательно расстался со своим положением и после кратковременных сборов и оформления должен был спешно ехать из Норильска, — писал он жене из Красноярска 4 апреля 1946 г. — Не хотелось мне его покидать, но остаться было уже невозможно, и сам нач. комбината требовал срочного выезда в Ангарскую экспедицию. Скверно только, что при срочном выезде не успели оформить вызова тебе, а потому и не смог его послать. Он будет готов лишь во второй декаде апреля, и тебе его немедленно отправят».

Однако, несмотря на спешность выезда из Норильска, в Красноярске пришлось задержаться до начала навигации, то есть 20-х чисел мая. Владимир Сергеевич очень надеялся, что до этого времени Наталья Дмитриевна успеет приехать в Красноярск и они вместе отправятся в Мотыгино.

А вызова все не было. «Видно, обманули меня в Норильске и, вытолкнув оттуда, сразу же забыли все обещания и ничего не довели до конца» (*письмо из Мотыгино от 18 июля 1946 г.*). Очень ждал Владимир Сергеевич и встречи с дочерью, надеялся на ее приезд из Москвы с какой-либо оказией, но и здесь он испытал глубочайшее разочарование.

СНОВА НАЧАЛО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Несмотря на душевное смятение, в котором пребывал Владимир Сергеевич после отъезда из Норильска, тщетность ожидания приезда жены и дочери, трудности, связанные с новой работой, он начал понемногу обустраивать свою жизнь в Мотыгине.

Вскоре наконец в Мотыгино приехала и Наталья Дмитриевна. Как складывались вновь их отношения? Судя по всему — не просто. По словам Натальи Дмитриевны, годы одиночества изменили характер Владимира Сергеевича. Да и ее пережитое, наверное, изменило не к лучшему. Приходилось снова «притираться» друг к другу. Но уже был дом, хозяйство, они были вместе и вместе готовились к встрече с дочерью.

НОРИЛЬСК. ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

8 марта 1947 г. на имя В.С. Домарева из Москвы поступила правительственная телеграмма следующего содержания: «Необходимо получение данных бокситам, магнетитам после 41 года. Сообщите возможен ли ваш приезд в Москву этим вопросам. Завенягин».

Сразу после этого Владимир Сергеевич был срочно отозван в Норильск в связи с назначением на пост главного инженера Геологического управления комбината. Очень не хотелось ему опять срывать с места от только что как-то налаженной жизни. Он просил отсрочить переезд в Норильск до возвращения из предстоящей командировки в Москву, но Н.Н. Урванцев вновь был неумолим. Было решено, что Наталья Дмитриевна, одержимая идеей подготовить дочь к встрече с отцом, поедет в Москву, куда Владимир Сергеевич приедет уже из Норильска в мае...

21 апреля на имя Иры Домаревой в Москву пришла телеграмма: «... приеду командировку Москву 15 мая Крепко целую Папа», а через день, 23 апреля, по тому же адресу поступила радиограмма:

«23 апреля скоропостижно скончался Домарев Владимир Сергеевич. Похороны состоятся 25-го. Коллектив Геологического управления выражает свое глубокое соболезнование постигшем горе Начальник Геологического управления Кротов Урванцев».

Что же произошло? Вот как описывает происшедшее Елизавета Ивановна Урванцева в письме к Наталье Дмитриевне от 27 апреля 1947 г.

«...По приезде из Мотыгина Владимиру Сергеевичу сразу же не удалось достать квартиру, и он решил поселиться в Геологическом управлении, где ему отремонтировали две комнаты — вернее, комнату и кухню.

Помещение чистенькое, Владимиру Сергеевичу очень нравилось. Он, когда был у нас, говорил, что лучшего сейчас ничего не желает. В этом помещении геолог Коровяков жил год. Ход в это помещение раньше был с улицы, отдельный, а теперь его заделали и осталась одна дверь, которая выходила в бухгалтерию.

22 апреля в помещении бухгалтерии был геологический кружок — там было много народа... Выступал и Владимир Сергеевич. Кружок продолжался с 18 до 22 часов. После кружка Владимир Сергеевич поужинал и сел заниматься в своей комнате, и долго засиделся. В перерыве между занятиями несколько раз ходил в другую комнату, которая расположена в соседнем коридоре, — в этой комнате живет Ольга Максимовна Лобачева, инженер-геолог. А за стеной комнаты, где жил Владимир Сергеевич, помещались еще два сотрудника, но ход в эту комнату с улицы — отдельный.

В три часа ночи бандиты с целью ограбления кассы сделали вооруженный налет на Геологическое управление. Один из бандитов залез в форточку в бухгалтерию, пошел к выходной двери и впустил двух сообщников. Сторож спал, очевидно, сидя на стуле в канцелярии... Сторожа они привязали к стулу и стали требовать ключи от фондов и кассы. Сторож, пожилой, указал, что ключи у начальства, — начальник вот в той комнате и его зовут Владимир

Сергеевич. Бандиты постучались, назвались сотрудниками из 3-го отдела, назвали Владимира Сергеевича по имени. Он им открыл дверь, и тут разыгралась драма. На крик проснулась за стеной и Ольга Максимовна. Когда Ольга Максимовна выбежала из своей комнаты в коридор, один бандит стоял в коридоре, в конце, и подзывал ее к себе пальцем. Ранив ножом Владимира Сергеевича, бандиты скрылись.

Тут же пришла машина скорой помощи, и Ольга Максимовна проводила в больницу Владимира Сергеевича. Позвонили нам по просьбе Владимира Сергеевича, мы с Ник. Ник. прибежали в больницу. Владимир Сергеевич был в памяти — просил меня сообщить маме и Вам ...(стерто)... ввели морфий, и он чувствовал себя удовлетворительно. Вскоре был взят на операционный стол. Оказалась раненой тонкая кишка. Рана была зашита, также зашили две раны грудной клетки — ранено левое легкое. Тут же на столе

Похороны В.С. Домарева

после операции ему стало плохо, и, несмотря на все принятые меры, вернуть к жизни его не удалось. Мы с мужем были до конца операции. Я была в операционной. На вскрытии оказалось, что у Владимира Сергеевича митральный порок сердца, что и послужило осложнением. Вынос тела Домарева был из Геологического управления. Его провожала до кладбища масса народа — Владимира Сергеевича все любили и уважали, и каждый пришел отдать ему последний долг...»

Очевидно, щадя Наталью Дмитриевну,

Траурная процессия идет по улице Норильска

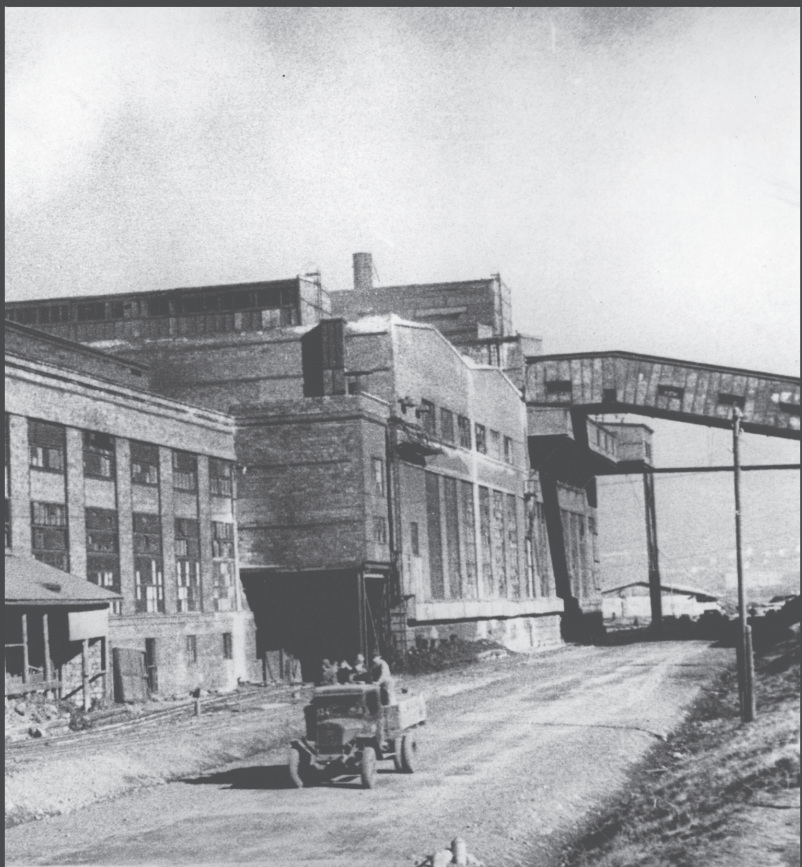
Елизавета Ивановна несколько смягчила трагичность происшедшего. Оказалось, что Владимир Сергеевич вступил в борьбу с бандитами, и они нанесли ему 17 ножевых ранений, было поранено даже лицо. И убежали они только тогда, когда Ольга Максимовна Лобачева вылезла через форточку на улицу и подняла крик...

Так нелепо и трагически прервалась эта жизнь. У моего отца жизнь — отнятая дважды... Она была уже прервана однажды, и только начиналась вновь... Владимир Сергеевич Домарев достоин жить вечно в памяти внуков и правнуков и служить для них примером. Ради этого и создавалось это жизнеописание.

Б.В. Витман

Борис Витман:

*«Норильск – место для
стойких, крепких духом
людей...»*

***«Я загоню тебя туда,
куда Макар телят не гонял»***

*(народная поговорка в устах
лефортовского следователя)*

Эти слова, а точнее, угрозу следователя, обращенную ко мне, я не случайно взял эпиграфом к воспоминаниям о Норильске. Свою угрозу следователь выполнил, загнав меня на 10 лет в заполярные норильские лагеря по сфабрикованному обвинительному заключению, несмотря на протест заместителя главного военного прокурора генерал-майора юстиции В.С.Фролова. Протест был обоснован отсутствием состава преступления в моих деяниях (копию подлинного документа я имею). Это, однако, не помешало «тройке» в составе Абакумова, Алферова и Меркулова (два министра и генпрокурор) без суда приговорить меня к 10 годам заключения.

Угроза следователя оказалась реальной: «Макаровы телята» в норильских лагерях сразу бы «откинули копыта»! Норильск — место для стойких, крепких духом людей, которые стали для меня примером и поддержкой. Они помогли остаться человеком, не пасть духом и не сломаться.

Волею судьбы мне выпала не совсем обычная, порой невероятная доля. Я оказался свидетелем и непосредственным участником ключевых событий Отечественной войны, которые, несмотря на их историческую значимость, до сих пор замалчиваются или представлены в искаженном виде. Мне пришлось пройти фронт, разведку, ранение, плен, побеги (их было пять), столкновение с фашистской контрразведкой, гестапо, нашим СМЕРШем.

Довелось изведать и концлагеря — нацистские и советские.

Обо всем этом, в том числе и о пребывании в норильских лагерях, подробнее я рассказал в двух документальных книгах: «Шпион, которому изменила Родина» («Элко», 1993) и «Синдром удава» («Терра», 1998).

МОЙ ДРУГ ПОБИСК

Грузовик подвез нас к вокзалу узкоколейной железной дороги Дудинка — Норильск.

Небольшой вагончик трясло и подбрасывало. Рельсы были уложены прямо на мерзлый грунт. В одном месте они разошлись, и вагончик чуть не перевернулся. Часов через семь езды по тундре вдали показалось много электрических огней. Из тьмы полярной ночи начали действительно вырастать многоэтажные дома и прямые освещенные проспекты. Обогнув город стороной, поезд въехал в промышленную зону со множеством заводских корпусов, высоких дымовых труб и окруженных колючей проволокой лагерей. В ясном ночном небе полыхало и переливалось северное сияние. Его цвет и очертания все время изменялись. Вот оно сделалось одноцветным — голубым, напомнило мне пламя горящего в небе фосфора, как тогда в Эссене, во время бомбежки. Потом вдруг наполнилось нежными, слегка размытыми цветами радуги. Таким я увидел Норильск в конце зимы 1949 г.

Я попал в лагерь заводууправления Норильского металлургического комбината. Через день пришел нарядчик и сказал, что на меня уже есть заявка от заводууправления — им требуется художник.

Заводууправление — кирпичное здание на территории промышленной зоны; там мне отвели место в красном уголке. Новым начальником моим стал завхоз управления Кирилл Константинович Мазур. Работы здесь хватало: транспаранты, плакаты, призывы, стенгазеты, даже портреты членов Политбюро, и конечно же таблички по технике безопасности.

Промышленная зона, огороженная многокилометровым забором из колючей проволоки, примыкала к зоне лагеря. Меня поместили в барак для ИТР. Здесь были собраны видные представители науки и техники. Многие инженеры из нашего барака работали главными специалистами, начальниками цехов, смен. У них, высоколобых зэков, в подчинении были сотни и тысячи вольных и заключенных. В нашем бараке держалась атмосфера редкой доброжелательности. И это заметно отличало его от множества других бараков, других лагерей и камер пересылок. Наш барак здесь был явным исключением.

Питание в тот период было сравнительно сносным, да и от вольнонаемных нам кое-что перепало. Многие из зэков получали посылки из дому. В том же лагере, но в другом бараке оказался Побиск Кузнецов, с которым мы подружились еще в трюме баржи. Побиск был личностью особой... Как-то он зашел к нам в барак. Несколько человек играли в шахматы. Моим соперником был сильный шахматист, и я проигрывал... Кузнецов предложил победителю сыграть с ним и обещал не глядеть на доску в течение всей партии. Расставили фигуры. Кузнецов сел спиной к доске и попросил меня переставлять его фигуры. Дебют разыграли быстро, как заученный. Затем под боем оказался слон Кузнецова, и я решил, что он зевнул; потом та же участь постигла другую фигуру. Побиск продолжал уверенно называть ходы, почти не задумываясь. Вокруг собралось много любопытных. Всю ежеминутно меняющуюся ситуацию шахматной баталии он держал в голове. А противник у него был не пустячный... Еще несколько ходов, и оппонент Кузнецова опрокинул своего короля — мат. Та же участь постигла и еще одного очень сильного шахматиста. Я выразил свое восхищение вслух, а он ответил:

— Игра вслепую! Не такой недоступный для нормального человека способ... — Не удержался и добавил: — Да у нас какой уж год вся страна в эту игру играет...

Он стал обучать меня шахматной игре вслепую, перемежая шахматную терминологию с политическими намеками.

Вскоре я кое-что освоил, и, шагая на работу, мы с Побиском умудрялись сыграть партию без доски и без шахмат. Выиграть у него мне ни разу не удавалось. Впрочем, как и другим довольно хорошим шахматистам. Меня постоянно влекло к этому человеку. От него шел как бы ток высокого напряжения, и этот ток изливался неизвестными тебе доселе познаниями, всегда основанными на доскональном изучении предмета, свободе мышления, развитой интуиции. Его интеллект базировался на мощной жизненной энергии — его не сломили ни война, ни репрессивная машина. Все это вызывало во мне жгучую зависть — постоянно хотелось достичь его вы-

Б.В. Витман

сот и мощи. Только в общении с Побиском Кузнецовым будущее прорывалось и присутствовало почти всегда. Он был как бы инициатором этого прорыва. И этим он был действительно уникален. Он говорил: «Здесь, в ГУЛАГе, нет будущего. Оно в твоей голове должно сидеть. И тогда состоится обязательно. Носи его в своей башке — расти, пестуй, и оно сбудется!»

Мои взгляды часто не совпадали со взглядами большинства окружающих, а с Побиском Кузнецовым было больше всего общности. С ним я не чувствовал себя белой вороной.

Необычно было уже само имя: **ПОБИСК**. Расшифровывалось оно так: Поколение Октября, Борцов И Строителей Коммунизма. Казалось бы, бедный сын с изуродованным именем и родители с изуродованной психикой, но на самом деле это были люди, желающие поскорее приблизить то, что приблизить нельзя.

Побиск воевал в гвардейской танковой бригаде командиром взвода разведки. Под Ржевом пришлось участвовать в рукопашном бою. Рассказал мне, как однажды среди документов убитого фашистского офицера увидел партбилет члена НСДАП¹. Задумался. «Какие же они фашисты, если за социализм, и партия у них рабочая? Мы за социализм, и они за социализм. Мы за рабочих, и они за рабочих... Почему же мы воюем, убиваем друг друга?» — спрашивал он себя и не находил ответа.

После тяжелого ранения стал инвалидом. Начал истово учиться. Увлёкся философией и политикой. Стал все глубже и глубже размышлять... Возникали один за другим вопросы, за ними — сомнения... Хотел понять первооснову возникновения живой материи и жизни в целом... Натура горячая — полемист! Решил создать научно-студенческое общество. Кто-то накатал на него телегу в КГБ. Обвинили в попытке создать антикомсомольское общество!..

Судил его военный трибунал за терроризм (еще с фронта остался пистолет) и создание контрреволюционной организации...

Так он схлопотал свои 10 лет лагерей.

В тюрьмах, на пересылках и в лагерях учителя нашлись получше да покруче, чем в университе-

---

¹ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

те, — светочи, цвет нации. И каждый готов с тобой одним заниматься от зари до зари — недаром индийская мудрость гласит: «В этом мире всегда хватало учителей, в этом мире всегда недоставало учеников».

Побиск оказался великолепным учеником, а это — неслыханная радость для настоящего ученого.

Человек редких математических способностей, он постоянно и глубоко изучал естественные науки, физику самых современных направлений, химию, философию. А там уже пошли социология и политика... — ну как такого держать на свободе?..

Сосредоточенное лицо русского сильного мужика, по типу ближе к военной интеллигенции, чем к университетской профессуре, высокий лоб слегка нависает над глазами. Разговаривая, он смотрит в упор на собеседника, словно гипнотизирует. Говорит увлеченно, но без излишних эмоций. Всматривается в глаза собеседника, как бы спрашивает: «Мысль понятна?.. Принята?..» Он не зауживает и не долбит дотошно тему беседы, а, наоборот, постоянно расширяет ее, захватывает близлежащие пласты, но основное направление держит крепко. При этом обнаруживает необычайно широкий диапазон познаний и в то же время категоричен и уверен в своих убеждениях. Многих это подавляет. Беседы с Побиском были необычайно интересны и всегда открывали для меня что-нибудь новое.

В лагерях Норильского горно-металлургического комбината Побиск Кузнецов общался со многими видными учеными: академиком Николаем Михайловичем Федоровским — основателем института прикладной минералогии, другом и соратником академика Вернадского (основатель Норильского комбината Завенягин был учеником Федоровского); доктором химических наук Яковом Моисеевичем Фишманом (в прошлом начальник химического управления Красной Армии); доктором

химических наук Петром Ивановичем Левиным — заведующим аналитической лабораторией (впоследствии заведующий аспирантурой в институте химической физики) и многими другими.

С некоторыми из них Побиск работал над решением актуальных научных проблем, опережающих по своему уровню разработки институтов Академии наук. Трудом, знаниями, талантом этой группы ученых комбинат в ту пору числился одним из лучших в стране. В Норильлаге была, может быть, самая квалифицированная, самая знаменитая общесоюзная шарашка. Сам же Норильлаг считался адом.

Наряду с когортой высококлассных специалистов и даже ученых с мировым именем было много молодых, исключительно талантливых, тех, кому из-за ранних арестов не пришлось еще сказать свое слово в науке, технике, в организационной деятельности. И не подумайте, что все они находили себе здесь маломальски достойное применение. Большинство попадали за малейшую провинность, да и без таковой, на общие работы и там погибали от непосильного, изнуряющего труда, голода, холода, болезней и пули охранника. Не сразу удалось Побиску приобщиться к научной шарашке Норильска. Пришлось ему побывать и в самом страшном норильском штрафном изоляторе — Каларгоне (правда, в качестве фельдшера). На Каларгон отправляли эков, совершивших лагерное убийство, и людоедов (из тех, кого возвращали из побега). Трое, к примеру, идут в побег, а четвертого прихватывают с собой как свинью, чтобы было чего есть в пути. И до поры эта «свинья» сама идет, да еще и нести кое-что может. А там, извините, на мясо...

Уникальные способности Побиска обращали на себя внимание не только наших отечественных, но и иностранных ученых, оказавшихся в советских концлагерях. Видный немецкий ученый, советник Гитлера по вопросам тяжелой промыш-

ленности, Борхарт однажды сказал: «Побиск есть очень умный. Если бы он был в Германии, я, не задумываясь, дал бы ему большой институт для реализации его идей». В Норильске Борхарт очутился за отказ от поста министра тяжелой промышленности ГДР. Предложил ему этот пост сам президент Вильгельм Пик! Борхарт тогда заявил, что считал бы это изменой родине. За что и схлопотал «четвертак» (двадцать пять лет лагерей), но почему-то советских... Немцы, которых было здесь довольно много, относились к Борхарту весьма уважительно.

Среди норильских эков было немало людей, обладавших каким-нибудь интересным, а иногда и уникальным качеством. Инженер Давид Малков, автор множества технических идей и изобретений. Он предложил решение, как стабилизировать наклон знаменитой Пизанской башни. Это было совершенно новое, ни на что не похожее решение... Не Пизанская ли башня, находящаяся в Италии, погубила его?.. С Давидом Малковым никто не мог соперничать и по мгновенному отгадыванию кроссвордов, ребусов и самых невероятных головоломок.

Собрание таких талантливых и таких умудренных людей помогало не так уж остро переживать всю лагерную безысходность, бессмысленность постоянного угнетения. И все равно придется повторить, что заключенные норильских лагерей, и особенно его научные, инженерно-технические работники, были совершенно особым сообществом.

Побиск продолжал поддерживать с этими людьми связь и после освобождения. Вместе с академиком Василием Васильевичем Париным (они познакомились еще в Красноярском пересыльном лагере) работали над созданием систем жизнеобеспечения в космосе.

После возвращения из заключения Побиск окончил за три с половиной года заочный политех-

нический институт. Одновременно с дипломным проектом готовил защиту кандидатской диссертации. Тема была значительная. Заместитель директора института вызвал своего снабженца и распорядился обеспечить все заявки Кузнецова по первому же требованию. Хотел их познакомить, а Побиск говорит:

— Не надо. Мы старые знакомые. (Полковник госбезопасности Сарычев был «кумом» Норильского горлага и обещал сгноить Кузнецова в штрафном изоляторе.)

Из кабинета вышли вместе. Обалдевший Сарычев поинтересовался:

— Откуда у вас орден Красной Звезды?

— Вернули после реабилитации, — ответил Побиск. — А ношу, чтобы не задавали лишних вопросов.

Это обескуражило бывшего полковника и сильно огорчило... Вскоре он повесился. Возможно, на почве хронического алкоголизма, а может быть, потому, что пришлось обслуживать бывшего ээка. Но скорее всего побоялся, что призовут к ответу за совокупность всех и всяческих его собственных безобразий.

ПРАВДА И ЛЕГЕНДЫ НОРИЛЬЛАГА

Среди обычных личностей лагеря нельзя не вспомнить об одном дневальном — уборщике в конторе промзоны. Некоторые подробности о нем дошли до меня уже после его загадочного исчезновения. Я не был знаком с ним и видел всего раза два или три. В нем была какая-то подчеркнутая замкнутость. Молчаливость, граничащая с немотой. Среднего роста, коренаст, с волевым лицом, никогда не улыбался. Взгляд предельно внимательный, даже цепкий.

Рассказывали, что во время войны он оказался в плену. Был вывезен в Германию и помещен в конц-

лагерь. Его освободили американцы. Какое-то время находился у них. Потом вернулся домой. Итог известен: осужден «тройкой» как шпион и изменник Родины, отправлен в Норильск.

Часто, особенно в пургу, закончив уборку помещения конторы, он надевал на плечи вещмешок с камнями и уходил. Возвращался к середине ночи. Никто не знал, где и как он проводил это время. И вот однажды он исчез. В бараке надзиратели перевернули все вверх дном. Допросы продолжались несколько дней. В конторе, где он работал, произошло то же самое. Его вольнонаемного начальника выгнали с работы и отправили на материк. Репрессии шли одна за другой. Все понимали, что гулаговские чины всполошились неспроста. Дошли слухи, что дневальный был американским шпионом и что за ним прилетал специальный самолет оттуда!.. Всем нужны сказки и легенды. Тогда я не поверил этим слухам. Впрочем... без легенд и сказок, в которых вся система ГУЛАГа и вся его иерархическая лестница вместе с ее макушкой были бы посрамлены, нельзя было бы выжить. По крайней мере — дышать.

Мне довелось слышать от знакомых вольнонаемных, что «Голос Америки» в своих передачах не раз упоминал норильские лагеря заключенных. Сообщения отличались глубокой осведомленностью, подробно и точно отражали лагерную жизнь и повседневную хронику событий. Многие недоумевали, откуда они это знают. Точно — не в бровь, а в глаз, как от собственного корреспондента...

Примерно за год до происшествия с дневальным среди серого заполярного дня у меня на глазах произошел случай, которому я так и не смог найти объяснение. Возможно, он имел какое-то отношение к загадочному исчезновению дневального (ведь его так и не нашли). Это произошло, когда нас

вели под конвоем рыть очередной котлован в тундре. Начиналась весна — длинную полярную ночь сменял день. И, хотя солнце еще не появлялось, видимость была вполне приличная. Неожиданно на небольшой высоте показались два самолета без опознавательных знаков. Их преследовали три наших истребителя. Расстояние между ними сокращалось. Вдруг один из преследующих резко пошел вниз. Раздался взрыв — и из-за невысокой сопки поднялось облако серого дыма. Вслед за первым то же самое произошло и со вторым нашим истребителем. Никаких выстрелов при этом не было слышно. Два неизвестных самолета резко увеличили скорость и скрылись. Все это произошло фантастически быстро на глазах у сотни людей, и никто ничего не мог понять...

Как-то просматривая старую подшивку журналов «Химия», в одном из номеров на первой странице я увидел большой портрет и сразу узнал работавшего в нашей лаборатории Алексея Александровича Баландина. Под портретом перечислялись все его многочисленные титулы: доктор химических наук, член многих академий мира... Не хватало только последнего звания — зэк и должности — дневальный по цеху — так он числился по штатному расписанию в зоне.

В одной из лабораторий работал еще один зэк — Пиотровский (за точность фамилии не ручаюсь) — личность весьма загадочная. Ни с кем не общался. Говорил по-русски плохо, с сильным польским акцентом. Работал постоянно только в ночную смену. Подчинялся лично начальнику ОМЦ, лауреату Сталинской премии Киреенко. Чуть ли не каждую ночь к нему приходила из города молодая женщина с маленьким ребенком. Поговаривали, что это — его жена и что ее посещения разрешены самым высоким начальством.

Иначе бы им непоздоровилось: его отправили бы в штрафной лагпункт, ее — в двадцать четыре часа из Норильска.

Никто толком не знал, чем занимается Пиотровский, но, судя по сногсшибательным привилегиям, был он очень нужным специалистом и занимался очень важным делом. Работали мы в разных лабораториях, но в одном здании. Познакомился я с ним, когда стал работать в ночную смену. Но сблизиться с ним не удавалось. Он был застегнут, как говорится, на все застёжки и избегал каких бы то ни было контактов и общения. Это был крупный польский ученый-химик, автор нового способа эффективного получения кобальта, за который Киреенко получил лауреата Сталинской премии. Видимо, было за что оберегать ученого. Все это сообщил по секрету и мой приятель, бывший студент химико-технологического института, который в нашем цехе выполнял черновую работу по поручениям Киреенко и Пиотровского.

Теперь Пиотровский работал над очередной «лауреатской» темой. Студент, несмотря на меры предосторожности и секретность, разгадал сущность процесса. Прикидываясь простачком, он сумел ускорить процесс и получил результат раньше, чем планировалось. Цель опыта, который осуществлял Киреенко с помощью Пиотровского (или наоборот — тут черт голову сломит), — получение в чистом виде золота и платиноидов, содержащихся в шламе (переработанной руде), путем спекания и активного воздействия высококонцентрированными хлоридами (вот приблизительно так). Студент первым узнавал о результатах успешного эксперимента, потому что проводил их сам, и не торопился радовать шефа приятными новостями. Он сумел наскрести с килограмм крупинок чистого золота. Все это студент равномерно распределил в

вате своей телогрейки и проходил в ней почти год. Благополучно отсидел срок, освободился и уехал домой в своей старой телогрейке. Не захотел поменять ее на новую...

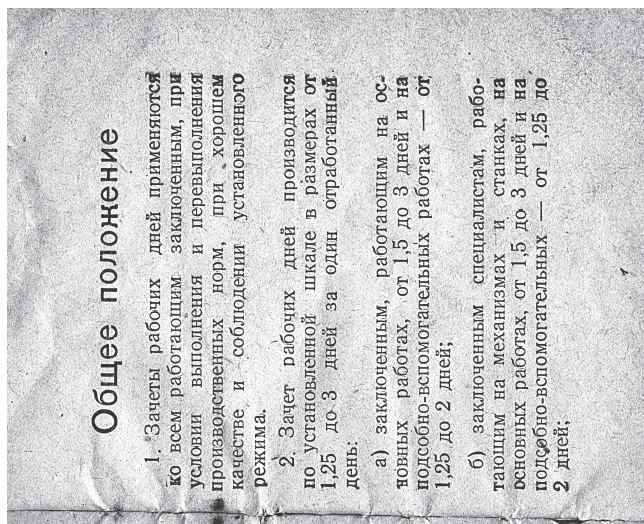
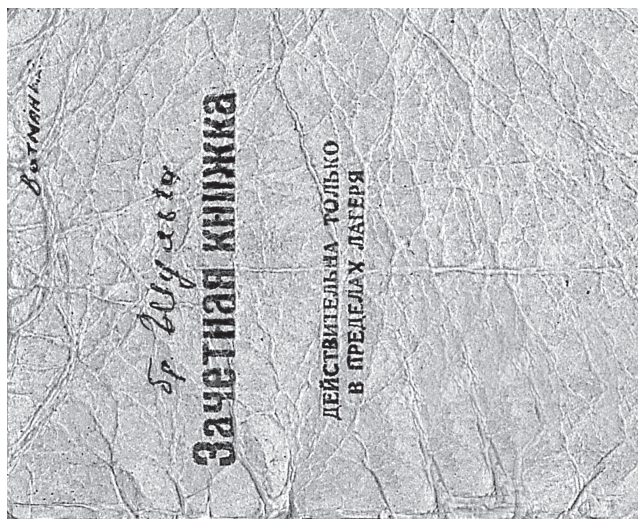
Когда пришел изуверский приказ: всю 58-ю статью отправить под землю! (58-я — это «контрреволюция» во всех ее видах и разновидностях), — Пиотровского куда-то отправили с первой же партией. О дальнейшей судьбе этого уникального ученого не знаю.

Сплошное горе, а не воспоминания...

В лагерь мы возвращались поздно вечером, а иногда оставались на вторую смену, чтобы меньше находиться в проклятом бараке. На работу приходили в бушлатах, там надевали белые или синие халаты, в зависимости от характера работы. Альберт Труусс, мастер на все руки, придумал способ превращения списанных халатов в непромокаемые плащи. Делалось это так: кусок черной «сырой» резины растворяли в бензине и наносили кистями на ткань несколькими слоями. Ткань приобретала гляцевитую поверхность. Издали можно было подумать, что на нас импортные макинтоши, такие, как у моряков дальнего плавания.

ТРУУСС

Однажды Альберт Труусс предложил сделать для лаборатории большое зеркало. Все необходимые реактивы для этого имелись. Не хватало только одного, но самого главного компонента — серебра. А я вспомнил, что на свалке видел выброшенные магнитные пускатели и реле от импортного оборудования с контактами из серебра. Эти самые контакты мы растворили в царской водке, получили хлористое серебро в виде белого губчатого осадка, растворили его в азотной кислоте, профильтровали

Зачетная книжка эска Витмана. С ее помощью велся зачет отработанных им дней. Смысл помесечной и ежеквартальной бухгалтерии заключался в пометке последней графы «Новый конец срока»: он мог быть сокращен при условии ударного труда заключенного и отсрочки нарушения лагерного режима

в) заключенным, инженерно-техническим работникам, работающим непосредственно на производстве, от которых зависит выполнение производственного плана подразделения, участка, прорабства, смены, зачет производится в соответствии с показателями выполнения плана данного подразделения, смены: на основных работах от 1,5 до 3 дней и на подсобно-вспомогательных работах — от 1,25 до 2 дней;

г) заключенным, работающим в аппаратах производственных отделов, отделений и частей, АТП, на счетно-контрольских должностях, стрелкам и пожарникам самообороны, медицинским, ветеринарным, санитарным и другим работникам хозяйственной ИТЛ, за полное обеспечение порученного им участка работы: на «отлично» — 1,5 дня и за особо выдающиеся показатели — 2 дня.

3. Заключенный, нарушивший лагерный режим, лишается на срок до одного месяца права на получение очередного зачета.

4. Заключенный, осужденный за преступление, совершенное в лагере, лишается всех предоставленных ему ранее зачетов.

5. Зачетная книжка должна находиться на руках у заключенного и отбираться при освобождении или переводе на другое место заключения.

ПОКАЗА
производительности труда в % к количеству отрабо-

Месяц	Процент выполнения плана за	К-во отрабо- танных дней	Колич. рабочих дней не под- лежащих за- чету из-за на- рушений лаг- режима
Январь	100%	26	26/1
Февраль	100%	25	25/1
Март	100%	23	23/1
За I квартал 1952.			

Начальник	
Апрель	25
Май	25
Июнь	26
За II квартал 19 г.	
Начальник	

ТЕЛИ
танных дней затрано дней, изменения срока за 1952г.

Подлежащий зачету	Размер зачета	Зачтено ра- бочих дней за квартал	Новый ко- нец срока
26	2-1	26	
25	1-5	13	
23	2	23	
183			

лагподразделения																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																														
------------------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

и в конце концов получили исходный продукт — чистое азотно-кислородное серебро. Подготовили большой лист стекла, установили его строго горизонтально и наливали на него тонкий слой раствора, предварительно добавив в него несколько капель восстановителя. Скоро на поверхности стекла стало осаждаться серебро. Изготовленное зеркало ничем не отличалось от лучших фирменных. После этого нам с Альбертом пришлось выполнить не один заказ, и я хорошо освоил это дело.

Несмотря на наше относительно сносное положение, лагерные будни постоянно напоминали о себе. По промзоне в поисках наживы шаталось много уголовников. В одиночку ходить стало опасно. Одним из пострадавших оказался академик Баландин. Его остановили двое с пиками¹, положили лицом в снег. Забрали несколько рублей (больше ничего не было), прокололи бушлат, поранили спину.

Однажды, когда мы шли на работу, наткнулись на труп женщины, припорошенный снегом. Юбка порвана, на голых ногах — следы царапин и ссадин, возле виска и рядом на снегу — кровь. Судя по всему, женщина была изнасилована и убита. Позже стало известно, как это произошло. Одна из бригад заключенных работала в промзоне в ночную смену. Бригадир встречался с вольной женщиной. Часто по ночам она приходила к нему на свидание, а потом он провожал ее. На этот раз бригадир не смог сам проводить ее и поручил это своему дневальному. На всякий случай тот взял с собой небольшой топорик. По пути дневальный стал приставать к женщине. Угрожал выдать ее связь с заключенным. А когда угрозы не действовали, ударил ее топориком в висок...

---

¹ Оружие норильских грабителей — кусок стального арматурного стержня длиной с полметра, заостренный на конце.

Ограбления и разбой в промзоне и городе, куда могли выходить расконвоированные «бытовики»¹, стали обычным явлением.

Постепенно стало выясняться, что сама спецкомендатура участвует в грабежах. Были случаи: задержат человека, приведут в комендатуру, обыщут, проверят, много ли с собой денег, и отпустят. Не успеет он сделать и сотни шагов, его остановят и под видом грабителей отберут деньги. Может быть, это так и продолжалось, если бы не случай. Грабитель остановил женщину, забрал все, что у нее было в карманах, в сумочке, и переложил к себе в карман. Женщина попросила: «Отдай хоть паспорт, он тебе ни к чему!» Грабитель вытащил из своего кармана паспорт и вернул ей. Женщина добежала до дома и обнаружила, что грабитель по ошибке отдал ей свой паспорт со штампом места работы — Норильская спецкомендатура. Женщина оказалась не робкого десятка и тут же обратилась в политотдел комбината. Оперативная группа отправилась по указанному в паспорте адресу. Работник спецкомендатуры был уже дома. Его попросили показать свой паспорт. Он достал паспорт из кармана и только тут обнаружил, что это паспорт ограбленной им женщины. После этого случая спецкомендатуру основательно перетряхнули. Ограблений стало меньше.

Подробности своей жизни в Норильске я описал в двух книгах.

---

¹ Осужденные за бытовые преступления: воровство, ограбления, изнасилование и т. п.

*П. Г. Кузнецов,
фото последних лет жизни*

Побиск Кузнецов:

*«Идея и определила мою
жизнь. Из-за идеи жизни сел...»*

К сожалению, эту книгу воспоминаний норильчан П. Г. Кузнецов не успел поддержать в руках — он умер от девятого инфаркта 4 декабря 2000 г. Руководители многих институтов, лабораторий самой разной научной направленности пришли проводить его в последний путь. Его соратники приняли решение разобрать и систематизировать богатый архив Побиска Кузнецова, представляющий, по мнению ученых, большую ценность для страны.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Родился в Красноярске 18 мая 1924 г. Из девятого класса я отправился в Ленинград поступать в военно-морскую спецшколу. По моему имени Побиск — «Поколение Октября, Борцов И Строителей Коммунизма» — я должен был быть готов к третьей букве, и, чтобы быть «борцом», я выбрал военно-морскую спецшколу. Чтобы поступить в военно-морскую спецшколу, нужно было иметь только 5 и 4, причем максимум две-три четверки. Поступил в 10-й класс. В газете «Красный флот» за 1940 г. сообщается, что в военно-морской спецшколе есть свои младшие командиры, среди них — Побиск Кузнецов.

На войне я в общем-то чувствовал себя спокойно, военно-морская спецшкола в Ленинграде помогла. Мы уже готовились к войне, психологически были готовы. Мой стаж службы идет с 1940 г. Воевал. Был серьезно ранен на фронте. После госпиталя решил учиться, но — не пришлось.

ЗА ЧТО МЕНЯ АРЕСТОВАЛИ

Я не знаю, правильно или неправильно поступил, но я расшифровал свое имя публично, я хотел объяснить, что у меня всю жизнь была одна-единственная задача. В госпитале для меня вопрос встал прямо: что такое коммунизм, нужно ли его строить и как строить? Поэтому я и хотел создать студенческое общество.

Идея и определила мою жизнь. Из-за идеи жизни сел... С идеей научного студенческого общества я подошел к одному из знакомых. А он пошел к секретарю комсомольской организации посоветоваться. 24 апреля 1943 г. секретарь комсомольской организации «нарисовал телегу», в которой говорилось, что пытаются создать организацию против комсомола, — так сперва это интерпретировалось. Так началось мое «дело».

В Новосибирске 11 сентября 1943 г. я возвращался со вступительных экзаменов в Институт инженеров железнодорожного транспорта, вошел в дом, на лестничной клетке нашего дома стоят двое, и вслед за мной: «Пройдемте». Сперва посадили в Новосибирске. Причем наибольшее удовольствие они испытывали, когда с «мясом» выдирали орден из гимнастерки. Приходит арестованный, думает, что орден его защищает, а его берут и вырывают.

Через два дня меня отправили в Москву. Вначале держали под Москвой, потом привезли на Лубянку. Но не били. Взять меня хотели еще в Москве, но я уехал в Новосибирск. Никому в институте, никому из родных не сказали, что меня арестовывать собираются. Отцу я написал, что «согрешил, не ведая, и ведаю, что согрешил» — такое нейтральное письмо, которое не дало ему оснований для подозрений. На Лубянке, в «сердце советской разведки», как она называлась, была внутренняя тюрьма, которую зэки именовали «Гостиница страхового общества России», потому что это здание когда-то было зданием Госстраха, а в середине здания была гостиница. Гостиница была переделана под тюрьму, привилегированную тюрьму, и Солженицын там тоже сидел... На допросах я говорил то, что думаю.

...Арест для меня был неожиданностью, но я спокойно к нему отнесся. Все страшно, пока не

попробуешь. Никакого надлома не произошло, потому что уже прошел войну. Это существенный элемент, очень существенный элемент. Когда побывал среди трупов, по-другому смотришь на жизнь. Следствие шло долго.

Присудили мне 58-ю статью, и трибунал дал мне десять лет. А вопросы-то остались! Они как были научными вопросами, так и остались научными вопросами. Уже как осужденных нас перевели в Бутырскую тюрьму. В середине пересылки находится церковь, которая использовалась как камера для переправляемых осужденных. Там со мной было странное явление: приснился сон, будто я попадаю в какое-то ярко освещенное помещение, какой-то коридор, и звучали слова... В общем это трудно передать, но было ясно, что дело, которым я занимаюсь, проблему эту научную надо доводить до конца. Получил такое наставление, а от кого — не знаю. Был голос. Я проснулся и помнил это. Я никогда верующим не был, а вот возникла какая-то поддержка замысла, поручение разобраться с этими вопросами, сделать это святое дело.

Сообщение о победе я услышал в этой церкви. Мы не знали, что происходит, ни известий не было, ни газет.

После приговора военного трибунала меня направили в Новосибирск, а в 1949 г., в июне, в Норильск — это был большой Норильлаг. И здесь всегда со мной был портсигар из пластика, склеенный формалином. Это лагерное изделие славилося не само по себе, а надписью: «Помни, что сказать, где сказать, а самое главное — что не сказать». Мудрое наставление зэка зэку.

«ШТРАФНЯК» НОРИЛЬЛАГА

Каларгон — это «штрафняк», куда отправляли тех, кто с побега возвращается: уходят четверо, троих возвращают. В общем, самые отпетые. Знаменитейший лагерь — это самый страшный изолятор для всего Норильлага. Он находится в 16 километрах от Норильска. Приехал я в Каларгон фельдшером, по личному желанию. Выхожу на первый развод. На улице минус 36 градусов и 5 метров в секунду ветер. По правилам каждый метр ветра учитывается за 2 градуса температуры, а температура ниже 40 градусов считается активированной. Я, как фельдшер, нарядчику говорю: «Коля, сегодня погода активированная». А первые две шеренги эков слышат, что я сказал нарядчику. В один миг 1500 человек как не бывало: построение рассыпалось. Шум, крик. «Мы тебя самого здесь сгноим, на Каларгоне не бывает активированной погоды». Кончилось тем, что приехал начальник санитарного управления Норильских лагерей. Это была женщина. Ей объясняют, что я разогнал колонну. «Расскажите, как это было». Я рассказываю, как это было. Она говорит: «Мой фельдшер поступил строго по инструкции, и я не вижу, за что его наказывать». Таким образом она спасла меня от весьма и весьма неприятного возможного исхода. После этого слава обо мне ходила среди авторитетов, что вот такой был человек: до него на Каларгоне погода не была активированная, а с него на Каларгоне началась активированная погода. Вообще я себя чувствовал спокойно во всех этих передрягах.

... Я не думаю, что жизнь нашего периода сильно отличалась от каких-нибудь других периодов. Я думал, что шарашки — это изобретение Стали-

на или Берии, а мне знающие люди объяснили, что еще у Екатерины на Урале были шарашки, где сидели интеллектуалы, от которых требовали, чтобы они изобретали что-нибудь для армии. Общее ощущение у меня такое, что практически все времена одинаковые.

ЕГО ИМЯ НОСИТ УЛИЦА В ГОРОДЕ ТАЛНАХЕ

В лагере было много народу, у которого можно было учиться по-настоящему, например Николай Михайлович Федоровский. Почти три года я учился у него.

От знаменитого ученого я узнал, что стать студентом МГУ его пригласил В.И. Вернадский. Федоровский сопровождал Владимира Ивановича в экспедициях по поиску радиоактивных руд, где и получил за свой непомерный аппетит прозвище «голодный индус». С удивлением услышал от Федоровского, что после революции Ленин посылал его с личным письмом к Эйнштейну для установления связей с западной наукой. Николай Михайлович имел феноменальную память и был блестящим знатоком минералов.

Когда мы с Федоровским встретились в лагере, он уже был больной старик. Таких, как он, у меня было 300 человек подшефных инвалидов, у которых раз в десять дней надо было измерять давление, большая часть инвалидов была гипертониками.

С Николаем Михайловичем Федоровским я познакомился при следующих обстоятельствах. Я выяснял в каждом лагере, сколько здесь и каких именно людей с учеными степенями и званиями. В числе других нашел санитарную карточку Федоровского. А в ней была написана специальность, указано, что он профессор. При-

гласил его для измерения давления. Это был 1951 г., мне было 27 лет. Я стал Федоровского расспрашивать, сказал, что очень интересуюсь геохимией, читал геохимию Ферсмана. Мы разговорились, речь пошла о Ферсмани, о том, какой замечательный человек Вернадский. Вот тут-то и выяснилось, что с Вернадским он лично знаком. И в книге Ферсмана я нашел кусок на три страницы, посвященный работам Федоровского, а тут сама знаменитость сидит прямо передо мной.

Он мне рассказывал всякие легенды, в том числе легенду о живой воде. Николай Михайлович подозревал, что живая вода существует — что-то похожее на живую воду. Анализы карлововарских вод на самом деле не являются анализами, потому что они контролируют только макроминеральный анализ, а некоторые вещества могут быть в ничтожных количествах, например посеребренный кварцевый песок, который включен в германскую фармакопею. Если в воду, зараженную микробами, бросить горстку такого песка, то через три-четыре минуты вода становится совершенно стерильной, можно пить такую воду. Когда серебряной ложечкой дают причастие, люди пьют и не заражаются. Серебряная ложечка обладает бактерицидным действием.

У Федоровского была подагра, поэтому он ко мне приходил, пил натофан, для него у меня всегда были готовы витамины и котелок овсяной каши. Свою кличку «голодающего индуса» он выдерживал: всегда хотел есть. Вот с Федоровским проблему жизни я и обсуждал.

Николай Михайлович освободился в марте 1953 г., отсидев 15 лет. Федоровский был основателем и первым директором Института прикладной минералогии. Теперь он носит имя Федоровского.

НОРИЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Сейчас пишут об этом восстании 1953 г. много разного. С одной стороны, была вроде бы провокация лагерных служб, которые хотели отличаться, хотели, чтобы была видимость восстания. С другой стороны, это было действительно восстание. Восстание я видел, находясь в пятом лаготделении... Раздался свисток в рабочей зоне. Я как раз ходил книжки забирать в нашем конструкторском бюро. Я выходил из этого дома и видел окна домов на восточной стороне площади. На них уже были вывешены черные флаги. Во всех отделениях эта история происходила почти одновременно. Поэтому, я думаю, это была провокация. После нее было много всего. Приехала комиссия. Кузнецов, начальник тюремного управления, заявил, что он по личному заданию Берии. Потом завели в зону человек 200 офицеров.

Черные флаги на башенных кранах развевались над Норильском. И никто месяц не ходил на работу. Тут разные были цели. Требовали вообще отменить все наказания, признать дела сфабрикованными, прежде всего Особым Совещением.

После смерти Сталина в марте 1953 г. все ждали, что будет объявлено какое-то послабление. А потом выяснилось, что послабление будет только уголовникам, но не нашему лагерю. Горлага это не коснулось. Восстание не было реакцией на смерть Сталина. Это была реакция на такое же восстание в Степлаге и Песчанлаге, откуда к нам пришел этап в 1700 человек, которые были в нашем лаготделении и в 4-м лаготделении. Точно не скажешь, как возникло восстание. Лагерная система вообще подвержена возможности бунтов. Только охрана оружие брось, и неизвестно, чем это кончится...

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

После завершения срока заключения в феврале 1954 г. меня привезли в пересыльную тюрьму Красноярска. Здесь выдали «вид на жительство» — документ, заменяющий паспорт. Я получил официальный статус бессрочного ссыльного и был направлен на поселение и работу в село Казачинское, расположенное в 200 км от Красноярска. Ежемесячно являлся для отметки в местные органы милиции. Здесь окончил курсы трактористов и был оформлен в качестве тракториста Казачинского МТС. У трактора СТЗ, на котором я работал, лопнула правая полуось, и на мою стопу наехала гусеница. Возник тяжелый отек, но инвалидом меня не признали и послали на посевную. Когда в очередной раз явился на отметку, меня признали больным и отпустили в Красноярск. В августе 1954 г. прибыл в Красноярск.

Во время работы в селе Казачинском летом 1954 г. подготовил письмо о проблеме жизни и отправил в Институт философии АН СССР в Москву, подписав его «Тракторист Кузнецов». Проблемы жизни по-прежнему всерьез занимали меня. Это главная идея моей собственной долгой жизни. Она потребовала от меня многих знаний: физики, химии, медицины, философии. Моя жизнь и после лагерей не была тихой или хотя бы спокойной. Много пережито, я стал доктором физико-математических наук, профессором. Брюссельский университет присвоил мне звание доктора философских наук. Званий, научных трудов у меня много, но сказать, что я постиг, что такое жизнь, — не могу. Нет у меня простого ответа, но глубокие размышления о жизни, изучение ее движения, форм и прочая, обогащают человека и человечество.

P.S. О восстании заключенных в 1953 г. известно немного даже тем, кто в то время жил в Норильске. Обмениваться информацией в то время (да и позже!) было невозможно и опасно, как для зэков, так и для вольнонаемных. Вот почему воспоминания о восстании в Норильлаге иногда оказываются противоречивыми, и до сих пор эта тема осталась не до конца исследованной. Всех, кому есть что рассказать об этой трагической странице в истории Норильлага, приглашаем восстановить в деталях событие, потрясшее ГУЛАГ не только черными флагами.

*И.А. Никулин.
1942 г.*

Игорь Никулин:

*«А вокруг чудес природы —
людские трагедии такого
многообразия и глубины,
каких человечество
не видело прежде».*

Строительство Норильского комбината развернулось во второй половине 30-х годов несметными ресурсами бесплатной рабсилы, в том числе специалистами и учеными самой высокой квалификации, которыми располагала страна. Их «мобилизация» без каких-либо ограничений осуществлялась ГУЛАГом НКВД по 58-й статье — «Измена Родине» по всем ее десяти пунктам, начиная от нелояльного режима (или начальству) анекдота и кончая, как правило, вымышленным «вредительством».

В числе заключенных трудился крупный ученый-геолог — профессор Урванцев, который до водворения его в ГУЛАГ, десятью годами раньше, открыл и исследовал норильское месторождение полиметаллических руд и угля. Он официально считается первооткрывателем этого уникального месторождения в современных его масштабах, хотя еще до революции были купцы-предприниматели, которые там кустарными методами выплавляли медь. Ее нельзя было не заметить в глубоком ущелье Угольного ручья, между горой Рудной, наспигованной богатейшими жильными рудами, и горой Шмидта, содержащей высококалорийный каменный, в том числе коксующийся, уголь.

Богатая содержанием металла жильная руда, в естественных условиях имеющая медно-никелевый блеск, добывалась в подземных рудниках, в очень сложных условиях в присутствии взрывоопасного метана.

А у поверхности гор залегала нормально-вкрапленная руда (в гранитных породах), которая добывалась на рудниках открытых работ. Буровые станки и экскаваторы с самыми современными по тому времени мощными электрическими приводами были получены из Америки по ленд-лизу.

В 1945 г. для освоения электрической части

экскаваторов фирм «Бюсайрус» и «Марион» и бур-станков «Стар-дриллинг» меня — начальника электрической части первой норильской ТЭЦ, которую я пускал в 1942 г., — без моего согласия направили работать главным энергетиком рудников открытых работ. В процессе наладки и эксплуатации умных и очень мощных машин, легко расправляющихся с самыми твердыми гранитами, я полюбил их и никогда не жалел, что меня на четыре года оторвали от моих электростанций.

В течение этих четырех лет (1945–1949), ежедневно поднимаясь вверх по ущелью Угольного ручья, я не переставал удивляться, что подо мной слева, в огромной горе, содержится богатейшая полиметаллическая платиновой группы руда, а справа — прекрасный каменный уголь, на штыбах которого работала наша первая норильская ТЭЦ-1. Калорийность этого угля намного превосходила калорий-

Буровые станки и экскаваторы с самыми современными по тому времени мощными электрическими приводами были получены из Америки по ленд-лизу

ность всех углей, с которыми мне пришлось иметь дело на очень большом числе электростанций последующие 40 лет.

А вокруг чудес природы — людские трагедии такого многообразия и глубины, каких человечество не видело прежде.

В одном я не согласен с Солженицыным. ГУЛАГ не был архипелагом, он был материком, занимающим одну шестую часть земной поверхности. Люди по обе стороны колючей проволоки адаптировались к этому режиму и трудились не за страх, а за совесть. Причем мне пришлось наблюдать, что инженеры-заключенные чаще и более смело при решении сложных технических вопросов шли на производственный риск в отличие от вольнонаемных специалистов, потому что им терять было уже нечего, а каждый вольнонаемный мог в любой момент оказаться за колючей проволокой.

Мне, в мои 84 года, от стариков, которым сейчас 60–70 лет, часто приходится слышать: «Что говорить о ГУЛАГе! Сейчас тоже все тюрьмы переполнены. Страну захлестнула преступность, у подъездов убивают людей». Да! Это очень горькая, но капля в море крови и человеческих страданий

И.А. Никулин. 1997 г.

в сравнении с тем, что мы пережили в прежние годы. ГУЛАГу НКВД не нужны были тюрьмы. Он со своим многомиллионным контингентом заключенных не вписался бы и во все тюрьмы, имеющиеся на планете.

Но обратимся к судьбам отдельных людей.

На рудниках открытых работ в Норильске со мной работал заключенный Михаил Евгеньевич Петренко, сильный физически и духом, высокий не только ростом, но и своими квалификацией, способностями и работоспособностью. Блестяще решая любые возложенные на него обязанности, он всем своим существом на грани и за гранью допустимого боролся с жестокостями лагерного режима. Вне лагеря завел семью, родил сына, впоследствии ставшего одним из мировых рекорсменов по плаванию. Все нарушения лагерного режима ему сходили с рук благодаря поистине гениальной работоспособности. Оперативно-чекистский отдел лагеря постоянно его преследовал, но верховное руководство лагеря и комбината (сосредоточенное в одних лицах) не позволяло учинить с ним окончательную расправу — он был нужен для строительства комбината. У него были почти все десять пунктов печально известной 58-й статьи УК только за то, что он трудился в руководстве Всероссийского электротехнического общества (ВЭО), прообраза будущего министерства, бывал за границей и обладал очевидной, даже для карательных органов, работоспособностью.

О его подвигах можно написать роман, приведу лишь несколько примеров. В 1941–1942 гг. комплектация оборудования первых турбин, котлов и генераторов ТЭЦ осуществлялась с большими трудностями военного времени. Оборудование, в том числе эвакуированное из западных районов страны, оказавшихся в оккупации, приходилось комплектовать, разыскивая комплектующие детали по всей стране.

В порядке конфиденциального разрешения НКВД заключенный Петренко на самолете норильского авиаотряда в сопровождении заместителя начальника лагеря и комбината по капстроительству Н.В. Волохова был отправлен во Владивосток для отбора комп-

лектующего оборудования для пуска первого агрегата ТЭЦ-1. Лучшее, чем Петренко, это сделать никто не мог. Над Владивостоком норильский самолет был взят в кольцо истребителями Красной Армии, которые по радио запросили, кто на борту норильского самолета и куда следует. Пока командир самолета и зам. начальника комбината в замешательстве совещались, что ответить, зэк Петренко продиктовал бортрадисту: «На борту самолета особоуполномоченный НКВД СССР Петренко в сопровождении майора госбезопасности Волохова следует в аэропорт Владивостока». Все было правдой! Никаких осложнений, связанных с «опасным преступником» на борту самолета в пограничной зоне в самый критический период Великой Отечественной войны, не возникло.

Однажды я задержался до глубокой ночи на руднике с монтажом высоковольтных электрических линий для экскаваторов в новых забоях. Проходя охраняемую вахту производственной зоны, я заметил, что из города к вахте движется высокая фигура человека с громоздким предметом на плече и винтовкой в руке. Я подождал и увидел невероятную сцену: инженер Петренко сбросил с плеча мертвецки пьяного своего конвоира, положил на вахте винтовку этого горе-конвоира, улыбнулся мне и бодро зашагал в производственную зону для того, чтобы пройти еще через одну вахту в свой лагерь. Как правило, исходя из производственной необходимости, он должен был быть бесконвойным и свободно перемещаться по всей территории комбината. Но его периодически, под вескими предложениями, органы конвоировали. В данном эпизоде он продемонстрировал цену и эффективность индивидуального конвоя. Несколько раз пытались пришить ему новое дело и новый срок, но это органам довести до конца ни разу не удавалось.

Расконвоирование отдельных заключенных в Норильске не было сопряжено с непосредственным риском предоставить им возможность побега. Доб-

ратся нелегально из поселка Норильск до материка было всегда несопоставимо труднее, чем нелегально выйти из оцепления лагерного пункта, где заключенные жили, или из производственной зоны, где они работали.

Официальные транспортные средства — воздушные и водные — были перекрыты жестким персональным контролем, а попытки уйти своим ходом из Норильска заканчивались трагедиями, о которых ходили легенды. С одной стороны Северный Ледовитый океан омывает Таймырский полуостров, до побережья которого лежит путь в 700–1000 километров. С другой стороны до Красноярска расстояние более 2000 километров. В немногочисленных населенных пунктах между Норильском и Красноярском беглые заключенные показаться не могли. Они были бы немедленно схвачены — там все знают друг друга в лицо.

Можно не сомневаться, что, несмотря на все сложности, побег и трагедии, с ними связанные, имели место, но не подлежали огласке, как и все, что было связано с лагерным режимом. Некоторые из легенд о побегах заключенных казались мне правдоподобными.

* * *

На рудниках открытых работ радио и телефонной связью в подразделениях занимался радиоинженер высокого класса заключенный Вольяно. Он охотно всем, кто к нему обращался, чинил радиоприемники любых марок, в том числе иностранных.

В один прекрасный день 1945 г. он не вышел на работу. Не получив вразумительного объяснения у лагерной администрации, я решил, что это очередные неразглашаемые режимные дела оперативно-чекистского отдела.

Примерно через полгода после исчезновения радиста Вольяно появился слух, что он бежал из Но-

рильска в направлении Северного Ледовитого океана с так называемой «коровой» — напарником, предназначенным для съедения, когда кончится пища, которую способны унести два человека. Но Вольяно не достиг побережья. Два трупа были обнаружены в разных местах далеко от Норильска, в том числе Вольяно. Он был сыном российского эмигранта с итальянской фамилией, который вырос и учился где-то за рубежом и знал иностранные языки.

Ходили слухи, что Вольяно установил радиосвязь с иностранной подводной лодкой и шел на встречу с ней. Немецкие подводные лодки во время войны достигали побережья Таймырского полуострова и в районе поселка Диксон вступали в бой с патрулирующими в Енисейской губе нашими военными судами. Эти факты нашли подтверждение в том, что в Норильске осели на жительство несколько военных моряков после излечения там ран, полученных в боях в районе Диксона.

Вот другой сохранившийся в моей памяти, не столь зловещий случай побега заключенного из Норильского лагеря.

Спортсмен высокого класса отбывал небольшой срок по уголовной статье, во время войны стал добиваться, чтобы его отправили на фронт. Получив отказ, он поздней осенью, по первому снегу, продвигаясь от Норильска до Транссибирской железной дороги, в течение полутора-двух месяцев дошел до Новосибирска, явился в военкомат и был отправлен в штрафной батальон на фронт.

* * *

После смерти Сталина и восстания заключенных лагерь в Норильске был ликвидирован. М.Е. Петренко освободился по отбытию срока и работал главным энергетиком Дудинского порта. Порт обслуживал перевалочную базу огромного комбината и города, весь грузопоток, который поступал в основ-

ном Северным морским путем и частично из Красноярска, по Енисею. Кстати, эта великая сибирская река в Дудинке имеет ширину около десяти километров и глубину, позволяющую принимать любые океанские суда.

Заключенные, отбывшие срок, после смерти Сталина были реабилитированы и могли свободно вернуться к месту своего прежнего жительства, а реабилитация Петренко по каким-то причинам долго задерживалась.

Наконец где-то в начале 60-х годов пришла на Петренко полная реабилитация с восстановлением всех прав жилплощади в Москве и т.д.

И вот Михаил Евгеньевич Петренко, переживший все тяготы лагерного режима, не смог пережить реабилитацию — его разбил паралич. В московскую квартиру вернулся по-прежнему несгибаемой воли и интеллекта человек, но с полным правосторонним параличом и соответствующими дефектами речи. При его росте выше 190 сантиметров это было тяжелое зрелище. Я бывал у него в московской квартире, а вскоре участвовал в его похоронах.

* * *

Лагерная администрация и прежде всего оперативно-чекистский отдел осуществляли преследование и пресечение любых малейших фактов непокорности и нелояльности.

В качестве мишени для своих постоянных преследований они избирали отдельных заключенных, руководствуясь непонятными для нас принципами. Делалось это, видимо, для устрашения всего контингента заключенных.

Все самые сложные расчеты режимов работы норильской энергосистемы осуществлял очень грамотный инженер — заключенный Дмитрий Васильевич Тимофеев, бывший работник Мосэнерго. Ни одного случая нарушения лагерного режима не чис-

лилось за этим застенчивым, культурным, принципиальным и гордым человеком. Но почему-то именно его очень часто подвергали изоляции и лишали возможности работать в энергосистеме.

КРД — контрреволюционная деятельность. Эти три зловещие буквы крупным шрифтом были написаны на спине бушлата каждого заключенного, который помещался в лагерь особо строгого режима.

Инженера Тимофеева периодически прятали от нас в этот лагерь. Руководству энергосистемы с трудом, но все же удавалось вызволять его оттуда, поскольку в этом была острая производственная необходимость.

В 1949 г., когда Тимофеева окончательно упрятали в Горный лагерь, меня освободили от работы главного энергетика рудников открытых работ и назначили начальником отдела режимов и главным диспетчером энергосистемы. Все расчеты, которые выполнял Тимофеев, перешли ко мне. Я первое время ходил к нему в Горный лагерь консультироваться.

Инженер Тимофеев, этот негибаемый и сильный человек, выдержал 17 лет постоянных преследований в лагерях, после освобождения без права выезда (1937–1954) был полностью реабилитирован и вернулся в Москву на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт электроэнергетики (ВНИИЭ) Министерства энергетики и электрификации СССР. Пожилой возраст и пережитое не мешали ему защитить кандидатскую диссертацию, написать докторскую. Вот только защитить ее он не успел: иссякли недюжинные жизненные ресурсы Тимофеева.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось по работе общаться с инженером Д.В. Тимофеевым десять лет в Норильске, затем в Красноярской энергосистеме, где я работал главным инженером, а позже и управляющим Красноярскэнерго.

В Красноярскэнерго инженер Тимофеев работал над кандидатской и докторской диссертациями. Он исследовал проблемы, связанные с электри-

фикацией Транссибирской железнодорожной магистрали. Впервые в мировой практике использовался переменный ток промышленной частоты на Красноярском участке железной дороги. До этого контактные сети всех железных дорог мира работали на постоянном токе, питаемые от очень дорогих и сложных выпрямительных подстанций.

* * *

Норильским лагерем и комбинатом в 30-е годы руководил талантливый инженер и организатор Авраамий Павлович Завенягин.

В 40-е годы, когда А.П. Завенягин возглавлял Министерство среднего машиностроения в ранге заместителя Председателя Совета Министров СССР и создавал атомное оружие и атомную энергетику, его имя не сходило с уст норильчан, которые стремились сохранить завенягинскую школу и традиции: максимально прогрессивные, жесткие к недостаткам и в то же время справедливые и гуманные, насколько это возможно в условиях ГУЛАГа.

В 1943 г. Завенягин приезжал в Норильск. Его атомное ведомство строило рядом с нашей ТЭЦ-1, где я работал, совсекретный объект, который условно, а скорее в шутку называли «макаронной фабрикой».

В то время становление и развитие атомной науки шло такими высокими темпами, что наш атомный объект устарел еще в процессе строительства и прекратил свое существование где-то в 1944–1945 гг., унеся жизнь на-

И.А. Никулин

чальника этого объекта, нашего коллеги, бывшего начальника котельного цеха ТЭЦ-1. Он застрелился у себя в квартире. Причина этого самоубийства для нас так и осталась неизвестной.

В период пребывания Завенягина в 1943 г. в Норильске мне посчастливилось, будучи начальником электрической части ТЭЦ-1, его сопровождать и докладывать положение дел в электрическом хозяйстве электростанции. Я был поражен его предметными инженерными знаниями в области электротехники, а ведь он был инженер-металлург, а потом и атомщик.

Жесткую дисциплину и атмосферу школы Завенягина можно характеризовать одним примером: если при обсуждении дел на том или ином объекте два руководителя или исполнителя давали противоречивую информацию и оценку, Завенягин обязательно досконально проверял состояние дел. Тот, кто давал неправильную информацию, независимо от ранга нес суровое наказание, вплоть до снятия с работы.

Завенягин требовал от руководителей подразделений комбината и лагерной администрации максимально гуманного и справедливого отношения ко всем заключенным. Инженерам и ученым он стремился создать условия, способствующие плодотворному интеллектуальному труду.

* * *

Самый крупный коллектив Metallургпромстроя (он возвел никелевый, медеплавильный и кобальтовый заводы) возглавлял талантливый инженер и организатор заключенный Ройтер. Руководители такого ранга постоянно жили вне лагерных зон в так называемых балках — небольших деревянных домиках на территории соответствующих объектов в производственной зоне. А сами они были бесконвойными и могли свободно ходить с соответ-

ствующим пропуском по всем зонам и объектам комбината. Отопление, уборка помещений таких балков, а также приготовление пищи и пр. возлагались на специально для этого прикрепленного заключенного согласно соответствующей квалификации.

* * *

Когда меня в начале 1952 г. по приказу последнего сталинского министра внутренних дел Круглова перевели из Норильска на другую стройку ГУЛАГа — Куйбышевскую ГЭС, вскоре туда стали прибывать освобождающиеся на строительстве Волго-Донского канала заключенные, вольнонаемные рабочие и специалисты, а также руководящие кадры.

Первым заместителем начальника Куйбышевгидростроя был назначен генерал Иван Сергеевич Шикторов. Мне, заместителю главного инженера Куйбышевгидростроя, приходилось часто выполнять его поручения и распоряжения.

Когда он ближе узнал меня по работе, он рассказал мне историю, повлиявшую на судьбы его и Завенягина.

И.С. Шикторов — инженер-энергомашиностроитель, в 30-е годы был выдвинут с одного из ленинградских заводов на высокий пост начальника Ленинградского областного управления НКВД. Через какое-то время в конце 30-х годов Сталин поручил Шикторову возглавить комиссию по расследованию деятельности А.П. Завенягина в Норильске. Имелась в виду вредительская деятельность.

Шикторов, проведя в Норильске расследование, опроверг все доносы и домыслы и соответствующий доклад представил Сталину, чем вызвал его недовольство¹. Следствием этого явилось снятие Шикторова с поста начальника Ленинградского управ-

---

¹ Здесь изложена версия, услышанная автором непосредственно из уст И.С.Шикторова. У ветеранов Норильска есть и другая версия, где роль И.С. Шикторова выглядит не столь благородно.

ления НКВД и направление его в ГУЛАГ на строительство Волго-Донского канала.

Смелый и благородный поступок Шикторова позволил Завенягину не только выжить в то свирепое сталинское время, но и реализовать свой блестящий инженерный и организаторский талант.

* * *

Нельзя обойти вниманием и такую грань бытия ГУЛАГа.

Множество заключенных — деятелей культуры и гуманитарной сферы, квалификация которых не позволяла использовать их как специалистов на горных, металлургических и других предприятиях, оказывались в самом трагически-тяжелом положении. Не всем удавалось приобрести новую квалификацию, и большинство использовались на общих физически тяжелых, не привычных для них работах. Исключение из этого правила составляли артисты, которых собирали в так называемый культурно-воспитательный отдел (КВО) лагеря. Трупы артистов-заключенных периодически и, конечно, по праздникам разъезжали по многочисленным лагерным пунктам с концертами.

Заключенные-артисты давали яркие представления в Доме инженерно-технических работников, именуемом ДИТР. Это было здание с большим зрительным залом на несколько сотен мест, большой сценой, малыми залами и фойе для танцев, помещениями для секций клуба. Там же начинала формироваться техническая библиотека, имевшая небольшую группу переводчиков-заключенных. Некто заключенный Гарри, в прошлом видный деятель 3-го Интернационала, оказывал мне неоценимую помощь в переводе на русский язык документации и инструкций, необходимых для квалифицированной наладки сложных электрических схем американских экскаваторов фирм «Бюсайрус» и «Марион».

Из коллективов артистов-заключенных запомнилась всем великолепная «львовская мужская капелла под управлением Дацко», которая в полном своем составе была репрессирована за то, что во время оккупации немцами города Львова зарабатывала свой хлеб, выступая с концертами. Капелла Дацко выступала часто, но не долго. Через 1,5–2 года она исчезла. Говорили, что артисты потеряли голоса, выступая в лагпунктах на открытом воздухе, в холодных и сырых помещениях. Повлияли на их голоса заполярный климат, режим жизни и питания.

Запомнились мужская балетная труппа и замечательный солист заключенный Татьян. Содержались в норильских лагерях и другие, в том числе знаменитые артисты, но далеко не все их имена были обнаружены.

Отбывали в Норильске неизвестно за что и такие знаменитости, как один из братьев Старостиных, всемирно известных футболистов, — Андрей. Он тренировал норильскую команду и воспитал классных футболистов, часть из которых вошла в сборную Красноярского края. Был там знаменитый вратарь сборной СССР по ватерполо с не менее знаменитой фамилией Буре, он играл вратарем в норильской футбольной команде и тренировал пловцов, а в свободное от игр и тренировок время работал у нас в энергосистеме. Его сыновья впоследствии стали рекордсменами мира по плаванию, а внук сейчас всемирно известная звезда первой величины в хоккее — Павел Буре.

В труппе вольнонаемного Норильского драматического театра великолепно играл роли популярнейший и ныне здравствующий актер театра и кино Георгий Жженев, находившийся в ссылке после отбытия срока заключения в лагерях Магадана.

Невозможно пройти мимо и такого знаменательного факта, что в Норильском драматическом театре начинал свою блистательную карьеру артиста другой великий актер — двадцатилетний юноша Иннокентий Смоктуновский.

Невозможно переоценить, насколько глубоко были обескровлены наука, культура, экономика России революцией 1917 г., гражданской войной, эмиграцией и ГУЛАГом!

* * *

Судьба моей семьи отражает все вехи истории страны.

В моей трудовой книжке 2 июня 1942 г. в родном Красноярске записано «Призван в ряды РКК». Следующая запись сделана в Норильске 6 июня 1942 г. о том, что я принят на работу инженером-электриком монтажного отдела УКС Норильска.

2 июня 1942 г. красноярский краевой военком на призывном пункте мне объяснил: в офицерскую школу меня, сына «врага народа», направить не могут, а рядовыми бойцами людей с высшим образованием приказом Сталина брать в армию запрещено. «В Сибирь эвакуируется промышленность и создается новая, а у вас диплом с отличием», — сказал он.

Куда-то позвонил, спросил, нужны ли инженеры-электрики, и дал мне адрес Норильского представительства ГУЛАГа в Красноярске.

Таким образом я оказался в негласной ссылке в ГУЛАГе и понимал, что работать я должен как сапер, без единой ошибки. Все десять лет, которые я работал в Норильске, бывший главный энергетик комбината Линцер отбывал наказание в лагере за «вредительство», — аварию с электродвигателем на малом металлургическом заводе, в которой, разумеется, он лично был совершенно не виновен.

Итак, в Норильск я попал отнюдь не случайно и не по распределению по окончании института, как другие молодые специалисты. Кстати, некоторых для этого аттестовали офицерами НКВД и мобилизовали.

А теперь об истории одного приказа. Вот он.

ПРИКАЗ

ПО НОРИЛЬСКОМУ КОМБИНАТУ НКВД СССР

пос.Норильск

№ 409

13 июля 1943 г.

Содержание: о предотвращении аварии в ГРУ ТЭЦ
11-го июля 1943 г.

11-го июля с.г. в главном распредустройстве ТЭЦ была предотвращена крупная авария.

Непосредственными исполнителями предотвращения аварии явились:

Начальник электроцеха ТЭЦ т. Никулин И.А.

Мастер т. Иванов В.С.

Инженер ОГЭ з/к Александров А.А.

Все они с исключительной четкостью и точностью выполнили операцию по устранению источника могущей произойти аварии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объявить благодарность всем перечисленным выше работникам.

2. Наложное на начальника электроцеха ТЭЦ т.Никулина И.А. приказом по комбинату от 27.05 с.г. №306 взыскание - отменить и выдать т.Никулину И.А. премии в размере полумесячного основного оклада.

3. Мастеру электроцеха ТЭЦ т.Иванову В.С. выдать премию в размере полумесячного основного оклада.

4. Э/к инженеру ОГЭ Александрову А.А. выдать премию в размере 50 рублей.

5. Начальнику ООС т.Батенскому вышеуказанные премии отоварить в размере 20 процентов.

И.о. начальника Норильского комбината,
главный инженер Шевченко.

В это время командовали на комбинате и в лагере два «калифа на час» (1–1,5 года) — главный инженер комбината Шевченко и главный энергетик Красный (думаю, это его псевдоним).

Красный был предельно экзальтированный, издерганный и явно нездоровый человек. Я был свидетелем, когда он истощенным голосом кричал по телефону, почему ему в аптеке не отпускают пирамидон в требуемых количествах. Рассказывали как анекдот такой факт. У телефонистки он требовал освободить для него занятый номер и орал, что он Красный, она ему ответила: «Ну и кричите, пока не посинеете».

Вот при таком руководстве, к счастью очень кратковременном, шло освоение эксплуатации первого турбогенератора ТЭЦ-1. Она часто по тем или иным причинам останавливалась, так как смонтирована и смонтирована была со всеми трудностями военного времени. Это болезненно отражалось на раскрутке металлургических производств, продукция которых так была нужна фронту.

Из-за отсутствия шинных проходных изоляторов на 3000 ампер в генераторной ячейке № 1, между сборными шинами главного распределительного устройства 6,3 киловольт и шинными разъединителями генератора № 1, были поставлены по два в каждой из трех фаз проходных изолятора с токоведущими шпильками на 2000 ампер.

В начале июля 1943 г. на одной из фаз одна из двух шпилек начала нагреваться, появились цвета побежалости. Мы установили контроль за температурой. Поставили вентилятор для обдува и решили ждать очередной остановки генератора для того, чтобы подтянуть контакт на перегретой шпильке.

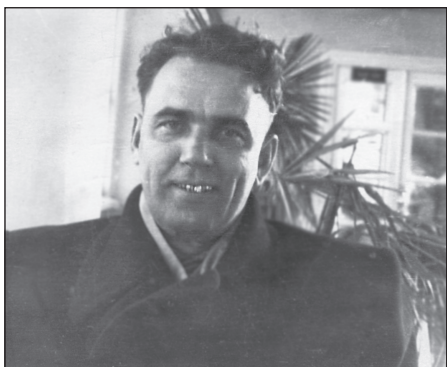
Наблюдения позволили нам сделать заключение, что вторая, здоровая шпилька несет основную нагрузку, и непосредственной угрозы аварии не существует.

Однако воспаленный мозг Красного нарисовал ему другую картину: токоведущая шпилька холодного проходного изолятора лопнула и не несет нагрузку, а вторая несет всю нагрузку, имеет плохой контакт и перегревается. При таком сценарии переборка контакта под нагрузкой неминуемо кончилась бы мощнейшим коротким замыканием и гибелью исполнителей такой безумной операции.

Через голову главного инженера ТЭЦ И.К. Бронштейна и директора ТЭЦ А.Д. Бизяева Красный вызвал к себе в кабинет меня, начальника электроцеха, и приказал мне организовать работу по переборке и подтягиванию контакта под нагрузкой и напряжением.

Мои доказательства, что в этом нет никакой необходимости, что так мы можем работать до очередной остановки турбогенератора № 1 и тогда все сделаем, он категорически отверг. Я пытался ему объяснить, что эта операция смертельно опасна. Но Красный был неумолим. Ссылаясь на военное время, приказал отправляться и организовать операцию. Я заявил, что эту операцию не могу никому поручить и, если он настаивает, буду ее исполнять сам. Красный на это ответил: «Вот и прекрасно, идите и действуйте».

Когда мы отправились в главное распределительство, за пределами ячейки в шинном этаже ГРУ находились Бронштейн и Бизяев. Приехал и главный инженер — и.о. директора Шевченко. Нас провожали с похоронными лицами — многие сомневались в возможности безава-

Александр Денисович Бизяев

рийного исхода операции. Медвежью услугу мне оказал прораб центрэлектромонтажа Николаев. Он встретил в поселке мою жену и сказал, что ее сумасшедший муж пошел на верную смерть.

Для подготовки этой безумной операции руководство ТЭЦ привлекло лучших электротехников. Был изготовлен специальный гаечный ключ с длинной рукояткой, покрытой мощной изоляцией на 5-кратное напряжение. Мы с мастером Валентином Ивановым работу выполняли на сухом монтажном деревянном столе, который стоял на полу, на испытанных резиновых коврах. Таким же ковром была покрыта и столешница под нашими ногами. Изоляция была сверхгарантированная. Задача заключалась в том, чтобы при переборке (ослаблении, а потом затяжке контргаек и гаек на проходной шпильке изолятора) не перекрыть изоляцию губками ключа, которые не могли быть изолированы.

***

Фронту нужны были самолеты, танки и другое вооружение, а для этого нужны были никель, кобальт, медь, не говоря уже о платине. Нужно было без промедления вводить мощности всего горно-металлургического комплекса, а следовательно, соответствующие энергетические мощности. И на ТЭЦ-1 свершалось предельно возможное по тем временам — ежегодно вводились мощные, по 25 000 киловатт, турбогенераторы с соответствующими котлами и вспомогательным оборудованием. Все это собиралось по всей стране. Турбогенератор № 3 японской фирмы «Мицубиси» мощностью 50 000 киловатт привезли, как мне помнится, из Новосибирска. Статор генератора этого агрегата весил настолько много, что его целым привезти по узкоколейке, которая действовала между Дудинским портом и Норильском, было нельзя. Поэтому статор пришлось размонтировать в Дудинке, погрузить и перевезти по частям. А это сизифов труд: статор набран из тонких листов соответствующей

электротехнической марки железа с еще более тонкой изоляцией между листами. Это железо пришлось распиливать (разобрать) в Дудинке, а затем собрать, как это делается на электротехнических заводах, на нашей ТЭЦ-1. И этот, впрочем, допотопный турбогенератор, по тем временам самой большой мощности — 50 000 киловатт, верой и правдой работал во время войны и потом еще много лет. Где-то в конце 60-х или в 70-е годы не выдержал времени статор турбины (а не генератора). Устал металл и на ходу разлетелся вдребезги. Куски металла пробили перекрытие машинного зала и повредили одну из трансформаторных групп, выдающих энергию на БМЗ (большой металлургический завод).

Это произошло, когда я, уже после Куйбышевской ГЭС и Красноярской энергосистемы, работал главным инженером Главэнерго Министерства цветной металлургии СССР.

Неоценимые заслуги ТЭЦ-1 увековечены тем, что еще до конца войны ей одной из всех предприятий комбината было вручено на вечное хранение знамя ГКО. Такое же знамя было вручено и Норильскому комбинату.

Большая группа работников комбината была удостоена высоких государственных наград. Я получил медаль «За трудовое отличие», начальник ТЭЦ И.К. Бронштейн, впоследствии главный энергетик комбината, а затем организатор и руководитель исследовательской лаборатории в крупнейшем институте — Гиредмет, получил орден Красной Звезды. Возглавлял список награжденных наш доблестный главный энергетик комбината и редкой души человек — Александр Денисович Бизяев, получивший высшую награду — орден Ленина. Всего по комбинату было награждено по одному указу 1537 человек.

Как дорогую реликвию храню норильскую газету «За металл» от 21 мая 1945 г. Это память о том времени, о том, как, не жалея себя, мы строили комбинат в Заполярье.

В ходу у ээков была такая шутка.

— Ваш любимый город?

— Норинск!

— Ваша любимая песня?

— Прощай, любимый город...

Леон Айвазов:

*«...норильчане – люди из
особого материала
невиданной прочности».*

Я родился в 1915 г. в крепости Карс, тогда еще на территории Армении. Но в том же году крепость завоевали турки, а моя семья, спасаясь от резни, бежала в Ростов. Здесь я и вырос. Окончил университет — учился на историческом факультете, был активистом молодежного движения. Позже стал первым секретарем горкома комсомола Ростова.

В Москве готовился к открытию съезд Коммунистического Интернационала Молодежи. Тогда Ростов шефствовал над итальянскими комсомольцами — мы здорово подружились с ними. Итальянскую делегацию пригласили на съезд. Ее руководитель поинтересовался, буду ли на нем я, и, узнав, что нет, попросил включить в их список мою фамилию. Так я стал участником съезда КИМа.

В молодости я был отчаянным спорщиком, к тому же острым на язык. А время-то какое было! Время доносов! Не раз за меня заступалась Крупская... И все же в 1937 г. меня арестовали, а через два года отправили в Норильлаг. Жена отреклась от меня, но я на нее не был в обиде: у нее на руках остался маленький сын Рубен, надо было о нем подумать в первую очередь.

В Норильске узнал, что такое политизолятор, что такое спать на снегу: бараки-то для себя строили сами. В 1946 г. меня вызвали:

- Для тебя две новости: хорошая и плохая.
- Начинайте с хорошей, — говорю.
- Поздравляем с досрочным освобождением из лагеря за высокие показатели в работе. А вторая

новость вам не понравится: вы остаетесь в Норильске на пожизненную ссылку.

В ходу у эков тогда была такая шутка.

— Ваш любимый город?

— Норильск!

— Ваша любимая песня?

— Прощай, любимый город...

Я стал политическим ссыльным, каждый месяц ходил к участковому отмечаться. Счетоводом проработал всего год, потом стал начальником финансового отдела, а в 1959 г. я уезжал, оставляя должность заместителя начальника комбината по экономике. Это сейчас кажется привычным, а тогда у этого названия должности была своя история.

Петр Фадеевич Ломако решил забрать меня на работу в Москву, а Алексей Борисович Логинов, директор комбината, и Красноярский крайком партии были категорически против этого. Тогда П.Ф. Ломако ввел должность как бы выше главного бухгалтера комбината, и с легкой руки министра в таком качестве я вернулся после отпуска в Норильск.

Наверное, ни город, ни комбинат никогда не укладывались в стандарты жизни, работы — особая их судьба была заложена не только климатом... После того как в Игарке сгорел театр Пашенной, труппа перебралась к нам. Чтобы сохранить театр, его сделали местным. А как его содержать? Комбинату надо было дотации театру предусматривать. Вот и бегали ко мне периодически за деньгами на зарплату коллективу театра. Да я рад бы все узаконить, но театр в системе комбината не предусматривался... Помню, из фонда директора по 100 тысяч рублей на зарплату подписывал. А вообще-то в Норильске театр любили все... Жена директора комбината Логинова была артисткой...

***

...Норильск строился бурно. В 1956 г. я отправлял на комбинат комсомольский десант в 5 тысяч человек. Распорядился, чтобы в московской конторе каждому выдали по 500 рублей. Провожали молодежь торжественно. Доехали они на поезде из Москвы до Красноярска, мне оттуда звонят: доехали без копейки! Приказал выдать им еще по 300 рублей. Отправили их на новом теплоходе «Александр Матросов». Потом мне начальник порта звонил и возмущался, что эта банда (его слова!) изрезала на теплоходе кожу на сиденьях...

В Норильске комнаты в новом доме вместо металлургов отдали вновь прибывшим комсомольцам. Не всем это на комбинате нравилось, но куда деваться — приказ сверху! А после первой ночи все, кто шел мимо нового дома на работу, видели, как на простынях висят две голые и пьяные девки! Их вывесили из окна, правда, очень надежно привязали — ничего с ними не случилось. Но позор-то какой был! Вот тогда всех кутил (а их немало было!) срочно посадили в самолет (тогда у комбината были свой авиаотряд, самолеты и место на аэродроме в Красноярске), после посадки в порту тут же их отвезли на вокзал и посадили на поезд до Москвы... В каждом комсомольском десанте было немало тех, кого отправляли обратно или кто сам уезжал, не выдержав первых трудностей... Но уж оставшиеся жить и работать в Норильске подтверждали теорию естественного отбора: на Крайнем Севере задержались только сильные люди, прежде всего морально, а потом физически. Это правда, что норильчане — люди из особого материала невиданной прочности.

***

...Из Норильска меня провожали в День металлурга в 1959 г. Я был на торжественном заседа-

нии. Когда оно окончилось, первый секретарь горкома Савчук сказал мне: «Не уходи, дело есть!»

Дело оказалось очень приятным. Поскольку все рестораны были заняты (День металлурга — праздник № 1 в Норильске!), мне устроили проводы в столовой Горстроя. У меня фотографии с этого сабантуя есть — хорошо посидели! А я ответный банкет закатил в доме приезжих для наркомов, рядом с домом директора комбината.

На другой день я улетел с женой (она тоже экономист) в Москву. Но это не значит, что я оторвался от Норильска. И город, и комбинат остались жить не только в моих воспоминаниях. Работа в Москве, постоянное общение с норильчанами так и не разорвали моих тесных связей с комбинатом. Даже когда я стал пенсионером...

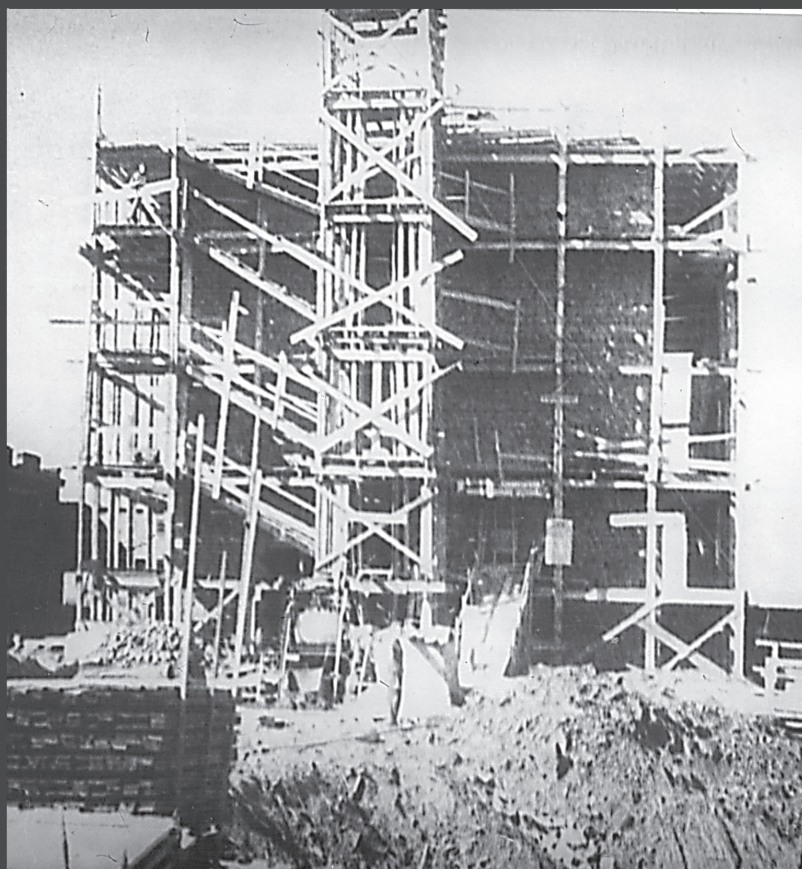

P.S. С Леоном Агасиевичем Айвазовым мы условились встретиться в сентябре. Он шутил, что, хотя «трех жен угробил» (его последняя жена умерла два года назад), теперь уж силы не те — все-таки ему 84 года... По разным поводам тепло вспоминал своего сына Рубена — «он отвезет меня на встречу в клуб норильчан» и т.п. А в августе 1999 г. Леон Агасиевич умер. И потому так скуп его рассказ о норильской жизни. Нам казалось, мы посидим, вспоминая Норильск, не один час — не успели...

Г. Касабова

Норильская школа жизни и работы — это особая школа. Дамоклов меч Сталина (даже после его смерти), экстремальные условия Крайнего Севера порождали высочайшую ответственность за все и за всех, кто рядом. Здесь ценили человека за его истинные качества, будь он зэк или вольнонаемный. Бывало, не спали сутками, если надо было для дела. Помогали друг другу. Не гонялись за деньгами и трудились на благо Отечества.

Рудольф Королько:

*«Такие таланты, как
Бурштын, и построили
Чорильский комбинат».*

У меня обычная биография. Родился в Белоруссии. Семья была большая, жили голодно. В 30-е годы переехали на житье в Москву. Здесь я окончил десятилетку, поступил учиться в авиационный институт. Началась война. Помню, нас направили в мастерские — здесь мы сбитые «мессершмитты» разбирали, а с деталей снимали копии. Поскольку у меня с детства серьезно глаз ранен, на фронт не взяли.

Материалы, с которыми мы имели дело, были секретными. И диплом в МАИ выдавался не как всем: написав его, выпускник направлялся на работу. И только потом оттуда его вызывали для защиты.

Донос перевернул всю мою жизнь. Я был секретарем комсомольской организации, без пяти минут дипломированный инженер... И вдруг Лубянка, допросы следователя. Он сказал, что надо проверить, где я родился. А Климовичи тогда были оккупационной немецкой зоной. Да и имя у меня какое-то подозрительное... Так я попал в Норильск. И не на работу в аэропорт как готовый специалист, а на рытье котлованов. Тяжелая это была работа... Из этого ада меня вытащил Бурштын, тоже заключенный. Но он своими знаниями, талантом, умением организовать дело возвысился не только над вольнонаемными, но и над высокими чинами НКВД. Успешные результаты его труда были самым лучшим аргументом в его пользу. Он стал реальным руководителем конструкторского бюро управления металлургических заводов.

Вульф Яковлевич Бурштын нашел меня среди других заключенных на площадке строящегося коксохимзавода, на земляных работах. Конвоир подвел меня к человеку довольно низкого роста, с лысеющей головой, длинным, немного крупноватым носом и умными, пронизывающими глазами. Одет он был в телогрейку, штаны типа галифе и сапоги. Он предложил мне работать конструктором. Разговаривал он с иностранным акцентом, произнося некоторые слова с искажением, но всегда с улыбкой и шутливыми замечаниями. Первая встреча с Вульфом Яковлевичем произвела на меня приятное впечатление.

Конструкторское бюро управления металлургических заводов комбината, куда я попал, состояло примерно из 20 человек, включая копировщиков и работников архива. Ведущих специалистов с высшим образованием было 5 человек. Это были заключенные, отобранные Бурштыном.

Бюро было перегружено работой. В это время в управлении строились новые цехи, внедрялись новые технологии, модернизировалось старое оборудование и разрабатывалось новое.

Официально начальником бюро был работник НКВД, однако он почти не вникал в работу. Вся ответственность за разработку и выпуск чертежей возлагалась на Вульфа Яковлевича. Он хорошо знал оборудование, установленное в цехах, быстро принимал решения по реконструкции отдельных узлов, если они сдерживали работу. Цехи он посещал ежедневно. Его хорошо знали и любили во всех цехах. Он ходил короткими шагами, но быстро, что напоминало бег. И потому о его прибытии говорили не иначе как «Бурштын прибежал».

Работы, появлявшиеся после его посещения цехов, всегда были срочными, проводились сверхплановые работы, что приводило к перегрузке конст-

рукторов, однако на него не обижались. Вульф Яковлевич постоянно заботился о питании, хлопотал о снижении сроков, выдаче пропусков и т.д. Он никогда никого не наказывал.

Вульф Яковлевич восхищал всех своей быстрой сообразительностью и прекрасной памятью. В редкие минуты отдыха Вульф Яковлевич мог по памяти прочитать из «Илиады» Гомера или рассказать какую-нибудь мифологическую историю. Он вел очень скромную жизнь, не пил и не курил. Свободное время проводил за чтением. Владея двумя иностранными языками (французским и немецким), он переводил многие книги, которые смогли попасть в то время в Норильск.

Бурштын не любил рассказывать историю своей жизни, тем не менее мне он немного рассказал о себе. Родился он во Франции, учился в Сорбонне. Стал убежденным марксистом, работал в Германии и при появлении фашистов уехал в Россию, где учился в военной академии. В конце 30-х годов был арестован и попал в Норильск. В Москве у него осталась семья: жена и дочь. В 1950 г. после окончания срока заключения я по просьбе Вульфа Яковлевича заезжал к ним узнать, почему семья ему не пишет. Однако не совсем приятную весть — его жена вышла замуж за другого — я не смог ему передать: по возвращении в Норильск я не застал Вульфа Яковлевича.

В 50-е годы из Норильска почему-то выслали многих евреев — в их числе оказался и Вульф Яковлевич. Слышал, что он уехал в Свердловск, но о дальнейшей его жизни, к сожалению, ничего не знаю. С благодарностью вспоминаю его и сегодня. Такие таланты, как Бурштын, и построили Норильский комбинат.

Норильская школа жизни и работы — это особая школа. Дамоклов меч Сталина (даже после его

смерти), экстремальные условия Крайнего Севера порождали высочайшую ответственность за все и за всех, кто рядом. Здесь ценили человека за его истинные качества, будь он зэк или вольнонаемный. Бывало, не спали сутками, если надо было для дела. Помогали друг другу. Не гонялись за деньгами и трудились на благо Отечества.

Бурштын из проектной конторы вытащил к нам в цех вольнонаемную девушку Анну Птух, которая не побоялась выйти замуж за зэка. Мы прожили с ней счастливую долгую жизнь. В Норильске родились наши сын и дочь. У нас два внука. В октябре 2000 г. мне исполнилось 80 лет.

Н.А. Козырев

Нина Дзюбенко:

*«...Козырев замахнулся
на само Время!»*

Впервые о Николае Александровиче Козыреве я услышала от ленинградки Ирины Резниковой. Вместе с ней мы ездили на Соловки. Ирина знала сына легендарного астронома и рассказала о нем много интересного. Я тогда работала в норильском музее и собирала материалы об узниках Норильлага. Оказывается, Козырев был одним из них.

Решила найти его дело в архиве Норильского комбината. Его там не оказалось. Значит, искать сведения о его лагерном периоде нужно было по воспоминаниям. А писали о нем многие. Снегов, например, в «Норильских рассказах».

Николай Александрович Козырев родился в 1908 г. В 20 лет он с блеском окончил Ленинградский университет, в 23 года стал профессором и видным ученым Пулковской обсерватории. А уже в 26 лет, в 1934 г., его имя стало известно всем астрономам мира — он разработал теорию протяженных звездных атмосфер и выяснял свойства излучения, создающегося в таких раскаленных атмосферах. Его теория вскоре была обобщена молодым индийско-американским физиком Чандрасекаром — и стала в научном мире называться теорией Козырева—Чандрасекара. Закончив изучение атмосфер, облекающих светила, Козырев перешел к исследованию самой знаменитой звезды, нашего Солнца, — его заинтересовала великая загадка солнечных пятен, он выяснял, какова глубина этих пятен, как они вступают в равновесие с солнечной атмосферой.

Сергей Александрович Снегов в конце 80-х годов приезжал в Норильск. Я слушала его воспоминания о Козыреве, его книга тогда еще не была напечатана. Он сказал: «Чандрасекар за свою теорию

получил Нобелевскую премию, а Козырев — «путевку» в Норильск».

Такое отношение власти к ученому никого из участников встречи со Снеговым не удивило. Все понимали, о чем идет речь. А сегодня, когда я рассказываю студентам об этом же, они меня уже не понимают: это я чувствую по их реакции, по вопросам, которые они задают. Хорошо это или плохо — не сейчас судить и не нам. Но все же в России выросло целое поколение людей в условиях свободы слова.

Сейчас в научной литературе появился даже термин «пространство Козырева» (академик В.П. Казначеев). А вот его жизненное пространство значительно расширил ГУЛАГ.

В разгар интенсивной творческой работы ученого Козырева постиг страшный удар судьбы — арест. Вместе с другими астрономами он был арестован 6 ноября 1936 г. в Юсуповском дворце на Мойке, где проходил бал в честь девятнадцатой годовщины Октября. Во время ареста Козырев был с дамой. «А как же дама? Кто ее проводит?» Ему ответили, что провожатые найдутся.

Причиной ареста целой группы пулковских астрономов была зарубежная командировка директора обсерватории Б.П. Герасимовича. Он четыре года проработал в Гарвардской обсерватории. После возвращения его, естественно, арестовали и в тридцать седьмом расстреляли, а перед расстрелом заставили выдумать шпионскую организацию, куда был включен и Козырев.

Во время следствия Николай Александрович, видимо, находился в Крестах, где 25 мая 1937 г. был приговорен к пяти годам тюремного заключения и до мая 1939 г. отбывал наказание в тюрьме города Дмитровска-Орловского Курской области. Об этом писал А.И. Солженицын в главе «Тюрзак» своей эпопеи «Архипелаг ГУЛАГ».

«В тюрьмах и лагерях Козырева как будто что-то охраняло и помогало, сам Николай Александрович

вич называл это Провидением. Началось все с того, что, сидя в одиночке, в немыслимых условиях существования, он обдумывал свою идею о неядерных источниках энергии звезд и путях их эволюции. Страдания от одиночества усугублялись тем, что у ученого не было никакого доступа к нужной ему информации. Для развития своей идеи Николаю Александровичу требовалось много конкретных характеристик разных звезд: диаметры, светимость и т.д. Незнание этого могло привести все его рассуждения в тупик. Откуда же взять их в этой одиночке с ночной коптилкой, куда даже птичка не может влететь? И ученый взмолился: «Господи! Я сделал все, что мог. Но помоги мне дальше».

В это время полагалась ему на 10 дней всего одна книга (он был в камере один). В небогатой тюремной библиотеке было несколько изданий «Красного концерта» Демьяна Бедного, и они повторно приходили в камеру. Минуту полтора после его молитвы — пришли сменить ему книгу и, как всегда не спрашивая, швырнули... «Курс астрофизики»! Откуда она взялась? Представить было нельзя, что такая есть в библиотеке! Предчувствуя недолгость встречи с бесценным для него изданием, Николай Александрович накинудся на страницы и стал запоминать, запоминать все, что читал сегодня и что могло понадобится потом. Прошло всего два дня, еще восемь дней оставалось все-таки на книгу. И вдруг обход начальника тюрьмы. Он зорко заметил сразу:

— Да ведь вы по специальности астроном?

— Да.

— Отобразь эту книгу!

Но мистический приход «Курса астрофизики» освободил пути для работы, продолженной в Норильском лагере.

Козырев размышлял: звезда — не ядерный котел, а «машина», перерабатывающая неизвестную нам форму энергии в световую. Получив новые данные, подтверждающие его гипотезы, Николай Алек-

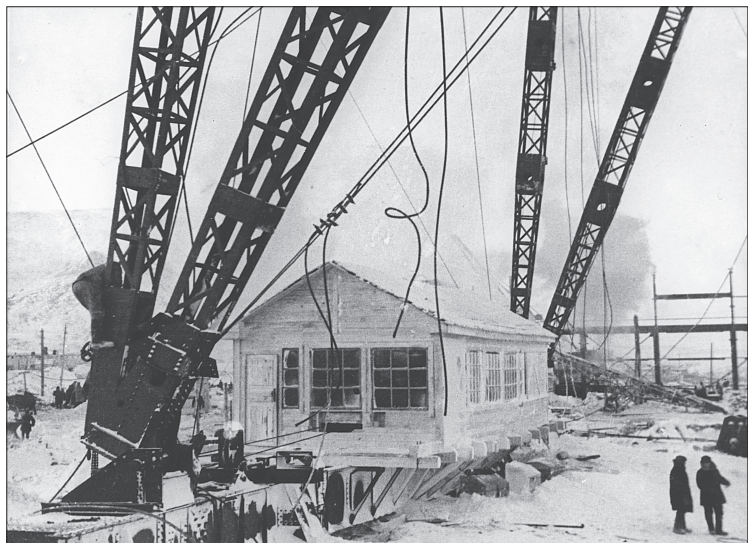
сандрович стал машинально вышагивать по камере, что категорически запрещалось. Последовало наказание — пять суток ареста. Был октябрь. Помещение не отапливалось, вместо пола — земля, пыль. Из мебели — табуретка. Раздевают до белья и раздевают. Решил сразу, что погибнет, замерзнет. Но постепенно стало выступать, выступать какое-то внутреннее таинственное тепло, и оно спасло. Научился спать, сидя на табуретке. Три раза в день давали по кружке кипятку, от которого становился пьяным. На шестые сутки ареста не выпустили. «В том была провокация: ждали, чтоб он заявил, что пять суток кончилось, пора освобождать, и за недисциплинированность продлить ему карцер. Но он покорно и молча просидел еще сутки — и тогда его освободили», — описывал этот случай Солженицын.

С Солженицыным Козырев познакомился позже — уже после освобождения обоих «сидельцев». Николай Александрович был одним из тех, чьи рассказы о своих злоключениях в «архипелаге» Солженицын включил в свою эпопею.

Помнится, что, узнав о разрешении, данном Горбачевым на печатание «Архипелага ГУЛАГа», я поставила свечку за здоровье Михаила Сергеевича в Александро-Невской лавре в Ленинграде. Ведь в свое время, когда мы учились в университете города Томска, моих сокурсников водили на беседы в КГБ за то, что слушали сквозь треск глушилок «враждебные» голоса, передающие текст «Архипелага». Я прочитала его в журнале «Новый мир», оттуда черпнула сведения о Козыреве.

В Норильский лагерь Козырев был этапирован в 1939 г. Скорее всего это был этап, который прибыл в Дудинку 17 июля. Он не любил об этом периоде жизни вспоминать и своих записок о пребывании в ИТЛ не оставил, хотя его просили об этом: «Видите ли, не очень приятно вспоминать о том, как ты скалывал лед или долбил мерзлую землю». (С. Норильский. — *Заполярная правда*. 1989. 3 окт.)

Строительство никелевого завода. 1940 г.

С января 1940 г. он работал геодезистом в Дундинке на мерзлотной станции, занимался метеорологией. Там выявились его необыкновенные способности: на сорокаградусном морозе с ледяным ветром он мог монтировать провода голыми руками! Нечувствительность к холоду привела к тому, что он на сотни процентов перевыполнял план. Местное начальство, ценя трудовые заслуги, назначило его старшим в какой-то производственной группе. Но это неожиданное повышение привело к весьма печальным последствиям. Какой-то заключенный позавидовал привилегированному положению Николая Александровича и, втершись к нему в доверие, стал заводить провокационные разговоры. Однажды он спросил у Козырева, как тот относится к известному высказыванию Энгельса, что-де Ньютон — индуктивный осел. Конечно, Николай Александрович отнесся к этой оценке должным образом. Негодяй тут же написал на Козырева донос, которому незамедлительно был дан ход. Об этом писал астроном И. Шкловский.

Арест последовал в октябре 1941 г., а 16 января следующего года в Дудинке суд Таймырского национального округа приговорил подсудимого Козырева по статье 58 к десяти годам лишения свободы, которой он к тому времени давно не имел. Потом Верховный суд РСФСР, учитывая отягчающие вину обстоятельства военного времени, отменил решение Таймырского суда «за мягкостью приговора». Вторично арестованному вполне реально угрожал расстрел.

Для исполнения приговора на станцию, где работал Козырев, должна была приехать расстрельная команда. Изо дня в день он ждал появления на горизонте черной точки, которая, приближаясь и увеличиваясь, превратилась бы в сани с сидящими в них палачами. Бежать было некуда. Вокруг лежала ледяная пустыня. В эти страшные для Козырева недели его, говорят, морально поддерживал Лев Николаевич Гумилев. Он гадал Николаю Александровичу по руке, что не быть ему расстрелянным.

Существует легенда о том, что Козырев, будучи в Дудинке, спас замерзающего человека, дотащив его до тепла. Как оказалось впоследствии, это был Александр Петрович Ногтев — бывший начальник Соловецкого лагеря, в свое время погубивший немало «подопечных» СЛОНА. В те годы Ногтев тоже был заключенным, проверял на себе крепость революционной законности. Во время следствия по делу Козырева Ногтев был одним из свидетелей, так как какое-то время они поддерживали контакты. «Я чутьем старого чекиста сразу увидел — передо мною враг» — так отзывался Ногтев о своем спасителе.

Но Провидение не оставило Козырева. Через несколько недель Верховный суд СССР отменил смертный приговор, заменил его десятью годами заключения.

Потом Козырева перевели из Дудинки в Норильск, во второе лаготделение, в третий барак, где он познакомился со Снеговым. Сергей Александрович

Снегов, будущий писатель, тоже был арестован в Ленинграде и тоже в тридцать шестом. Снегов написал об астрономе Козыреве рассказ «В тихом домике над ручьем», в котором утверждал, что Козыреву добавили срок за отказ стать осведомителем.

С зимы 1942-го Николай Александрович начал работать на большом металлургическом заводе, где создал пирометрический пункт. Противостояние интеллекта, души и решетки продолжалось.

В самом начале сорок третьего года Козырев перешел в барак к геологам. К этому времени тут была интеллектуальная элита. Там уже был Л.Н. Гумилев, у которого 10 марта того же года закончился срок заключения, и он в соответствии с директивой № 185 освобожден с закреплением на комбинате. С 1 мая по 15 июля тогда же они были вместе в магнитометрической и гравиметрической экспедиции на озере Хантайском на Таймыре.

Оттуда они больше месяца добирались до Нижней Тунгуски, где оба продолжили работу в Нижне-Тунгусской экспедиции: Гумилев — до осени сорок четвертого, затем он попал на фронт, а Козырев — до марта сорок пятого. Снегов вспоминал:

— В число лагерной интеллектуальной элиты входили профессор Владимир Котульский, Николай Федоровский, первооткрыватель рудного месторождения Норильска Николай Урванцев, геологи Юрий Шейман, Омар Сулейменов, Владимир Домарев, Петр Фомин, Соколов, Мурахтанов — все они были крупными специалистами, которые скрашивали свое заключение тем, что были удостоены труда, каким занимались бы и на воле, — труда по специальности, а не только для табели лагерного нарядчика.

В таком окружении Козырев чувствовал себя среди своих. В бараке было чисто, никто не ругался матом, еду носил дневальный, сами заключенные не бегали с мисками. Общение с этой лагерной аристократией доставляло Козыреву душевную радость.

К тому же после нового срока утешающих мыслей о скорой свободе уже не было. А ведь до этого Козыреву приходилось жить среди уголовников, между которыми ежевечерне вспыхивали ссоры, «качание прав», где были мат и грязь. Все это его сильно угнетало. Как отмечал Сергей Александрович Снегов, он даже не мог читать в таком бараке.

И когда задувала пурга, он не выходил наружу. Он не любил пурги, даже забитое тучами небо было ему нелюбо. Воздух, туманный от бешено несущегося снега, вызывал в нем отвращение. В небе он признавал только ясность. Вероятно, это происходило оттого, что он не только по профессии был астроном, но и по душе чувствовал себя сопричастным всему мирозданию. И когда исполинский звездный мир вдруг пропадал, а вокруг оставался лишь крохотный, нелепо ревущий клочок пространства, Козырев почти заболел.

Снегов так характеризовал его: «Все было незаурядно в этом человеке, все свидетельствовало о природном таланте, обостренном воспитанием в интеллигентной семье, выдающимися учителями и великими книгами».

В 1994 г. в журнале «Чудеса и приключения» Г. Лисов напечатал большой материал о Козыреве, иллюстрированный фотографиями самого Николая Александровича. Среди них одна — лагерного происхождения, репродукция карандашного портрета Козырева, сделанная иностранным заключенным — французом Жаком Росси (в журнале его фамилия была ошибочно указана как Росс). Значит, Козырев был знаком и с Жаком Росси, всемирно известным составителем словаря лагерного арго.

Козырев в Нижне-Тунгусской экспедиции работал геодезистом и впервые по профессии — астрономом. Это было большой удачей: ведь тут не было конвоя, шмона, барачников. Почти свобода и вольные хлеба. Долгими ночами, дежуря у костра, он мог наблюдать звездное небо.

И он думал об одной из самых кардинальных из всех астрофизических проблем. Откуда берется энергия звезд? Почему они горят, не сгорая? «Я бы искал источник мировой энергии в неравномерном течении времени. Эйнштейн доказал, что реальное время во Вселенной нестабильно, зависит от скорости, от массы, от структуры пространства... Я бы пошел дальше. Время — особый физический процесс. Оно не может не влиять на рождение энергии», — говорил Козырев своим собеседникам, говорил с душевным жаром о жаре, заставляющем звезды светиться.

Вот так: мысль человека неуничтожима и неостановима.

Продолжим повествование о Козыреве в изложении Солженицына.

Вмешательство таинственных сил в судьбу безвинно репрессированного продолжалось и в лагере. Когда на общих работах у него началась водянка сердца и с отеками, как фонарные столбы, ногами он умирал в бараке, вдруг пришла передача от родных, на которую он и не надеялся. Да и мог ли Козырев подумать, что записочка с указанием места отбывания срока, брошенная в щелку вагона при этапировании, будет подобрана кем-то и отправлена близким?

Однажды на стоянке в тайге Николай Александрович проснулся в палатке оттого, что кто-то тронул его за плечо и громко сказал: «Проснись, а не то будет поздно!» Козырев поднял голову и увидел, что из растопленной буржуйки выпал кусочек горящей бересты и через мгновение могла запылать палатка!

Еще был случай, когда, потеряв в тайге топор, он не смог нарубить веток для костра. Он понял, что замерзнет, и решил идти, пока хватит сил. Несчастный шел всю ночь, а по пятам его преследовала россомаха. Он прошел по снежной целине семьдесят верст, и, когда добрался до фактории, никто не мог поверить его рассказу. Зато потом, собираясь в об-

ратный путь, Козырев услышал, как начальник, отвечая кому-то на сомнения, стоит ли отправлять человека в столь тяжелый путь, сказал: «Я его знаю. Этот дойдет!» И эти слова ученый считал самой большой похвалой, какую ему удалось заслужить в жизни...

Из двух десятков репрессированных астрономов дожить до реабилитации удалось только Козыреву. И в самом конце войны в ответ на просьбу академиков освободить Козырева сам могущественный Берия приказал пересмотреть «дело». На это ушло полтора года. Сам Козырев рассказывал Г. Лисову (автору публикации о нем в «Чудесах и приключениях»), его судьбу решил последний вопрос следователя: «Верите ли вы в Бога?» Козырев ответил утвердительно, после чего был отпущен на свободу. Значительно позже выяснилось, что этот ответ следователь расценил как подтверждение искренности «дважды осужденного». Хотя, и это понятно, вера в Бога обычно отрицательно сказывалась на судьбе заключенного...

И наконец-то Козырева освободили. Но чудеса продолжались, хотя их автором уже был сам Николай Александрович. Ведь за два месяца жизни на свободе он подготовил диссертацию! Докторскую! На тему «Источники звездной энергии и теории внутреннего строения звезд».

Какие же выводы сделал Козырев в своей выстраданной диссертации? Обычные звезды и наше Солнце не могут существовать за счет внутренних термоядерных реакций. Помимо недостаточной для этого внутренней температуры они просто «выгорели» бы за несколько десятков миллионов лет. А Вселенная живет гораздо дольше. Планеты тоже имеют внутреннее тепло, ибо в них-то из-за малости размеров никак не могут идти ядерные реакции. Козыреву удалось открыть лунный вулканизм, что потрясло научный мир. Через 10 лет за это открытие Международная академия астронавтики наградила ученого золотой медалью с семью алмазами.

При вручении награды академик Седов сказал: «Такая медаль присуждена пока только двум советским гражданам — Юрию Гагарину и вам».

Что же крамольного такого было в идеях Козырева, за что его периодически клеймили? Он сформулировал идеи о природе «холодной» энергии, об энергии времени, которая связывает явления в космическом мире. Только 30 процентов информации принимается в реальном астрономическом времени. Столько же принимается с отставанием. А 30 процентов информации воспринимается нами с опережением...

Свои гипотезы Николай Александрович доказывал экспериментально. Сначала телескоп был направлен в точку, совпадающую с видимым положением звезды, хотя, как должно быть понятно, ее там давно нет. Затем телескоп перевели в заранее вычисленное место, где звезда должна быть в данный момент. И наконец в третий раз телескоп направили в ту точку, куда звезда придет лишь тогда, когда к ней дойдет свет от Земли, отправленный во время наблюдения. Во всех трех случаях чувствительные датчики зарегистрировали сигнал!

Вот такой вывод делал Козырев: «...через поток времени можно войти в контакт с прошлым и с будущим! Таким образом, Время вносит в Мир свои свойства и освобождает его от жесткого детерминизма Лапласа. Если нельзя точно предсказать будущее, то можно его наблюдать, и это может вызывать в настоящем такие изменения, которые нарушат это будущее. Надо полагать поэтому, что изображение будущего всегда размыто...»

Итак, астрофизик Козырев замахнулся на само Время! И в традициях нашей советской науки «вероотступника» положено «держат и не пущать». Среди хулителей замечены ученые: Л. Арцимович, П. Капица, И. Тамм, А. Прохоров... Разгромные статьи в прессе, уничтожение напечатанных книг... И снова интерес спецслужб по имени КГБ.

Хорошо известно, что когда на Солженицына в очередной раз обратили внимание в КГБ, то его приютил М. Ростропович. Есть сведения, что Козырев встречался с Солженицыным там. Однажды они проговорили всю ночь, а утром Козырев пошел оформлять документы, чтобы ехать в Америку по научным делам по приглашению. Но его туда так и не пустили, ибо от дачи его уже «вели»...

...После освобождения еще много лет Козырев проработал в Пулковской обсерватории. Он оборудовал в Пулково специальную лабораторию для экспериментов с энергoвременем. По воспоминаниям Снегова, это было довольно кустарное учреждение, мало приспособленное для тех тонких и тончайших экспериментов, какие требовались. Идеи Козырева так радикально разрушали все привычные представления о физике времени и природе энергии, что признанные ученые их отвергали «с порога», не тратя времени на аргументацию. Пулковское начальство учитывало отрицательное отношение официальной науки к астрофизическим воззрениям Козырева — и не отпускало средств на расширение его лаборатории.

Но непонимание его идей самого Козырева не останавливало. Его исследования становились все глубже и шире, постепенно превращались из чисто астрофизических в общеполософские.

В 1979 г., в годы «темные, глухие», он был уволен из обсерватории по «сокращению штатов». После смерти его помощника В.В. Насонова лабораторию Козырева вообще закрыли. Но как «закрыть» научную мысль? Это не удавалось никакой власти, будь она хоть трижды народной.

Н.А. Козырев умер в 1983 г. Ему не хватило времени на создание теории физического времени как главного источника космической энергии. Лучшие годы ученый провел в тюремных камерах Крестов, Бутырок, работая на общих физических работах в Дудинском порту, в Норильлаге... И эти несправедливости преследовали его до конца.

Все сведения о великом астрономе впервые для норильчан свела воедино моя ученица по школе № 17 г. Норильска Светлана Глебова. В 1994 г. школьные учебники были полны высказываний классиков марксизма-ленинизма, учебные программы истории и других общественных наук мало в чем изменились. И тем отраднее был интерес Светланы Глебовой к судьбе Н.А. Козырева, о котором к тому времени в учебниках не прочтешь.

Это была не просто интересная и глубокая по содержанию работа школьницы. Это был урок жизни для девушки, заканчивающей школу и обдумывающей свой дальнейший взрослый путь. Труд Светланы Глебовой об узнике Норильлага и всемирно известном ученом Козыреве, чьи труды до сих пор недооценены, был достойно вознагражден на городской школьной олимпиаде — девочке присудили второе место.

Рассказ Светланы Глебовой о Козыреве был записан на местном телевидении. Светлана говорила без запинок, свойственных школьникам, но вдумчиво и увлеченно. Чувствовалось, что знания об истории Норильска, о судьбе необычного человека изменили ее, научили размышлять о жизни.

Видеокассету с рассказом Светланы Глебовой я показываю студентам техникума, ведь надо же молодежи показывать, с кого можно делать жизнь, а то героями нашего времени уже стали паханы и рэкетеры. И чтобы наша богатая интеллектуальная элита не канула бесследно в Лету, я и провожу такие уроки.

Я подталкиваю молодых людей к раздумьям о том, почему в сталинскую эпоху палачи нередко занимали место своих жертв. Рассказываю, как однажды сама не сразу поверила в то, что начальник Соловецкого лагеря особого назначения был потом заключенным Норильлага. Запрос в информационный центр УВД Красноярска, где хранится карта-тека заключенных, подтвердил этот факт. В 1938 г.

такая же судьба постигла В.З. Матвеева, которого сейчас называют первым директором Норильского комбината. На самом деле он руководил и ИТЛ НКВД. В 1938 г. В.З. Матвеев и сам попал в жернова репрессивной машины и сгинул в лагере под Архангельском в 1948 г.

Хочется надеяться, что прошлое нашей страны поможет нам понять ее настоящее. А имя Козырева в последнее время все чаще встречается в печати — его идеи продолжают жить и развиваются в трудах ученых следующих поколений. Недавно услышала передачу о Козыреве по радио России. Корреспондент беседовала о нем с ученым-астрономом. Тот припомнил, как однажды он был шокирован ответом Козырева на «простенький» вопрос о строении Солнца:

— Ядро имеет твердую кристаллическую структуру...

Возможно, Николай Александрович доказал бы это, но — не успел. Сегодня гипотезы астронома Козырева обдумывают ученые разных стран. Теперь имя Н.А. Козырева принадлежит Времени.

*В.Е. Родионов,
фото последних лет жизни*

Владимир Родионов:

*«В каком-то здании наскоро
развернули госпиталь».*

В Заполярье я прибыл 18 июля 1939 г., будучи репрессированным в мрачную эпоху конца 30-х годов, с путевкой на срок 8 лет, имея от роду 37 лет и 12 лет врачебного стажа. В Дудинке наш эшелон, прибывший по Енисею из Красноярска, был высажен. Большая часть людей в этот же день отправилась в Норильск, а меньшая, в которую входили больные, была оставлена в Дудинке, в том числе и я. В пути следования на баржах мне было поручено оказание медицинской помощи, и с группой больных я остался на транзитном пункте. Через несколько дней я был вызван к заместителю начальника комбината в Дудинке А.А. Панюкову, который объявил мне, что я оставлен здесь для работы по специальности, к работе нужно приступить без промедления, и направил меня к начальнику санчасти.

Одна из двух небольших лагерных больничек была отдана под хирургическое отделение, в ней я и начал работать. Число коек было 45–50. Не было хирурга и в окружной дудинской больнице. Спустя две недели мне пришлось работать и там, обслуживая 10–12 больных. Один раз в неделю вел амбулаторный прием. Подготовленных кадров для хирургической работы как в той, так и в другой больнице не было. Их пришлось готовить на ходу.

На операциях мне ассистировали фельдшера и медсестры, только позднее изъявили желание заниматься хирургией врачи. Объем работы был большой, кроме того, оперировать приходилось урологических и гинекологических больных. Мне нередко приходилось выезжать из Дудинки для оказания

специальной помощи в Авамский район, Волочанск, Хатангу, Караул, Усть-Порт и другие места. Транспортным средством были олени упряжки, аэросани и самолеты.

Однажды пришлось делать операцию в чуме, под местным обезболиванием был вскрыт гнойный паранефрит. Операция была произведена по жизненным показаниям из-за сильнейшей пурги: больного невозможно было доставить даже до ближайшего медпункта. Все обошлось благополучно. Для проведения операций приходилось бывать в Игарке и Норильске.

В летний период в Дудинском порту скапливалось большое количество океанских судов, как наших, так и зарубежных, зачастую приходилось оказывать помощь экипажам этих судов, невзирая на характер заболевания, так как это было поручено мне. Одним словом, побочная работа очень мешала хирургической работе. В газете «Комсомольская правда» за 1947 г. от 1 февраля напечатана статья Е. Рябчикова «Свет над тундрой», в какой-то степени отображающая эти поездки по тундре.

В Дудинке мне привелось встретиться с начальником комбината А.П.Завенягиным. О нем ходило много слухов как о чрезвычайно гуманном и образованном человеке. Эта кратковременная встреча оставила у меня самые лучшие впечатления. Он очень помог больнице солидным увеличением ассигнований на содержание доноров, отдал распоряжение о приобретении медицинской библиотеки, разрешил мне выписать книги из моей домашней библиотеки. После его посещения были улучшены мои бытовые условия, мне отвели маленькую отдельную комнату при санчасти. Хотя я никаких просьб в отношении быта не предъявлял, но не сомневаюсь, что это было сделано по его инициативе. Вскоре он уехал в Москву, а его место занял его заместитель А.А.Панюков.

В Дудинке я пробыл больше двух лет, это были годы, насыщенные работой. За это время было сделано 773 операции, из них 268 — полостных. Операции производились на желудке, желчном пузыре и желчных протоках, почках и мочеточниках, матке и придатках и др.

В конце 1941 г. приказом начальника комбината меня перевели в Норильск на должность главного врача больницы и заведующего хирургическим отделением. К Дудинке я уже привык, и в Норильск поехал без всякого желания, тем более что предстояла работа в коллективе полноправных граждан, тогда как я был лишен всех прав. Кроме того, я слышал о всевозможных не порядках в больнице. Но приказ надо было выполнять, и я приехал в Норильск, забрав с собой четверых лучших работников из дудинской больницы (лагерной).

Шел первый год Отечественной войны, в Норильске велась напряженная работа, строились город, промышленные предприятия. Комбинат уже выдавал свою продукцию, но не в полной мере. Многотысячный коллектив норильчан работал с необычайным энтузиазмом и патриотизмом. Но, к сожалению, строительство типовых лечебных учреждений на ближайшие годы даже не планировалось. Лечебные учреждения ютились в помещениях барачного типа, коечный фонд был недостаточным. Создавшееся положение вынудило руководство комбината отдать под больницу строившееся трехэтажное деревянное здание гостиницы, находившееся рядом с Домом инженерно-технических работников (ДИТР).

В этом недостроенном помещении я и начал свою работу. Производились штукатурные работы, а в нижнем этаже лежали больные. В этом здании предполагалось разместить три основных отделения — терапевтическое, хирургическое и родильное, с общим числом 100 коек. Инфекционное отделение расположилось в небольшом старом бараке.

В аналогичном помещении находились поликлиника и санитарно-бактериологическая и клиническая лаборатория. «Скорая помощь» имела одну машину и двух лошадей. Плохо обстояло дело с кадрами врачей и средних медработников.

Больницу я принял у врача Н.М. Ивановой, молодого врача. Приходивший сюда для проведения экстренных операций врач М.Ф. Райвигер был переведен в Дудинку на мое место, кроме этих врачей был еще терапевт А.А. Баев, и на полставки работала врач акушер-гинеколог К.В. Самойлова. А.А. Баев вел и инфекционное отделение, он же в качестве ассистента или наркотизатора помогал мне на операциях. Нам с ним разрешено было жить в больнице, и мы длительное время вдвоем обслуживали всех больных, исключая рожениц. Нагрузка была предельная, часто приходилось работать ночами, так как мы были и дежурными врачами. Вспоминая те времена, удивляюсь: насколько вынослив человеческий организм! Как и в Дудинке, в хирургическое отделение госпитализировались все боль-

В.Е. Родионов и А.А. Баев

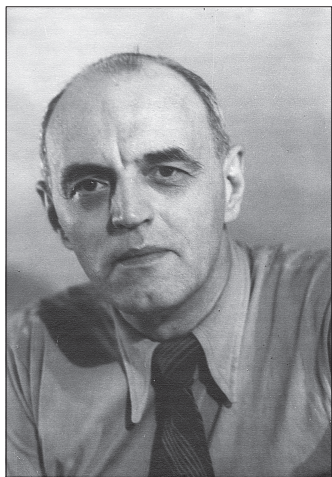

ные, нуждавшиеся в оперативном лечении (хирургия, урология и гинекология). Самойлова не оперировала.

Так продолжалось более двух лет, пока не удалось получить разрешение на работу в больнице двух врачей из лагеря — уролога И.З. Шишкина и хирурга Э.П. Биль. Одновременно был приглашен лаборант С.И. Горшков, в прошлом научный работник — физиолог. При хирургическом отделении был организован пункт переливания крови, снабжавший консервированной кровью все отделения. Позднее стала работать в больнице травматолог Х.Я. Кузнецова — кандидат медицинских наук.

Начиная с 1948 г. в Норильск начали приезжать молодые врачи после окончания институтов, в отделении появились молодые хирурги Романова, Дейч, Гиршман, Валеева, Соя, Скворцова и Игнатьева. К этому времени произошло слияние лечебных учреждений в лечебно-профилактическое объединение. Приезд молодых специалистов позволил укомплектовать штаты и в больнице, и в поликлинике, хотя они не имели практического опыта. После окончания войны прямо с фронта приехали еще два врача: Радионова и Урванцева. Все они нуждались в первичной специализации. Каждый получал индивидуальное задание, над ним определенное время работал, одновременно участвуя в качестве ассистента на операциях. По мере освоения оперативной техники молодые стали самостоятельно дежурить. Приехали в Норильск и медицинские сестры, таким образом проблема кадров разрешилась.

В хирургическое отделение поступили медсестры Н. Пирог, З. Иванова, В. Мещанинова, Скалянская и Охрименко. Все работали добросовестно. Мещанинова быстро освоила специальность операционной сестры, став квалифицированным работником. Нельзя не вспомнить об операционной сестре К.В. Ивановой, отличавшейся трудолюбием. Она

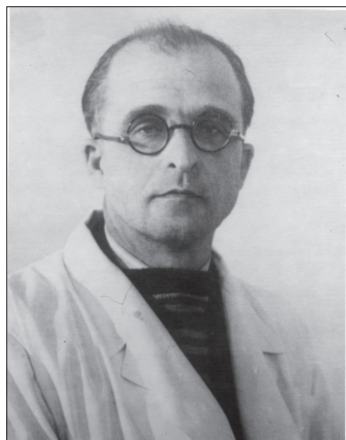
В.Е. Родионов

начала работать в Норильске еще до моего приезда. С организацией объединенной больницы нам было передано помещение центральной больницы лагеря, а она переехала в новое здание. Был построен родильный дом, и родильное отделение перешло туда. Терапевтическое отделение было переведено в помещение центральной больницы лагеря, там была возможность в два или даже более раз увеличить число коек.

Туда же переселилось и инфекционное отделение. Дополнительно открыты два новых отделения — туберкулезное и детское.

В больнице осталось одно хирургическое отделение, занявшее теперь все помещение больницы на 100 коек, а общий коечный фонд больницы увеличился до 400. В Горстрое была открыта вторая поликлиника. Поселковую поликлинику перевели в более приличное помещение, рядом с терапевтическим корпусом. Но все же это был временный выход из положения — нужно было строить типовые лечебные учреждения. На фоне растущего города лечебные учреждения выглядели жалкими, при том что население Норильска быстро увеличивалось. И только в 1949 г. с нас потребовали проектные задания на больничный городок. Ведущие специалисты в короткий срок представили свои соображения, но дело продвигалось медленно. Мне не довелось увидеть новую больницу.

В лечебно-профилактическом объединении начальниками отделений были квалифицированные специалисты, отличавшиеся исключительным тру-

Г.А. Попов

долюбием. Каждый в своей специальности вел большую работу. Я всегда с удовольствием вспоминаю дружный, трудолюбивый коллектив.

Поликлиники возглавляли врачи В.П. Рознатовская и О.И. Атарова, терапевтическое отделение — кандидат медицинских наук З.И. Розенблюм, хирургическое — В.Е. Родионов, инфекционное отделение — Г.А. По-

пов. Во главе детского отделения стоял С.М. Ремейко. Заведующим туберкулезным отделением была Е.Г. Фишман.

Для глазных больных были выделены койки в хирургическом отделении, вел их А.Я. Дзенитис. Неврологические больные госпитализировались в терапевтическое отделение, которым руководил А.Г. Гейнц. Небольшое кожно-венерическое отделение возглавлял врач Туманис. Урологических больных в хирургическом отделении оперировал врач-уролог И.З. Шишкин. Он был исключительно трудолюбивым работником, освоил быстро технику операций, стал моим постоянным помощником, а после моего отъезда принял отделение.

С открытием родильного дома было организовано гинекологическое отделение, там проводил операции приглашенный хирург В.А. Кузнецов. Он заведовал хирургическим отделением больницы лагеря. Высококвалифицированный хирург, оперирующий во всех областях, он был склонен к научно-исследовательской работе: принимал активное участие во врачебных конференциях, часто выступал с докладами. В Норильске Кузнецов написал моно-

графию о методах оперативного лечения прямой кишки с описанием собственного, оригинального способа этой операции. Его научные статьи нередко появлялись в хирургических журналах. Ему было присвоено звание кандидата медицинских наук без защиты диссертации и почетное звание заслуженного врача РСФСР.

Патологоанатомическую службу возглавлял П.Е. Никишин, большой специалист, широкой эрудиции в общемедицинских вопросах. Он занимался философией, знал языки, преподавал их, делал переводы. Это был высокогуманный человек, пренебрегающий всякими материальными благами для себя. Он был всегда готов помочь нуждающемуся, разделить с ним последний кусок. Его благородство снискало к нему любовь и уважение всех, кто его знал. Никишин умер в Норильске в 1949 г.

В последующем должность патологоанатома занял врач С.В. Знаменский, работавший некоторое время ординатором в хирургическом отделении. Будучи чистологом, он организовал чистологическую лабораторию и делал прекрасные фотографии, сопровождавшие протоколы вскрытий и истории болезней. Нельзя не упомянуть о враче А.В. Вандалковском, возглавлявшем зуболечебный и протезный кабинеты. Он пользовался большим авторитетом, особенно как протезист. Участвовал в лечении больных с челюстно-лицевыми травмами, делал прекрасные этапные протезы при резекциях челюстей.

Большая практика врачей, протекавшая в условиях, далеких от нормальных, сочеталась с научно-исследовательской и педагогической деятельностью. Это помогало растить кадры и приносило удовлетворение им самим. Необычайные условия нежитого Севера оставили целый ряд вопросов в поисках рациональных способов лечения некоторых заболеваний.

В.Е. Родионов в операционной

В Норильске существовало научное общество врачей, проводились врачебные конференции, устраивались санитарно-просветительские выставки. Были организованы музей наиболее интересных хирургических и патологоанатомических препаратов, фотовыставка. Созданы целая серия портретов русских хирургов, многоцветные анатомические и хирургические таблицы. Все это помогало растить кадры.

Более точные данные о врачебных конференциях можно получить в журнале протоколов конференций, оставленном мной в библиотечном шкафу. Научным обществом врачей в 1944–1945 гг. был издан первый сборник трудов врачей Норильска, отпечатанный, к сожалению, на пишущей машинке, всего в шести экземплярах. Большой тираж не разрешался ввиду засекреченности комбината. Один экземпляр сборника должен находиться в больничной библиотеке (был занесен в инвентарную книгу и каталог).

При работе над историей здравоохранения Норильска несомненный интерес представляют материалы отчетов больницы (ежегодные, начиная с 1942 г.), сданные мной при отъезде в Центральный городской архив Норильска. В отчетах много фото-

графий, а один из отчетов, кажется, за 1943 г., сделан в виде фотоочерка с небольшими подтекстами. Вероятно, в архиве все это сохранилось. Материалы в архив сдавала медсестра Зина Иванова. Мне остается вкратце описать один «фронтовой» эпизод.

Норильск находился вдалеке от фронта, о войне здесь напоминали лозунги и призывы помогать фронту своим трудом. Никто не мог подумать, что враг внезапно окажется совсем рядом, но это случилось, и мне пришлось быть в зоне военных действий.

Около 3 часов утра 28 августа 1942 г. я был разбужен звонком начальника комбината генерала А.А. Панюкова и получил приказ к 6 часам утра подготовить все необходимое для оказания хирургической помощи раненым, пострадавшим при стихийном бедствии. Число пострадавших названо не было, но сказано, что их много. Мне рекомендовали взять с собой кровь для вливаний. Разрешили взять одного помощника, учитывая, что туда отправляется начальник санотдела С.М. Смирнов. Немедленно подняли нужных людей, пустили в ход автоклавы, проверили и пополнили инструменты, упаковали кровь и т.д. Что случилось? Наиболее вероятным казалось, что какое-то несчастье постигло людей, разбросанных по Таймыру, — рыбаков, геологов.

Автомобиль доставил нас на Валек, где на реке Норилка ожидал гидросамолет. Был сильный ветер, для обычных рейсов погода была нелетной, но мы полетели. Самолет с трудом вырулил на середину реки и поднялся в воздух. Низкая облачность, дождь — ориентироваться в направлении полета невозможно. Через пять часов самолет совершил посадку в бухте острова Диксон. Толпы вооруженных, встревоженных людей, следы разрушений, пожаров. Через полчаса мы узнали, что ночью поселок острова и суда, находившиеся в бухте, подверглись артиллерийскому обстрелу с немецкого линкора «Адмирал Шеер».

Нападение линкора было отбито артиллерийским огнем транспортного судна. Линкор был где-то поблизости, но из-за сильного тумана обнаружить его не удастся. Разбиты электростанция, радиостанция и другие службы. Нет электричества, связь с материком поддерживается с помощью полевой радиостанции. Есть убитые, раненые, нуждающиеся в немедленной помощи. Врачей нет, есть фельдшер и санитары. Одним словом, надо приступать к делу.

Предварительный осмотр всех раненых, находившихся в разных местах. Сортировка — для очередности операций. В каком-то здании наскоро развернули госпиталь. В одной из комнат организована операционная. От движка трактора или катера (не помню) подведено электричество. В операционной подвешена автомобильная фара. На случай приготовлены фонари, лампы. Безотлагательно надо было сделать несколько ампутаций, экзартикуляций, расширенную экзартикуляцию плеча с удалением лопатки и ключицы, торикотомию. Я начал, мне помогала операционная сестра Д.И.Макухина, ассистировал С.И.Смирнов, на смену приготовились санитары с кораблей, не выдавшие крови, фельдшер.

Вливали кровь, различные растворы, оперировали. Обстановка примитивная, непривычная, нервы напряжены до предела. Работали около двух суток с небольшими перерывами — поесть, покурить. С тяжелыми больными справились. Дальше стало легче. Взятых с собой шин для фиксирования переломов (открытых, оскольчатых) не хватило. Примитивная фиксация. Обходы, повторные вливания крови, растворов, перевязки. Напряжение снизилось, ходим в столовую, спим достаточно, выходим на свежий воздух. Из Москвы прилетело начальство, требуют разные справки, отчеты. До нападения на Диксон линкор потопил наш ледокол «Сибиряков». За исключением одного матроса, весь экипаж погиб. (Впоследствии оказалось, что несколько чело-

В.Е. Родионов со своими сотрудниками

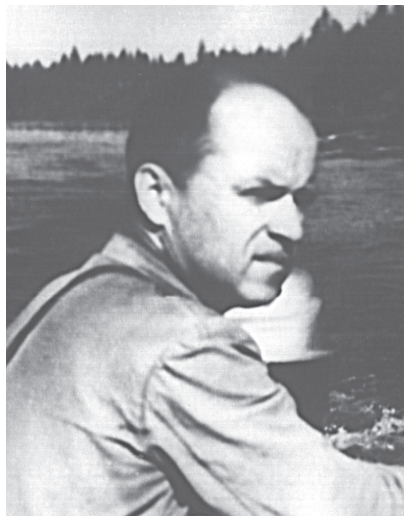
век, в том числе и капитан Кагарава, которого я знал по Дудинке, были взяты в плен, остались живы и вернулись на Родину.) Раненые чувствовали себя прилично. В одном случае открытого осколочного перелома бедра — осложнение. Газовая гангрена. Ампутация. Раненый спасен. Прожили на Диксоне более десяти дней, а возможно, и больше, точно не помню. Обратно в путь тронулись по воде, так как должны были взять с собой раненых, требующих долечивания или повторных операций. К оставшимся на месте прибыл откуда-то военный врач. Поздно вечером погрузились на судно «Семен Дежнев», сильно пострадавшее в бою, но с сохранившейся ходовой частью. Разместили раненых, разместились сами. Строжайшая дисциплина, непривычная светомаскировка. Опасались находившегося где-то недалеко вражеского линкора. Стало спокойнее, когда вошли в воды Енисея. Без особых приключений добрались до Дудинки, а затем поездом — до Норильска. Наконец мы дома, в обычных нормальных условиях. Раненых долечили, выписали. С «фронтовыми» делами покончено. Дальше пошла привычная работа.

В качестве эпилога несколько слов о себе. В системе Норильского комбината, в те времена Норильскстроя, я проработал свыше 15 лет, из них немного более двух лет в Дудинском отделении и 13 лет в Норильске. Совмещал две должности — главного хирурга и главного врача лечебно-профилактического объединения. С 18 июля 1939 г. по 7 января 1943 г. был заключенным. В 1943 г. досрочно освобожден, а впоследствии полностью реабилитирован. На этих же должностях продолжал работать в Норильске до 1954 г., уехал по состоянию здоровья (инфаркт). В Дудинке одновременно заведовал хирургическим отделением окружной больницы Таймырского национального округа.

Вся организация здравоохранения Норильска, почти с самого ее основания, проходила при моем активном участии. После моего освобождения, в этот же год, ко мне прибыла семья — жена и два малолетних сына. Жена положила начало местному Краеведческому музею, которым впоследствии и заведовала до отъезда из Норильска.

За 15 лет я произвел свыше 10 тысяч различных по сложности операций хирургическим, урологическим, акушерско-гинекологическим и другим больным — большая часть их сделана мною лично. Работа по специальности все время сопровождалась организационно-административной работой и подготовкой кадров. В разное время в Норильске награжден: орденом «Знак Почета», медалями — «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», значком «Отличник здравоохранения». Имею 18 почетных грамот, из которых две получил, уже не работая в Норильске, — по случаю 25- и 30-летних юбилеев комбината, 9 благодарностей с занесением в трудовую книжку. Часть из них с премиями. При отъезде из Норильска был объявлен приказ о премировании месячным окладом с формулировкой «За долголетнюю и безупречную работу».

В.С. Непокойчицкий

Витольд Непокойчицкий:

*«Я до последних дней своих
не забуду встречи с Авраамием
Павловичем Завенягиным...»*

Заполярной Пальмирой называли когда-то журналы город за 69-й параллелью. Дело вовсе не в звучном, а в почетном сравнении с Ленинградом — Петербургом. И если на материке норильчанин вспоминает свой заснеженный, северный город, то в первую очередь ему зримо представляются — нет, конечно, не «хрущевки» — ансамбли зданий застройки первых послевоенных десятилетий.

Возможно, не все наши земляки обращали внимание на то, что вверху на фасаде двух смотрящих друг на друга домов Октябрьской площади, знаменующей будто торжественный въезд в Норильск, есть лепные «медальоны» с инициалами «В.С.Н.» и «Л.В.М.». Так увековечили свои имена авторы проектов этих домов, архитекторы-единомышленники и супружеская пара: Витольд Станиславович Непокойчицкий и Лидия Владимировна Миненко. Конечно, это далеко не единственный творческий след, который оставили они в зодчестве XX столетия России.

Будем верить, что, пока стоит наш Норильск, пока есть на земле такой город, останутся в памяти потомков имена его создателей.

Автор этих строк тоже в свое время не заметила вензелей на зданиях Октябрьской площади и узнала о них уже тогда, когда пионер норильского градостроительства вышел на пенсию и скромно жил в поселке городского типа Сясьстрое, что в Ленинградской области. Я тогда работала на Норильской студии телевидения и готовила передачу о лауреате Ленинской премии почетном гражданине Норильска В.С. Непокойчицком.

Поздней осенью 1981 г. я собралась в дальнюю командировку. Но, увы, на письмо с просьбой о встрече ответа от Витольда Станиславовича не пришло. Мы на студии знали, что он не жалуется журналистов («Эти ребята любят развесистую клюкву», — говорил главный архитектор проекта города), случилось даже, что одной нашей съемочной группе пришлось вернуться домой — это из Ленинградской-то области! — не солоно хлебавши. Но как можно писать сценарий, не заглянув в глаза живой легенде?! Кстати сказать, корреспондент газеты «Комсомольская правда» А. Нежный в своем очерке о нашем земляке написал, что глаза у него сиреневого цвета. Это правда — удивительные глаза!

В общем, я отправилась к герою моего будущего «романа» непрошеной гостьей. В дороге простудилась, уже с высокой температурой в пять часов утра пригородным автобусом выехала из Питера в дальний поселок, а когда хозяин квартиры открыл дверь, я вдруг упала без чувств прямо на пороге. Это меня и «спасло». Витольд Станиславович, «на руках» которого (в переносном и почти в прямом смысле) уже несколько лет была перенесшая инсульт жена, стал хлопотать вокруг меня, и, когда я пришла в себя и представилась, выпроваживать «татарина» из дому было поздно. Сообщая об этом подробно потому, что, может, именно факт моего временного недомогания не только помог установлению дружеского контакта, но и позволил получить уникальный (ничуть не преувеличиваю) материал. Мы еще несколько раз встречались с Витольдом Станиславовичем и переписывались с ним до его последних дней.

По просьбе Витольда Станиславовича (и с помощью машинистки Норильского ТВ) я отпечатала в двух экземплярах его воспоминания и, как договорились, одну копию вместе с оригиналом вернула автору, другую — оставила себе. Кое-что из этих мемуаров было использовано в телепередаче, но никогда и нигде они не публиковались. Для норильчан они интересны еще и потому, что в них повествуется в том числе о Завенягине Авраамии Павловиче и о первом генеральном плане города. Фрагменты этих воспоминаний и есть одна из глав настоящей книги норильчан о Норильске.

Несомненно, в заметках о времени и людях вырисовывается яркая личность самого их автора, человека талантливого не только в своей профессии. Возможно, когда-нибудь эти записки выйдут отдельным изданием, а о В.С. Непокойчицком будет написан труд, достойный его самого. Однако, как ни жаль, сейчас придется придерживаться намеченной темы, публикуя лишь отрывки воспоминаний и своими словами описывая «времен связующую нить».

А начнем мы публикацию с того места, когда молодые архитекторы, они же молодая чета, окончили Ленинградский институт инженеров промышленного строительства и работали в разных проектных организациях.

Светлана Мазеина

ДОЛГАЯ ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

Работа, выполняемая нами, была творческой и интересной, но все же не удовлетворяла нас, так как обе проектные организации обслуживали не Ленинград, а периферию. Разрабатывая проекты общественных зданий для поселка Артемгрэс, который находился где-то на Дальнем Востоке, или жилых многоэтажных зданий для Мончегорска, я был лишен возможности видеть, как реализуются мои проекты в натуре, не мог принимать участия в строительстве и осуществлять авторский надзор, вследствие чего работа над проектами приобретала какой-то отвлеченный, «бумажный» характер и не могла принести полного морального удовлетворения. В материальном отношении тоже не все обстояло благополучно. И все же расставаться с Ленинградом мы не собирались и не переставали надеяться на лучшее будущее. Вероятно, мы так бы и остались в нашем городе, если бы в ГСПИ, где работала Лида, не появился новый сотрудник, приехавший из далекого Магадана.

Этим сотрудником был архитектор-практик Стефан Сергеевич Троицкий. Несмотря на занимаемое в ГСПИ более чем скромное служебное положение, Стефан каждое утро подкатывал к месту работы на «Линкольне» вишневого цвета и, как острили его сослуживцы, «ел только сало и пирожные». Надо полагать, что его широкая натура находила и другие возможности для своего проявления. Поэтому вполне естественно, что от привезенного им «капитала» в шестнадцать тысяч, что по тем временам казалось довольно значительной суммой, вскоре ос-

талось лишь приятное воспоминание. По-видимому, это и побудило Стефана направить всю свою энергию на поиски «нового Магадана».

Летом 1939 г. Стефан познакомился с прибывшим в Ленинград представителем Норильскстроя Гутманом, который, если мне не изменяет память, пребывал в должности или заместителя, или помощника начальника этой организации. После встречи с Гутманом Троицкий заболел Норильском и заразил этим заболеванием некоторых сослуживцев из пятого ГСПИ. Среди «зараженных» оказались старший архитектор строительного отдела ГСПИ Георгий Александрович Ломагин, инженер-сантехник Леша Малючков, техник-конструктор Акимов, архитектор Лидия Владимировна Миненко, а через нее и я.

Троицкий организовал встречу всей этой группы с Гутманом, и мы посетили его в одном из номеров гостиницы «Октябрьская». На состоявшейся затем «пресс-конференции» Гутман, не жалея красок, обрисовал необычайные природные особенности района строительства, неограниченные возможности его развития, подчеркнув при этом, что особо широкие перспективы открываются для творческой деятельности проектантов всех специальностей. Когда под конец беседы кто-то из нас задал вопрос, нужно ли брать с собой теплые вещи, Гутман рассмеялся и сказал, что в этом нет никакой необходимости, так как в Норильске можно приобрести все, что только потребуется.

После встречи с Гутманом Троицкий, Ломагин и Малючков вскоре выехали в Норильск. Лида и я еще некоторое время колебались, но потом списались с Норильском и получили предложение быть зачисленными в проектный отдел с окладом в одну тысячу пятьсот рублей. Летом 1939 г. мы наконец выехали из Ленинграда в Красноярск, с заездом в Москву, где на Покровском бульваре, в доме № 14,

находилось представительство Норильскстроя, в котором и состоялось наше оформление на работу. В Москве мы не задерживались, и через день или два экспресс «Москва — Маньчжурия» уносил нас все дальше и дальше на восток.

В краевом центре будущим северянам пришлось задержаться, потому что в те годы не так просто было добраться до северной стройки, пароход до Дудинки «Спартак» нужно было ждать почти три недели, пассажирских самолетов в Норильск не было. В общем, нашим путешественникам удалось обследовать Красноярск и его окрестности, включая знаменитые Столбы, прежде чем появилась возможность начать добираться до искомой точки по воздуху.

...Через восемь летних часов мы приводнились на Игарской протоке. Уже на пирсе нам стало известно, что дальше мы полетим только завтра, к тому же на другой машине. Это известие нас несколько не огорчило, так как благодаря такой непредвиденной задержке мы получили возможность познакомиться с легендарной Игаркой, о которой одно время много писали в газетах и журналах.

...Поднимаясь по широким деревянным ступеням к верхней береговой кромке, я даже не мог предположить, какое глубокое разочарование ожидает меня там... Ни уюта, ни мысли. Казалось, все эти, точно выросшие из земли, неприглядные полубараки вместе с их окружением создавались не людьми, а бездушной, плохо налаженной машиной.

Длинная, утомительная дорога, знакомая старожилам Норильска.

...Мы все летим и летим — то над голубыми, то над почти черными озерами, над какими-то то большими, то маленькими причудливо извивающимися реками и речками... И вдруг как-то совсем неожиданно впереди засинели изломанные очертания далекой горной гряды. Я неотрывно смотрел вперед, а

вскоре стал уже отчетливо различать обрывистые кручи и куполообразные вершины с белеющими кое-где полосками снега. Больше всего я боялся, что самолет свернет куда-нибудь и уйдет от медленно приближающейся горной цепи. И это произошло, когда она была уже почти совсем рядом. Самолет слегка качнулся и стал уклоняться куда-то влево. До боли в позвоноках я поворачивал голову вправо до тех пор, пока последний горный отрог не исчез из поля моего зрения. «Неужели мне больше никогда не придется увидеть эту первозданную красоту?!» — подумал я с невольной грустью. Мог ли я тогда предположить, что именно там, вблизи только что исчезнувших за окном самолета склонов, протечет более тридцати лет моей жизни!

... Встречающие нас молчаливые фигуры в стеганых ватниках подхватывают наши вещи и несут их к неказистому срубу с маленьким оконцем и распахнутой настежь дверью. В глубине комнаты, у окна, рядом с обшарпанным письменным столом стоит темноволосый, уже немолодой человек в тельняшке и распахнутом синем кителе... Мы называем себя. Он здоровается и представляется: «Бушупев, начальник гидроаэропорта Валек, — и тут же добавляет: — О вашем приезде предупрежден. Вызываю дрезину, но Норильск почему-то молчит. Наверное, где-нибудь повреждение на линии. Придется подождать».

...Мы едем дальше и дальше, и, кажется, никогда не будет этому конца. «Ну, вот и прибыли, — обернулся к нам моторист. — Вверх по дороге пройдете до перекрестка. Там в низине за ним — дом приезжих. Отсюда всего ближе».

Поблагодарив водителя, я надавил на дверную ручку и осмотрелся. К самым колесам подступала полоса безукоризненно уложенного асфальта. «Вот это прогресс», — подумал я, вспоминая изрытые колеями, пропыленные улицы Красноярска, и, подо-

двинув вплотную поближе к дверкам наши чемоданы, соскочил вниз. Асфальт податливо раздался, и что-то холодное и густое поползло ко мне в ботинки. В два прыжка, которым мог бы позавидовать любой рекордсмен, я оказался уже вне пределов мнимого асфальта и, чертыхаясь, стал приводить в порядок свой заляпанный грязью туалет.

...Дом приезжих не блистал роскошью и оказался обыкновенным бараком, наспех переоборудованным в нечто среднее между общежитием и гостиницей. Однако одолевавшая нас после длинной дороги усталость взяла свое, и вскоре мы спали как убитые.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

За ночь заметно похолодало. Небо затянула сплошная белесая пелена. После прошедшего под утро дождя было сыро, холодно и неудобно. Обходя лужи и кое-как перескакивая с камня на камень, мы добрались до свежесрубленного здания столовой и уже оттуда, перейдя через Горную улицу, вышли на Заводскую. Небольшое одноэтажное здание госбанка, так же как и двухэтажные рубленые жилые дома у перекрестка и в непосредственной близости от него, ничем не привлекало нашего внимания. Более интересными показались нам двух- и трехэтажные домики со стенами из рваного габбродиабаза, что придавало им своеобразный местный колорит. Фасады этих домов заметно проигрывали благодаря необычной установке оконных блоков, выдвинутых заподлицо с наружной стеной... Некоторые из бутовых домов были уже заселены, но на остальных полным ходом шли строительные работы. Мы не спеша продвигались вперед, глаза по сторонам и поглядывая себе под ноги, опасаясь провалиться в какую-нибудь рытвину или споткнуться о разбросанные около домов строительные материалы. Особенно доставалось Лиде, которая, вняв словам Гут-

мана, не взяла с собой ботинки и теперь храбро месила белоснежными сандалетами хлюпающую под ногами липкую грязь. Перейдя мост через неширокий, но шустрый ручей, мы оказались у рельсов узкоколейки и ее «асфальтового» окружения. Несколькими дальше, за переездом, какие-то мрачноватые личности в тяжелых ботинках, одинаково темных бушлатах и нелепых шапках с торчащими в разные стороны ушами сосредоточенно трудились, одевая проезжую часть улицы разномастными кусками габбродиабаза. Тут же, прислонившись к крыльцу магазинчика, маячила фигура в брезентовом плаще с поднятым капюшоном, дымя папиросой и придерживая одной рукой приставленную к ноге винтовку с примкнутым штыком. Картина, хорошо знакомая мне уже по Мурманску, где я, еще будучи студентом, проходил строительную практику. *(Для юного читателя, видимо, есть надобность объяснить, что вышеописанное — не что иное, как «филиал» ГУЛАГа — Норильлаг, где находились и политзаключенные, и уголовники. — С.М.)*

...В отделе кадров нам надо было выполнить обычные в таких случаях формальности, то есть заполнить анкеты и подписать какие-то бумаги. Едва мы закончили эту нудную процедуру, как зазвенел телефон, и поднявший трубку кадровик сообщил, что начальник комбината ждет нас в своем кабинете.

Мы уже знали, что начальник комбината — это Авраамий Павлович Завенягин. Позднее нам стало известно, что Авраамий Павлович всегда лично знакомится с прибывающими в Норильск новыми специалистами, как только они появляются на территории комбината. Я до последних дней своих не забуду встречи с Авраамием Павловичем Завенягиным...

Поднявшись на второй этаж и войдя в довольно просторную приемную, я назвал наши фамилии, обратившись к девушке, сидевшей спиной у окна за заставленными телефонными аппаратами столиками.

— Пожалуйста, проходите. Начальник комбината ждет вас, — кивнула она в сторону закрытой двухстворчатой двери.

Я толкнул на себя дверную створку и, пропустив Лиду вперед, шагнул в кабинет...

— Разрешите? — произнес я, останавливаясь у входа.

Авраамий Павлович обратил к нам свое красивое, несколько полноватое лицо с чернеющим пятнышком усов и необычно выразительными глазами, поблескивающими из-под темных прямых бровей. Несколько мгновений он пристально смотрел на нас изучающим и, как мне показалось, даже несколько удивленным взглядом, потом приветливо улыбнулся и, выйдя из-за стола, пошел к нам навстречу. Мы представились.

— А я о вас уже почти все знаю, — глуховатым, но приятным голосом промолвил Авраамий Павлович, поочередно пожимая нам руки. — Садитесь, рассказывайте, как доехали, — добавил он, подводя нас ближе к письменному столу и усаживаясь в свое кресло. Мы уселись напротив и, иногда перебивая друг друга, вкратце обрисовали все перипетии нашего путешествия и впечатления от виденного.

Авраамий Павлович слушал нас внимательно, только иногда задавая наводящие вопросы или делая отдельные замечания. Узнав, что мы побывали в Игарке, спросил: «Ну, как Игарка — понравилась?» Выслушав наш резко отрицательный ответ, промолчал, но мне показалось, что и он придерживался того же мнения. В конце своего повествования мы слегка «покапали» на Гутмана, посетовали на легкоеверие и упомянули о злополучных сандалетах, а также неудобствах представленного нам жилья.

Авраамий Павлович нажал кнопку звонка и, когда вошла встретившая нас в приемной девушка, сказал: «Соедините меня с Чачиком».

Через несколько минут девушка доложила, что Чачик на проводе.

— Здравствуйте, Авраамий Павлович! Чачик вас слушает, — прошелестела поднятая Завенягиным телефонная трубка.

— Здравствуй, — ответил на приветствие Авраамий Павлович и продолжал с легкой досадой, не повышая голоса. — Опять этот «Путман» напутал. Пойдут к тебе только что прибывшие два молодых архитектора. Да, из Ленинграда. Нужно им помочь приобрести необходимые вещи. Они скажут. Дай команду! — И он повесил трубку.

Мы поблагодарили.

— Плохо пока с жильем. Очень плохо... Вот если хотите, могу дать распоряжение, чтобы вас временно поселили в один из строящихся домов на Заводской улице. Полы там настланы, перегородки поставлены, двери, окна и свет есть. Крышу заканчивают. Но отделочные работы и вся доводка начнутся не раньше чем месяца через полтора-два. Пока не задула пурга и не нагрянули морозы, надо гнать как можно скорее коробки других зданий. Ну как? Согласны?

Мы приняли это предложение, хотя и без особого энтузиазма.

— Вот и договорились, — повеселел Авраамий Павлович. — Ну а теперь поговорим о работе.

Авраамий Павлович начал говорить о том, что в Норильске сделано пока еще очень немного. Только первые шаги. Не хватает строительных материалов, техники, транспортных средств, оборудования, людей, особенно специалистов. Ощущается острый дефицит цемента, леса, металла. Еще слишком незначительна производительность местного кирпичного завода и других установок, предназначенных для удовлетворения нужд строителей. Центральные проектные организации работают крайне медленно, как правило, выпускают оторванные от реальности проекты, которые приходится полностью перераба-

тивать на месте. Это в области промышленности. Но не лучше обстоит дело с проектами для гражданского строительства. Все это временные трудности, но они были, есть и еще долгое время будут. Задача в том, чтобы их преодолевать с наименьшими затратами труда, времени и средств. Главное — стране нужен металл. Медь. Никель. Норильское месторождение уникально — руда и уголь. Это основа перспектив практически неограниченного развития комбината, самого крупного в стране. Нужно, наряду с проектированием и строительством комбината, проектировать и строить крупный, современный, полностью благоустроенный город. Для городского строительства изыскатели уже предложили несколько площадок.

— Кстати, — продолжал Авраамий Павлович, подойдя к окну, около входа в кабинет, — две видны и отсюда. Вот одна из них — в долине ручья Медвежьего, — и, когда мы приблизились, указал на неширокий, покрытый уже начинающим желтеть лиственным лесом распадок, справа и впереди упирающийся в склоны двух горных массивов, разделенных глубоким ущельем, слева обрамленный невысокой возвышенностью. Вдали распадок замыкался внушительной куполообразной горой, с узкой полоской так и не стаявшего за лето снега на вершине.

Авраамий Павлович перешел к одному из окон, выходящих на Октябрьское шоссе, и, кивнув в сторону видневшихся невдалеке гор, промолвил:

— Вот здесь, у подножия этих горюшек, и вырастут почти все основные цеха будущего комбината. Тут же, немного левее, изыскатели оконтурили еще одну площадку для строительства города. Других площадок отсюда уже не видно. Пока что ознакомьтесь с их расположением по карте, — и, подойдя к письменному столу, переложил лежащий на нем чертеж поближе к свету, на крытый синим сукном

стол. — Мы находимся примерно в этой точке, — сказал Авраамий Павлович, прижав остро сточенный карандаш к бумаге. — К северу отсюда довольно большое озеро — Долгое. Дальний берег озера холмистый, но дальше, за холмами, лежит большая, почти плоская равнина. Это третий участок. Еще одна площадка вот здесь, за рекой Щучьей в районе озер Зуб и Тис-Кель, вблизи горы Зуб, — продолжал Авраамий Павлович и, проведя карандашом вдоль извилистой голубой линии, задержал его около двух причудливо очерченных пятен такого же цвета. — Пятый, последний участок — за железнодорожной линией, у станции Надежда, к западу от Шмидтихи. Эту гору мы только что видели из окна. Ну вот и все. Осмотрите площадки в натуре и дайте свои предложения. Помните, что речь идет о строительстве вполне современного, благоустроенного города. Надеюсь, что вы, ленинградцы, найдете правильное решение, — заключил Авраамий Павлович, с улыбкой прощаясь с нами.

Эта первая встреча произвела на нас неизгладимое впечатление и запомнилась навсегда...

Наш визит к Чачику оказался малоутешительным. Этот молодой, темноволосый парень с открытым, красивым лицом отнесся к нам с полным пониманием, но почти ничем не мог помочь и просил зайти к нему после закрытия навигации. Единственным полезным приобретением в результате этого посещения оказались полученные по звонку Чачика какие-то черные резиновые ботинки, тут же заменившие пресловутые Лидины сандалеты. Посетив магазин, где из-под прилавка, со всеми мерами предосторожности, нам были выданы уже упомянутые ботинки, мы убедились в крайней скудости ассортимента имевшихся в продаже товаров широкого потребления. В продаже были черный хлеб, сливочное масло, сахар, соль, чай и консервы, включая зеленый горошек, сардины и абрикосовый компот, а

также какая-то горячительная жидкость под интригующим названием «Ерофеич». Из промтоваров, кроме ниток с иголками и стеганых ватных костюмов, насколько я помню, ничего не было.

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН...»

Ранним утром следующего дня мы направились на работу в здание управления комбината, большую часть которого занимали отделы довольно многочисленной проектной организации, носившей, как мне помнится, непривычно звучащее название — управление проектирования, впоследствии преобразованного в проектный отдел комбината. Возглавлял управление молодой инженер-обогачитель Александр Емельянович Шаройко. Поэтому проектанты в шутку называли себя «корпусом Шаройко». Архитектурно-строительный сектор управления, в который мы были зачислены, размещался на третьем этаже здания. Поднявшись туда, мы оказались в большом зале, заполненном однообразно одетыми людьми, склонившимися над тесно составленными столами, с белевшими на них листами ватмана. По обеим сторонам от входа виднелись две плотно притворенные двери. На двери, расположенной справа, четко вырисовывалась табличка с аккуратно выведенной надписью «Начальник Архитектурно-Строительного Сектора Ломагин Георгий Александрович».

Я открыл дверь, и мы остановились на пороге небольшой продолговатой комнаты, освещенной прямоугольником окна, прорезанным в противоположной входу стене. В глубине комнаты спиной к окну стоял Георгий Александрович, заложив пальцы обеих рук за отвисший широкий ремень, подпоясывавший мешковато сидевшую на нем иссиня-черную гимнастерку, и что-то объяснял посетителю в плаще с поднятым воротником. Слева,

слегка развалиясь за передним столом и выдвинув в проход между столами согнутые в коленях ноги, сидел, повернувшись к нам в профиль, Стефан Троцкий, по-видимому также принимавший участие в разговоре. Стефан заметил нас первым и, удивленно вскинув брови, радостно воскликнул:

— Смотрите-ка, смотрите! Это же старички прибыли!

«Старички» и «старики» было излюбленное выражение Стефана, которое вскоре получило повсеместное распространение в нашей среде. После обычного в таких случаях переполоха все наконец успокоились, и разговор принял хотя и несколько беспорядочный, но уже чисто деловой характер... Когда я поинтересовался, сколько же архитекторов числится в секторе, Ломагин только досадливо сморщился и как-то неопределенно махнул рукой:

— В соседней комнате сидят пять дипломированных архитекторов да еще два художника. А что толку? Только, извините, штаны просиживают. Один Мягков только и пашет.

Мне стало понятно, почему Георгий Александрович так обрадовался нашему приезду, а в то время для меня сама причина такого отзыва оставалась вначале загадочной. Только позднее я узнал, что присущая Ломагину деликатность и так называемая мягкотелая интеллигентность мешают ему быть более требовательным по отношению к своим подчиненным. Но, несомненно, он был опытным и высококвалифицированным специалистом, обладающим тонко развитым чувством художественного такта.

В разговоре с Ломагиным я сообщил ему о поручении, данном мне Авраамием Павловичем, детально ознакомиться со всеми площадками, ориентировочно намеченных для размещения городского строительства. Георгий Александрович сразу же среагировал:

— Это надо сделать, не откладывая в долгий ящик. Авраамий Павлович не любит, чтоб его распоряжения долго не выполнялись. Кстати, наши архитекторы тоже рвутся осмотреть все конкурирующие площадки. Правда, в отсутствие Александра Емельяновича могут возникнуть некоторые осложнения. Попробую все же договориться на завтра, пока погода не испортилась. — Подумав немного, добавил: — Знаете, Витольд, посмотрите-ка сегодня район Медвежьего ручья и горы Двугорбой. Это ведь совсем рядом. Погода великолепная, не пожалеете.

Я с радостью согласился и к вечеру вдоль и поперек облазил оба участка, получив о них полное представление. Я был очень доволен, что минувший день не прошел без пользы дела. Но возвращаясь домой, я вдруг остановился, пораженный внезапно возникнувшим сомнением. «Как же так, — подумал я, — ведь еще Авраамий Павлович мне сказал, что основные производственные цехи будущего комбината разместятся у подножия гор Барьерной и Двугорбой, что это размещение уже зафиксировано на генеральном плане промплощадки. Но это же цветная металлургия — производство высокой вредности! О каком же городском строительстве может идти речь здесь, в непосредственной близости от комбината, где нельзя выдержать даже самых минимальных санитарных разрывов. Проверить еще раз по карте? Но все ясно и без проверки».

Настроение сразу скисло — я понял, что мое «путешествие» оказалось напрасным.

Следующий день выдался солнечным и полетному теплым. По дороге на работу я повстречался с Ломагиным.

— Ну с вашей «экспедицией» все в порядке. Сегодня пойдем на площадку в районе озера Долгое, а если успеем, то и к Зубу, — сказал Георгий Александрович, здороваясь со мной.

— Вчера осмотрел я Медвежий и Двугорбую, но, по-моему, вроде бы зря.

— Как это зря? — не понял Ломагин. И, выслушав мои соображения, заметил после минутного молчания: — Да, Витольд, вероятно, вы правы. Как это мы сразу не сообразили. Ну ничего, проверим еще раз по карте... А вот и все остальные участники нашей «экспедиции».

(В этой, ставшей исторической, группе осматривающих площадки будущего города были кроме известных нам Непокойчицкого и Ломагина архитекторы Мазманын, Кочар, Вовакин, «бывший газетный работник, фотограф и немного художник» Сорокин и художник Бакланов (двое последних использовались как оформители).

Описание девственного ландшафта, где теперь стоит Норильск, как всегда, у В.С. заняло несколько восторженно-поэтических страниц — настолько некогда красивой была эта местность. И не менее важно, что нашлись ее ценители — такие люди не могли создать «просто» город. — С.М.)

«Черт возьми, до чего хорошо!» — подумал я и, чтобы справиться с охватившим меня волнением, опустился на полузатянутый мхом валун и потянулся за папиросой. Остальные спутники последовали моему примеру. Говорить как-то не хотелось. Каждый из нас, молча попыхивая папиросой, смотрел на озеро Долгое и думал о чем-то своем, вероятно, самом сокровенном...

В этот день нам удалось осмотреть также и площадку, расположенную на левом берегу реки Щучьей, вблизи озер Зуб и Тис-Кель. В целом она производила неплохое впечатление, но все же по своим природным данным значительно уступала площадке у озера Долгое.

Через два дня все конкурирующие площадки были мне уже достаточно хорошо знакомы. После-

дня, у станции Надежда, оказалась расположенной среди открытой безлесой местности на относительно большом отдалении от цехов будущего комбината. Ее единственное достоинство заключалось в практически ничем не ограниченной величине.

ЗАПОЛЯРНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

...В то время мы работали с огромной производственной нагрузкой. Рабочий день начинался в девять утра и с перерывом на один час продолжался до шести часов вечера. Затем, после двухчасового перерыва, мы вновь приходили на работу и оставались на ней то до одиннадцати, то до двенадцати часов ночи. Авраамий Павлович придерживался такого же распорядка, если не считать того, что его можно было встретить где-нибудь на строительной площадке уже в шесть-семь часов утра или же получить вызов к нему далеко за полночь.

Припоминается, что как бы поздно я ни проходил случайно мимо здания управления, в окнах кабинета Авраамия Павловича всегда горел свет, хотя было уже два или три часа ночи. Когда успевал отдохнуть этот, казалось бы, неутомимый человек, для меня всегда оставалось загадкой. Проводил он на работе и большинство выходных дней, и мне в первое время довольно часто приходилось бывать у него именно в эти дни. Только потом, когда я уже в начале 1940 г. получил посылкой забытое в сутолоке отъезда охотничье ружье и все выходные дни стал отдавать охоте или рыбалке, Авраамий Павлович перестал назначать мне встречи вне рабочей недели.

Несмотря на то что в личном распоряжении Авраамия Павловича находился самый быстроходный из всех катеров норильского «флота», приписанных к порту Валек, начальник комбината дале-

ко не часто использовал его для поездок, а если иногда и совершал их, то в большинстве случаев с какой-нибудь серьезной познавательной целью. В итоге такой поездки выбирался или участок для строительства дома отдыха на озере Лама или удобные места для расположения рыбацкого поселка, либо отстоя судов, или же возникал новый пункт гидрометеослужбы. В выходные дни я часто бывал на Норилке по своим охотничье-рыболовным делам, но только раз или два мог наблюдать за красивым ходом «Служебного». Чаще я видел этот катер на приколе у вальковского причала. Зато возвращаясь под утро с очередной рыбалки, не однажды различал знакомую фигуру Авраамия Павловича среди лесов какой-нибудь новостройки или медленно вышагивающего по шпалам к дальнему разъезду узкоколейки. Я еще издали узнавал Авраамия Павловича по его неизменно темной фуражке с маленькой тульей и матерчатым козырьком, всегда одинаково одетого в черное пальто и такие же брюки на выпуск. И каждый раз не переставал удивляться его подтянутому виду и чисто выбритому лицу. «Когда он только успевает?» — невольно думалось при такой встрече.

...Поздним вечером, когда мы уже стали собираться домой, раздался телефонный звонок и секретарь передал, что Авраамий Павлович ждет моего прихода.

Я вкратце рассказал о проделанной работе и подробно изложил свое мнение о всех площадках. Авраамий Павлович слушал внимательно, и сделанная мной оценка доставила ему видимое удовольствие.

— Ну что ж, очень хорошо, что наши точки зрения совпадают! А как считает Георгий Александрович? Что думают Кочар и Мазмязян? — произнес Авраамий Павлович, делая ударение на первом слого фамилии Кочара и неправильно изменив окончание фамилии Мазманяна. Впоследствии я не раз

замечал, что обе эти фамилии так и не дались Авраамии Павловичу, несмотря на его великолепную память.

Я сказал, что высказанное мной мнение является общим и его не разделяет только Курт Майер. Авраамий Павлович был доволен.

— Значит, в нашем полку прибыло. Будем считать вопрос о площадке решенным, — и в отношении Курта Майера добавил: — Опытный специалист и упрямый, но здесь он многое не учитывает и поэтому ошибается. Начинайте работу над генпланом.

Мне пришлось обратить внимание Авраамия Павловича на то, что форсированной разработке генплана препятствуют два обстоятельства, а именно: полная неясность в отношении расчетной численности населения и определение этажности застройки будущего города. Авраамий Павлович согласился со мной и спросил мое мнение по этим вопросам. Я ответил, что в отношении численности могу высказаться только по интуиции, так как здесь требуется точный расчет, но мне кажется, что приведенные в двух предварительных демографических гипотезах цифры слишком занижены и могут вдвое возрасти. Что касается этажности, то у меня уже сложилось твердое убеждение. Мне студентом довелось немного поработать в Мурманске. Недавно я видел Игарку. Много думал о том, каким нужно проектировать город для Заполярья. Очень многое еще нужно додумывать и решать. Ясно только одно: создание современного, благоустроенного города немыслимо на основе малоэтажной застройки. Город должен быть многоэтажным.

Авраамию Павловичу, как мне показалось, импонировало высказанное мной суждение в отношении типа застройки будущего Норильска. Но все же он счел нужным несколько охладить мою горячность.

— Все это, пожалуй, и правильно, но есть реальные условия, с которыми нельзя не считаться. Двухэтажная застройка не требует столько дефицитных материалов, сколько многоэтажная. Поэтому наряду с многоэтажными не надо забывать и о двухэтажных зданиях. Подумайте о застройке смешанного типа. Строительство одноэтажных зданий в городе, конечно, исключено.

— А мне думается, что для двухэтажного строительства вполне хватит места и в черте Аварийного поселка, — все еще не сдавался я. — В крайнем случае, и в городе можно зарезервировать территорию нескольких кварталов для двухэтажной застройки. Но доминирующим типом должны быть здания высотой в четыре-пять этажей.

— Пока не будем ставить точки над «и» в отношении этажности, но в принципе я с вами согласен. Что же касается определения численности населения, то здесь уже имеются кое-какие предварительные наброски. Придется поторопить наших экономистов с окончательным подсчетом. Похоже, что выйдем на тысяч восемьдесят—девяносто. Так и передайте Георгию Александровичу.

...Наступило заметное похолодание. Чаше выпали дожди. В нашем недостроенном жилище было холодно и неуютно. И мы все чаще подумывали о том, не обратиться ли к Авраамии Павловичу с просьбой о предоставлении нам более приемлемых для жизни условий. Однако мы долго не решались на этот шаг. Но как-то Авраамий Павлович позвонил Ломагину и поинтересовался, кому поручено проектирование коттеджа для соцгорода и новой восьмиквартирки, а также комплекса пионерского лагеря на озере Лама. Георгий Александрович ответил, что два первых проекта разрабатывались мной, а третий — Лидой, добавив при этом, что работа над этими проектами в основном завершена. Узнав об этом, Авраамий Павлович сказал, что хочет видеть их авторов.

...Авраамий Павлович принял нас, как всегда, очень приветливо и с большим интересом и пониманием рассматривал принесенные чертежи. Чувствовалось, что проявленная нами оперативность и профессиональное умение находят у Авраамия Павловича живой отклик и являются причиной его доброжелательного отношения к нам. В конце встречи Авраамий Павлович не спеша потянулся к письменному столу и, достав оттуда внушительного вида красный карандаш, размашисто и с видимым удовольствием черкнул в левом углу каждого планшета: «Утверждаю. Завенягин». В дальнейшем на всех представляемых Авраамию Павловичу планшетах мы уже заранее ставили слово «утверждаю» и оставляли место только для подписи.

Довольные результатами встречи, мы попрощались с Авраамием Павловичем и покинули кабинет. Пока мы одевались и паковали свои планшеты, Авраамий Павлович, уже в пальто и фуражке, вошел в приемную. Мы вместе спустились по лестнице и пошли по Заводской. Перед нашим домом меня вдруг «осенило».

— Авраамий Павлович, мы очень хотели бы, чтобы вы заглянули в нашу «обитель».

— Авраамий Павлович, пожалуйста, — присоединилась к моей просьбе Лида.

Авраамий Павлович не заставил себя долго уговаривать и вошел в наш «каземат»... Как мне показалось, Авраамий Павлович был несколько озадачен видом открывшегося перед ним «интерьера».

— Да, — протянул он, — жилище у вас неважноецкое, — и, присев к столу, стал рассматривать разбросанные на нем журналы. Заметив несколько номеров «Архитектуры Ленинграда», Авраамий Павлович стал с интересом перелистывать их страницы.

— Великолепный город, — произнес с чувством Авраамий Павлович. — Вот если бы и Норильск стал таким же, — добавил он мечтательно.

— Мы же ленинградцы, Авраамий Павлович, — сказал я. — Постараемся выдержать марку.

— Знаю, что ленинградцы. Смотрите, не подкачайте, — улыбнулся он. — В отношении жилья придется подумать, — добавил он, прощаясь.

КОЛЛЕГИ

...Проходили дни и недели, многие из наших проектов уже воплощались в жизнь, но поток заказов, поступавших в сектор, не только не уменьшался, но непрерывно возрастал. Ломагин, подавленный его лавиной, часто приходил в отчаяние и буквально хватался за голову, не находя выхода из создавшегося положения. Никаких графиков очередности тех или иных заданий не существовало. Сроки разработки проектов не устанавливались — все заказы были «сверхсрочными» и «внеочередными». В секторе каждый день появлялись прорабы и начальники строительных контор, требующие ускорения разработки того или иного проекта. Имевшаяся в отделе копировальная техника была безнадежно перегружена, поэтому, чтобы хоть как-нибудь разрядить обстановку, на стройку вместо светокопий зачастую выдавались оригиналы чертежей на ватмане. Получив непосредственно в секторе кипу таких листов, производственники, более или менее удовлетворенные, покидали его, но через несколько дней возвращались и вновь начинали «терзать» Георгия Александровича.

...Георгий Александрович уже тогда видел, что зарождающийся стиль моей работы стал приносить довольно ощутимые практические результаты, и оказывал мне всемерную поддержку, но в целом вся работа сектора была пущена им на самотек. Я, не смотря на свой меньший, чем у Ломагина, производственный опыт, неоднократно предупреждал его, что при такой постановке дела сектор неизбежно

окажется в тупике, и в качестве первоочередной меры настойчиво советовал ему установить строгую очередность и последовательность выполнения проектов. Все это, по моему мнению, должно было быть зафиксировано если и не в детально разработанном графике, то хотя бы в простом перечне работ с установленными в нем сроками, при обязательном утверждении этих документов у начальника комбината. Однако Георгий Александрович, будучи культурным и высококвалифицированным архитектором, оставался далеко не блестящим администратором, явно недооценивая значения таких документов, что не только создавало излишнюю нервность в работе, но и доставляло ему ненужные неприятности.

Однажды Георгий Александрович появился на работе крайне взволнованным и сообщил мне, что его вызывает Авраамий Павлович с докладом о ходе проектирования города. К такому докладу ни Ломагин, ни я тогда были совершенно не подготовлены. Кроме самых предварительных эскизов генерального плана у меня тогда еще ничего не было, и я, прекрасно понимая, что такой сырой материал показывать, безусловно, нельзя, отказался передавать его для демонстрации у Авраамия Павловича. При этом я настаивал, чтобы Георгий Александрович попросил у Авраамия Павловича хотя бы несколько дней отсрочки, чтобы, уже не отвлекаясь на выполнение каких-либо других работ, привести свои черновые наброски в более или менее приличный для показа вид. Однако Ломагин не согласился с моим предложением и, прихватив с собой кое-как набросанный им на кальке свой первоначальный эскиз, им же самим уже отвергнутый и имевший к тому же крайне непрезентабельный, замызганный вид, отправился к Авраамию Павловичу.

Вечером, во время второго перерыва, Георгий Александрович зашел ко мне домой. По его расте-

рянному виду я понял, что произошла какая-то неприятность.

— Знаете, Витольд, — растерянно проговорил Ломагин, — я не хотел говорить при всех и поэтому пришел к вам.

— Что-нибудь случилось?

Ломагин помолчал и, несколько успокоившись, рассказал, как он, придя к Авраамии Павловичу, разложил на столе свой злополучный эскиз и еще не успел дать какие-нибудь пояснения, как Авраамий Павлович смахнул со стола ни в чем не повинную кальку и, в непривычно резкой форме выразив свое возмущение, предложил Ломагину оставить кабинет.

Я спросил Георгия Александровича, присутствовал ли кто-нибудь при этой сцене, и, получив отрицательный ответ, постарался успокоить его, заверив, что весь этот разговор останется между нами, а завтра Авраамий Павлович и сам, наверное, будет сожалеть о случившемся.

Откровенно говоря, я был очень поражен рассказом Ломагина, так как ни до, ни после я никогда не видел, чтобы Авраамии Павловичу изменили приходящие ему такт и сдержанность. При этом мне вспоминается случай...

В начале зимы, не помню точно, то ли в 1939-м, то ли в 1940 г. Авраамий Павлович принял решение о составлении проекта планировки Дудинки, застройка которой велась при отсутствии генерального плана крайне неорганизованно и бессистемно. Мне поручалось выехать на место, захватив с собой кого-нибудь из архитекторов по моему усмотрению. Я остановился на Мазманяне и стал готовиться к отъезду. Однако, будучи в Норильске еще новым человеком, я не сумел организовать выезд в тот же день, как предложил Авраамий Павлович. Вечером Авраамий Павлович позвонил мне и спросил, почему не выполнено его распоряжение. Я как-то пытался оправдываться, но никаких сколько-нибудь

убедительных аргументов привести не мог, а признаться в том, что просто-напросто растерялся и не знал, с какого конца начинать хлопоты, связанные с оформлением отъезда, не хватило решимости. Авраамий Павлович выслушал мои объяснения и укоризненно произнес своим ровным голосом:

— Нехорошо. Распоряжения начальника комбината надо выполнять.

Я растерянно молчал, не зная, что ответить, но чувствовал, что Авраамий Павлович ждет моего ответа на другом конце провода. Прошло еще несколько томительных секунд, и Авраамий Павлович повесил трубку.

С тех пор прошло уже более четырех десятков лет, но еще до сих пор я испытываю чувство недовольства собой за проявленную тогда неоперативность.

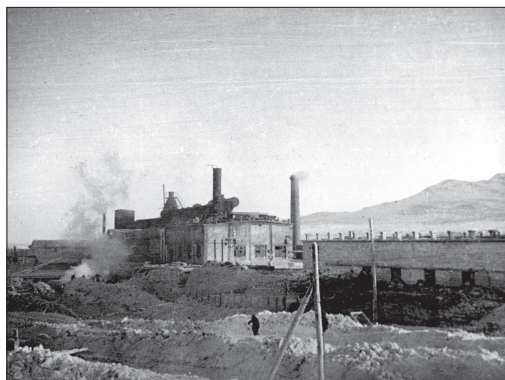
В этой обстановке из-за крайней перегруженности работой над проектами различных жилых и общественных зданий мне удавалось только урывками заниматься генеральным планом города, посвящая этой работе только вечерние часы, когда обстановка в секторе становилась значительно спокойнее. Лида надолго «увязла» в промышленном проектировании, так как ей приходилось одновременно вести разработку проектов цеха металлоконструкций, ремонтно-механического и литейного цехов ремонтно-механического завода. Троицкий, так же как и другие архитекторы, был занят в области промышленного проектирования. Только одного

ММЗ, 1940 г.

из них — архитектора Михаила Давыдовича Мазманяна — мне удалось привлечь к совместной работе над генеральным планом города, но при этом пришлось прилагать максимум усилий, чтобы преодолеть присущую ему необыкновенную медлительность и достичь положительного результата в выполнении того или иного задания. Зачастую у меня все же не хватало терпения и времени, чтобы дождаться, когда же Михаил Давыдович закончит работу, и приходилось самому находить нужное решение. Зная эту особенность его характера, я никогда не давал ему никаких поручений, связанных с выполнением их в сжатые сроки, но Михаил Давыдович оставался верен себе, и результат почти всегда оказывался одним и тем же. Впоследствии мне пришлось долгие годы проработать с Михаилом Давыдовичем, и я очень четко определил круг его обязанностей как руководителя одной из бригад, входящих в состав возглавляемой мной группы, а затем и отдела. Суть наших деловых отношений сводилась к тому, что я передавал Мазманяну детально проработанные в крупном масштабе эскизы генерального плана города в целом или отдельные его фрагменты в виде кварталов, площадей или микрорайонов.

ММЗ, 1941 г.

Как-то так получилось, что на протяжении почти всего времени моего пребывания у архитектурного «кормила» Норильска в нашем отделе так и не появился ни один архитектор, которому можно было бы со спокойной душой доверить самостоятельную

разработку проектов... Исключение составляла только Лида...

...Месяца через два после нашего приезда в Норильск вернулся из отпуска архитектор Федор Михайлович Усов. Я уже знал, что по его проектным работам было выстроено большинство зданий на Горной улице, бутовые дома на Заводской, коттедж Волохова, школа и поликлиника в Аварийном поселке, трехэтажные дома в соцгороде и дом отдыха на озере Лама.

...Федор Михайлович оказался исключительно скромным и порядочным человеком с покладистым характером и открытой душой. К сожалению, его архитектурные способности и профессиональная подготовка были невысоки, но эти недостатки окупались большим практическим опытом и трудолюбием, что проявлялось при разработке рабочих чертежей, где он оказался на высоте. Мы прекрасно сработались, и я с большой теплотой вспоминаю этого добрейшего, жизнерадостного человека и неутомимого труженика, безропотно, до самой своей преждевременной кончины выполнявшего свою незаметную, но очень полезную работу.

С приходом Федора Михайловича у меня появилась возможность в значительной мере освободиться от рабочего проектирования и сосредоточиться на решении различных проблем творческого характера, а также вплотную заняться генпланом города.

В начале лета 1940 г. генеральный план города с проектом детальной планировки района первой очереди и проектами застройки кварталов № 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 были закончены и вошли в качестве составной части в технический проект комбината. Последние два или три планшета, предназначенные для демонстрации, были закончены с помощью только что прибывших молодых архитекторов Г.М. Слепак и Р.А.Якубова, вместе с которыми в Норильск

прибыли также А.П. Кушнев, С.К. Хорунжий, Д.М. Муравьев и Г.Л. Шапиро. Все они были зачислены в проектный отдел.

Вскоре Ломагин с большой группой руководителей проектного отдела выбыли в Москву для защиты проекта. Возглавлял эту группу А.Е. Шаройко.

...Происшедшие в отделе перемещения коснулись и меня, сразу же назначенного на три должности: руководителя группы гражданского проектирования, главного архитектора проекта города и руководителя группы планировки города. Я с нетерпением ждал возвращения Ломагина, так как рассчитывал, что с ним я могу договориться об освобождении меня хотя бы от одного из моих «титолов».

Вернувшийся одним из последних, Ломагин неожиданно для себя узнал, что его отстранили от должности...

ВОЙНА. «РАБОТАЙТЕ СПОКОЙНО...»

...Меня как-то вызвал в свой кабинет недавно назначенный на должность главного инженера комбината В.С.Зверев. С несколько таинственным видом он дал мне поручение составить эскизный проект Дома инженерно-технических работников, используя существующие фундаменты столовой, строительство которой было тогда законсервировано. Владимир Степанович предупредил меня, что проект ДИТРа он хочет преподнести руководству как своего рода сюрприз, и поэтому всю «операцию» по выполнению этого поручения нужно произвести как можно быстрее и без огласки.

Работа над проектом меня очень заинтересовала, да и к тому же она была «сверхсрочной», а я, откровенно говоря, всегда любил именно ту работу, где требовалось полное напряжение всех сил и спо-

собностей. Мы с Лидой трудились в «две руки», и пока я решал планировку и компоновку всего объема в целом, она искала наиболее выразительный внешний облик сооружения. Наш ДИТР никак не хотел укладываться в «прокрустово ложе» уже существующей в натуре фундаментальной сетки здания, имевшего совершенно иное назначение. Помогло лишь хорошее знание планировки аналогичных специализированных зданий Ленинграда, таких, как Дом архитектора, Дом ученых, Дом учителя, Центральный дом работников искусств, ДИТР и им подобных, вследствие чего для относительно успешного решения задачи потребовалось возведение всего лишь трех дополнительных фундаментов.

Владимир Степанович был очень обрадован найденным нами решением, и мы вместе направились к руководству для опробации проекта. Я уже не помню точно, был ли тогда начальником комбината Авраамий Павлович или его уже сменил новый — Панюков. Помню только, что и проект, и инициатива Владимира Степановича получили полное одобрение.

После утверждения разработка проекта пошла полным ходом. При этом одновременно с общестроительными чертежами велась и детальная разработка интерьеров всех основных помещений.

Из всех моих ранних проектов, осуществляемых строительством, ДИТР был наиболее значительным и интересным. Он был решен в так называемом классическом плане с большим количеством лепных деталей, изготовление которых требовало высококвалифицированных исполнителей. Однако в скульптурной мастерской, организованной на строительстве ДИТРа, не было людей с соответствующей профессиональной подготовкой. Кроме чернорабочих сюда были переведены пожилой художник-монументалист и два формовщика. Никто не мог справиться с изготовлением сложных моделей в точ-

ном соответствии с составленными нами чертежами. Поэтому мне пришлось «тряхнуть стариной» и применить скульптурные навыки, приобретенные мной еще в художественном техникуме, который я окончил до поступления в институт. Эта работа меня очень увлекла, и каждый день, после окончания основной работы в проектно-монтажном отделе, я на несколько часов превращался в скульптора и осуществлял общий надзор за строительством, добиваясь точного соответствия проекту всех выполняемых на объекте работ. Нужно сказать, что все лепщики работали увлеченно и старались, как могли, и уже скоро стали для меня неплохими помощниками.

К августу 1942 г. все скульптурные работы были закончены и завершена внутренняя отделка почти всех помещений, но открытие ДИТРа произошло уже без меня.

Мое новое непосредственное начальство — Локштанов и Кушнев почти никогда не вмешивались в мою работу, и мы в относительно нормальной служебной обстановке могли закончить проект ДИТРа и целый ряд не менее значительных работ. Однако после начала войны наши отношения стали изменяться к худшему. Локштанов и попавший под его влияние Кушнев стали проводить ничем не оправданную линию на свертывание всех работ, связанных с проектированием города. В то же время выдвигались нелепые требования о резком сокращении количества самых необходимых для строительства чертежей и выполнении их «в одну линию». Понимая, что такая горе-рационализация ничего, кроме вреда, не может принести строительству, я, как только мог, противился ее проведению. Чтобы преодолеть мое сопротивление, был издан приказ о ликвидации руководимой мной группы и «разжаловании» меня в старшего архитектора.

Лида была вынуждена уйти из проектного отдела в отдел технологического контроля за строи-

тельством. Ушла на стройку и молодая «архитектурная» пара Слепых. Еще раньше ушел Троицкий. Архитекторы Мазманын и Кочар были переведены в сектор промышленного генплана и транспорта для выполнения не свойственной им работы.

Работоспособный и с большим трудом созданный архитектурный коллектив разрушился. В это трудное время ни Шаройко, ни Авраамия Павловича уже не было в Норильске. Александр Емельянович почти безвыездно находился в Москве, Авраамий Павлович, назначенный заместителем наркома, также выбыл из Норильска. Нового начальника комбината А.А. Панюкова я знал тогда очень мало и не надеялся на то, что он сможет правильно разобраться в обстановке и принять нужное решение.

...Неизвестно, как развернулись бы события, если бы в это время не был объявлен прием добровольцев в действующую армию. «Ну и черт с тобой, — думал я о Локштанове, — если ты не видишь дальше своего носа и хочешь, чтобы я был таким же слепым щенком, то я найду лучшее применение для своих сил, истребляя фашистов».

(В Красноярске новобранцам, имеющим высшее образование, было предписано поступать в военные училища. В.С. Непокойчицкий и еще один норильчанин инженер-строитель В.Ершов подались в Минусинск — в эвакуированное из Орджоникидзе автомотоучилище. Но через несколько месяцев учебы пришла телеграмма: «В двадцать четыре часа откомандируйте курсантов Непокойчицкого и Ершова для продолжения работы в Норильске. Щаденко». — С.М.)

...Только в Норильске мне стали известны некоторые подробности, связанные с моим возвращением. Я узнал, что вскоре после моего отъезда в Норильск прибыл Авраамий Павлович Завенягин в качестве замнаркома. Я не знаю, какие проблемы находились тогда в центре внимания Авраамия Павловича. Знаю

только, что он, еще в свою бытность начальником комбината проявлявший исключительный интерес к проектированию и строительству города, который, по-видимому, не без некоторого основания считал своим детищем, живо заинтересовался положением дел в этой области и был крайне недоволен всеми «достижениями» Локштанова. Им было дано указание немедленно воссоздать разгромленные Локштановым группы гражданского строительства и планировки города и приступить к составлению проекта застройки группы кварталов первой очереди строительства. Упрекнув Панюкова в недопустимой недооценке кадров, Авраамий Павлович распорядился приготовить все данные для оформления отъезда из армии меня и Ершова и переслать ему в Москву. Пригласив к себе Лиду, он сообщил ей, что до моего возвращения руководство всеми работами по городу возлагается на нее, и в заключение добавил:

— Работайте спокойно — война скоро закончится нашей победой.

Ко времени моего прибытия в Норильск работа над проектом застройки внеочередного района города была в самом разгаре. Кроме Лиды в ней принимали участие архитекторы Мазманын, Кочар, Усов, несколько техников, чертежников и копировщиков. Для работы было отведено помещение в бытовках строящегося модельного цеха.

Несмотря на отдельные удачи, в проекте еще многое оказалось сырым и требующим серьезной доработки или даже переделки. Все эти трудности мне все же, хотя и не без труда, удалось преодолеть, и к лету 1943 г. проект был полностью закончен, о чем сразу же было сообщено находившемуся в Москве Шаройко.

Через два или три дня на имя Панюкова пришла телеграмма за подписью Завенягина, в которой предлагалось немедленно командировать меня в Москву.

В Москве с гостиницами было довольно сложно, и я остановился у родственников одного из моих норильских друзей — Игоря Мореля. Приведя себя в порядок после продолжительного полета, я уже к вечеру зашел к Шаройко, занимавшему номер в гостинице «Москва». Александр Емельянович после обычного обмена приветствиями и новостями позвонил Авраамии Павловичу, сообщил о моем приезде и тут же получил распоряжение прибыть вместе со мной для предварительного доклада. Я знал, что Авраамий Павлович привык решать все вопросы с присущей ему энергией и оперативностью, но все же, говоря откровенно, никак не предполагал, что окажусь у него на приеме через считанные часы после приезда.

В приемной никого, кроме референта, не оказалось, но нам пришлось подождать минут десять, так как Авраамий Павлович проводил какое-то совещание. Наконец двери кабинета раскрылись, и оттуда вышла большая группа незнакомых мне людей, большинство из которых были одеты в военную форму.

Авраамий Павлович сидел за письменным столом в глубине своего обширного кабинета. Увидев нас, он поднялся и пошел навстречу. Он был очень приветлив и тепло поздоровался со мной. Я тоже был обрадован встречей и приятно удивлен его сильно изменившимся видом. Я впервые видел его в генеральской форме, и она очень шла к его выразительному лицу. Поблагодарив Авраамия Павловича за проявленное им участие в моей судьбе, я предупредил его, что все демонстрационные чертежи скручены в рулон и поэтому не очень удобны для рассмотрения.

— Не скромничайте. Показывайте все, что привезли, — сказал Авраамий Павлович и стал листать один из томов привезенного мной проекта, рассматривая вмонтированные в него фотографии.

Александр Емельянович и я расстилали на огромном приставном столе тугие рулоны чертежей, используя детали письменного прибора для преодоления упорного сопротивления ватмана, явно не желавшего менять ранее приданную ему форму. Вскоре нам на помощь пришел и Авраамий Павлович, извлекая из ящиков стола какие-то книги, которые должны были выполнять те же функции, что и примененные до этого пресс-папье и чернильницы. Наконец все было готово, и я, изложив основные параметры проекта, стал делать краткие пояснения к чертежам там, где это вызывалось необходимостью. Авраамий Павлович был очень внимателен, и я видел, что представленный ему на рассмотрение материал по своему объему, глубине проработки и графическому оформлению производит отличное впечатление. Осознавать это мне было очень приятно.

— Ну что ж, хороший проект! Молодцы. Но все же для порядка пусть его посмотрят в главке. Передайте Захарову, чтобы пригласили на совещание двух-трех видных архитекторов. Оформите протоколом, — резюмировал Авраамий Павлович и, подумав немного, добавил, обращаясь ко мне: — Пожалуй, имеет смысл воспользоваться вашим приездом и проконсультироваться с представителями науки. Может быть, обратиться в Академию архитектуры? Как вы считаете?

Я ответил, что Академия архитектуры является учреждением авторитетным и получение экспертного заключения от нее представляет несомненный интерес.

— Хорошо. Так и действуйте, — и, вызвав референта, распорядился: — Подготовьте письмо в Академию архитектуры. Текст согласуйте с Непокойчицким. Отправьте его домой на моей машине.

Вместе с референтом, который оказался очень толковым и приятным молодым парнем, мы мгновенно составили текст письма в Академию с просьбой

провести экспертизу проекта и дать соответствующие рекомендации для использования их по ходу проектирования и строительства. После этого референт позвонил кому-то по телефону и, прощаясь, сказал, что машина ожидает меня у выхода.

Было уже около трех часов ночи. Я вышел из здания, и меня со всех сторон окружила непроглядная темнота. Нигде не светилось ни одного окна, не горело ни одного фонаря. В Москве было затемнение по правилам военного времени.

«НАЦИОНАЛЬНАЯ» АРХИТЕКТУРА ТАЙМЫРА

...На совещании, созванном в главке у Захарова, присутствовали прославленный академик Щусев и еще один представитель Академии, но его фамилия не сохранилась в моей памяти. После моего сообщения Щусев поднялся и, обходя чертежи, развешанные по стенам кабинета, стал высказывать свое мнение удивительно тонким и каким-то скрипучим голосом, никак не гармонирующим с его крупной головой и приземистой фигурой. Никаких замечаний у академика не было, и он дал проекту очень лестную оценку. После Щусева выступил Захаров и понес какую-то околесицу о «красном империализме» проекта, не отразившего форм и принципов национальной архитектуры местного населения, его быта и культуры. Почти все присутствующие, включая и академика, с недоумением слушали Захарова, понимая, что его заносит куда-то не туда. Меня очень возмутило и удивило это очень гладкое по форме и нелепое по существу выступление. Я попросил слово для справки и сказал, что при дальнейшей разработке проекта мы, учитывая критику, постараемся использовать элементы национального орнамента или мотивы резьбы по кости в качестве элементов декора фасадов и интерьеров, хотя для этого, возможно, придется отправиться в

экспедицию на поиски представителей местного населения, так как за все время пребывания в Норильске мне так ни разу еще не пришлось встретить ни одного национала. Что же касается отражения в проекте форм национальной архитектуры населяющих Таймыр северных народностей, то сделать это значительно сложнее, так как никакой национальной архитектуры пока еще эти народности не создали. Проектирование и строительство многоэтажных городских домов в виде чумов едва ли можно признать целесообразным, и авторы таких проектов вряд ли будут когда-либо поняты.

Моя справка явно понравилась Щусеву, а Захарову, кажется, не очень.

На следующий день, заручившись официальным бланком, подписанным Завенягиным, я был принят вице-президентом Академии архитектуры СССР академиком К.С. Алабяном.

Карло Семенович — высокий, представительный мужчина, с выразительным лицом и раскатистым голосом, которому мог бы позавидовать любой столичный трагик, — отнесся очень благосклонно к просьбе, изложенной в переданном мной письме. Он тут же дал поручение ученому секретарю определить круг лиц, которых следовало бы привлечь к рассмотрению проекта и установить сроки выполнения этой работы. Обращаясь к секретарю, он назвал ряд фамилий, которые, по его мнению, можно было бы включить в список членов экспертной комиссии.

Помню некоторые из этих имен, а именно: академик Щусев, Семенов, Колли, Мордвинов, Чернышев. Все они вместе с самим Алабяном и другими видными представителями Академии приняли участие в работе экспертной комиссии...

Карло Семенович еще долго не отпускал меня и расспрашивал о Норильске, его природных условиях, средствах связи с материком, характере и объеме

проектных работ, особенностях бытового уклада работающих вместе со мной специалистов и между прочим поинтересовался судьбой Мазманяна и Кочара, с которыми он когда-то учился в институте.

— Хорошие ребята, — отозвался он о них.

Я невольно улыбнулся, вспомнив этих «ребят», которым было уже под сорок, но вслух полностью подтвердил его мнение и дал обоим прекрасную характеристику, прибавив при этом, что «ребята» не теряют надежды, что их однокашник сможет изменить к лучшему их незавидную судьбу. (*Мазманян и Кочар были узниками ГУЛАГа. — С.М.*) На этом наша первая встреча с Алабяном закончилась.

... Уже после утверждения привезенного мной проекта я и Шаройко были вызваны к Авраамию Павловичу и застали у него Колли и Алабяна. Когда мы вошли в кабинет, Алабян, очевидно отвечая Авраамию Павловичу, сказал, что Академия всегда готова и в будущем оказывать помощь Норильску.

— Ознакомление с представленным в Академию проектом, — заключил Алабян, — показывает, что Норильск располагает высококвалифицированными кадрами, способными решать поставленные перед ними задачи на самом высоком профессионально-техническом уровне.

— Я тоже так считаю, — с видимым удовлетворением произнес Авраамий Павлович и, улыбнувшись Алабяну, закончил: — Но все же от вашей помощи отказываться не будем.

Академики распрощались, и мы остались втроем. Я доложил Авраамию Павловичу о завершении всех дел, связанных с моей командировкой, и сказал, что через день или два могу выехать в Норильск. Авраамий Павлович не стал меня задерживать и, вызвав своего референта, распорядился помочь мне с выездом из Москвы. Перед тем как попрощаться, я полушутя пожаловался Авраамию Павловичу на то, что после его отъезда работать в Норильске стало значительно труднее.

— А вы не бойтесь трудностей. Если сил не хватит — пишите, — сказал Авраамий Павлович на прощание.

БОФ И КУРОПАТКИ ПО-ВОСТОЧНОМУ

(Через некоторое время после возвращения из Москвы В.С. Непокойчицкий получил новое задание: в самые сжатые сроки разработать технический проект главного корпуса большой обогатительной фабрики. — С.М.)

Вначале я работал над проектом БОФ, что называется скрепя сердце, так как всегда чуждался промышленной архитектуры и не находил в ней ничего привлекательного. Однако через некоторое время меня увлекла необходимость преодоления целого ряда трудностей, обусловленных исключительной сложностью объемно-пространственного построения всего сооружения и его величиной. Неожиданно для себя самого возникший интерес к проекту, стремление выполнить его в предельно короткий отрезок времени и тщеславие показать «класс» работы привели очень скоро к ее победному завершению.

Почти одновременно с окончанием разработки технического проекта БОФ вышел приказ (№ 398 от 26 мая 1944 г.) начальника комбината об образовании «Горпроекта» — специализированной организации по проектированию городских объектов с местоположением его непосредственно на площадке строящегося города. Начальником «Горпроекта» был назначен Локштанов, я — главным архитектором... Перед нами стояла задача в самом срочном порядке составить технорабочие проекты для новых жилых домов. Было решено начать с проектов жилых домов № 14 и 15, расположенных в центре квартала № 5 по существовавшей еще только на ватмане жилой улице, позднее получившей на-

звание Севастопольской. На основании планировочного решения, принятого мной в проекте двухэтажного шестнадцатиквартирного дома, я быстро разработал улучшенные планировочные варианты жилых секций с учетом габаритов и конфигурации зданий, определенных имеющимся проектом застройки. В целях сокращения теплопотерь секции проектировались с увеличенной по сравнению с традиционной шириной корпуса. По этим же соображениям на каждую площадку лестничной клетки предусматривался выход четырех квартир вместо двух или трех, как это обычно принималось в жилых домах для строительства в средних или южных широтах. В состав каждой секции входили три двухкомнатные квартиры. Из девяти жилых комнат только одна (в трехкомнатной квартире) была проходной, а все остальные имели отдельные входы из передней. Это давало возможность осуществить как поквартирное, так и покомнатное расселение. При входах в квартиры из лестничных клеток предусматривался тамбур, вследствие чего устранялось возникновение сквозняков, а передние превращались в полноценные элементы полезной площади. Каждая квартира обеспечивалась встроенными шкафами для хозяйственных нужд. Санитарные узлы проектировались раздельными и вместе с кухонными раковинами примыкали к межсекционной стене, что позволяло сократить количество стояков и упрощало контроль за состоянием санитарно-технических устройств, находящихся в зоне проветриваемого подполья... Предусматривалось устройство лоджий, чтобы жители города с наибольшей полнотой использовали летний период для пребывания на открытом воздухе...

Работа над фасадами двух зданий, повторяющимися в зеркальном изображении, производилась мной совместно с «фасадных дел мастером» Л.В. Мищенко. В результате совместных творческих усилий нам удалось относительно быстро найти компо-

зиционное решение, удовлетворяющее нашим требованиям. Серьезные затруднения возникли только при завершении проекта, когда потребовалось превратить в рабочий чертеж эскизно намеченное ранее декоративное завершение колонн и пилястр. По нашему замыслу эта деталь мыслилась как скомпонованный по вертикали барельеф, заканчивающийся невысокой капителью. Вот этот барельеф и оказался для меня камнем преткновения. Я никак не мог решить, что же и как на нем должно быть изображено. «Плодово-ягодная» тематика ресторанного пошиба мной категорически отвергалась, так же как и всевозможные хитросплетения аканта. Атрибуты воинской доблести казались мне несовместимыми с архитектурой жилого дома. Композиционные построения абстракционистского плана воспринимались мной как капитуляция перед трудностями. Нужен был какой-то импульс, чтобы творческая мысль заработала в правильном направлении.

Наша городская библиотечка была до крайности бедна. Я знал, что и в технической библиотеке ДИТРа также нет никакой сколь-нибудь интересной литературы по архитектуре, но все же решил покопаться в ее фондах. Во время этой «операции» замечаю ничем внешне не примечательную брошюрку под ничего не говорящим мне названием «Сасанидский металл». Машинально раскрываю ее на какой-то случайной странице и, пораженный, начинаю лихорадочно перебрасывать лист за листом. Передо мной, как в калейдоскопе, мелькают великолепно моделированные барельефные изображения суровых владык, диких зверей и растений. Сразу же понимаю, что вижу нечто такое, от чего можно оттолкнуться в поисках нужного мне решения.

Беру эту книжицу на дом. Вновь и вновь перелистываю ставшие уже знакомыми страницы, дохожу до конца и начинаю листать сначала. Постепенно в моем сознании возникают еще не вполне ясные черты будущей композиции. В ней, конечно, не будет ни

экзотических растений, ни диковинных обитателей непроходимых джунглей. Но разве не хороши наши щеголеватые турухтанчики с их великолепными рыцарскими турнирами? А наши доверчивые снежно-белые куропатки и многочисленные представители водоплавающих пернатых? И разве ветви нашей лиственницы не могут поспорить с уже давно опостылевшим акантом? Думая так, я набрасывал один эскиз за другим до тех пор, пока туманный замысел не превратился в крупномасштабный рисунок — чертеж, вскоре при моем самом деятельном участии превращенный в натуральной величины барельеф из вальковской глины, а затем и в бетонную отливку — прапраправнучку сасанидского металла.

В последующие годы лепные детали с северной тематикой широко применялись нами при декоре фасадов города. Они органически вошли в архитектуру Октябрьской площади, Южной линии (впоследствии переименованной в улицу XXX-летия Октября), жилых домов, построенных по углам Севастопольской улицы, при ее слиянии с Ленинским проспектом, и других домов города.

Дома № 14 и 15 по Севастопольской улице явились нашей первой крупной работой, выполненной в Горпроекте. Эту работу мы расценивали как свою несомненную творческую удачу. Наша оценка подтвердилась впоследствии решением жюри общереспубликанского конкурса на лучшие жилые дома и общественные здания, построенные в РСФСР, присудившего нам вторую премию. Несколько позже, на таких же конкурсах, нам были присуждены премии сначала за дом № 38 по Южной линии, а затем — за комплекс жилых зданий на Октябрьской площади. Поэтому я не мог не испытать чувства досады, когда мне стало известно, что кто-то из экскурсоводов по Норильску беззастенчиво приписывает авторство проектов упомянутых выше домов не нам, а архитекторам Мазманяну и Кочару.

В действительности же М.Д. Мазманяну принадлежит только авторство проекта детского сада, осуществленного строительством в квартале № 5 по Севастопольской улице и ныне занятого одним из городских учреждений. *(Напомним, что эти воспоминания были написаны в конце 70-х годов. — С.М.)* По проекту Мазманяна построено также и двухэтажное общежитие на углу улицы Б. Хмельницкого и Южной линии, с повторным использованием этого же проекта для строительства в квартале № 10. Общежитие в квартале № 4 впоследствии использовалось под школу, а позже — под родильный дом.

По проектам Г.Б. Кочара в городе построены четыре угловых трехэтажных дома в квартале № 9 и такой же дом в квартале № 5 на углу улиц Севастопольской и Б. Хмельницкого. Кроме того, по проекту Кочара построено двухэтажное здание бани, находящееся напротив стадиона «Заполярик». Кочару принадлежат также многие объекты промышленного характера, реализованные на территории никелевого и медного заводов.

ПРИЗНАНИЯ ВДОГОНКУ ВРЕМЕНИ

(Почти три десятилетия В.С. Непокойчицкий руководил архитектурно-строительным сектором, позже переименованным в отдел гражданских сооружений проектной конторы, а несколько лет спустя — института «Норильскпроект». Только в последние годы жизни Витольда Станиславовича в Норильске, когда резко были увеличены объемы работ и возросла численность отдела, выполнение административных функций стало отнимать у него слишком много времени и отвлекать от основной деятельности. Тогда он сложил с себя обязанности начальника и остался главным архитектором проекта города, правда получив при этом еще одну должность — главного специалиста по архитектурному проектированию (Норильска и Талнаха).

Спустя годы, вспоминая о том, что удалось, Витольд Станиславович не однажды обращался мыслью и к тому, что не получилось. Будто вдогонку будущему — времени и людям, работавшим в прежние годы на норильской земле, адресованы его признания. — С.М.)

Еще в самом первом проекте генерального плана Норильска, разработанном в 1939–1940 гг., трасса будущей железной дороги широкой колеи Норильск — Дудинка намечалась нами без пересечки с Октябрьским шоссе и проходила по северо-восточной окраине города с выходом на скальные берега реки Щучьей. Такое решение ориентировалось на перспективу и являлось оптимальным. Однако, когда встал вопрос о строительстве железнодорожной линии, то по так называемым экономическим, а по существу чисто конъюнктурным соображениям нашими не очень дальновидными транспортниками был предложен и, к сожалению, осуществлен другой вариант, единственным достоинством которого была меньшая протяженность пути. Главным недостатком этого варианта было пересечение с основной транспортной автомагистралью — Октябрьским шоссе. Когда же порочность осуществленного варианта стала очевидной, возникло

еще более нелепое предложение, по которому трасса железнодорожного пути пересекала Октябрьское шоссе на самых подступах к основным кварталам города. Я резко протестовал против реализации такого варианта, однако наши лишенные перспективного мышления транспортники все же победили, и вскоре временный путь был проложен.

Считая такое решение совершенно недопустимым и понимая, что через некоторое время добиваться его изменения уже будет поздно, я пошел на крайнюю меру и написал обо всем Завенягину. Как известно, Авраамий Павлович не был архитектором-градостроителем, но, несмотря на это, он прекрасно разбирался в принципиальных градостроительных проблемах. И на этот раз он также оказался на высоте. На имя начальника комбината полетела правительственная телеграмма, которой предписывалось в месячный срок демонтировать проложенный путь. Демонтаж был произведен в срок, но Александр Алексеевич, догадываясь, откуда дул ветер, еще долго косился на меня, молча выражая свое недовольство.

Прошли годы, и на месте демонтированного железнодорожного пути возник асфальт Южной линии, впоследствии не совсем удачно переименованной в улицу имени XXX-летия Октября. За год или два до моего отъезда из Норильска по трассе, намеченной нами еще в 1939 г., прошла насыпь постоянного железнодорожного полотна на Талнах, а несколько позже по этой же трассе Ленинградский институт «Желдорпроект» наметил прокладку основной железнодорожной магистрали с одновременным упразднением существующей пересечки с Октябрьским шоссе.

В упомянутом выше проекте генерального плана, датированном 1939–1940 гг., главный административный центр города со всеми зданиями общегородского значения располагался в конце Ленинского проспекта на площади Конституции, переименованной впоследствии в площадь Metallургов. Такое на первый взгляд странное размещение общегородского центра было не случайным, а логически обоснованным. Принимая за основу решения генерального плана расчетную численность населения будущего города, определенную экономистами в количестве 80 тысяч человек, я, ориентируясь на

отдаленную перспективу, был хотя и интуитивно, но глубоко убежден, что эта цифра искусственно занижена и принятые в проекте размеры территории впоследствии окажутся недостаточными. Поэтому в проекте генерального плана резервировалась обширная территория на левом берегу реки Щучьей, что обеспечивало возможность расселения втрое большей численности жителей будущего города по сравнению с принятой в проекте.

И вот тогда, когда город раскинулся бы не только на правом, но и на левом берегу реки Щучьей, весь комплекс общегородских зданий оказался бы в геометрическом центре города. При определении местоположения общегородского центра учитывалось также и то обстоятельство, что строительство входящих в его состав учреждений окажется реально возможным не в начальный период освоения площадки, а при его завершении.

Последующие годы показали, насколько правильными были принятые в проекте соображения относительно размещения общегородского центра и насколько необходима была городу для его естественного развития обширная территория,

зарезервированная на левобережье реки Щучьей. Поэтому принятое в нарушение генерального плана решение о строительстве медного завода на резервной территории города следует считать недальновидным и глубоко ошибочным. В те годы я не располагал данными, необходимыми для доказательства порочности принимаемого решения, и поэтому мои возражения не были приняты во внимание. Не случись этой поистине трагической ошибки, город не испытывал бы теперь земельного голода и имел бы все возможности для органического и планомерного развития. Эпизод с медным заводом может служить наглядной иллюстрацией того, к каким тяжелым последствиям могут привести скороспелые волюнтаристские решения, принимаемые без учета перспективы, под влиянием чисто конъюнктурных обстоятельств.

В 1949 г. в связи с увеличением производственной мощности комбината и с учетом роста населения мне пришлось серьезно заняться корректурой генерального плана. К осени разработка проекта была уже почти завершена — все чертежи выполнены, пояснительная записка передана в печать. Я уже начинал между делом готовиться к очередной командировке. Но тут случилось непредвиденное. На одной из охот, после суток, проведенных под почти непрерывно морозящим дождем, я жестоко простудился, схватил экссудативный плеврит и слег в больницу. Через месяц врачи кое-как отходили меня и разрешили долечиваться дома. Мне казалось, что я уже почти здоров, но в результате неопытности молодого врача, проводившего со мной какую-то сложную и довольно болезненную процедуру, воспалительный процесс резко обострился. Позже мне сказали, что состояние моего здоровья было исключительно тяжелым, и я был на волоске от смерти.

После полутора или двух месяцев, проведенных в больнице, встал вопрос, что делать дальше для полно-

го выздоровления. Врачи настаивали на длительном санаторном лечении. Чем бы все это кончилось — неизвестно, если бы не энергичное вмешательство Владимира Степановича Зверева, который уже в начале моего заболевания дал команду врачам во что бы то ни стало поставить меня на ноги, а потом, когда я стал выздоравливать, обратился к Авраамии Павловичу с просьбой оказать мне помощь в лечении. Авраамий Павлович телеграфно предложил направить меня в Москву, чтобы решить все на месте.

Стояли сильные холода, и поэтому поездка была сопряжена с риском схватить какие-нибудь новые осложнения моей болезни. Все же я решил ехать. Меня сопровождала Лида, которой поручалось одновременно и проведение защиты недавно отправленного в Москву откорректированного проекта генерального плана Норильска. В Москве, покончив с квартирными делами, я позвонил референту Авраамия Павловича, и в тот же день мы входили в знакомый кабинет.

Увидев нас, Авраамий Павлович поднялся из-за стола и пошел навстречу. В своем генеральском мундире, с золотым шитьем и блестящими погонами, он выглядел исключительно импозантно. Авраамий Павлович, всегда очень хорошо ко мне относившийся, в этот раз был особенно приветлив. По моему, он очень обрадовался нашей встрече. Ведь мы были «коренными» норильчанами, а, как утверждали многие, Авраамий Павлович всегда очень тепло относился к ним.

Здороваясь, мы задержались посреди кабинета, и Авраамий Павлович справился у Лиды, как она себя чувствует после дороги.

— Поджилки трясутся, — пошутила она, намекая на его величественный вид.

— Что-то незаметно, — усмехнулся Авраамий Павлович, подводя нас к креслам, стоящим у письменного стола.

Авраамий Павлович осведомился о моем здоровье и попросил секретаря пригласить в кабинет

начальника медицинской службы министерства. Вскоре в кабинет вошел пожилой полковник медицинской службы, и Авраамий Павлович поручил ему заняться мной и обеспечить всеми необходимыми медикаментами и путевками в санаторий.

...Через несколько минут мы поднялись со своих мест и стали прощаться.

— Подождите внизу, я вас подкину, — сказал Авраамий Павлович.

Ждать нам не пришлось, Авраамий Павлович догнал нас у выхода из здания министерства, и мы вместе пошли к черной громадине «ЗИС-1». Лида и я разместились на заднем сиденье, Авраамий Павлович, сядя рядом с водителем, задел папахой за притолоку дверцы, видимо еще не привыкнув к величине этого головного убора.

С низкого серого неба стлалась какая-то снежная пыль, залепляя окна машины, и я не рассмотрел здания, около которого водитель затормозил. Авраамий Павлович распрощался с нами, дав команду шоферу везти нас дальше.

Тогда я, конечно, не мог предполагать, что эта встреча с Авраамием Павловичем была последней... В последующие годы мне очень часто и подолгу приходилось бывать в Москве по служебным делам, связанным с различными вопросами проектирования или участием в каких-либо совещаниях. Но, к сожалению, рассмотрением наших проектов занимался уже не Завенягин, а Мамулов. Затем мы оказались сначала в черной, а потом в цветной металлургии. Повода для встречи с Авраамием Павловичем у меня не было, а в 1956 г. его уже не стало.

Я до сих пор храню самые светлые воспоминания об этом прекрасном человеке. Он дважды вернул меня к жизни, но сам так безвременно ушел из нее.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Этими словами и закончил свои записки первый главный зодчий Заполярной Пальмиры. Наверное, не случайно. Одна из причин скорее всего связана с тем, что самыми главными, трудными и плодотворными для него были годы рождения Норильска. И несомненно, они прошли под счастливой звездой, иначе говоря, под покровительством А.П. Завенягина, который, в свою очередь, знал, кому доверить строительное будущее города и комбината.

Витольд Станиславович Непокойчицкий получил воспитание и образование в Ленинграде, где, по крайней мере в ту пору, архитектуру относили к высокому искусству. Поэтому, найдя в лице Завенягина огромную поддержку, он смог творчески реализоваться и создать город, облик которого впоследствии не однажды сравнивали с северной столицей страны.

Есть еще один главный персонаж этой повести. Помните: «Исключение составляла только Лида»? Он писал о жене, что ее «всегда отличало глубокое понимание сущности архитектуры, тонкий художественный вкус и необычайное упорство в поисках выразительного решения той или иной творческой задачи. Поэтому мы работали с ней «на равных», удачно дополняя друг друга. В результате этого творческого сотрудничества возникли такие запоминающиеся ансамбли, как Октябрьская, Гвардейская и Комсомольская площади, застройка Южной линии и Севастопольской улицы, не говоря уже о целом ряде проектов отдельных жилых домов и общественных зданий». Они остались в истории Норильска — «В.С.Н» и «Л.В.М.».

Публикацию подготовила

Светлана Мазенина

М.Б. Ферберг. 1945 г.

Мириам Ферберг:

«Я благодарна судьбе...»

ВСЕ СТРОИЛОСЬ НА МОИХ ГЛАЗАХ

Я начала работать в Норильске в марте 1945 г., сразу по окончании металлургического факультета Ленинградского политехнического института. Тогда весь поселок состоял из нескольких улиц. Первыми появились улицы Горная, Заводская с двухэтажными бревенчатыми домами. Одновременно застраивалась улица, ведущая в будущий город от никелевого завода, мимо управления комбината, гостиницы, больницы, типографии и далее по дамбе через озеро Долгое.

В самом городе первыми были застроены ул. Южная (впоследствии ее называли ул. 50-летия Октября). Одновременно начали возводить Ленинский проспект, служащий продолжением дороги от никелевого завода через дамбу.

Вдоль улицы, ограничивавшей город с востока, шла узкоколейная железная дорога. Она служила для переброски грузов, прибывающих в Норильск по Северному морскому пути, через полуостров Таймыр по реке Пясине, озеру Пясино, реке Норилке, до порта Валек.

Поначалу бытовая жизнь в Норильске складывалась очень трудно, но с годами все активнее строили не только жилые дома, но и магазины, поликлиники, больницы, аптеки. Открывали новые школы, спортивные сооружения, кино, театр, Дворец пионеров.

В Заполярье большое строительство началось со свайных фундаментов, позволяющих сохранить вечную мерзлоту и обеспечить долгую эксплуатацию построенных зданий.

За разработку нового метода группа строителей и архитекторов получила Государственную премию.

Первый театр располагался в конце Заводской улицы, строили его, как и все в Норильске, заключенные. Внешне театр представлял собой бревенчатое здание и особой архитектурой не отличался. Но внутри он был отделан и расписан с большим вкусом, театр имел хорошую сцену, был очень компактным и удобным. Через несколько лет он сгорел.

Второй театр был временным, его разместили в одноэтажном кирпичном здании в конце улицы Севастопольской на углу с Восточной. Как и все временное, этот театр просуществовал довольно долго, почти до самого моего отъезда из Норильска в 1980 г.

В этом театре играла уже постоянная труппа с талантливыми режиссерами и артистами. Из них хорошо помню артистов Лукьянова, Платонову, Бойцова, Шелагина, Смоктуновского, Жженова, Юматова. Ведущим артистом был Лукьянов. С ним я и моя мама были друзьями. Он играл роль Ленина в спектакле «Ленин в 18 году». В нашем театре ставили «Совесть Доры Павловой», «Сказки старого Арбата», «Украл консула», «Цилиндр» и многие другие. Репертуар обновлялся очень часто. Смоктуновский и Жженов прожили в Норильске сравнительно недолго и вскоре уехали в Москву, где прославились в ряде спектаклей и кинокартин. Лукьянов, Платонова, Шелагин впоследствии уехали в Омск.

Пока не были построены музыкальная школа и Дворец культуры, в театре проходили и концерты артистов. Приезжали такие знаменитости, как М. Ростропович, Ю. Казаков, М. Кристаллинская, М. Магомаев, Павел Коган, пианисты, Сибирский ансамбль песни и пляски, хор Ленинградской капеллы, В. Мартынов и многие другие. Музыкой и московскими артистами мы обижены не были.

В 1958 г. распахнула свои двери музыкальная школа: ее уютный и красивый концертный зал ка-

чеством акустики не уступал столичным. Директор школы Николай Борисович Васильев участвовал в ее проектировании, он курировал ее строительство.

Я знала Николая Борисовича как бухгалтера опытно-металлургического цеха, где работала. Как выяснилось позже, в десятом классе ему как спецпредмет преподавали бухгалтерское дело. Это очень пригодилось Николаю Борисовичу Васильеву, когда он, отбыв срок заключения в лагере около Сыктывкара, очутился в норильской ссылке. Правда, бухгалтером он проработал недолго: здесь был востребован его талант пианиста с консерваторским образованием. Сначала в Норильске Николай Борисович давал частные уроки игры на пианино, потом организовал музыкальную школу во временном здании. Открытие новой школы при его активном участии стало настоящим событием культурной жизни города.

С нашей семьей Николай Борисович и Екатерина Трофимовна были очень дружны в Норильске. Наши отношения не оборвались и тогда, когда Васильевы вернулись в Ленинград в 1959 г., где Николай Борисович преподавал в Институте театра, музыки и кино. Умер Николай Борисович Васильев в конце 1997 г. — об этом печальном событии в одной из передач НТВ рассказал Евгений Киселев.

Надо сказать, что благодаря норильской интеллигенции музыкальная школа славилась опытными преподавателями: поступить в нее было довольно трудно. Здесь были классы аккордеона, флейты, фортепьяно, домры. Академический хор выезжал с концертами не только на предприятия комбината, но и в Красноярск, Ленинград, где участвовал в конкурсе хоров в Ленинградской капелле. Традиционными стали и концерты учащихся музыкальной школы, в том числе зачетные и выпускные.

Одновременно с культурными строились и спортивные учреждения. Уже в 1959–1960 гг. в Норильске заработал великолепный бассейн, затем крытый стадион — тут иногда устраивались эстрадные концерты, выступали писатели, помню и знаменитых путешественников Ганзелку и Зигмунда.

Чтобы дать некоторое представление о том, что значило тогда в Норильске зимой сходить в театр, кино или бассейн, расскажу такой случай.

Однажды я и мои друзья пошли в театр на Севастопольской. Автобусы по ней не ходили, надо было пройти всю улицу, кстати, не очень-то длинную. За то время, которое мы провели в театре, разыгралась нешуточная пурга. Нас сразу разбросало ветром и снегом в разные стороны. Мне удалось удержаться возле одного из друзей. Пробившись сквозь пургу, мы молча дошли до остановки. Вошли в автобус. Каково же было мое удивление, когда здесь обнаружила, что я ухватилась за незнакомого человека. А он считал, что поддерживает свою жену. Друзья еще долго подшучивали над тем, что меня уволок незнакомец.

Не дожидаясь строительства специального здания, в Норильске открыли Дворец пионеров в жилом доме на Комсомольской улице. В одном из подъездов (пять этажей) специально оборудовали концертный зал, разместили кружки шитья, вышивания, вязания, резьбы по дереву, пения, хора, танцев, различного рода самоделок. Сколько рассказов было дома о том, чему там учат! В дни праздников дети в качестве своеобразного пропуска во Дворец исполняли что-либо: пели, декламировали, отгадывали загадку и т. п. Затем расходились по комнатам, к елке, в концертный зал, где все было приготовлено для игр, шуток, конкурсов. Руководила Дворцом пионеров долгие годы Елена Герасимовна Добровольская.

Примерно в 60-е годы недалеко от места, где река Валек впадает в Норилку, был построен про-

филакторий. Можно было отдыхать в нем после работы. Профилакторий состоял из трех корпусов, построенных звездой, в центре которой была столовая, сплошь заставленная и увешанная цветами. Вообще цветов везде было много — в комнатах отдыха, коридорах, спальнях. Выращивал цветы в теплицах милейший и добрейший Степан Михайлович. Стихийно тут возник «зоопарк» с ранеными или оставшимися без родителей зверюшками и даже медведями в клетке на улице. Долгие годы руководила профилакторием участница войны П.М. Беспалова, даже будучи уже тяжело больной.

Первая библиотека в городе была организована одновременно с началом строительства комбината. Она помещалась в окружном профсоюзе. Помню техническую библиотеку в ДИТРе (Дом инженерно-технических работников).

С окончанием строительства специальных зданий на Октябрьской площади техническая библиотека переехала из ДИТРа в одно из этих зданий. Второе аналогичное здание, завершившее оформление площади, послужило для размещения Дома политического просвещения.

Техническая библиотека занимает все пять этажей и располагает богатейшим фондом литературы по всем отраслям техники — строительству, горнодобывающей промышленности, геологии, металлургии, транспорту... Здесь я бывала каждую неделю, а иногда и чаще. Непременнно просматривала реферативные журналы по металлургии, по химии, «Цветные металлы», «Известия вузов». По материалам этих журналов у меня были составлены каталоги за много лет, и я ими широко пользовалась во время своей работы.

В суровых условиях Крайнего Севера было многое сделано для того, чтобы сохранить и поддержать физическое и духовное здоровье норильчан. Но справедливости ради нельзя не сказать, что на первом

месте все-таки были не люди, а медь, никель, драгоценные металлы, которые были так остро необходимы стране. С годами увеличивалась производительность комбината — ухудшалась экологическая ситуация в Норильском промрайоне.

При плавке руд содержащаяся в них сера выгорает, образуя ядовитый сернистый газ. Бывают условия (ветер, атмосферное давление), когда концентрация газа в воздухе настолько повышается, что на улице (не на заводе!) становится трудно дышать... Даже в квартире, где закрыты все форточки... Вот почему всякий раз заканчивались неудачей все попытки озеленить город... А как пострадала тундра! Мертвые зоны растительности тянутся на многие километры к северу и востоку от Норильска. Город давно стал неблагоприятным местом для жизни людей.

НОРИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Норильск строили заключенные. Лагерь Норильского комбината, входившего в состав МВД, предназначался не только для особо опасных преступников, но и политических заключенных, осужденных Особым Совещением. Кроме них сюда собирали ссыльных, уже отбывших наказание в других лагерях (на Урале, в Казахстане и т. д.). Вольнонаемный коллектив в основном состоял из работников МВД. Заключенные проживали в лагерных зонах, располагавшихся на промплощадках, — здесь строились домостроительные предприятия, кирпичный, цементный заводы, горнодобывающие предприятия, обогатительная фабрика, металлургические заводы.

Вольнонаемных инженеров, рабочих было ничтожно мало. В 1941 г. вольнонаемный контингент пополнился за счет эвакуации инженеров и рабочих с Кольского полуострова — Мончегорского никелевого комбината.

При том размахе строительства, который в кратчайшее время должен был обеспечить дефицитными металлами военную промышленность, руководящих инженерно-технических кадров не хватало. Приходилось использовать квалифицированных специалистов из числа не только освободившихся из заключения, но и заключенных, которых пришлось расконвоировать. В свои лагпункты они возвращались только поздно вечером, к поверке.

Влияние политэзков на вольнонаемных специалистов и молодежь было огромным. Подавляющая часть освобожденных и заключенных инженеров и специалистов обладали не только огромными знаниями, но и опытом работы, организационными способностями. Это было общество квалифицированных, в высшей степени интеллигентных, воспитанных людей, добросовестно работавших на любых тяжелых участках и предприятиях. Они учили нас не только работать, но и жить, преодолевать трудности. Учили нас любить работу и жизнь, не унывать при неизбежных трудностях не только на работе, но и в быту.

К ним, ссыльным, не имеющим права покидать Норильск, приехали жены, дети. Многие из них женились или выходили замуж, у них рождались дети, которые ходили в детский сад и в школу вместе с нашими детьми и в свою очередь влияли на наших детей и на нас, их родителей.

Слова большой благодарности я и сегодня говорю Д.П. Конорову — он приобщил меня к фотосъемкам. Дмитрий Павлович не успел закончить киноинститут, в Норильлаг попал после 4-го курса операторского факультета и конечно же не раскрыл своих талантов, работая в весоизмерительной лаборатории. А разве знали мы, как умела рисовать Евфросиния Керсневская, чьи рисунки, позже опубликованные в «Огоньке», произвели эффект разорвавшейся бомбы? В Норильске она работала в центральной больнице лагеря, потом на рудниках.

Вспоминаю начало работы в Норильске. Нас, молодых специалистов, принял директор комбината В.С. Зверев. Он подробно рассказал нам о комбинате, о его перспективах и специфике: работе с заключенными. Меня направили на 25-й (кобальтовый) завод начальником смены.

Все мне было незнакомо, странно. На заводе в большинстве своем работали заключенные или недавно освободившиеся из заключения, только руководство было из вольнонаемных. Начальником завода был В.А. Дарьяльский, начальником гидрометаллургического цеха — К.Н. Бродницкий, начальником отделения Вера Александровна Сударкина. Все они приехали из Мончегорска в 1941 г.

Завод располагался в самом конце промзоны. Рядом — лагпункт. Работа вынуждала пересекать всю промзону пешком и днем, и вечером, и ночью. В это же время возвращались с завода в свои лаготделения и заключенные. И ни разу никто не обидел меня даже словом.

Наша работа в основном заключалась в наблюдении за окончанием монтажа технологического оборудования. Надо сказать, что я видела его в первый раз, и польза для меня была только в том, что я знакомилась с его конструкцией, познавала ее изнутри. Еще одно важное дело — подготовка будущих мастеров для ведения технологических процессов. В институте такого курса у нас не было, так что мы все вместе постигали технологию производства кобальта. В январе 1946 г. был получен первый слиток металлического кобальта.

Начальником смены я проработала недолго, меня перевели в цех производства хлора начальником выпарного отделения. С благодарностью вспоминаю Всеволода Михайловича Алексеевского, Анатолия Петровича Соколова и Леонида Ивановича Парамонова, которые помогли моему инженерному становлению.

А.П. Соколов с женой

...Через 4 года я перешла в опытно-металлургический цех. Технология производства кобальта была полностью разработана в ОМЦ. Первый кобальт был получен во временном его здании — Временной электростанции (ВЭС), находившейся под горою Шмидта, вблизи от угольного месторождения. Первым его руководителем была О.Н. Лукашевич. Одновременно со строительством металлургических заводов было построено и

специальное здание для него, рядом с цехом электролиза никеля. Впоследствии, с вводом в эксплуатацию заводов и цехов, отделения ОМЦ размещались непосредственно на заводах.

Начальником ОМЦ был Федор Трифионович Киреенко. Работать с ним было чрезвычайно полезно и приятно. Всегда благожелательный, внимательный, умнейший инженер. Как говорится, от Бога. Если в литературе ему попадалась статья или хотя бы абзац, могущий представить для меня интерес, — всегда приносил ее мне. Потом непременно спрашивал, нашла ли я что-либо интересное для себя. Он часто заходил в лабораторию, интересовался, как идут дела, нет ли каких-либо новых данных или идей.

Отчеты молодых специалистов он непременно читал сам, очень внимательно, делал свои замечания. Так же он относился и к другим специалистам: Т.Г. Ситниковой, Н.В. Калачиковой и многим другим. У Киреенко было трое детей: с Максимом и Мартой мой сын Боря впоследствии учился в одном классе, так что мы общались и семьями. Фе-

дор Трифионович уехал из Норильска в Ленинград в 1958 г. До сих пор мы с ним переписываемся.

Его человеческое, благожелательное отношение к себе всегда чувствовали заключенные. Он никогда ни словом, ни жестом не давал им понять своего положения. Относился к ним вежливо и спокойно, как к вольнонаемным, и даже более человечно, допуская какие-то поправки.

СОБЫТИЯ 1950-х ГОДОВ

В июле 1950 г. мы всей семьей поехали в отпуск. Поскольку муж мой после заключения был на положении ссыльного и не мог выехать в европейскую часть Союза, мы поехали в Алтайский край на курорт «Белокуриха» (около

Барнаула). Одновременно с нами там отдыхала в это время целая группа норильчан, человек двенадцать, — по той же причине, что и мы.

Примерно в середине августа до нас дошли тревожные слухи из Норильска о повторных арестах. Большинство из нас стали уезжать обратно. Уехали и мы. Муж — сразу в Норильск, а я с детьми до выяснения обстановки отправилась в Москву, к отцу. От мужа долго не было никаких сообщений.

А.П. Вареников (нижний ряд, третий слева), М.Б. Ферберг (верхний ряд, вторая слева). Курорт «Белокуриха», 1950 г.

В Москве, в представительстве Норильского комбината, тоже ничего не было известно. В конце сентября я получила телеграмму из Норильска от нашего приятеля И.А. Федотова (он был начальником ЦЭНа) такого содержания: «Приезжай Норильск для распродажи вещей Анатолий (муж) этого сделать не может». Я с детьми сразу выехала.

В Красноярске на вокзале встретила Кожуховского, он работал в плановом отделе 25-го завода. От него я узнала, что в Норильске арестовывают всех, кто отбыл там заключение по 58-й статье или по решению Особого Сопровождающего при народном комиссаре внутренних дел СССР, и вывозят в Красноярск для повторного осуждения и высылки в другие места России, главным образом в леспромхозы Красноярского края. Сам Кожуховский сбежал из Норильска от ареста и теперь не знал, куда ехать и что делать. Оказалось, мой муж был арестован сразу же по прибытии в Норильск и сейчас находится в Красноярске, в тюрьме.

В Красноярском УВД я получила разрешение на свидание и передачу. Возвращаясь оттуда, встретила Евгению Семеновну Бабушкину, с которой зимой 1949–1950 гг. работала над проектированием будущего 26-го завода (впоследствии цех № 1). Я бросилась к ней, обняла, а она осторожно меня отстранила и шепотом сказала: «Я не одна». Я оглянулась. Действительно, ее сопровождали двое в штатском. Е.С. Бабушкину переводили в другую тюрьму. Больше я ее не видела. И только в 1953 г. или в 1954 г. я получила от нее письмо из Усть-Каменогорска. С тех пор мы переписывались с ней до самой ее смерти.

В Красноярске я провела десять дней, повидалась с мужем в тюрьме, носила ему передачи и уехала в Норильск — кончался отпуск.

Здесь мне рассказали, что муж по приезде сразу пошел на работу, на 25-й завод. Там ему подтвердили информацию об арестах. Тогда он поехал сначала в ОМЦ, чтобы передать мое заявление об увольнении

начальнику ОМЦ Ф.Т. Киреенко, а затем пошел в ЦЭН к И.А. Федотову. Тут его и арестовали. Вот после чего я получила телеграмму о необходимости моего приезда в Норильск. Мужу разрешили только зайти домой, взять кое-какие носильные вещи и почти сразу отправили на этап, погрузили в баржу с такими же арестованными и отправили в Красноярск.

При свидании в тюрьме муж мне сказал: «Не теряй духа, поезжай в Норильск, там видно будет».

В начале ноября я улетела в Норильск. Оказалось, в моей квартире уже живет семья начальника одного из лаготделений И.К. Шахматова.

Федор Трифионович Киреенко не дал хода заявлению о моем увольнении. Я вышла на работу. По совету друзей дала обстоятельную телеграмму на имя начальника краевого управления МВД с просьбой направить моего мужа А.П. Вареникова по месту моей работы.

...В Норильск стали прибывать ссыльные из других лагерей.

Телеграмму от мужа о приезде в Норильск я уже получила из Дудинки. И только тогда Шахматов вручил мне ключи от комнаты в доме без удобств, подогнал машину и перевез наши вещи. Комната была площадью 16 квадратных метров, сосед — надзиратель лаготделения Роготнев — пользоваться кухней нам запретил. В конце 1951 г. я родила еще одного ребенка, и таким образом в стесненных условиях мы прожили более двух с половиной лет. Мы — это я, муж, моя мама и трое детей.

Благодаря хлопотам друзей нашей семье все-таки удалось переехать в две комнаты трехкомнатной квартиры на Комсомольской улице. И только через 7 лет, в 1960 г., мы получили отдельную трехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте и долго не верили, что наконец-то живем одни! Не только без соседей. Мы оставались уже лет пять без мужа, без отца.

В 1954 г., когда Вареникова реабилитировали и восстановили в партии, он уехал из Норильска, и больше мы ничего о нем не слышали.

Мне, тогда молодой и по-житейски неопытной, пережить эту трагедию помогли друзья. Ревекка Семеновна Осипова, жена ссыльного, поступила на работу к нам, в ОМЦ, в гидрометаллургическое отделение, где трудилась и я. Мы с ней быстро подружились, хотя Ревекка Семеновна была намного старше меня.

МОИ ДРУЗЬЯ

Я была много младше всех своих друзей, у которых в Москве оставались взрослые дети. Все они до ареста имели большой опыт работы в институтах и на предприятиях Москвы. В Норильске они были устроены кое-как, им приходилось жить в балках и проходных комнатах, но после пережитого в лагерях бытовые неудобства казались им несущественными неприятностями, а работали они с полной отдачей сил, с удовольствием — заключенные и ссыльные очень много полезного сделали для комбината.

Ко мне они относились, как к девчонке, умилялись моей непрерывной возне с детьми. Я видела, что тяжелые испытания, выпавшие на долю моих старших друзей, не лишили их интереса к жизни, работе, людям. Они научили меня мужеству и стойкости. Мы вместе отмечали праздники, ходили в тундру. Умели довольствоваться малым. Представьте, нам всегда хватало места на моих 16 квадратных метрах, а это вся наша большая семья, Виктор Львович Гинзбург, Розенфельд и Венер, и все — с женами! Позже, много лет спустя, мы и в Москве встречались с большим душевным волнением: сколько у нас дорогих воспоминаний!

Никогда не забуду академика А.А. Баландина. До ареста он работал в МГУ, возглавлял кафедру катализа химического факультета. В начале 50-х

годов на комбинате очень остро стоял вопрос повышения активности никелевого порошка. Разрешить проблему поручили Баландину. Он создал уникальную лабораторию и в довольно краткий срок добился поставленной перед ним цели. Мы работали с ним в одной комнате и, естественно, подружились.

Летом 1953 г. я с семьей отдыхала под Москвой на даче. Тут я и получила известие о его освобождении, а вскоре и увидела его. Алексей Александрович Баландин познакомил меня со своей семьей, показывал мне только что построенное новое здание МГУ на Ленинских горах, возил в санаторий «Узкое», бывшее имение князя Трубецкого. Какое-то время мы переписывались, а в 1967 г. академик Баландин умер.

Я благодарна судьбе, которая свела меня с такими людьми, как А.А. Баландин, Т.Г. Ситникова, В.И. Дьяконов, А.М. Орлов, А.М. Еренбург, Ю.Н. Евлаш и И.В. Евлаш, и многими, многими другими.

М.Б. Ферберг и В.И. Дьяконов

А.М. Еренбург

25 лет я проработала в ОМЦ (позже ГМОИЦ). Сначала коллектив всего составлял 3–4 человека, но с расширением тематики исследований, с появлением полупромышленной установки появились новые специалисты. Тамара Георгиевна Ситникова занималась разработкой технологии получения селена и сама внедряла ее. Она организовала радиоизотопную лабораторию, окончила специальные курсы и обучила несколько лаборантов работе с изотопами.

Валентин Иванович Дьяконов руководил исследованиями на хлоридно-автоклавной технологии и ее испытаниями на полупромышленной установке. А какую важнейшую для комбината работу выполнил Александр Михайлович Еренбург! Его исследования по распределению платиновых металлов по продуктам переработки шламов легли в основу исследований Александра Михайловича Орлова — он разработал способ извлечения иридия из растворов цеха № 1. Впервые на комбинате были применены высокотемпературные процессы экстракции в автоклаве.

Нина Ивановна Маркелова пришла к нам без специального образования, окончила в Норильске техникум и с большим старанием выполняла инженерную работу. М.В. Распопина, В.П. Долгих, З.Я. Преловская самостоятельно выполняли в отделении сложные аналитические работы. Опытный плавильщик Виктор Петрович Малков участвовал

*В.П. Долгих, З.Я. Преловская
(слева направо)*

в работах по монтажу, наладке автоклавов и другого оборудования в отделении.

В нашем коллективе царил дух творчества и дружбы, мы чувствовали себя одной семьей и потому не только заменяли друг друга на работе, всячески помогая делу, но и вместе отдыхали: ходили в театр, в тундру, отмечали дни рождения, праздники... Каких-

то ссор, раздоров не было никогда! Возможно, в это трудно поверить, но это правда.

Сама я начинала с участия в аэрационном выщелачивании платиновых концентратов — из них требовалось удалить медь и никель. По нашим эскизам конструкторское бюро комбината сконструировало, а механический завод изготовил аэрирующее перемешивающее устройство. Эта работа позволила улучшить качество концентратов.

В кратчайшее время моя группа разработала технологию получения селена из медного шлама. Пуск селенового отделения прошел на удивление гладко.

Тематика отделения, которым я руководила, непрерывно расширялась, мы совершенствовали технологии, аппаратуру, аналитические методы, первыми на комбинате применили автоклавы. При моем участии, Тамары Георгиевны Ситниковой было проведено первое генеральное опробование переделов комбината на никель, медь, кобальт, платиновые металлы. Была организована радиоизотоп-

ная лаборатория, что расширило возможности изучения поведения платиновых металлов на всех переделах комбината.

На основании проведенных работ наши инженеры, в том числе и я, защитили кандидатские диссертации. С 1949 по 1975 г. отделение, которым я руководила, выполнило около 40 отчетов, 20 печатных работ, получило 10 авторских свидетельств на изобретения. И только тогда, когда стало ясно, что в ближайшие годы цех для переработки шламов по хлоридно-автоклавной технологии строиться не будет, я перешла работать в Норильский индустриальный институт.

В 1975 г. я была выбрана по конкурсу начальником Научно-исследовательского сектора (НИСа) НВИИ и проработала в нем пять лет, до 1980 г. В эти годы значительно активизировалась научно-исследовательская деятельность преподавателей института по хоздоговорам с комбинатом. При этом увеличилось и количество сборников научных статей преподавателей института. В сборниках печатались также и статьи работников комбината.

Э.М. Астафьева

В 1976 г. в НИС была принята инженер-патентовед Э.М. Астафьева. По образованию химик, она окончила в Москве курсы патентоведов и оказала большую помощь преподавателям института, выявляя новизну в их научных работах, помогая составлять заявки на изобретения, направляемые во ВНИИГПЭ.

В 1980 г. я выехала из Норильска в г. Калинин (ныне Тверь). На этом закончилась моя инженер-

Отделение переработки шламов. 1957 г.

Коллектив шламового отделения

*Домашние посиделки коллег из ОМЦ. За роялем Тамара
Ивановна Сливинская, стоят (слева направо):
Ф. Дубовицкая, Н. Загарская, М. Ферберг. 1950 г.*

М.Б. Хасдан

И.И. Тарасова

ная деятельность, если не считать, что в течение 1997–1998 гг. я написала «Записки» в сборник «Драгоценные металлы Норильска».

ЗАПОЛЯРЬЕ УЧИЛО НЕ СДАВАТЬСЯ!

О природе и погоде Крайнего Севера хочется сказать отдельно. Ни я, ни мои друзья никогда не замыкались в четырех стенах... Мы не жили по принципу: работа — дом, дом — работа. Широте жизни, умению находить удовольствие в любых, даже самых тяжких, обстоятельствах меня научили старшие товарищи, бывшие заключенные. Как только подросли мои дети (до 3–4 лет), я стала с ними гулять не только по городу, но и по возвышенности, где сегодня построен спортивный комплекс «Арктика» и плавательный бассейн. Тогда на этой возвышенности было много цветов, а берега ручья были усыпаны незабудками. Потом мы ходили по железной дороге к Зуб-горе, ну а когда появились мази от комаров, мы уходили в тундру с ночевкой.

В первое же лето, когда появился понтонный мост через Норилку на Талнах, мы ринулись на Красные камни. Там впервые я видела замерзший водопад, сверкающий на солнце. Заячий ручей, Ергалахское ущелье, путь вдоль реки Валек, озеро Лама — эти живописные места и сейчас пробуждают во мне незабываемые воспоминания... Здесь обычное зрелище: снег и цветы рядом, а мы в купальниках идем по снежному ущелью до скалистой стены. Или визжим, но купаемся в озере, по берегам и на дне которого виден нарастающий лед...

Впервые я была на озере Лама в 1963 г. Меня поразила турбаза, построенная заключенными в 40-х годах для начальствующего состава комбината. Литовцы использовали красноватые стволы лиственницы. Говорили, что в какой-то год их не смогли вовремя вывезти с Ламы, и они все погибли. Турбаза на Ламе — это на-

стоящий памятник архитектуры, а живописные места вокруг с каскадом водопадов, чистейшая вода озера, обилие грибов, ягод — настоящий заповедник природы Заполярья.

В 1967 г. турбаза была впервые предоставлена комсомольско-молодежному лагерю, куда поехала к тому времени окончившая 9 классов моя младшая дочь Верочка. Старшие, Боря и Зоя, уже учились в Ленинградском институте; я ждала их на каникулы, несколько дней мы хотели отдохнуть все вместе на озере Лама. Мы еще не знали, какое испытание нас здесь ждет.

Когда я с детьми катером прибыла на Ламу, оказалось, что лагерь высадили на 20 километров дальше нашего места. Наш катер должен был встретить лагерь на половине пути. Мы взяли детей и двинулись по озеру Лама. За мысом открылись черные тучи, которые быстро нас достигали. В корму ударил штормовой ветер, поднялись волны. Дверь на корме распахнулась, и водопад воды хлынул на нас. Никакими силами мы не могли

Под июльским солнцем. Друзья-коллеги сидят и стоят на снегу, а М. Ферберг их снимает. И не только она. 1983 г.

закрывать дверь, набросали как препятствие воде одеяла, матрасы, налегли на них сами... Вода залила катер до пола салона. Встали цепочкой ребята и взрослые, вычерпывали воду, но это была как капля в море — катер тонул.

Капитан, бледный как полотно, как мог, форсировал ход катера, чтобы укрыться за мысом. Как только мы зашли за него — заглох мотор. Перегруженный, катер оседал... Берег был близко, но вряд ли кто смог бы доплыть до берега в холодной как лед воде Ламы... И тут завелся мотор — мы были спасены!

В трудные минуты жизни я вспоминаю этот день.

Попав волею судьбы на Север, познакомившись с его ландшафтами, зачастую скудной и жестокой природой, — я была покорена Заполярьем навсегда. И никакие пейзажи средней полосы России, жаркие и изобильные поля и горы Кавказа, Узбекистана, теплые Каспийское и Черное моря не действовали на меня столь сильно, как окрестности Норильска и Таймыра.

Даже пурга с ее неистовыми ветрами, заносами привлекает своей бешеной силой и вызывает желание бороться с ней и победить грозную природу.

А какое очарование идти на лыжах по лиственничному редколесью, по голубому снегу, при свете луны, отбрасывающей четкие синие тени от каждой веточки и слушать первозданную тишину под скрип снега.

Весной, в апреле — мае, еще везде снег, а воздух уже теплый, на деревьях, кустах появляются «барашки». Мы идем на лыжах раздетые, без шапок, мужчины раздеваются до пояса. В закрытых от ветра местах мы лежим, наслаждаемся уже теплым воздухом, загораем. В июне мы еще продолжаем ходить на лыжах, хотя везде снег уже тает, образуя ручьи.

Бегают по снегу бурундуки, скачут зайцы с уже подростшими зайчатами. Мы их не видим, но читаем все по их следам на снегу. Они удирают, едва заслышав скрип лыж. Куропатки кормятся набухающими почками и подпускают нас на несколько шагов. И нигде, никогда я не видела столь синих теней на снегу...

Однажды, в конце июня, поднимаясь на холм, увешанная съёмочной аппаратурой, я чуть не была сбита с ног стадом оленей, бегущих с противоположного, довольно крутого склона. Не останавливаясь, олени разделились на два рукава и обожали меня. Я стою ни жива ни мертва, а они бегут темной толпой, сплошной массой, сопят, хрипят, глаза налиты кровью...

М.Б. Ферберг. 1988 г.

Олени любопытны. Однажды мы сидели у костра, прикрытого с одной стороны скалой. И вдруг из-за скалы осторожно высовывается голова оленя, можно было протянуть руку и погладить его...

Я благодарна судьбе, которая забросила меня в Норильск. Я общалась с удивительными людьми — умными и сильными. Я научилась у них жить и работать, не унывать ни при каких обстоятельствах. Специалисты высочайшего класса, они помогли мне стать инженером, ученым. В Норильске я состоялась как человек, здесь хорошую путевку в жизнь получили мои дети... Я благодарна судьбе, и пусть об этом знают мои внуки и правнуки...

Т.Г. Ситникова

Тамара Ситникова:

*«Жесткость и доброта
сочетались в Киреенко
самым удивительным
образом...»*

Сталинское время было суровым, какой-нибудь пустяк мог сломать жизнь человека. Я была молода и, конечно, беспечна. А Федор Трифонович Киреенко, мой непосредственный начальник, своей строгостью хотел обратить меня к реалиям норильской лагерной жизни.

Жесткость и доброта сочетались в Киреенко самым удивительным образом...

Однажды я опаздывала на работу и зашла в цех вместе с Киреенко. Вообще-то у меня было уважительное объяснение опозданию, да я и предупредила о нем. По дороге Федор Трифонович ничего не сказал мне, но позже подослал секретаршу:

— Киреенко вызывает.

Прихожу. Он встречает меня вопросом о причине опоздания. Доложила. Киреенко извинился за свой вопрос. И это тоже для него было нормально, как и то, что ни о чем не спросил меня сразу.

Вспоминаю еще один случай. Я работала в ОМЦ вместе со знаменитым академиком Алексеем Александровичем Баландиным. Основатель катализа, ученый-химик, профессор Баландин, конечно, был истинным руководителем наших работ, а я, выпускница вуза,

А.А. Баландин

значилась начальником только на бумаге. Но я была вольнонаемной, а Баландин заключенным. И вот как-то летом в обеденный перерыв после столовой меня куда-то позвали. Я кричу с улицы:

— Сейчас зайду, вот только булки отнесу Алексею Александровичу!

После перерыва меня вызвал к себе Киреенко:

— Вы были в столовой? Вы купили булочки Баландину?

Отвечаю утвердительно. И тут я услышала от Федора Трифоновича:

— Вы знаете, что за эти булки вас могут посадить? Уж если купили булки заключенному-академику, так незачем об этом на весь мир орать. Идите. А мы с вами на эту тему не говорили.

Федор Трифонович был суров и добр одновременно, ведь, по сути, он и меня своей строгостью оберегал от напастей, которые были жуткой реальностью в Норильлаге. Он был из простой, бедной семьи, у него у самого было трое детей, и он любил их удивительно нежно и, думаю, тоже строго.

Помню, у меня была лаборантка Галя Дмитриева.

У нее, уж теперь не помню как и почему, погиб муж. Из жалости Киреенко взял ее к нам на работу, а она буквально была неграмотная. Мы учили ее, как могли. Однажды Киреенко вызвал меня и спросил:

— Почему вы такая жестокосердная к Гале?

Я удивилась. Оказывается, был день памяти ее мужа, а я и не знала. А Киреенко знал. И еще я удивлялась тому, почему мою фамилию он вычеркивал несколько раз из спис-

Ф.Т. Киреенко

ка представленных к благодарности: разве я плохо работала? Я перестала переживать только после объяснений Ревекки Семеновны Осиповой. Она так и спросила Федора Трифоновича: почему? И он ответил:

— Нельзя излишне поощрять молодых людей. Это их портит.

Киреенко был руководителем нашей темы. Он был человеком уникальных знаний, комбинат он знал в деталях как свои пять пальцев, его мысль постоянно работала, и к этому он все время побуждал молодых. Приносил журналы, статьи с советом прочитать внимательно. И ведь обязательно потом о них спросит!

Помню, работала я по никелевому порошку. Просеяла его и получила каждую фракцию отдельно. И тут появился Киреенко.

— Покажите, как храните порошок. Возьмите ротап (это несколько уровней металлического сита) и проверьте свою работу...

*Семья Ф.Т. Киреенко. Молодой Федор Трифонович
в центре второго ряда*

Я трясла при нем сито, и одновременно тряслись мои коленки: вдруг что не так сделала? Оказалось, все нормально! Для Федора Трифоновича в работе не было мелочей, все было важно.

...Когда Федор Трифонович, уезжая из Норильска, пригласил на проводы и меня, я это восприняла как награду от него.

Киреенко пригласили на работу в Гипроникель, дали в Ленинграде квартиру. Говорили, что его там приняли в штыки, не давали ходу. Я была у него в Гипроникеле во время своего отпуска. Мы пришли с доктором наук Татьяной Наумовной Грейвер, он ее, как потом выяснилось, не узнал, больше знал ее знаменитого отца, тоже ученого. Удивительно, но ради встречи с нами, норильчанами, он распустил совещание! Сидел с нами долго, расспрашивал о Норильске, о коллективе, о работах, которые ведутся в ОМЦ. Даже спросил:

— Как Абрашка?

Это был сын нашей вахтерши. Такого уважительного отношения к детям, своим и чужим, какое проявлял Федор Трифонович, я просто не встречала. По-моему, он и детей, и взрослых воспитывал всю жизнь своей суровостью и любовью...

Р.С. Ф.Т. Киреенко проработал в Гипроникеле до 1970 г. В 2000 г. ему исполнилось 88 лет. У него по-прежнему ясная память. На просьбу клуба норильчан в Москве «69 параллель» написать воспоминания о своей жизни в Норильске откликнулся своеобразно: он прислал свои заметки о Всеволоде Михайловиче Алексеевском с пометкой: на добрую память!

Ф.Т. Киреенко. 1941 г.

Федор Киреенко:

*«...Алексеевский умер,
не дожив до свободы».*

Эвакуированные из Мончегорска специалисты, мы прибыли в Норильск 13 августа 1941 г. После недельного отдыха нас распределили по местным работам. Я был назначен старшим инженером в опытный металлургический цех (ОМЦ) и имел поручение подготовить данные для проекта производства кобальта.

Я имел уже некоторый опыт работы на новостройках первой пятилетки, и при первом посещении цеха меня не удивил его вид бесформенного сооружения. Казалось, что несколько или даже много клетушек с оконцами сдвинуты воедино и покрыты сверху общей рубероидной крышей. Сбоку стояла стальная труба высотой около 25 метров, и по ней обычно ориентировались все, кто искал цех.

Внутри, в клетушках, размещались лаборатории, мастерские, отдельное оборудование. Удивительно, но общий интерьер цеха выглядел деловито и даже уютно. Вполне можно было работать. Нужно заметить, что все это было достигнуто благодаря усилиям первого начальника цеха — Ольги Николаевны Лукашевич. Это отмечает и С.А. Снегов в своих «Норильских рассказах».

В первый день выхода на работу я задержался в цехе около стола, на котором находилась лабораторная установка. Она действовала в каком-то исступленном ритме! Казалось, что вот-вот весь механизм сорвется с места и рассыплется.

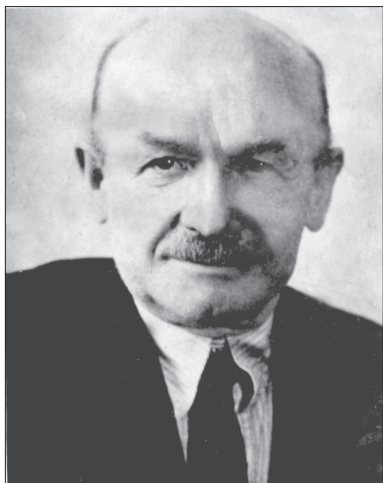
За работой установки следил человек в лагерной одежде. Он был первый из коренных сотрудников цеха, с кем я познакомился, — Всеволод Михайлович Алексеевский. С ним я сотрудничал свыше 10 лет, преисполнился к нему глубоким уважением и теперь вот решил записать некоторые эпизоды из его жизни. На добрую память!

КОЕ-ЧТО ИЗ БИОГРАФИИ В.М. АЛЕКСЕЕВСКОГО

Всеволод Михайлович родился и воспитывался в семье интеллигентной, состоятельной. С детства он приобщался к труду и самостоятельности. Когда у него проявился интерес к изготовлению игрушек, ему была предоставлена небольшая мастерская. Он стал конструировать механические игрушки, и это стало привычкой, благоприятно отразившейся на его последующей деятельности.

Высшее образование Всеволод Михайлович получил в Петербургском технологическом институте. Этот институт отличался тем, что в нем готовили инженеров-химиков с глубоким познанием механики и теплотехники. Это вполне соответствовало устремлениям Алексеевского. Профессура института обратила внимание на способности Всеволода Михайловича, и после учебы он был рекомендован военно-промышленному комитету (шла первая империалистическая война).

В.М. Алексеевский был введен в состав комиссии по организации производства взрывчатых веществ. Работа выполнялась в Донбассе, там он работал весь период гражданской войны и восстановления хозяйства, в основном на содовом заводе, и прослыл как ведущий специалист производства соды. В годы первой пятилетки Всеволод Михайлович трудился в Москве, в управ-

В.М. Алексеевский

лении экспертизы проектов НК тяжелой промышленности. На этой работе его обвинили во вредительстве и осудили на 10 лет лагерей, в том числе Норильлага.

Первое время В.М. Алексеевский работал землекопом на площадке строительства большого металлургического завода (БМЗ). Работал, как всегда, прилежно. В 1939 г. по заявке О.Н. Лукашевич он был переведен в ОМЦ и там участвовал в металлургическом опробовании норильской руды по методу Орфорда. В результате этой работы был получен первый образец чистого никеля.

РАЗДЕЛЕНИЕ НИКЕЛЯ, КОБАЛЬТА И ЖЕЛЕЗА

Теоретически это может быть осуществлено путем непрерывного противоточного смешивания гидратов этих металлов. Эта возможность увлекла Всеволода Михайловича, и он сам изготовил специальную лабораторную установку, состоящую из девяти реакторов емкостью 0,5 литра. Установка работала хорошо, устойчиво, но результаты разделения металлов были неутешительные. Оказалось, что гидраты никеля с трудом растворяются, а гидраты меди трудно образуются. Обнаружилась необратимость процессов, и опыты были приостановлены.

ОЧИСТКА РАСТВОРОВ НИКЕЛЯ И КОБАЛЬТА ОТ ЖЕЛЕЗА

Неудача с разделением металлов путем противоточного смешивания их гидратов заставила вернуться к изучению процессов реагентами. В данном случае требовались окислители и нейтрализаторы. На практике в то время применяли соду и хлор или гипохлорит. Были попытки использовать кислород воздуха, но безуспешно.

Для опытов требовался раствор, содержащий кобальт, никель, железо. Его получали в результате

обжига конверторных шлаков с сульфатом натрия последующего выщелачивания огарка. Кроме указанных выше металлов в растворе содержалось еще около 2 граммов на литр меди. В результате совсем случайно было установлено, что медь является весьма активным катализатором поглощения кислорода соединениями железа. Используя аэрацию растворов кобальта воздухом и известняк вместо соды, представилось возможным существенно снизить расходы производства кобальта и повысить его извлечение. Успех этой работы позволил ходатайствовать о досрочном освобождении Всеволода Михайловича Алексеевского, и он был освобожден, заключенный стал ссыльным. После чего к нему приехала жена, находившаяся дотоле в ссылке.

ПРОИЗВОДСТВО ХИМИЧЕСКИ ЧИСТЫХ КИСЛОТ И АММИАКА

В 1943–1944 гг. была очень неблагоприятная зима. На Енисее замерзли многие суда, в том числе баржи с химреактивами. Появилась угроза остановки химлабораторий и прекращения технического контроля всех производств.

ОМЦ было предложено организовать производство химически чистых соляной, азотной кислот и аммиака. Осуществить это поручили Всеволоду Михайловичу. Он согласился, потребовав лишь двух толковых рабочих. Я просил нарядчика лагеря прислать таковых. Не знаю, как он их выбирал, но на второй день прибыли двое: плотный, благообразный мужик и стройный, с очень темным лицом и прямым, неуклоняющимся взглядом.

Когда они вышли, явился Копп — бригадир нашей бригады. Он стал просить не принимать второго, черного. Он, дескать, опасен. Я не согласился. Это было недоверием нарядчику. Кроме того, они выглядели чисто, аккуратно одетыми, а это уже сви-

детельствовало в их пользу. Первого звали Анисим, второго Андрей. Я хотел проводить их к Всеволоду Михайловичу, но, оказалось, они сами его нашли и познакомились.

Начались работы. В.М. Алексеевский сделал чертежи печи и реакторов, Анисим и Андрей подготовили место, материалы, Всеволод Михайлович сам раскроил из свинцового листа заготовки реакторов и сварил их, сам с помощью своих помощников изготовил трубопроводы и соединил всю систему воедино. Установка начала работать вовремя и благополучно действовала весь тот трудный год.

Всеволод Михайлович с явным удовольствием следил за работой установки, а Анисим и Андрей, как тени, следовали за ним повсюду. Видно было, они тесно сдружились.

Анисим был осужден как злостный кулак. Он, наверное, и был таковым — умел все делать сам. В ОМЦ он открыл свой побочный промысел — ремонтировал часы. Не всякие, а только ходики и им подобные, с гириями. В России в каждой избе, квартире мерили время ходиками. Так было и в Норильске, поэтому ремонтных заказов было всегда достаточно. Вольнонаемные лаборантки приходили обычно на работу со свертками, в которых скрывались кроме прочего такие ходики.

Отремонтировать ходики бывает часто не просто. В этом я сам убедился, когда пытался отремонтировать свои часы. Дело в том, что только исправные часы издают приятное для слуха тиканье, и его добиваются при устранении неисправности. Поэтому Анисим производил ремонты в комнате Алексеевского — она была самым тихим помещением в цехе. Обычно он делал это в ночную смену, когда меньше было работающих механизмов. Вообще, Анисим был врожденным экспериментатором, в этом он сближался со Всеволодом Михайловичем и был похож на него.

Как-то я заметил, что Анисим ходит, как медведь — на задних лапах. Отчего бы? Оказывается, он страдал от жестокого радикулита. Лечился он следующим образом: нагревал в печи (своей) кирпич, пропитывал его аммиаком (своим) и закладывал в нужное место за ватные штаны. В результате болезнь отступала.

Андрей ничего не изобрел. Он отличался аккуратностью и однажды пострадал от своего стремления поддерживать на установке исключительный порядок. Протирая газопровод, он сломал стеклянную трубу. В помещение вырвались окислы азота. Он успел остановить процесс, но сам надышался отравы и был увезен скорой помощью в больницу. Все это произошло ночью, а утром я узнал, что Андрей умер. Я знал, что отравление окислами азота проявляется не сразу, а через несколько часов, причем угрожающе.

Утром я сообщил о случившемся инженеру управления комбината по технике безопасности. Он приехал, все обследовал, и в кабинете мы стали составлять акт. Было тихо и грустно, вдруг открылась дверь — и на пороге появился Андрей, как всегда, спокойный.

Дежурный врач больницы успел приостановить отек легких и восстановил их деятельность. Сестра, отвечавшая мне, отошла к телефону в момент, когда Андрей, казалось, уже скончался. Можно только представить, с какими чувствами мы поздравляли Андрея со спасением.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОТЫ

Это был период, когда то и дело появлялись новые объекты проектирования и строительства. Всеволод Михайлович часто привлекался консультантом по многим вопросам. Вот основные объекты внимания ученого.

Хлорный цех кобальтового завода. Здесь, в частности, проявился его талант конструктора. Пуск цеха задерживался из-за отсутствия никелевой сетки. Всеволод Михайлович предложил использовать никелевые матрицы из цеха электролиза. Их разрезали на узкие полосы и стягивали в пластины. Таким образом получался щелевидный фильтр, вполне заменявший сетку.

Бисульфатная установка. Предназначалась для получения бисульфата натрия, используемого для разделения никеля и меди по методу Орфорда. Вслед за установкой начато было строительство цеха, но вскоре оно было приостановлено из-за того, что метод Орфорда был заменен флотацией Файнштейна.

Процесс растворения гидроокиси кобальта сернистым газом. Всеволод Михайлович потребовал конструирования печи для сжигания серы.

Установка растворения кобальтового сплава хлором. В.М. Алексеевский дал надежную схему цепи аппаратов.

Цех никелевого порошка. Здесь была использована оригинальная чугунная многоподовая печь конструкции В.М. Алексеевского.

В последние годы Всеволод Михайлович трудился в должности главного инженера, к полному удовлетворению сотрудников цеха. Он стал работать не в индивидуальных рамках, а со всеми сотрудниками. Именно в это время я впервые увидел его страшно разъяренным.

Дело в том, что к нам поступил на работу ссыльный профессор какой-то военной академии, кажется химической. Я пытался установить, какой работой его обязать, но не мог обнаружить его профессиональный стаж и попросил сделать это В.М. Алексеевского. И вот результат: передо мной был весь в пламени гнева Всеволод Михайлович и совершенно замерший профессор. В.М. Алексеевский в необычном для него тоне заявил: «Либо он, либо я». Это

было столь неожиданным, что я не мог сразу решить, что же делать. Наступила тихая пауза. Всеволод Михайлович поднялся и ушел. Минуту спустя ушел и профессор, но вернулся, раскланялся, и больше мы не встречались.

Я так и остался навсегда в неведении о сути размолвки между ними.

Работа в цехе продолжалась как обычно, но однажды Всеволода Михайловича Алексеевского не оказалось на месте. Прошел день, два... Выяснилось, что он в срочном порядке был выслан с женой в Канск. Сделано это было тайно, чтобы никто не мог походатайствовать за него. В Канске Всеволод Михайлович работал на ТЭЦ в цехе очистки воды. Там, в Канске, В.М. Алексеевский и умер, не дожив до свободы.

*В.В. Мечев. 1973 г.
Ныне В.В. Мечев заведует
лабораторией Института
металлургии им. А.А. Байкова
Российской академии наук.
Профессор, доктор технических
наук*

В.В. Мечев:

*«Чорильские традиции
всех нас питают
до сих пор».*

Первая моя встреча с Норильском относится к лету 1956 г., когда мы — группа студентов Иркутского горно-металлургического института — прибыли сюда на практику. Норильск был маленьким осколком Ленинграда, затерянным в тундре. Высадились мы с «Валерия Чкалова» и несколько часов ждали поезда в Норильск. Погода была дождливая, тучи непривычно низко висели над землей. Прогуливаясь в окрестностях Дудинки, мы набрали на поле из холмиков — со столбиками и с номерами. Это было кладбище заключенных, запущенное, с могилами, разрытыми песцами. Такой была первая печальная, мрачная встреча с действительностью на Севере. Мы ничего или почти ничего не знали о лагерях, и для нас было великим откровением то, что мы узнавали наряду со своей специальностью.

Нас направили на никелевый завод и поселили в общежитии ИТР на Заводской, недалеко от ДИТРа. Впечатления от завода были яркими и интересными. Здесь впервые довелось мне узнать, а в дальнейшем и близко познакомиться с известными металлургами Норильска — А.И. Аристовым, С.И. Сердаковым, А. Родичевым, В. Стриго, В. Кукулашовым, А. Григорьевой, В. Распопиным, П. Великжаниным, К. Ермоленко, Комаровым, Федюхой, А. Бездилько, М. Никифоровым, Н.А. Тер-Оганесовым и др.

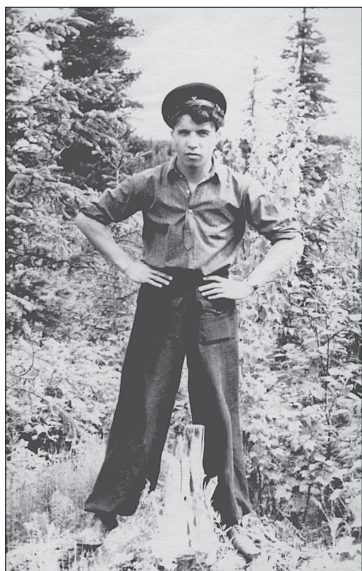
Узким местом тогда была аглофабрика. Нас распределили на конвертеры. Тогда плавильный цех был оснащен малыми, 40-тонными конвертерами и ватер-жакетами. Труд был тяжелый — после фурмовки в течение смены мы с непривычки валились с ног. В сме-

не, это была смена Антонова Петра, работало много бывших заключенных — литовцев и латышей. Практически верховодил в смене Бурокаявичус — высокий стройный человек с холодными синими глазами.

Каждую смену посылали человека за спиртом, и к концу смены все были навеселе. Однако на работе это не сказывалось — план выполнялся и послушание мастеру было безукоризненным. Здесь мы впервые познакомились, а в дальнейшем, когда уже после окончания института прибыли сюда на постоянную работу, окончательно впитали в себя норильский ритм жизни.

Самоотверженность была у всех в крови — от ИТР до подсобного рабочего. Это заражало новичков и заставляло их не отставать от всех. Никогда ни один рабочий или ИТР не уходил со своего рабочего места, не наведя порядка, не сделав уборку, не сдав смену как следует. Задерживались на работе добровольно и считали своим долгом безусловное выполнение плана.

Уже прибыв в Норильск инженерами в августе 1959 г., мы в отделе кадров попросили, чтобы нас направили в те цехи, где мы проходили практику. Однако необходимость укреплять специалистами с высшим образованием слабые участки производства разбросала нас. В.И. Куприянова, в будущем заместителя начальника главка, направили на медный завод. Г.А. Безденежных, в будущем заместителя

В.В. Мечев. 1960 г.

главного инженера Алмалыкского медного завода, — туда же. Ю. Махалова, в будущем директора Иркутского филиала института «Гипроалюминий», — тоже на медный. Меня же определили в цех электролиза никеля бригадиром в смену А.В. Филатова, будущего директора НГМК.

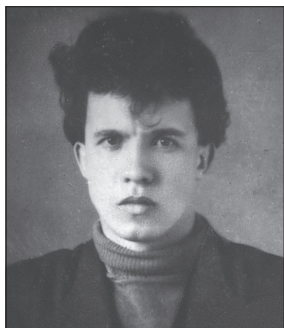
Тяжелое это было время для никелевого завода. Завод реконструировался: вместо ватержакетов ставились электропечи, малые конвертеры менялись на стотонные, в гидрометаллургических цехах внедрялся титан. Замечательные инженеры пришли на этот завод: директором был В.В. Стриго, главным инженером — И. Козодеров. Это были подвижники всего нового, поддерживавшие самые смелые идеи и сами предлагавшие много новаторств. Очень бережно они относились к молодым специалистам, часто собирали их, посещали и рабочие места, интересовались профессиональным ростом молодых. После шести месяцев работы в цехе электролиза я с группой молодых инженеров был направлен мастером на аглофабрику, которая в то время, да еще много лет потом, была узким местом на комбинате.

Кто этого не видел, тому трудно представить, что там творилось. Совершенно непонятно, как можно работать, не видя друг друга на расстоянии метра из-за пыли?!

*В.В. Мечев, А. Дивеев с друзьями.
1961 г.*

А какие люди работали здесь! Это — Р. Габитов, Р. Подъяпольский, Г. Балакун, А. Орлов, Б. Ловягин, Сулейманов. Мы, молодые тогда инженеры, во всем равнялись на главного технолога В.Д. Шустецкого — краси-

В.В. Мечев. 1962 г.

вого, доброжелательного человека, грамотного специалиста, который был старше нас всего на 4–5 лет. Он очень много с нами занимался, и для меня он был по-настоящему первым учителем на производстве. Здесь же, на аглофабрике, я впервые познакомился с исследователями, и тут загорелась та искра любознательности, которую зажег в нас В.Д. Шустицкий. Руководили исследованиями по теме аглофабрики В. Боровков, скромный, много знающий и очень честный человек, и В. Рябов, в будущем главный металлург комбината и главный инженер Главникелькобальта.

Моя тяга к исследованиям и новаторствам была замечена, и я был переведен на должность начальника строящегося отделения сушки гранул. (К сожалению, три года спустя из-за технологических неувязок работы в отделении были остановлены.) Сюда уже пришли новые молодые инженеры, и мне довелось принимать их на работу и быть первым производственным наставником А. Беякова, Д. Бычкова, Д. Хагажеева (ныне генерального директора ГМК «Норильский Никель» и РАО «НН»). До сих пор при встречах они мне напоминают, как я отправил их с работы домой, чтобы они явились в белых рубашках и галстуках на первый пуск цеха сушки гранул. После пуска нас нельзя было узнать, а белые рубашки превратились в серые.

Интересные люди работали здесь, самоотверженные, высокоответственные, умеющие шутить и понимающие шутку. Вот несколько баек из действительности той поры. Начальник аглофабрики М.С. Никифоров был типичным администратором, любил выпить. Впрочем, всего себя отдавал работе.

В.В. Мечев и Ю.Н. Озерских. 1964 г.

Он часто конфликтовал с соседями-обогатителями из-за качества концентрата. Однажды начальник соседнего обогатительного цеха пригласил М.С. Никифорова на мировую под предлогом, что ему с Кавказа прислали баранину. Приглашение было принято. Посидели, выпили, закусили. Выходят из цеха, и вдруг начальник соседнего цеха стал лаять. М.С. Никифоров, благодушно настроенный, поинтересовался, в чем дело. А начальник цеха обезвоживания концентрата объяснил ему, что шашлык был не из баранины, а из собаки, которую он знает и часто видел у него в кабинете. Такая вот месть!

Или еще. Башкир Сулейманов — юморист и насмешник, большой умница, он был главным агломератчиком у молодого мастера — так провел смену, что план был сорван, агломашины стояли, все были в унынии. А в то время директор А.И. Аристов принимал рапорты у диспетчеров каждую смену. В шесть утра молодой, неопытный диспетчер доложил ему о срыве плана агломератчиками. Александр Иванович поинтересовался, в чем дело. Диспетчер вполне серь-

езно доложил, что подул ветер с севера (так ему, неопытному, разъяснил Сулейманов), а при этом ветре агломашины барахлят и плохо работают. Александр Иванович, ничего не сказав более, попросил оставить смену до его приезда. Зная его нрав, Сулейманов закрепил все стулья, телефоны, чернильницы гудроном, а журналы рапортов убрал. Когда в операторскую влетел директор, первым делом схватился за стул, но оторвать его от пола не смог. Схватился за телефон — то же. Умный был человек, засмеялся, и у всех отлегло от сердца. Дальше началось спокойное обсуждение ситуации.

Аглофабрика много дала мне, как инженеру, она воспитала меня и научила уважать человека-труженика. Здесь довелось мне познакомиться с Ю. Жеребцовым — начальником аглофабрики, В.Г. Рябовым, В. Боровковым, впервые здесь я познакомился при трагикомических обстоятельствах с директором комбината В.В. Дроздовым. Надо сказать, что это был период становления Талнаха, и директор постоянно бывал в Москве, решал вопросы финансирования, снабжения, развития и т.д. Но когда возвращался в Норильск, часто посещал предприятия комбината. Я тогда исполнял обязанности начальника аглофабрики, держался до девяти вечера в цехе (что было обычным явлением). Вот в это-то время В.В. Дроздов решил посетить аглофабрику. Надо сказать, он сам был механик-агломератчик и все знал досконально. С собой он привез гостей. С комбината «Южуралникель», где был до этого директором, В.В. Дроздов вызвал бригаду рабочих и мастеров для обследования переделов НГМК. Они уже побывали на заводах и снабдили директора соответствующей информацией. Я встретил их и повел по фабрике. Надо сказать, был у меня в отделении тогда молодой мастер Сидорин (выпивоха и шутник), который взял да и выкрасил известкой агломашину. Дроздов посмотрел, покачал головой и, ничего не сказав, пошел прямо к смесителю. Там он

увидел, как работники подвязывают тесемочками вентиль к трубопроводу. Что тут началось! «Цех работать не сможет, если вентили закрепляют резинкой от женских трусов!» Продолжение разноса происходило уже в его кабинете и далее на каждом совещании, вплоть до его очередного отъезда в Москву уже в ранге начальника главка.

Как я уже отметил, любознательность охватила меня всецело. Да и время было для этого хорошее. Талнах дал второе рождение Норильску. Шли поиски новых технологий. В Норильск зачастили ученые разных профилей. И в эти годы (1964–1966) я познакомился с выдающимися металлургами — профессорами А.В. Ванюковым и Л.М. Шалыгиным. Дальнейшая моя работа была целиком связана с научной деятельностью, хотя мне и пришлось поработать начальником конвертерного отделения никелевого завода, зам. главного инженера медного завода, пока в 1969 г. я не был назначен начальником опытно-исследовательского цеха. В этой должности я и проработал до отъезда из Норильска.

*В.В. Мечев, М. Орехов и М. Хасдан.
1964 г.*

Я счастлив, что основные научные разработки, определившие облик современных предприятий Норильска, были выполнены в тот период, когда я возглавлял науку комбината. Счастлив, что непосредственно от комбината являлся научным руководителем плавки в жидкой ванне, получившей по нашему ходатайству имя Ванюкова, нашего учителя и друга. Счастлив, что благодаря тесному сотрудничеству и работе над проблемами комбината я познакомился со многими учеными и мы стали друзьями на всю жизнь. Трудно что-либо вычленить из этих лет, наполненных творческой работой. Однако наиболее яркие моменты хочется отметить.

Тяжело шла отработка новых технологий. Многие не верили ни в процесс плавки в жидкой ванне, ни в автоклавную переработку пирротинов. А начальник техотдела В.И. Волков на всех перекрестках заявлял, что он прилюдно съест свою шляпу, если новый способ плавки будет действовать. К сожалению, не съел. В огромной степени внедрению новых процессов в металлургию Норильска способствовал Д.Т. Хагажеев, человек дела, способный разумно рисковать, хороший организатор и руководитель. С другой стороны, сильно препятствовали конкуренты, интенсивно проталкивая проект «Кивцет» (кислородно-электротермическая взвешенная плавка). Особенно усердствовали министерские работники. Только благодаря твердой позиции Б.И. Колесникова, Д.Т. Хагажеева и глубокой уверенности ученых Норильска, Московского института стали и сплавов, Гинцветмета, а также головного научно-проектного института «Гипроникель» удалось доказать правильность пути технического прогресса, по которому начал развиваться комбинат.

Несколько слов о директорах и главных инженерах комбината, с которыми мне приходилось работать. Приход В.И. Долгих в период развития комбината был благом и для предприятия, и для горо-

да. Спокойный, эрудированный, вдумчивый руководитель, он оказал благотворное влияние на работу молодежи. Надо отметить, что производство представляло нас практически полностью переучиваться. И тут пример В.И. Долгих был определяющим. С его помощью на комбинате были организованы курсы по подготовке и сдаче кандидатских экзаменов, которые он сам посещал, а вслед за ним и мы. Он способствовал укреплению научных кадров на комбинате. Исследователи всегда знали, что он никогда не откажет им в помощи.

Замечательным главным инженером, особенно в первые годы, был Ю.Д. Лапин, эрудированный, доброжелательный человек, также опекавший исследователей.

Особенно мне хотелось бы отметить вклад Б.И. Колесникова в становление и развитие новых производств. Умный, доступный в простом общении человек, он знал комбинат, как родной дом.

Говоря об исследователях, мне хотелось бы отметить многих замечательных, талантливых ученых, внесших значительный вклад в развитие комбината. Это В.К. Иванов, А. Пахомов, Э. Кулагов, В.И. Перепечин, А.А. Колмаков, А. Колегов, Э.Ф. Коуба, Ю.М. Евлаш, П.И. Бобилов, Н.В. Соболев, М.Г. Васильев, М.Б. Ферберг, Н.В. Калачикова, А.Б. Воронов, А.С. Смирнов, Л. Синев, А.С. Ладыго, А.В. Бугаева, В.В. Боровков, А.П. Гордеев, А.К. Халимова и многие другие. Исследователи работали в тесной связке с проектантами — Н.А. Комнатным, М. Охотиным, Магулой и др. Внедрение новых технологий осуществлялось строителями. В те годы блистали имена А. Зайделя, Д. Муравьева, Л. Анисимова, В. Коляды, В. Непокойчицкого, замечательного механика Л.И. Данилова.

Особенно хотелось бы отметить замечательную спайку норильчан: это было в полном смысле братство, основанное на общих интересах и любви к сво-

ей профессии и удивительному городу за 69-й параллелью. Вспоминается, как в Амдерме или в Сыктывкаре во время долгого ожидания летной погоды люди делились друг с другом едой, деньгами, не спрашивая, кто ты и где живешь. Достаточно было знать, что ты норильчанин.

И это было, было!

***

И еще из воспоминаний того времени (60–70-е годы). Так, мы все очень любили и уважали Нинель Калачикову — огромную женщину с ботинками 44-го размера, — человека большой души, отзывчивости и честности. Она была пиromеталлургом, и страшно было видеть ее с противогазом и трубкой во рту у огнедышащих печей. Во время написания отчетов, сидя за столом, она постоянно что-нибудь жевала, в ее хозяйственной сумке постоянно была провизия — сало, колбаса. Очень забавно было видеть, как она идет по центральной улице от Гвардейской площади и за ней тащится целый шлейф собачек разных пород, которых она временами подкармливала. А поскольку у нее было много знакомых и с ними она, останавливаясь, обменивалась новостями, то около них образовывался забавный круг собак с виляющими хвостами. Н. Калачикова очень много сделала вместе с Н.В. Соболевым по разработке технологии переработки талнахской руды на действующем оборудовании.

Склонностью к розыгрышу обладали исследователи-конвертерщики А.П. Гордеев и В.А. Белосусов. Последний был очень рассеян, за что ему часто доставалось.

Они были охотниками и рыбаками и часто угощали нас своей добычей. Тогда в ходу была такая шутка. Бывало, им ничего не стоило мясом вороны вместо гуся или под видом зайца вымоченным в

уксусе песком накормить работников, с которыми они часто и принципиально спорили по производственным вопросам. Все это не мешало совместной самоотверженной работе.

Был у нас исследователь Э.А.Щ., часто попадавший в медвытрезвитель. А надо сказать, тогда таких товарищей заставляли подметать центральные улицы и фотографии их вывешивали на стендах около кинотеатра. И вот как-то слесарь Петр Шидельман снял эту фотографию. Когда ему самому хотелось выпить, он вывешивал ее как портрет с плакатами членов ЦК в одном ряду, в мастерской, после чего потерпевшему приходилось раскошелиться. Впрочем, все это было незлобно, при постоянном хохоте и подтрунивании и редко было обидно для «жертвы». Очень много анекдотов ходило о Наполеоне Тер-Оганесове — фронтовике со многими наградами, толковом инженере. Его любовь к женщинам не знала ни преград, ни границ. Иногда он приходил с синяками, следами ревнивцев-мужей, и объяснял это упавшей гардиной, иногда они его ловили в управлении комбината и устраивали смешные скандалы.

Надо сказать, что в те времена в Норильске, несмотря на значительный контингент освобожденных из заключения людей и, казалось бы, сильно обозленных, авторитет партии и комсомола был велик. Все дела, связанные с развитием комбината, неразрывно связаны с их деятельностью. Большим уважением пользовались И. Савчук, А.И. Аристов, В. Шустецкая и др. Вспоминаются авралы по подготовке к праздникам или приезду министра и других высоких гостей.

Городились и красились заборы, заменялись лозунги. Иногда возникали анекдотические ситуации. Например, скандал вызвал портрет Ильича с вытянутой рукой и словами «Правильной дорогой идете, товарищи!» в коридоре, ведущем в хирургическое отделение больницы.

Еще пример. Начальник цеха фильтрации однажды ждал комиссию горкома партии по проверке наглядной агитации. Он соответствующим образом оформил цех и успешно продемонстрировал все комиссии. На обратном пути следования комиссии все портреты и плакаты уже висели «вниз головой», но никто этого не заметил. Тем самым начальник цеха убедительно доказал бесполезность этой самой агитации.

Много хорошего связано с именем директора комбината Н.П. Машьянова. Обладая хорошей памятью, высокой эрудицией, он иногда был и злопамятным. Это был человек своего времени: ничего не жалел для выполнения плана — ни людей, ни оборудования. В период его правления комбинат постоянно лихорадило, было очень много аварий. Он помнил всех, кто ему когда-либо перечил, возражал. Вот какой случай однажды приключился со мной и мастером медного завода П. Потылицыным. После защиты диссертации я приехал отдыхать в Сочи и в первый же день встретил Н. Машьянова, которого под локоток вели к ма-

В.В. Мечев и Н. Базаев. Сочи, 1964 г.

шине. После приветствий он пригласил меня к себе в гости после обеда и уехал. Потылицын был хорошо знаком с директором, они молодыми специалистами жили в одной комнате. Я ему рассказал о приглашении, и он сказал, что пойдет со мной. После обеда мы пошли к директору в номер, а П. Потылицын уже побывал в двух пивнушках и, к сожалению, уже был навеселе.

На столе стояли коньяк, рюмки. Лицо директора несколько омрачилось, когда он увидел нетрезвого П. Потылицына, тем не менее он пригласил и его к столу. После двух-трех рюмок П. Потылицын встал и сказал, обращаясь ко мне: «Ну, Валерий, как договорились (этого не было), давай его бить. Он враг комбината. Заходи справа». Я и директор онемели. Спас положение врач, пригласивший директора к себе, я же увел пьяненького Павла. Через две недели по приезду в Норильск П. Потылицын был уволен без права работать на комбинате. Причиной послужил незначительный повод.

Подобные частности не могут заслонить добрых дел Н.П. Машьянова. Будучи до своего директорства главным металлургом и начальником проектной конторы, он много сделал для развития комбината. При нем была проведена успешная газификация предприятий комбината, пущен ряд рудников и многое другое.

Не могу обойти случаев крупных аварий на комбинате в то время.

Особенно много их было в период освоения электропечей на никелевом заводе (1959–1963). Мощные электропечи — 30–40 МВт — содержали в своих ваннах сотни тонн расплава, нагретого до 1400–1450 °С. Часто были прогары, прорывы расплава из печи, что приводило к огромным трагедиям, гибели рабочих и шахтеров, стрессам у видевших это.

До сих пор помню мастера Женю Немыкина, с лихорадочно горевшими глазами рассказывающе-

го возле цеха директору и начальнику цеха об аварии. Вдруг он остановил разговор, повернулся и побежал по рельсовым путям: и тут все увидели, что его спина до черноты была обожжена, пахло горелым мясом. Через несколько десятков шагов он упал, и его не стало. Многие оставшиеся в живых после этих аварий уходили навсегда из металлургии, у некоторых была нарушена психика. Вспоминается огромный выброс расплава из 100-тонного конвертера в смене мастера Петра Антонова. На высоте двадцатипятиэтажного дома была пробита кровля, погнуты балки, нарушены подкрановые пути, в самом цехе на полу — море огненной лавы из расплава шлака и штейна.

Стропальщик Болеховский на вытянутых руках, подпрыгнув, держался за колонну цеха и хохотал, а под ним пузырился, застывая, расплав. Понадобилась сила, чтобы потом оторвать его от колонны. На другой день он уволился, и я встретил его уже работающим в управлении снабжения.

В.В. Мечев на Первомайской демонстрации. 1972 г.

По прошествии многих лет, уже посетив десятки зарубежных и советских заводов и изучив их работу, я до сих пор дивлюсь силе и мужеству людей Севера, бывших эков, работавших в труднейших условиях, умевших даже в трагических обстоятельствах сохранить и чувство юмора, и жизнелюбие. Тот же Болеховский при встречах вспоминал не чувство страха, смертельного страха, а то, как ему было стыдно и неудобно за тот медвежий запах, который исходил от него, когда его отрывали от колонны. «Пахло, как от раздавленного клопа», — посмеиваясь, говорил он.

И все же жизнь брала свое. В пыли и газу цехов зарождалась и расцветала любовь. Нас, молодых да холостых мастеров, порой нельзя было оторвать от мест отбора проб, где работали юные, только что окончившие школу или техникум девушки. Крановщики на 40-метровой высоте прятали в кабинках кранов своих подружек-транспортёрщиц. Порой нельзя было на смене дозваться дежурного слесаря или электрика, а потом вдруг его случайно встретишь целующимся в темном месте цеха. Были просто прославленные «бойцы» на этом фронте, слава о которых гремела и за

В.В. Мечев и З. Косаревская. 1974 г.

стенами цехов. Это уже упоминавшийся Н. Тер-Оганесов, начальник смены Гурашидзе, электромонтер В. Купчик, начальник управления строительства, был среди прославленных на этой стезе и один из главных инженеров комбината.

Да и женщины были красивые на комбинате. Народ был пришлый, со всех концов Союза, по разным причинам оказавшийся здесь. Красотой и редким типом язвительного ума отличалась Л. Говорова, позднее профессор. Обаяние, дружелюбие и склонность к вышучиванию отличали ее сестру Н. Биячуеву — главного химика комбината. А блистательная Е. Суханова — главный геолог комбината? Целое созвездие прекрасных женщин — красавица А. Халимова, умница Э. Коуба, величавая М. Ферберг, участливая А. Бугаева, интересная комсомольская богиня В. Шустецкая и другие украшали Норильск. Разве всех назовешь?

Нельзя не вспомнить министра цветной металлургии П.Ф. Ломако, много сделавшего для Норильска, любившего комбинат и его металлургов. В последние годы жизни он собирался писать новую книгу. Обращаясь ко мне, например, он просил помочь ему припомнить простых тружеников, простых исследователей, роль которых всегда затушевывается «звездными» именами. Многих норильчан он «сосватал» для работы в Москве. В министерстве в разные годы работали замечательные металлурги и горняки — норильчане А.И. Аристов, В.С. Загарский, В.Г. Рябов, В.Д. Шустецкий, А.С. Ладыго, П.Т. Жмурко и др.

Таких министров, как П.Ф. Ломако, уже давно в России нет, вряд ли и будут в ближайшие годы.

Норильские традиции всех нас питают до сих пор. Самое лучшее доказательство этого — норильский клуб в Москве. Он возник не на официальной основе, а на основе любви к замечательному городу, трудной, но благодарной работе на комбинате. Хотелось бы эти традиции сохранить надолго.

А.Е. Воронцов

Елена Воронцова:

*«В нашей семье даже дети
знали, что отца в Чорильск
послал Сталин».*

С 30-х годов отец был связан с Норильском. Насколько я помню по рассказам мамы, в 1931 г. мой отец Александр Емельянович Воронцов работал в Норильской промышленной конторе. Через год в Заполярье родилась моя сестра Ира. В нашей семье даже дети знали, что отца в Норильск послал Сталин. Там отец и другие геологи нашли большие запасы медно-никелевых руд, о чем и написали самому большому начальству. После этого и было решено строить Норильский никелевый комбинат.

Но прежде чем я попала в Норильск в 1934 г., мы с отцом объехали чуть ли не весь Северный Кавказ. Мне было 6 лет, но я и сегодня очень живо помню гостеприимных людей в селениях, поля земляники, заросли ежевики... Куры сидели на деревьях, как на насесте. Как-то, спускаясь с дерева, взялась за сук, а это оказалась змея... Однажды отец повез меня в соседнее селение к парикмахеру. Он постриг меня, не снимая бантика. Маме с трудом удалось найти ножницы, чтобы хоть как-то привести мою голову в порядок. Из селения мы уезжали на лошадях, одна из них, с чемоданами, сорвалась и упала в ущелье...

Первый класс я окончила в Москве. Учебный 1934/35 год и все последующие до выпускного класса я училась в Норильске. А потом мою жизнь определил Завенягин. Он сказал родителям, что я умею и люблю петь и что мне надо учиться музыке и пению. Владимир Климентьевич Котульский, крупный ученый-геолог, тогда отбывавший срок заключения в Норильлаге, написал письмо своей сестре Елене, солистке Большого театра, с просьбой по-

слушать меня. Так я рассталась с Норильском, но не с норильчанами — с ними я дружу и теперь.

Помню свой первый долгий и трудный путь в Норильск через Красноярск, Дудинку... Почему-то больше всего удивило, как долго мы тряслись (буквально!) по узкоколейке до Норильска...

Приехали, а наша квартира оказалась занята... С жильем было плохо, и отец пригласил к себе на постой специалистов. Завенягин увидел, какая тут перенаселенность, и на другой день всех расселил. А сам Завенягин позже полгода жил у нас, в кабинете отца. В другой половине дома в 35 году жил директор комбината В.З. Матвеев с семьей. Лидия Карловна дружила с мамой, и мы, дети, ели друг у друга, играли вместе... С младшей дочерью Матвеевых, Кимой, я училась в одном классе.

Лагерная жизнь, которая нас окружала, нам, детям, казалась обычной. Мы не задумывались, почему колонны заключенных идут по утрам и вече-

Софья Георгиевна Воронцова, жена А.Е. Воронцова. 1945 г.

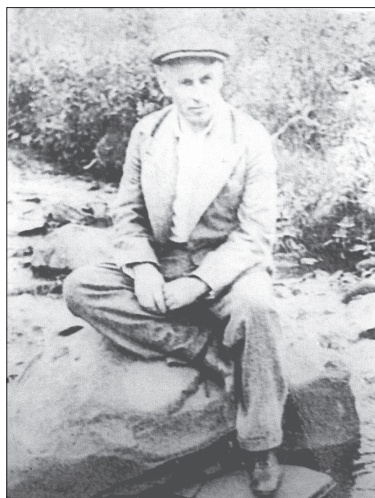

рам по поселку. И только иногда некоторые события заставляли и нас, детей, почувствовать что-то неладное в поселке.

Однажды я увидела, что отец стал на работу ходить с пистолетом. Возле нашего дома почему-то поставили будку с охраной. Нам сделали снежную горку — мы катались с нее, а дальше ходить на прогулку нам запретили. Помню, слух прошел, что нас, детей начальников, вроде бы проиграли в карты заключенные...

А когда забрали самого главного начальника в Норильске Матвеева, потом Крахмана, мы, дети, очень переживали за своих друзей... Позже вместе с женами арестованных выслали и детей... Нам никто ничего не объяснял (не принято это было в те годы!), но мы очень хорошо понимали слово «забрали», как самое ужасное несчастье.

И еще одно потрясение помню. Обычный пейзаж: идут серые толпы заключенных. И вдруг в колонне я замечаю врачей И.З. Шишкина, А.А. Баева, В.Е. Родионова —

*А.Е. Воронцов в Норильске.
1935 г.*

они лечили и оперировали меня. Шишкин тоже увидел меня и приветливо помахал мне рукой. Я прибежала домой, и со мной случилась истерика, так я ревела. Мама с трудом успокоила меня... Родионову, спасшему многие жизни с первых дней пребывания в Норильлаге, со временем разрешили оставаться ночевать в больнице, а медицинских светил, академика Баева, хирурга

Шишкина, каждый вечер уводили в казарму лаготделения.

В моих детских воспоминаниях Норильск так и остался городом контрастов. Мы, дети начальников, не нуждались ни в чем. Нам и игрушки привозили, и яблоки, и виноград. Да все ребята, которые ходили в детский сад, хорошо питались, нас многому учили. Моя мама была заведующей детским садом, и я помню, как здесь расписывали стены, как интересно

было самим мастерить игрушки на елку... Мы обсыпали блестками вату, вырезали, клеили...

Я очень любила петь, в школе у нас была хорошая художественная самодеятельность. Помню, мне привозили пластинки, и я по ним учила песню По-красса. В Норильске я полюбила не только петь, но и рисовать. Рисую до сих пор, в том числе и Норильск — по памяти...

...Конечно, у нас, школьников, были свои интересы. Мы часто уходили на лыжах в горы: ничего не боялись! Как-то раз мы шли на лыжах, человек шесть, впереди наша толстушка Айка Табачникова. И вдруг она исчезла на наших глазах! Подходим: лыжи есть, а Айки нет. И только когда пригляделись к этому месту, заметили щель, в которую и провалилась наша подруга. Вытащить ее сразу не смогли — заледенела щель, стала скользить от частоты спускающихся туда заключенных. Почему мы

*Елена Воронцова,
девятиклассница первой
норильской школы*

так подумали? А потому что внутри были лежаки, продукты. Возле лаза стоял мешок гречки, великоватый для такой входной дыры, а разобрать его еще не успели.

Мы на обратном пути думали, сказать или нет взрослым о нашем открытии? Понимали: заключенные или побег готовили, или место отдыха соорудили... Единодушно постановили молчать.

Заклученные никогда не обижали норильских детей. Мы и за грибами ходили далеко, и по-настоящему боялись медведей, а не эков. Однажды собирали красную смородину на Угольном ручье. Едим, переговариваемся и вдруг замерли — рядом с нами смородину ест медведь. Мы побежали от него что есть силы, а он и ухом не повел. Об этом мы тоже не рассказали родителям.

Школьные годы в Норильске были счастливой порой моей жизни. Учиться было интересно. Учителя были нам старшими товарищами — на переменках они катались с нами с горы! Какие балы у нас устраивали на Новый год, какие концерты мы давали в своей школе... Нас учили музыке, пению,

*Мирон, друг семьи
Воронцовых*

рисованию, игре на инструментах, причем учили знаменитые высокообразованные люди, мы и не задумывались, что они были заключенными, — это было как бы за скобками нашей жизни. Помню обаятельного, обходительного пианиста Юрия Васильевича Киркорова... Много лет спустя (я уже консерваторию окончила и Строганов-

ское училище) встретила его с женой в Рузе... Почему-то даже не подошла... Мне, уже взрослой, не захотелось тревожить его память о Норильлаге, который наверняка поломал его жизнь...

Детская память избирательна. Я, например, хорошо помню долганина Мирона, его фотография сохранилась в нашем семейном архиве. Жену его звали Дуней, и он хвастался: «Сколько олешек я дал за нее!» Он жил в тундре. Когда ехал через поселок, обязательно на ручку двери нашего дома привязывал оленьи языки, куропаток... Бывало, и навещал нас, мы тоже старались его угостить на славу. Он мне в подарок унтики привез — маленькие унтайки, которые Дуня сама бисером вышила.

Лето в Норильске. Руководители Норильской промысловой конторы (слева направо):

М.П. Шумилов — геолог, И.П. Зарембо — директор конторы, Л. Шумилова — корректор, Лена Воронцова, С.Г. Воронцова — техник-геолог (стоит), в дверях А.Е. Воронцов — гл. инженер комбината, за спиной Воронцовой Л.С. Горшков — геолог. 1934 г.

Е.А. Воронцова — редактор музыкальной редакции Всесоюзного радио. За 18 лет работы на Всесоюзном радио она получила дипломы за известные всей стране передачи «Где же вы, друзья-однопольчане?», «Солдат возвратился домой», «Да разве об этом расскажешь, в какие ты годы жила?»

... Я очень тепло вспоминаю Завенягина. Он приходил к нам по выходным дням и обязательно спрашивал:

— Лена, где хрустики?

Даже когда не хотелось, я пекла хворост для Авраамия Павловича — уж очень он его любил. Жаль, что он так рано умер. В нашей семье считали, что он просто надорвался на работе. И облучился, конечно. В Норильске он трудился недолго, но скольким норильчанам, уже будучи в Москве, он помог... Завенягин был необычайной доброты человек... Хорошо, что он не дожил до нашего семейного позора...

Я, конечно, понимаю, особенно сейчас, с высоты собственного житейского опыта, что мой отец Александр Емельянович Воронцов работал всю жизнь много и трудно. Его уважали, его ценили, за труд наградили достойно... Но в семье он был страшный человек. Своего зама, друга семьи Адриана Нелюбина, который и в молодости упрекал и даже стыдил его за увлечение женщинами, бывало, выгонял из дому. В последние годы жизни он привел в дом чужую женщину...

А.Е. Воронцов

А я до последнего дня бегала кормить отца в свой собственный перерыв: отец плохо видел и без нас обходиться не мог.

Все первопроходцы Норильска, а к ним безусловно относится и мой отец Александр Емельянович Воронцов, со временем как бы исторически забронзовели. А они были живые люди и в чем-то даже несимпатичные и жестокие. Вот почему я впервые рассказала о том, каким был жизненный финиш А.Е. Воронцова.

А.Е. Нелюбин

Ада Нелюбина:

*«...на секундочку отпустила
руку. Меня тут же подхватило
и понесло...»*

За год до войны (а то и больше) мой папа Адриан Ефимович Нелюбин уехал работать в Норильск, а через два года и мы с мамой отправились на Крайний Север. Мне было тогда 8 лет, я училась в первой норильской школе, и, казалось бы, давно бы уже из детской памяти должны улетучиться события той далекой жизни. Но нет! Норильск запомнился своей необычностью, интерес к нему сохранился до сих пор. Даже сводку погоды и сегодня воспринимаю избирательно и всегда слушаю, какая нынче погода в Норильске.

Помню, как меня удивил полярный день: ночью во всю светит солнце! Не хотела ложиться спать. Зимой мы любовались сполохами северного сияния. Спиной ложились на снег и, глядя в небо, наблюда-

ли за игрой красок. А уж когда в середине февраля показывалось первое после полярной ночи солнце, мы как по команде всем классом бросались к окнам и вопили от радости!

Никогда не забуду норильское лакомство... Наш сосед с большого медеплавильного завода ходил в тундру на охоту — приносил зайцев и куропаток. Куропатку в сметанном соусе запомнила на всю жизнь как самое вкусное блюдо.

Тогда в Норильске фруктов-овощей не было. Их заменяли северные ягоды. В двадцатилитровые бутылки засыпали бруснику и ели ее с сахаром и без, даже с мясом готовили. А в школе каждый день нас заставляли пить хвойный экстракт — как мы не любили эту настойку от цинги...

Мой папа был заместителем начальника геологического управления. К Александру Емельяновичу Воронцову, начальнику управления, мы ходили в гости. Они жили напротив нас, но, бывало, перейти дорогу втроем (я, папа и мама) мы просто не могли из-за сильного ветра. Тогда папа крепко ухватывал меня за шкурку, заводил в дом, крепко закрыв за мной дверь, и шел за мамой, которая ждала его на другой стороне, обняв столб.

Однажды в пургу, когда в школу за нами с Ирой Воронцовой пришел кто-то из взрослых, я по дороге домой нечаянно на секундочку отпустила руку. Меня тут же подхватило и понесло... К счастью, на пути попалась большая куча угля, и я сообразила ухватиться за нее руками и ногами. А тут и наш провожатый с Ирой подбежал ко мне...

Конечно, я видела, как колоннами ведут заключенных, но тогда я не понимала, что к чему, и даже не задумывалась над тем, кто они такие, почему ходят под конвоем. Мне больше запомнились так называемые дневальные, те же зэки: они убирали на кухне, носили в дом уголь, а вечером уходили ноче-

вать в лагерь. Я помню, их всегда жалели и подкармливали.

Однажды такой заключенный спас соседскую девочку. Была не очень сильная пурга, и она вышла погулять. Видно, замерзла и от ветра спряталась возле большого ящика с углем — у всех домов тогда такие стояли. Девчонку уже почти снегом засыпало, когда ее заметил чей-то дневальный. Он подхватил ее на руки и постучал к нам: «Не знаете чья?» А мы и ахнули: «Это же наша Нелька!»

Сейчас понимаю, что многие дикие приметы жизни Норильлага тогда воспринимала как должное и потому, что была ребенком, и потому, что никто никогда вслух ничего не обсуждал... И все же один человек из заключенных выделялся особо — это Владимир Климентьевич Котульский, чьим именем позже назвали в Норильске улицу. Седой, с бородкой, известный геолог из потомственных интеллигентов. Я тогда уже знала, что он знаменитый зэк, которому лагерь заменили ссылкой, потому что Котульский столько знал и умел. К нему из Ленинграда жена приехала, а его сестра — все знали это! — Елена Климентьевна Котульская пела в Большом театре.

А еще я помню, как в войну по Норильску матрос с Диксона в бескозырке ходил, — его от смерти спас еще один знаменитый арестант доктор Родионов. Его все так и называли: врач-кудесник. Тогда о сражении с фашистами на Диксоне знали даже дети. Раненого матроса прооперировал доктор Родионов и тем самым вытащил его с того света. Доктора тогда наградили, вот только не помню чем...

Сейчас вот смотрю на старые фотографии, вспоминаю одноклассников... И ловлю себя на мысли, что фамилии-то их уже не помню... Вот мы выходим из ворот старого стадиона... Вот бы тогда сообщить и записать фамилии первых учеников пер-

вой норильской школы... Но тогда казалось: разве забуду их когда-нибудь?

Десятилетку я окончила в Москве. Здесь же поступила в институт иностранных языков. С первого трудового дня до самой пенсии проработала в институте ВСЕГИНГЕО переводчиком в отделе научно-технической информации. Норильская дружба с семьями Воронцовых, Лисюк перешла к детям и продолжается до сих пор...

В.Л. Гарфункель

Наталья
Гарфункель (Бубновская):

*«Отец написал маме:
ради дочери ты должна
быть свободна от меня».*

Я родилась в Норильске и прожила в нем до пятнадцати лет. Уехала в Москву и долго не могла к ней привыкнуть — ночами мне снился заполярный город...

С Норильском связана история нашей семьи. В 1938 г. моего отца Владимира Львовича Гарфункеля после Тайшетского лагеря привезли в Норильлаг, где условия были получше. Отец говорил, что ему все время везло: дали маленький срок — 5 лет за недонесение на врага народа, это был его друг. Кроме того, маму даже не арестовали, всего-навсего выгнали с работы.

Отец написал маме: ради дочери (это моя старшая сестра) ты должна быть свободна от меня. Мама этой свободы не приняла, а везде хлопотала за мужа. По обычаям того времени, родители свой брак в загсе не регистрировали, это считалось мещанством. И благоразумные следователи, знакомые советовали маме помалкивать, чтоб неприятностей было поменьше. Ей даже хорошую работу предлагали — мама в совершенстве знала немецкий язык. Но она всем говорила твердое «нет» и добивалась, чтоб у нее для мужа взяли посылку, письмо...

Наконец и ей повезло — после долгих мытарств взяли на работу учителем в школу. Мама с сестрой страшно голодали. Многие не понимали, чего ради она, интересная женщина из потомственного дворянского рода Поляковых, приносит себя в жертву некрасивому еврею из простой семьи, который даже ниже ее ростом.

А мама и папа очень любили друг друга всю свою жизнь. И отсутствие отметки в паспорте совершен-

но не влияло на их отношения. Когда в 1947 г. в Норильске родилась я, отцу в роддоме сказали:

—Что же в метрике вашей дочери в графе «отец» будет стоять прочерк?

Вот тут отец задумался, сам сходил в Норильский загс (тогда его, занимавшего большой пост на комбинате, уже знали все), «сам с собой» расписался (мама в этой процедуре не участвовала) и принес свидетельство о браке 5 февраля 1947 г., хотя фактически документ должен был датироваться 1932 г. Рассказывали, как он пришел в роддом и демонстративно помахал бумажкой...

Мне кажется, что Владимир Львович Гарфункель всю жизнь исповедовал неписанные правила политзэков. Когда друг отца Леон Агасиевич Айвазов упал в голодный обморок, отец отдал ему свою пайку хлеба. Папа рассказывал, что Айвазов тогда был очень худой. В те же годы и ему самому после обморожения ног другой зэк отдал свои валенки. Причем валенки первого срока, как подчеркнул отец, — значит, почти новые... Вот так товарищи по несчастью спасали друг друга...

Несправедливое наказание не озлобило отца. Когда в 1955 г. его реабилитировали, он тут же вступил в партию. Он был убежденным коммунистом и считал, что сам он пострадал по ошибке. Работал он неистово, не щадя себя, — так работали многие. Недаром вчерашние политзэки становились руководителями комбината. Например, Леон Агасиевич Айвазов дослужился до главного бухгалтера комбината, отец был заместителем начальника управления строительства.

Отец освободился первым — Айвазов еще сидел. При каждой возможности он подкармливал друга.

Помню слова отца: «Просить о помощи всегда трудно, надо стараться помочь человеку до того, как он собрался сделать это». Так поступал мой

отец, так поступал Айвазов, так поступали люди их поколения, хлебнувшие лиха в Норильске. Само это слово «Норильск» было паролем для многих. К нему многие обращались — он никогда никому не отказывал. Отец видел у него блокнот, густо исписанный: устроить в больницу, билет на поезд, помочь устроиться на работу...

А трудилось поколение моего отца буквально с утра до ночи. Уже поздно даже для ужина, а отец поест и снова на работу. Так было в Норильске, так было в Москве, когда он был директором деревообрабатывающего комбината. Страх так работать не заставит — надо только хотеть этого самому.

Отец считал, что в Норильске люди честнее, добросовестнее, добрее. А я думаю, что люди на добро отвечали ему добром. Когда его провожали к поезду на Дудинку, многие прохожие спрашивали: митинг? Такая толпа пришла провожать Владимира Львовича Гарфункеля. Кое-кто провожал его до самого теплохода... Не зря он так долго откладывал свой отъезд из Норильска, которому отдал 25 лет своей жизни. Он долго привыкал жить без города, в котором переплелись его личные несчастье и счастье. Его долго звали вернуться на работу в Заполярье, но здоровье уже не позволяло ему жить на Крайнем Севере.

Владимир Львович Гарфункель полгода не дождался до золотой свадьбы, он умер от очередного инфаркта в 1981 г. Мама говорила, что это был запоздалый выстрел из Норильлага. До последнего дня у родителей были самые нежные отношения. Когда папа лежал в больнице, а мама в какой-то день не могла прийти, она писала отцу письмо в запечатанном конверте и посылала его с нами. Он обязательно отвечал ей. Они читали листки как влюбленные, никому не показывая. И однажды я все-таки спросила у мамы:

— О чем так много можно писать друг другу, не видевшись день-другой?

И мама ответила:

— Мы прожили трудную жизнь, и нам есть что вспомнить. Отец написал, что нам часто везло, но самое большое везение: у нас хорошие дети.

Мое детство, школьная жизнь прошли в Норильске — это были счастливые, интересные годы. Хотя сейчас я понимаю: нас держали в строгости. Капроновые чулки, большие банты, часы даже старшеклассницам не разрешалось носить. Никто нигде не курил в школе... Помню свою первую учительницу Анну Владимировну — сколько в ней было тепла! Она всегда старалась чем-то порадовать бедных, ведь большинство жили в балках, бараках и были детьми зэков. И ведь мы никогда, даже на словах, не отделяли их от себя, как, например, это делают сегодня по отношению к кавказцам...

Конечно, я видела колонны заключенных, но это была обыденность. Помню восстание 1953 г. Впрочем, нас тогда не пустили в школу — занятия отменили. Но не так, когда объявляли активировку из-за мороза или пурги, когда мы высыпали во двор или дружно шли в кино. В те дни мы сидели дома.

Я знала, что мой отец сидел. Из этого не делали тайны, но этого и не стыдился никто. Это не мешало мне свято верить в комсомол. Тогда не принимали всех подряд, а только действительно лучших. Мы долго готовились к этому событию, много читали. Отказ в приеме был бы настоящей трагедией, позором для меня. Я так волновалась, когда пришла на заседание в горком комсомола!

— Назовите фамилию, имя.

Назвала.

— А, это дочь Гарфункеля! — сказал кто-то. — Иди и будь похожа на своего отца.

Мне не задали ни одного вопроса.

Помню, как я больше стеснялась, чем радовалась появившемуся в доме телевизору. По средам,

субботам и воскресеньям «на телевизор» ко мне приходили дети — в эти дни работала местная телестудия. Показывали фильмы, журнал «Новости дня», беседы с руководством комбината. Первым диктором была Зинаида Стегний.

Однажды я тоже принимала участие в телепередаче. Клара Михайловна Федирко заведовала библиотекой окружкома профсоюза. Я часто ходила в библиотеку — не только брала книги, но и участвовала в конференциях, конкурсах. Кларе Михайловне было тогда 27 лет, а мне — 15. Она заметила меня и давала читать толстые журналы «Юность», «Новый мир», а также Ремарка, Хемингуэя... Мы тогда читали взахлеб!

И вот Клару Михайловну и нас, читателей, пригласили на телевидение, чтобы рассказать об игре «Путешествие в завтра». Мы писали сочинение о будущем Норильска, отвечали на вопросы. Я заняла второе место. В павильоне телестудии устроили для нас настоящую репетицию: куда смотреть, где стоять, о чем говорить. Главное было — уложиться в отведенное время. Не помню, чтоб я волновалась. Только оказалось, смотрела-то не туда — в сторону, а не на телезрителей. И подсказать, переделать что-то было нельзя — тогда на телевидении был только живой эфир.

В детстве я любила ходить к отцу на работу — крутила селектор, самую большую диковинку, промокала пресс-папье бумаги. Однажды пришла, а отец на совещании. Чтоб не скучать, попросила проходившего работника купить мне пирожное в буфете: «Мой папа — Гарфункель, вот придет с совещания и заплатит». Мою просьбу выполнили. Но как же был потрясен мой отец «низшей степенью моего падения»! Мы прошли с ним по всем кабинетам, и я не узнала своего благодетеля. А его или не было, или он не сознался... Это был последний раз, когда я была у отца на работе.

Еще был случай, когда отец дал мне урок на всю жизнь. Я очень часто болела, и потому зимой поверх шапки мне повязывали платок. Можно представить, как я ненавидела его и стыдилась в нем ходить: как-то взяла и выбросила платок в сугроб и пришла в школу как все. Пришла домой без платка. Мама заволновалась, побежала в школу. Подозрение пало на уборщицу, та плакала... А весной дворничиха принесла платок, который открылся после таяния снега. Отец два месяца меня не просто не замечал, а обходил как пустое место. Только одно сказал: «Подставлять людей — самое последнее дело». Тогда мне было 8 лет. Уже 20 лет отца нет в живых, а этот урок я и теперь помню.

Отец всегда разделял Сталина и партию. Когда Сталин умер, у пострадавших от репрессий прибавилось сил и надежд. Айвазов так плясал с кинжалом в руках, от радости вопя: «Наконец-то подход!» — что его еле остановили... Еще в Норильлаге отец с Айвазовым были уверены, что именно Сталин погубил Кирова, Орджоникидзе...

После XX съезда отец запоем читал газеты, Солженицына, Булгакова... Он не всегда соглашался с Солженицыным. Вернее, отец считал, что надо написать и о том хорошем, что было в ГУЛАГе: разве еще где-то можно было встретить столько умных, интересных и светлых людей, какие были в Норильлаге? Ведь это они задали тон в общении людей, а главное — обеспечили творческий и технический прорыв при строительстве и развитии комбината... А какие должности занимали бывшие зэки потом! И никто не загордился, не отгородился от простых людей...

М.М. Коротаева (Борун)

Мая Коротаева (Борун):

*«Мы – дети своих отцов,
матерей и твои,
город нашего детства!»*

ДЕТИ И КАПУСТА

Норильск любил своих детей. Мы были одеты в красивые школьные формы: девочки — в чистошерстяные темно-синие платья с черными с пелериной фартуками. У мальчиков — суконные брюки и кители, да, да — настоящие, как бы офицерские кители с позолоченными форменными пуговицами. Даже самые неказистые из мальчишек казались стройными и значительными, не говоря уж о таких, как Джим Грамп, Борис Лисюк или Виктор Родионов, Коля Колесник!

Форма шилась по индивидуальным меркам в ателье, сидела на нас очень хорошо. Мы были нарядными и очень уверенными. Не хватало нам только витаминов и сладкого. Все сухое — картошка, капуста, морковка, лук. А конфет вообще не было как таковых. Но по субботам каждый получал в школе талончик, который давал право купить в магазине банку сгущенки, — уже праздник! А уж о фруктах мы даже и не мечтали, как будто их не было на свете.

И все же мы были сыты, было много вкусных мясных американских консервов, яичный порошок в красивых коробочках, покрытых парафином, куропатки, золотистая большая рыба. После голодной жизни в Москве я была в восторге от новой еды, и однажды набросившись на пышный яичный омлет и съев его в неразумных, вероятно, количествах или качество порошка было таково — так отравилась, что меня трудно спасали, а впечатления остались до сих пор. Омлетов ни видеть, ни есть не могу.

Эта история случилась, кажется, зимой 1948 г. Была пурга с сильным ветром. Учились только старшие классы. Наша школа стояла на берегу незамерзающего озера, как и местная ТЭЦ. Через озеро — мост с короткими столбиками по обочинам.

На большой перемене кто-то из ребят у окна весело крикнул: «Смотрите!» Все кинулись к стеклам. Недалеко от берега в воде торчал кузов грузовика, нос которого был под водой. В воде что-то плавало — светлое, круглое, мы не могли понять что.

Вдруг кто-то тихо и как-то растерянно сказал: «Капуста, это кочаны капусты». Только мгновение мы соображали. Затем бросились из класса, толкаясь, спеша, в коридор, дальше бегом по лестнице вниз, на первый этаж, мимо раздевалки, к входным дверям и стали выскакивать на улицу. Захлебываясь от ветра, подхваченные им, падая, скользя, не чувствуя холода, мы мчались в полном молчании к берегу, скорее к берегу. Кочаны плавали близко к берегу, вокруг никого. Схватив по кочану, мы мчались назад. В классе кинулись за свои парты — и началось...

Молча, не произнося ни слова, мы рвали листья капусты руками, зубами, остервенело, жадно. Стоял хруст, чавканье. Грязные листья запихивали в рот двумя руками, давясь, торопясь...

Когда раздался голос завуча, никто даже не взглянул на нее, не видел, как она появилась. Она что-то говорила, что надо вернуть капусту, шофер жив, он выплыл. Она говорила, а мы молча продолжали рвать капусту и жадно есть. Ее слова звучали откуда-то издалека, не доходя до нашего сознания: «Ребята, остановитесь. Ведь шофер будет наказан, он из «зоны», верните капусту». И тут мы что-то уловили. Стали оглядываться, останавливаться. Стали вставать, шли к учительскому столу, оставляли на нем жалкие остатки капусты. Мы сидели как во сне и стали понимать, что произошло что-то ужасное. Уловили слова о том, что капуста предназначалась «высокому начальству». Ждали разноса, разбора, наказания, но ни страха, ни раскаяния почему-то не было. Но... нас не наказали! Нам не сказали ни слова упрека! Уроки продолжались... Норильск любил своих детей!

ДЕТИ И ТЕАТР

В школе был объявлен праздничный концерт. Обещали музыкальный театр, ну и конечно — наша школьная самодеятельность. Но мы ждали артистов! Волновались, надели свои лучшие наряды, зал был переполнен. За закрытым занавесом настраивались инструменты, что-то двигали, приколачивали. Мы терпеливо ждали, замирая от счастья.

И наконец занавес открылся. Сцена сияла, светилась, блестела огнями, цветами, какими-то чудесными украшениями! Мы, замерев, слушали отрывки из оперетт, опер, сценки из спектаклей. Артистки были в великолепных платьях, прическах, с красивыми украшениями, мужчины в черных костюмах, в белоснежных рубашках с бабочками — все красивые, веселые. Оркестр небольшой, но очень хороший.

В заключение их концерта мы вместе с артистами спели наш любимый «Енисейский вальс». Очень не хотелось отпускать артистов, и мы хлопали, хлопали. И нашу самодеятельность как-то уже не хотелось смотреть.

Решили вдруг бежать, посмотреть на артистов вблизи, проводить их хотя бы издали. Пробежав по коридору второго этажа, затем первого, мы услышали голоса в одном из классов и поняли, что там они, артисты. Тихо, на цыпочках, подкрались мы к двери, которая была чуть-чуть приоткрыта. Первой заглянула Инна Пономаренко — и вдруг отпрянула, прошептав с ужасом: «Это не артисты, это — ээки!»

Следом заглянула я и тоже не поверила своим глазам — в едком, густом махорочном дыму увидела фигуры людей, сидящих на партах, расхаживающих по классу, и это действительно были ээки. Мы знали их — они чистили дороги, откапывали дома после пурги, строили дома, долбили землю, все одинаковые — в серых телогрейках, серых шапках-ушанках, с недобрыми глазами. Мы боялись их. Так

зачем они здесь, что делают? И тут я увидела нечто, что сразу отрезвило, — мешки, ящики, из которых виднелось что-то яркое, красивое. Да это же костюмы, инструменты наших артистов. Это — они, они!

Растерявшиеся, испуганные, стояли мы у двери, пока не услышали голоса в коридоре, — кто-то шел к классу. Мы бросились прочь и увидели, как серые фигуры выходили, выносили костюмы и шли к выходу. Не было женщин, мужчин — все одинаково серые, унылые, молчаливые. У школы стояла серая крытая грузовая машина, куда люди погрузились и уехали. Мы поняли — в «зону». А мы все стояли, не в силах осознать виденное, понятное, в головах недоуменный вопрос — ну зачем так? почему?

В зал мы не вернулись, не могли. Когда уже сейчас я пою «Енисейский вальс», всегда вспоминаю тот далекий концерт и трагедию души, пережитую нами, детьми.

ДЕТИ И ЕНИСЕЙ

Норильск любил своих детей. И всех до одного на все лето отправлял в пионерский лагерь на берегах Енисея — село Атаманово, совхоз «Таежный». Город оставался «бездетным», и в нем все лето было даже жутковато — идешь по улицам, а детей нет.

А по Енисею плыл красавец-теплоход «Серго Орджоникидзе» — целый детский город. Было весело, дружно, очень интересно. Нас нельзя было оторвать от бортов — уходили мы из Дудинки под вой пурги, но прямо на глазах тундра переходила в весну, в леса, а затем и в лето с могучей тайгой. Мы ликовали. На стоянках бегали на берег, к кустам, покрытым уже зелеными нежными листьями, рвали их и ели, ели, не зная даже, съедобны ли они. Впечатления были таковы, что некоторые ребята вдруг начинали уединяться, что-то писать, воздев глаза в небо, и было понятно — пишут стихи.

На теплоходе происходило прощание с нашими мальчишками — лагеря формировались по «половому признаку»! Наш — девчачий — был прямо на берегу Енисея, а мальчишки обитали в глубине тайги, за нами.

Жили мы в простых, деревянных бараках с двойными деревянными нарами и одним маленьким окошком, но нас это не удручало. Жили славно, весело, с кострами, песнями, походами, купанием, концертами, парадами. А вокруг тайга с ее тайнами, зверьем серьезным, ягодами, птицами, но строго-настрого запрещалось выходить одним за забор лагеря и тем более купаться вне пляжа и вне расписания. Могучий Енисей и притягивал, и пугал нас — сильное течение беспощадно забирало с собой тех, кто не умел справиться с ним. Были и его жертвы.

Несколько раз за лето мимо нас проходил вверх и вниз по Енисею наш плавучий дом — теплоход. Мы знали его график и ждали, чтобы встретить и проводить. Был свой ритуал. Теплоход притормаживал на середине реки, напротив лагеря, и давал долгий гудок. Мы все мчались на берег, и дружный хор кричал: «Иван Гурьяныч, счастливого пути!» Наш любимый капитан отвечал в рупор: «Спасибо, ребята, хорошего отдыха!» А от берега к теплоходу шла лодка с пирогом, испеченным специально в подарок от лагеря. Пирог передавали на борт, лодка отходила подальше, и только тогда, прогудев прощально, теплоход трогался в путь. Все это доставляло большое удовольствие и нам, детям, и взрослым.

В конце лета, бодрые и окрепшие, мы по Енисею возвращались в Норильск, иногда позднее 1 сентября. За лето привыкали к теплой, сытной, веселой жизни в «Таежном». Но никогда я не забуду первого своего сезона — лета 1946 года. Сразу после выгрузки с теплохода, оставив вещи, мы шли в столовую. Там стояли длинные-длинные столы, а на них, чередуясь, стояло множество глубоких тарелок с бул-

ками, сливочным маслом, медом. Новички робели, когда им говорили: «Ешьте вволю, никаких порций!» Освоившись немного, мы начинали пировать. Нас откармливали. А время было тяжелейшее, страна голодала.

Норильск любил своих детей.

***

Разбирая свой норильский архив, я нашла и свои детские стихи о Енисее и лагере:

Все гуще и выше леса становятся,
Все ближе подходят к воде,
И ласточки выются, как быстрые стрелы,
Мелькают, щебечут везде.
И вот уже скоро наш лагерь «Таежный»,
Который так часто нам снится во сне,
И скоро опять у костра будут песни,
И булки, и масло, и мед на столе.

Конечно, это совсем неважные стихи, но «документ эпохи», так сказать.

Много хорошего, порою трагичного хранит детская память, альбомы с рисунками «на память», записями тех далеких норильских лет. О многом хотелось бы рассказать. Но мы живем не только прошлым. Норильск связал нас особой какой-то дружбой — нежной, крепкой, верной. Нам очень хорошо, когда мы собираемся вместе здесь, в Москве. Мы помогаем друг другу в беде, мы чтим память уже ушедших из жизни своих одноклассников. Наше норильское братство родилось как наследие наших родителей, умевших жить, любить и дружить даже в невыносимых условиях норильских лагерей и тюрем.

Мы — дети своих отцов, матерей и твои, город нашего детства!

Спасибо тебе! Мы любим тебя, Норильск!

А.А. Брилева. 1960 г.

Альбина Брилева:

*«...главное богатство
норильских мест – не медь
или платина, а люди!»*

«СТАЛИН ЛЕЖИТ И БРЮКИ ЗАСТЕГИВАЕТ...»

Летом 1945 г. мы с мамой плыли на барже в Дудинку... Когда мне было два года, отца призвали на военную службу, а вскоре началась война. В 1942 г. мы получили на отца похоронку. И хотя мама работала в Красноярской конторе Норильского комбината, а ночами подрабатывала на ремонте помещений, мы страшно нуждались. Наша жизнь изменилась к лучшему после встречи с Михаилом Львовичем Кронфельдом, моим отчимом. Он работал в Норильске на комбинате — мы ехали к нему.

Детские впечатления врезаются в память на всю жизнь. Мне было мало лет, но я помню долгое путешествие в Норильск, помню, как в дороге мы отравились бобами, «большим горохом», как сказала наша попутчица. А может, голодные желудки просто не справились с этой «зеленью»...

*Медсестра Анна Никифоровна
Шагина (1941 г.), сестра матери
А.А. Брилевой, пройдя всю войну,
приехала работать в Норильск
в 1945 г. Начинала в
медсанчасти лагеря.
Похоронена в Норильске
в 1978 г.
Ее дочь Нина Алексеевна
Шагина работает и сейчас в
Норильске.*

В Дудинке нас встречал Михаил Львович, который стал мне настоящим отцом. В Норильск он попал как большинство его жителей. На Украине был одним из комсомольских лидеров. По доносу арестовали его до войны. В Днепропетровске остались жена и сын, которых в войну расстреляли гитлеровцы. Ко времени нашего приезда репрессированный Кронфельд уже занимал должность зама начальника управления торговли Норильского комбината. Конечно, поначалу эта должность называлась по-другому, но не это важно, а то, что Михаил Львович на этом посту проработал до 1968 г. и всегда имел репутацию, выраженную в двух словах: безусловно честен.

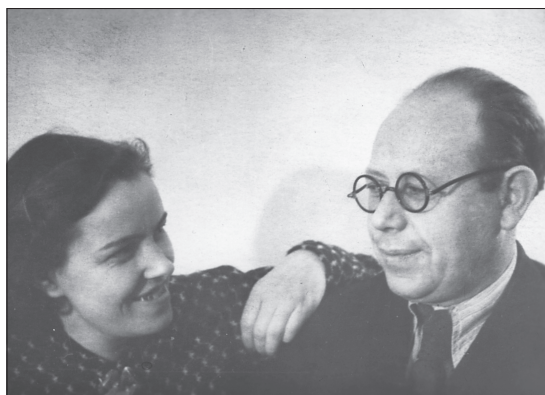
Я называла и считала своим отцом Михаила Львовича — родного отца не знала, пока он не объявился в Норильске в 1946 г. Он приехал забрать нас, а мы с мамой отказались. Думаю, у мамы были веские основания для этого, а меня, ребенка, она просто пожалела и не стала объяснять, почему он не давал знать о себе столько времени. Я не знаю этого и до сих пор.

До появления отца мама была членом партии. Какие страшные дни мы пережили тогда! Маму обвинили в том, что она оставила фронтовика и вышла замуж за врага народа. Ее за это исключили из партийных рядов. Я, школьница, испытала то, что никогда не должен испытать ребенок. Учителя говорили мне: «Оставь мать, уезжай с отцом...»

Настал день, когда мама, устав сопротивляться обстоятельствам, решила, что мы с ней уезжаем из Норильска. Самолеты летали из Дудинки. Здесь нас на несколько дней задержала пурга. Она-то и расставила все на свои места — мы вернулись в Норильск. Жизнь доказала правоту этого решения. Мой родной отец, который так настаивал на возвращении ему дочери, больше никогда не вспомнил о моем существовании. А Михаил Львович так и остался для меня единственным любимым отцом.

*Мария
Николаевна
Кронфельд.
1936 г.*

*Мария
Николаевна и
Михаил Львович
Кронфельд.
1945 г.*

*А.А. Брилева
с родителями
М.Н. и М.Л.
Кронфельд*

Мои детство и школьные годы были удивительными. В Норильске я испытала настоящее потрясение — вкусом сливочного масла и сгущенного молока. В поселке никто не закрывал дверей, хотя заключенных было больше, чем вольнонаемных. Зэки запросто могли постучать: «Дровишек не надо?» И у них всегда брали отходы со стройки, где они работали, и при этом отдавали им все, что могли, из еды.

Помню бесконечные темные колонны заключенных утром и вечером. По краям шли вооруженные охранники с собаками. Рассказов о жестокостях в лагере не было, лишь однажды я увидела, как зимой заключенная разделась донага и села в снег. Я своим детским умом поняла: протестует! Против чего? Что с ней было дальше? Не знаю. Соседки по колонне закрыли ее, нас попросили идти дальше...

Врезалась в память смерть Сталина. Помню, зашла к нашим друзьям Дягилевым, потомкам известного мецената. Вроде все у них было как всегда. И как всегда никто ничего не обсуждал, хотя был такой день! И только одну-единственную фразу я все-таки услышала: «Сталин лежит и брюки застегивает».

Эти слова меня удивили, и я пересказала их маме. И тут я изумилась еще больше: мама так зарыдала, она так меня умоляла не рассказывать об этом больше никому и никогда! Я обещала, а ее страх запомнила на всю жизнь.

А какая зловещая тишина стояла в городе во время восстания заключенных! Оно началось с того, что в разных местах одновременно на домах и башенных кранах вывесили черные флаги, — такое возможно только при определенной подготовке. Никто не стрелял. Приехало начальство. Население замерло в ожидании: что будет дальше? Я понимала: люди сочувствуют заключенным тихо, молча...

А позже была амнистия. Политических она

не затронула, выпустили только уголовников. Вот тогда-то и стали в домах закрывать двери и беречь детей...

ОПЕРА ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

И все-таки школьные годы я вспоминаю как очень светлое время. Благодаря прекрасным людям, которые меня окружали.

Представьте обычную комнату. В углу пианино и много стульев, табуретов. К инструменту подходят аккомпаниатор, певцы. Усаживаются зрители, начинается опера «Князь Игорь». Такой спектакль по месту жительства семьи Дягилевых был не редкость. Иногда артисты и зрители уставали, и тогда делали перерыв на чай. Потом опера продолжалась. Мы, дети, знали наизусть все партии опер.

Я много читала. С книгами было плохо, их передавали из рук в руки. Сейчас удивляюсь, что уже в 5–6 классах я прочитала всего Толстого, Чехова. В Норильске кипела культурная жизнь: работала библиотека, в ДИТе шли спектакли, детей учили музыке, игре на пианино, скрипке.

И сейчас вспоминаю уроки литературы в школе. Это были уроки жизни и любви к искусству.

Мы знали многое и многих писателей сверх программы, в том числе запрещенного тогда Сергея Есенина. И все это благодаря Ольге Яковлевне Шадринной, она была Литератор с большой буквы. Помню, как удивила всех сочинением, которое написала при поступлении в Московский медицинский институт. Это была Ольги Яковлевны пятерка! А какие вечера проходили в первой норильской школе! Их отличали чистота чувств, культура общения и прикосновение к прекрасному искусству. По-моему, детей в Норильске воспитывали всеобщей любовью...

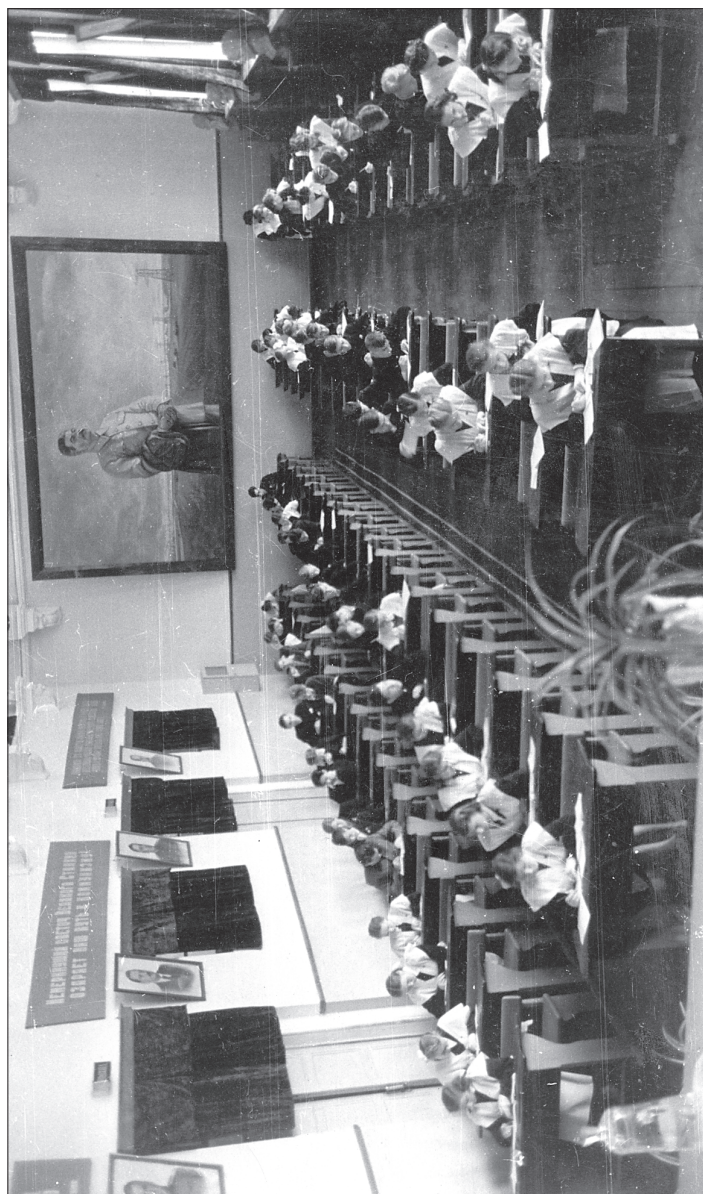
Добрые традиции были и у наших родителей. В складчину устраивали праздники. Когда собирались — пели, позже слушали пластинки. Горе сближает лучше, чем вместе пережитая радость. Почти в каждой семье были репрессированные. Где-то в 50–51 годах пошла новая волна арестов. Одного из наших друзей — Я.С.Шмидта (когда-то работавшего с Кировым) выслали из Норильска в глухой Долгомостовский район Красноярского края, где не было даже

электричества. В связи с этим у нас был обыск. Ничего не нашли, зато забрали все любительские снимки.

Иногда спрашиваю себя: как поколение моих родителей сохранило житейский оптимизм, пережив аресты, лагеря как самую большую несправедливость своей жизни? Многие репрессированные верили, что все случившееся с ними — роковая

Так выглядел класс в первой норильской школе

ошибка, и искренне продолжали строить коммунизм и верить в него. Вспоминаю, как Михаил Львович радовался, когда меня приняли в партию. Вспоминаю, как он работал, не щадя себя. Ночные звонки директора комбината Зверева были обычным делом для отца. Снабженческие обязанности очень непросто исполнять на Крайнем Севере и сегодня, что уж говорить о военном и послевоенном времени...

А однажды Михаил Львович отказался перечислить деньги по приказу (страшно сказать!) своего начальника. «Не положено», — стоял на своем, и закупки не состоялись.

На шесть лет я рассталась с Норильском. После мединститута получила направление в Норильск, где уже работал мой муж Сергей Георгиевич Брилев, мой одноклассник, единомышленник, с которым мы живем в счастливом браке больше сорока лет...

Начинала участковым педиатром. На пенсию ушла после 34 лет труда в норильской медицине с должности главного врача детской городской больницы. Людей, которые работали со мной, вспоминаю с благодарностью и нежной грустью...

Мне никогда не забыть, как меня пригласили на 40-летие детской больницы. К тому времени я уже три года жила в Мытищах. Вышла на сцену музыкального училища, и тут зал поднялся и стоя зааплодировал. По-моему, я тогда так и не смогла сказать о том, что чувствовала в день встречи с коллегами. А сказать было что.

Помню, как мы радовались высокой рождаемости в Норильске. Врачи и медсестры работали не столько, сколько было положено, а столько, сколько надо было для здоровья детей. Мы сами бегали к своим пациентам, не заставляя родителей вести детей по морозу в поликлинику. Много учились, ездили за опытом в разные города Советского Союза. К нам приезжали представители почти всех педиатрических кафедр инсти-

тутов — все они оценивали уровень оказания медицинской помощи детям как очень достойный.

Мы гордились и низкой младенческой смертностью. Конечно, это не только заслуга медиков, но и результат благополучной социальной обстановки в 70–80-х годах. Двадцать лет наш город не знал таких болезней, как дифтерия, полиомиелит, постоянно снижался уровень инфекционных заболеваний. Мне посчастливилось работать с Игорем Семеновичем Глушанком, Инной Александровной Бахаревой, бывшими главными врачами детской больницы до меня, с Майей Константиновной Шадринной, невесткой Ольги Яковлевны, и зав. педиатрическим отделением первой поликлиники, с Ниной Федоровной Волоховой, возглавляющей детскую больницу после меня. Я могла бы сейчас привести список из сотен фамилий медиков, которые долгие годы по призванию стояли на страже здоровья детей.

Когда я начинала работать участковым педиатром, помню, как часто советовалась, расспрашивала обо всем, что хотелось знать о детях, болезнях, опытную медсестру. Я, видимо, однажды настолько утомила ее вопросами, что она в сердцах сказала,

*Сергей Георгиевич и Альбина Александровна Брилевы
на Зуб-горе. 1970 г.*

Композиторский хор «Маяк»

Объём 1952 года.

что из меня никогда не получится руководитель: «Что ж ты у подчиненных-то спрашиваешь?» А я, и 10 лет проработав главным врачом больницы, не считала зазорным посоветоваться с людьми и учиться у них. Потому что вместе мы составляли большую семью, где любят и заботятся в первую очередь о детях. Мы вместе отдыхали, проводили праздники, собирались в поэтическом клубе «Вдохновение» — тогда городской клуб книголюбов возглавлял Борис Яковлевич Розин, а ответственным секретарем была Татьяна Ивановна Марчевская. Это было настоящее общение для души...

Спасибо Смоллову, Колесникову, Филатову!

Недавно случай свел меня с Юрием Михайловичем Смолловым, председателем исполкома Норильского горсовета. Мэром города, как сказали бы теперь.

«Как часто я вспоминаю вас, Юрий Михайлович, — призналась я. — К вам запросто можно было зайти со всем, что наболело. Сейчас думаю: и чего это мы с вами так часто спорили и даже ругались? На официальных встречах, на сессиях горсовета. Ведь были единомышленниками в отстаивании интересов детей...»

«А я вам благодарен за своих сына и дочь», — ответил Юрий Михайлович.

А я не помню ничего особенного, что я, скажем, сделала для детей Смолловых. Главное в том, как я теперь понимаю, расставшись с Норильском, что руководители города, комбината проводили в жизнь политику любви к детям. Положено что-то для них или не положено инструкциями и прочими официальными документами, но если жизнь доказала, что для здоровья юных норильчан остро нужны больница, реанимационное отделение, новейшая аппаратура, — они будут в Норильске. Пусть не сразу, но будут! Ни глава города Ю.М. Смоллов, ни директор комбината Б.И. Колесников, а потом и А.В. Филатов не боялись брать на себя ответственность за смелые решения проблемы, требующей огромных денег.

Коллектив врачей детской больницы. 1980 г.

Вспоминаю, как пробивала у Бориса Ивановича Колесникова детскую больницу. Впрочем, слово «пробивала» не подходит к данному случаю, потому что Борис Иванович сразу прочувствовал проблему. Но где взять миллионы рублей — по тем временам сумасшедшие деньги? Больница в планах не значилась, и потому за отказ построить ее никто бы не укорил директора комбината... И все же новый корпус больницы был построен при Борисе Ивановиче Колесникове. А потом и детское реанимационное отделение, которое и сегодня помогает спасать жизни малышей. Сколько официальных документов за подписями Б.И.Колесникова и Ю.М.Смолова я возила в Красноярск, Москву, пока мы не добились своего...

Сегодня в детской городской больнице работает новейшая современная аппаратура из Швейцарии. Такой оснащенной лаборатории, какая есть здесь, нет ни в одной больнице Норильского промышленного района. В этом заслуга другого директора комби-

Ведущая телепередачи А.А. Брилева берет интервью у коллеги О.Н. Яценко. 1983 г.

ната — Анатолия Васильевича Филатова. По контракту я ездила в Швейцарию для того, чтобы ознакомиться, как новейшая аппаратура действует на практике. Поглядев на это, я поняла, что для полноценного обследования и лечения детей необходимо закупить дополнительной аппаратуры на 500 тысяч

дойчмарок. Помню, вернулась в Норильск, поначалу боялась заикнуться об этом Анатолию Васильевичу Филатову. Но он сразу понял необходимость иметь полный комплект оборудования и сказал: «Уезжайте спокойно. Обещаю: деньги выделю!»

Я покинула заполярный город навсегда. А Филатов свое слово сдержал.

Три года назад я была на юбилее детской больницы. Мне приятно было встретиться со своими коллегами, с городом — нет. Домов, в которых я жила на улицах Севастопольской, Октябрьской, на Ленинском проспекте (в доме, где первый этаж занимал ресторан «69 параллель»), — этих домов в Норильске уже нет. Я еле выдержала три дня и в который раз сказала себе: главное богатство норильских мест — не медь или платина, а люди!

*С.Г. Брилев. Норильскую энергетику
он знает до последнего винтика.
Норильский стаж — 46 лет
(с 1951 г.)*

Элита Шишкина. 1950 г.

Элита Шишкина:

*«...счастлива считать себя
норильчанкой».*

Я впервые попала в Норильск далеким летом 1946 г. Окончила 2-й курс технологического института и собралась лететь на каникулы к маме Валентине Васильевне Вовченко-Кийковой, которая в декабре 1945 г. приехала на работу в Норильск.

Время было тяжелое, продукты и хлеб выдавали только по карточкам. Наши родители отдавали нам свои дополнительные карточки, так называемые «литеры Б», а может, были и «А», не помню. И мы, получив их в Москонторе комбината, которая тогда находилась на Гоголевском бульваре, 8 (начальником был Гальпер), имели право прикрепить их к магазинам МВД. Таким образом мы получали дополнительное питание, за что низко кланяюсь родителям.

Желающих лететь в то время было крайне мало, так что авиапроблем в этом смысле не оказалось никаких. Аэропорт Внуково представлял собой небольшое здание с одним залом ожидания, которое сохранилось до сих пор. Приехав ранним утром, я увидела всего с десяток пассажиров. Страха полета, а это ведь был первый полет в моей 20-летней жизни, не было, хотя дома меня всячески запугивали страшной болтанкой, и я запаслась на этот случай ландринками типа «Театральных».

Лететь пришлось на «дугласе» с бесконечными посадками 13 часов. Это была металлическая птица как снаружи, так и внутри. Без всяких кресел, дорожек и прочих удобств. Вдоль корпуса самолета откидные металлические сиденья без спинок. Никаких стюардесс. Груз тут же на полу посередине. Сидеть можно было, лишь прислонившись спиной к холодному корпусу самолета.

Пассажирами, как оказалось, в основном было студенческое племя. При каждой посадке в Казани, Горьком, Свердловске, Омске, Новосибирске кто-нибудь покидал самолет, и нас становилось все меньше и меньше. Когда летели из Омска через Барабинскую низменность, нас поболтало: сердце то и дело летело куда-то вниз... Перенесла я все это с легкостью, даже припасенные конфетки не понадобились. Над Новосибирском долго кружили. Оказалось, идет грозовой фронт из Красноярска.

В Красноярске пришла в Норильское представительство. Никакой гостиницы «Север» тогда и в проекте не было, а были примерно на том же месте бараки, окруженные забором. Там находились и «офис», и «гостиница», и касса пароходная. Там я оформила все документы на въезд и купила билет на пароход, который, к счастью, скоро отходил. Предстоял второй этап путешествия.

Моя попутчица Наташа Макарьева ехала на свидание с отцом, бывшим журналистом, побывавшим в Норильлаге и ныне освобожденным. Мы погрузились с ней на крошечный пароход «Спартак». В нашей двухместной каюте можно было вернуться одновременно лишь одному человеку.

Когда пересекали Северный полярный круг, солнце вместо того, чтобы спуститься за горизонт, ночью просто путешествовало по небу. Любопытных на борт высыпало столько, что капитан не раз был вынужден нас рассредоточивать, иначе наша «ореховая скорлупка» под гордым именем «Спартак» перевернулась бы.

Шел первый послевоенный год, когда в стране еще действовала карточная система (вплоть до декабря 1947 г.). Продуктов у нас, естественно, было мало, а взять их без карточек в Красноярске было негде. Но мир не без добрых людей, и на борту «Спартака» мы познакомились с одним бывалым снабженцем. С этим добрым нашим

спасителем в каюте соседствовал еще один бедный студент — Анатолий Фомичев, который, как и мы, ехал к родителям. Он был недавно демобилизован, его грудь украшала колодка орденов солдатской Славы и ранений.

В Дудинке никого из нас никто не встречал, так как неизвестно было, когда мы прибудем. Вещей особых ни у кого не было. Мы быстро забрались в игрушечные вагончики, и поезд повез нас сквозь неизведанную тундру по узкоколейке в неведомый Норильск.

Наверное, часа четыре, а может быть, и больше мы тряслись с удовольствием в этом чудном поезде, время от времени оглашавшем тундру гудками. Время пролетело незаметно. На Нулевом пикете Норильска нас тоже никто не встречал, и мы по чертежу пошли искать родителей. Первыми нашли Фомичевых, живущих на ул. Заводской, за проектной конторой, в бараках. Оттуда позвонили в гостиницу нашим, и дальше мы с Наташей ехали в конном экипаже.

Мама меня встретила у гостиницы. Я ужаснулась, увидев ее распухшее лицо. Оказалось, искусили комары. Она работала в сельхозотделе агрономом, с Валька ходила пешком. Вот тут-то комары и творили свое «черное дело».

Радости от встречи не было предела. За нас радовалась вся гостиница. Мама жила с мужем в одноместном номере — в тесноте, да не в обиде. Макарьев, отец Наташи, жил с Володией Мазуром в большом номере, так что и там все было в порядке.

Норильск тогда мне показался солнечным, теплым. Все время стояла прекрасная, как по заказу, погода. Ведь тогда о городе никто книг не писал, совсем мало было тех, кто о нем что-либо знал. Это был поселок ГУЛАГа, затерянный в тундре, в котором вольнонаемных были считанные сотни, а остальное население — зэки, о которых я тогда еще ничего не знала.

Первая улица поселка от Нулевого пикета — Горная. От нее все начиналось. Там и первая школа, и конторы, и жилье начальства. Затем перпендикулярно ей шла Заводская, протянувшаяся до въезда на промплощадку. На ней уже стояли жилые двухэтажные дома с коридорной системой, поликлиника, магазин, конторы. Далее шел «Шанхай» — самострой, в котором с семьями жили освободившиеся и оставшиеся в Норильске по разным причинам ээки.

В самом начале Заводской располагался Норильский театр, открывшийся в годы войны. Но самой главной улицей была Октябрьская. В 1946 г. это был центр поселка. Его украшением был ДИТР — Дом инженерно-технических работников. В трехэтажном здании были огромный зрительный зал, библиотека, внизу — столовая. Здесь проходили активы комбината, вечера, банкеты, работала самодеятельность.

На Октябрьской располагались управление комбината, стадион, рынок, магазин № 2, спортзал, гостиница. Дальше выстроились двухэтажные и двухподъездные дома, Норильскснаб с его базами, ПАТО, школа, техникум. Недалеко от озера Долгое стояло два коттеджа — для высшего начальства, и далее шла дамба со щитами снегозащиты. За озером тогда начинал строиться новый город — Горстрой. К тому времени здесь реально существовала одна улица — Севастопольская, на ней возвышался первый многоэтажный дом № 7. Рядом старые двухэтажные дома с коридорной системой и без удобств.

В то время решался вопрос: как прокладывать трубопроводы тепловые, воды и пр. — то ли над землей, то ли в мерзлоте. Первые — над землей как раз и были проведены на Севастопольской. Они шли от дома к дому на эстакадах, образующих заборы и арки. Позже остановились на втором варианте. Никакого пассажирского транспорта, соединяюще-

го новый город с соцгородом, не было, в лучшем случае добирались на «воронках».

У подножия гор и на других площадках в тундре располагались лаготделения. Там находились десятки тысяч бесплатных тружеников, строителей комбината, виновных и не виновных перед государством, которое пожирало их труд, здоровье, а нередко и отнимало их жизнь. Никто никогда не сказал им спасибо, не упомянул о них ни в одной из написанных книг — книг, в которых только и шла речь о комсомольцах. На самом деле в те времена их были единицы, десятки. В бушлатах эков тоже были, конечно, и комсомольцы, и члены партии, но бывшие, попавшие в молох адской машины. Среди них были и ответственные работники наркоматов, ученые, артисты, инженеры, писатели, военные, солдаты Отечественной, побывавшие, на свое несчастье, в плену и немецких лагерях смерти...

Муж моей матери был до 1936 г. главным электриком комбината «Запорожсталь». В 1930 г. он ездил в Германию закупать в фирме «Сименс» электрооборудование для сталеплавильных печей комбината и за это был «отблагодарен тройкой».

С нами в старой гостинице жил и Николай Николаевич Урванцев с женой Елизаветой Ивановной, открыватель Норильского района, составивший первую схематическую геологическую карту полуострова Таймыр. И его отблагодарил Коба. У моего мужа Александра Степановича Шишкина (с 1952 г. он был начальником 15-й шахты) работали прекрасные люди — герои Отечественной войны, сплошь увешанные орденами. До реабилитации они были просто зэки! Сколько их было — безымянных героев труда!

Норильск был олицетворением контрастов. Комбинат в 1946 г. успешно справился с планом, завоевав в соревновании ведущее место. По этому случаю после войны было принято отмечать подобные праз-

дники банкетом. Вот на таком банкете я тогда и побывала. В ДИТРе собралась нарядная публика. Гремит музыка, накрыт прекрасный стол. Все веселятся. Там я увидела тогдашнего начальника комбината — Панюкова, многих руководителей с женами. Ночью вышли на улицу — теплынь, светит солнце. Кругом тихо-тихо и чисто-чисто. К гостинице вела широкая асфальтированная улица и — никого! Я навсегда запомнила и полюбила белые ночи Норильска.

Можете себе представить бедных студентов 46-го? Худые, плохо одетые. Родители, как могли, старались нас откормить и приодеть. В Норильске никаких ателье не было и в помине, но были пошивочные и сапожные мастерские, в которых шили все! Из распоротых американских ботинок шили дамские прекрасные туфли. Мне сделали даже модные вязаные босножки на каблуке...

Я прожила в Норильске 27 лет. Практически до пенсии. В эти годы уложились любовь, семья, дети, работа, радости, заботы... И бесконечные взлеты и посадки в аэропортах... Оглядываясь на прожитую жизнь, я счастлива считать себя норильчанкой.

Р.П. Смолова

Раиса Смолова:

«...мы тоже были первыми».

Поезд из Дудинки в Норильск тащится бесконечно долго. За окнами свинцовая муть. Неба нет, и нет земли. Тундра...

У причала остался теплоход «Александр Матросов». На его борту в заполярный Норильск осенью 1956 года прибыла первая партия юношей и девушек — добровольцы из Москвы и Ленинграда. Им суждено будет вписать яркие страницы в строительство города и горно-металлургического комбината. Этим же теплоходом плыли и мы, молодые специалисты, выпускники разных вузов страны.

На железнодорожном вокзале, единственная примечательность которого каменный бюст М.И. Калинина, добровольцев встречали плакатами и маршевой музыкой. Были речи и песни. Нас никто не встречал. Шел густой мокрый снег...

...Малый спортзал на Октябрьской улице — строение ветхое и холодное — стал нашим временным пристанищем. Нехитрый свой скарб, чемоданы, узлы и корзины, мы сложили в углу. Они громоздились до самого потолка, дожидаясь, как и их хозяева, лучших времен.

Довольствовались малым.

Железные с панцирной сеткой кровати, ватные матрасы и жесткие шерстяные одеяла, выданные «на прокат», плохо защищали от нахлынувших лютых морозов. Но... молоды мы были, верили в себя, по вечерам, встретившись за одним общим столом, чувствовали себя одной дружной и неунывающей семьей.

...К осени 56-го заканчивалась огромная работа по реабилитации тысяч невинных жертв сталинских репрессий, многие из которых уже покинули

Норильск. Уголовники спешно отселялись на юг Красноярского края. Из Дудинки их увозили в трюмах в сопровождении охранников и сторожевых собак. Зловещее прошлое Норильска, знакомое многим из нас лишь понаслышке, теперь обретало зримые очертания. По городу ходила лагерная песня, в которой были и такие слова:

Я до весны, до корабля
Не доживу когда-нибудь,
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

Пройдет не одно десятилетие, прежде чем исчезнут последние метры колючей проволоки, опоясывающей город на вечной мерзлоте, и сравняются с землей зоны рассредоточения эков — барачные поселки Восточный, Западный, Северный, Зуб-гора...

Добровольцев 56-го расселяли там...

Найти работу оказалось делом нелегким. В школах шли занятия. Где еще мог быть востребован филолог? И поэтому, когда в поселке Зуб-гора открылась вакансия библиотекаря, согласилась сразу.

Сквозь толщу лет вижу я темную комнатку и кипы книг, под тяжестью которых прогибаются сколоченные наспех стеллажи. Книги — что надо! В основном классика. Их привезли из технической библиотеки, фонды которой, как было известно, из самого Ленинграда.

Рабочие парни, заселившие бывшие лагерные бараки, конечно же от души пили популярный в те времена спирт, но читали запоем. Днем ребята копали котлован под вторую очередь городской теплоэлектроцентрали, а после смены, отогревшись, брали в руки книгу. Многим она заменяла театр, кино, а может быть, и ту жизнь, что оставили они на материке.

Отчет о нашей маленькой библиотечке, который был мною сдан в окружном профсоюзе, направил мою жизнь по новому руслу.

Заведующий отделом культуры (фамилию его не помню) прочитал написанное и сказал:

— У нас тебе делать нечего. Газета на втором этаже, ступай туда.

Речь шла о доме № 7 по ул. Севастопольской, где кроме профсоюзного ведомства разместилась масса других.

... Первый номер «Заполярной правды» вышел в декабре 1953 г., как раз ко дню рождения Иосифа Виссарионовича. Серафим Петрович Баранов был ее первым редактором.

Он встретил меня сидя за огромным письменным столом, заваленным газетами и папками. Из кресла с протертыми подлокотниками глядел пожилой очкарик. Маленькие пухлые руки молитвенно сложены на груди. Над стеклами очков широкие кустистые брови. Бледное одутловатое лицо украшает крупный с голубыми прожилками нос. Серафим Петрович смотрел в мою сторону и помалкивал. Прием не сулил ничего хорошего. Сердце мое екнуло и покатилося вниз.

— Писать умеешь? — наконец спросил редактор.

Я понял, что речь идет о газете. Врать не стала:

— Нет!

Нельзя же считать умением жалкий отчет о проделанной на Зуб-горе работе да несколько замечток в университетскую многотиражку.

— На нет и суда нет! — вынес приговор хозяин кабинета и потянулся к телефонной трубке.

Сжавшись от обиды, шагнула к двери. Видно, учуял Серафим Петрович что-то неладное в моем состоянии:

— Подожди в коридоре.

Нынче и следа не осталось от длинного приземистого строения по ул. Октябрьской, где располагалась первая в Норильске типография. Здесь на стареньких станках печатались бланки-заказы для предприятий комбината. Четыре раза в неделю «зеленую улицу» получала «Заполярная правда».

К 11 часам ночи вычитанный и исправленный корректорами текст я привозила в кабинет редактора. Серафим Петрович лично просматривал каждый номер, после чего в печать шел весь тираж.

В ноябре 1956 г. страна отмечала 39-ю годовщину Октябрьской революции.

Норильск, принявший несколько тысяч новоселов, праздновал знаменательную дату торжественно и с размахом. Старожилы, вероятно, помнят, как сразу же после приезда новоселов оживилась клубная жизнь заполярного города. Клубы на Медвежке и медном заводе, в поселках Западный и Северный, шахтерский по улице Заводской и конечно же самый представительный ДИТР широко распахнули двери для творческой молодежи. Не было недостатка и в зрителях. Мы могли часами выстаивать в задних рядах и проходах, затаив дыхание, глядя на сцену.

Со страниц газеты не сходили имена популярных исполнителей самых разных жанров. Наряду со спектаклями драматического театра гремела слава народной оперетты, создателем которой стал режиссер В.Н. Колесников.

7 ноября участники самодеятельных коллективов в колоннах на машинах двинулись от ДИТРа в сторону Гвардейской площади, которой в то время, по сути, и заканчивался город. Еще не было Ленинского проспекта, теперешней главной улицы, а место будущего Дворца культуры комбината занимало глубокое озеро. Нынче, спустя много лет, кажется, лишь «кадровый кризис» подсказал Серафиму Петровичу мысль послать меня в праздничные колонны с заданием написать репортаж.

Утром текст лежал на столе редактора. «Шестые молодых талантов» — под таким заголовком и вышел мой первый материал. Серафим Петрович поместил его там, где обычно размещалась передовая статья, не исправив и не выбросив ни единого слова. Позже, когда я уже была зачислена в штат,

редактор кромсал мои, и не только мои, тексты безжалостно, приговаривая при этом: «От сокращения материал только выигрывает!» Но это было позже, а тогда мне довелось пережить настоящий праздник души.

— Будешь писать! — всего-то и сказал Серафим Петрович. И сделал это, мне думается, вполне осознанно. Он умел вселять надежду, поддержать в нужную минуту.

Способны ли были мы ответить ему тем же?

Серафима Петровича Баранова, первого редактора «Заполярной правды», уже давно нет в живых. Он умер, сидя в зале на совещании в Красноярске, будучи к тому времени уже редактором многотиражной газеты «Огни Енисея». Остановилось сердце...

...Его называли «правдистом». Ходили слухи — свою карьеру журналиста Серафим Петрович начинал в Москве, в газете «Правда». Для нас, начинающих журналистов, в слове этом заключалось нечто магическое, недостижимое.

В начале дня Серафим Петрович вносил в свой рабочий блокнот заявки корреспондентов для очередного номера газеты и добродушно напутствовал:

— А теперь одна нога тут, а другая там!

Убедиться, что журналиста ноги кормят, было не трудно: редакция не имела даже захудалой машинешки.

Первой с «объекта» возвращалась Нина Ивановна Балугева. Она руководила промышленным отделом газеты. На никелевом заводе шел монтаж первой рудно-термической печи. По сей день остается загадкой, как эта тихая интеллигентная женщина могла в считанные часы вникнуть в суть дела на самом сложнейшем техническом сооружении, а потом под гул голосов своих коллег и пение телефонных звонков, не отрываясь от стола, написать очередной репортаж в номер. Подобно опытному лоцману вела она своих читателей по этапам строительства ме-

таллургического гиганта, находя для этого точные образы и сравнения.

Нина Ивановна не доставляла никаких хлопот. Собранная, дисциплинированная, мне она казалась воплощением журналистской этики и профессионализма.

Однако на редакционных «летучках», когда подводились итоги работы, он ни разу не поднял лучшего на пьедестал.

— У нас есть делать жизнь с кого? — спрашивал, глядя из-под массивных очков.

— Конечно есть! — Каждый из нас, естественно, имел в виду себя.

Серафим Петрович поручил мне работу с письмами. В 60-е годы в газету писали все, кто умел держать ручку в руках. Особенно донимали домопращенные поэты. Надо отметить, в ту пору в Норильске таких поэтов было предостаточно. В литобъединение при «Заполярной правде», руководил которым Сергей Щеглов, входили лучшие. Директор кислородного завода Щеглов больше известен был норильчанам как поэт, публицист, автор первой книги о Норильске. Сережа заходил в отдел писем к вечеру.

— Чем порадовали нас пииты сегодня?

Просматривал редакционную почту в надежде открыть новое дарование.

Мне доставляло истинное удовольствие передать Сереже поэтические откровения типа того, что какой-то энтузиаст приехал на Север трудиться, а «не в Сочи бабочек ловить». Или застать очередного рифмоплета в момент, когда «течет вода из крана, забытого закрыть». Сережа смеялся искренне и заразительно.

И все же мои главные заботы были в другом. В конце дня письма, разложенные по темам, ложились на стол главного редактора. Серафим Петрович относился к редакционной почте ответственно. Читал долго и тщательно, «расписывал» их дальней-

шую жизнь. Какая-то часть писем уходила за пределы газеты — ответить на жалобы и просьбы трудящихся должны были руководители предприятий и организаций. С остальными предстояло работать журналистам.

Помню, как ненавидел это дело Володя Кудряшов. Он был корреспондентом промышленного отдела, писал о строителях. Упустив все сроки исполнения письма, он тщетно рылся в кипе бумаг своего стола. Проклиная свою судьбу и нас всех, вместе взятых. Письмо исчезало бесследно.

Серафим Петрович на людях появлялся редко, без особой надобности из стен редакции не выходил. И все же жизнь комбината и города знал хорошо.

Газета в то время стремительно набирала тираж, и наш редактор во многом тому способствовал.

— Душа обязана трудиться, и день и ночь, — любил он повторять.

Мне довелось испытывать это постоянно. Бывало, зазовет к себе в кабинет.

— Читай!

Понедельник: статья об открытии универмага.

Вторник: репортаж из ателье. И так все дни недели. Названы темы, сроки сдачи материала. И это все помимо текущей работы с письмами! Поистине, писать приходилось и день и ночь.

Валя Мартынова, она заведовала партийным отделом, называла такую жизнь «строчкогонством». Сама она была классным журналистом. Окончила Уральский университет. Писала легко, красиво, быстро. Нас было мало, и другого выхода не было. Шло бурное строительство города, поднимались новые цехи на никелевом и медном заводах, закладывался фундамент будущего Дворца культуры комбината...

Все писали «в номер», с колес, часто расходились по домам, чувствуя себя выжатыми лимонами. Серафим Петрович видел все это и старался облегчить нашу жизнь, как мог. Дал команду по-

ставить на мой стол старенькую печатную машинку. Исчезла необходимость ходить за каждой мелочью на поклон к машинистке Дусе Берестовой. По степени важности ее считали вторым после главного редактора человеком. И не без оснований.

До обеда в ее тесной комнатухе стояла сонная тишина. Зато во второй половине дня, когда наступал момент «отписки», к Дусе выстраивалась очередь. Володя Кудряшов, сухой и длинный, как жердь, стучал костяшками пальцев по столу, за которым сидела Дуся:

— Во-первых, печатай меня. И во-вторых, тоже! А я в буфете!

Володя был голоден. Всегда. В буфете кроме первого блюда брал два вторых и столько же компотов. Он писал, прижав ухо к столу, не отрывая пера от бумаги. Володя был болен, но об этом мы могли только догадываться.

Из Киева приехал Виталий Жуков. За его спиной уже был опыт газетной работы, и Серафим Петрович отдал ему на откуп отдел общественной жизни. Успехи и достижения норильчан Жуков невзлюбил сразу, из-под его пера по большей части выходили скандальные истории, в достоверность которых не верил и сам автор. С приходом Виталия Жукова в газете наступило смутное время, жертвой которого, как мне думается, и стал главный редактор. Но об этом чуть позже.

Достопримечательностью был Борис Буров, неизвестно откуда свалившийся на нашу голову. Писал о партийном руководстве — значит, обо всем. Сдувал тексты со страниц центральных газет Боря виртуозно. Время от времени Дуся, воткнувшись в очередную несуразицу, звала на подмогу автора:

— Боря, почему у тебя тут кукуруза?

На что Боря невозмутимо отвечал:

— Перебей кукурузу на металл! И все дела.

В «строчкогонстве» принимал участие и Сера-

фим Петрович. Был такой жанр — передовица. Без нее не выходила практически ни одна газета. Темы передовых статей наш редактор брал в городском комитете партии (мы жили по соседству, на одном этаже).

После заседания бюро Серафим Петрович переступал порог отдела писем и, вышагивая из угла в угол, диктовал на старенькую машинку текст. Он был из тех, кому записной книжкой служила превосходная память и безупречная логика.

«Заполярная правда» переживала первые годы своего становления, и мы, ее сотрудники, тоже были первыми. Пребывание в стенах редакции не всегда являло собой благостную картину. Пришли новые люди, и в наших рядах наметилось явное размежевание. И как стало вскоре ясно — не в пользу Серафима Петровича. Да и не в пользу тех, кто вместе с ним создавал газету. Оппозицию возглавил Виталий Жуков. В кабинете ответственного секретаря Александра Фишмана почти без утайки «заговорщики» строили планы изжития Баранова из газеты. Видно, должность главного для кого-то стала весьма привлекательной. Всякие сомнения на этот счет исчезли после откровенной обструкции в адрес редактора, появившейся однажды в стенной газете, сочинил которую, кстати, тот же Жуков. Это было что-то мерзкое, с грязными намеками и недомолвками. Тщательно спланированная акция «стереть в порошок» возымела действие. Серафим Петрович глубоко переживал происходившее, замкнулся, осунулся. Мы ждали реакции «левого крыла». И она не заставила себя долго ждать. Настал день, когда Баранов вошел в главный партийный орган редактором, а вышел никем.

Прошли годы. А меня все еще терзает мысль: почему Серафим Петрович безропотно сдал позиции? Почему не дал бой «оппозиционерам» и позволил, по сути, растоптать себя? Ведь не было ни-

чего такого в работе главного редактора, что могло послужить веской причиной отстранения его от должности. Человек безграничной доброты и порядочности, он никому не причинил вреда. Он был Учителем.

И все же зацепка, похоже, была. По нынешним временам на эту малость никто бы и внимания не обратил. Но тогда! Во времена чистых партийцев!

Горе Серафима Петровича и его жены Ольги Каземировны было известно всем, хотя сами они об этом никому не говорили. В Ашхабаде, во время страшного землетрясения, погибли их сын и дочь. Не знаю, объясняет ли безмерная утрата какие-то дальнейшие шаги в жизни Серафима Петровича, однако факт остается фактом: время от времени его можно было видеть на рабочем месте не вполне трезвым. Пьяным его не видел никто. Он мог сунуть мне в руку трешку и послать в соседний магазинчик за бутылкой «красненькой». И, сидя в кабинете, принять, как теперь говорят, на грудь.

Поймать с поличным Серафима Петровича было нетрудно. Что, собственно, и произошло.

С уходом С.П. Баранова закончилась первая и самая романтическая страница истории городской газеты.

На страницах «Заполяной правды» мы рассказали о первых вольных, без лагерных бараков, годах жизни города и комбината. О людях, по доброй воле приехавших в Заполярье. О тех, кто надолго остался здесь жить и строить свою судьбу.

...Из учредителей смуты так никто и не стал руководителем газеты. Край прислал своего ставленника. Это был Всеволод Петрович Суходрев. С ним мы намучились вдоволь. Но это уже другое время и другая история.

*Т.Н. Захарова перед
отъездом в Норильск.
Москва, 1956 г.*

Тамара Захарова:

*«Библиотеку комбината
называли северным
храмом знаний...»*

Вся моя трудовая биография связана с комбинатом. Летом 1956 г. новоиспеченным специалистом с дипломом Московского государственного библиотечного института (с академическими теоретическими знаниями, но без опыта в своем деле, не говоря о житейском) я прибыла в Норильск. Незадолго до меня в город приехал мой муж — инженер-строитель.

1956 год был сложным для Норильска: началом новой жизни, так как прибыли комсомольцы-добровольцы — «парни и девушки с бывшей московской и ленинградской пропиской... — архимеды мерзлотных широт». Началось бурное строительство города: возводились жилье, объекты соцкультбыта.

По приезду в город я сразу же пошла в управление комбината и попросила принять меня на работу в научно-техническую библиотеку (НТБ). Вместе с начальником НТБ Ириной Николаевной Архангельской мы записались на прием к директору комбината Алексею Борисовичу Логинову. (В то время он лично принимал вновь приехавших молодых специалистов.) Внимательно выслушав рассказ о моей учебе и жизни в столице, директор подписал заявление о приеме на работу и сказал, что нам с И.Н. Архангельской надо начинать «культурную революцию» в библиотеке (в смысле перестройки содержания работы и замены оборудования). Улыбаясь, Алексей Борисович добавил: «Впервые в своей практике принимаю на работу девушек-специалистов с косичками и бантиками». В 1998 г. в Москве во время встречи на заседании клуба «69 парал-

лель» я напомнила Логинову об этой встрече 40 лет назад. Оба приятно посмеялись.

Меня приняли на должность библиотекаря технической библиотеки, а через год я уже заведовала справочно-библиографическим отделом, где со мной работали пожилые высокообразованные интеллигентные люди: Ядвига Иосифовна Бородзюля, получившая образование в США, работавшая до Норильска в Магадане и Якутии, и Екатерина Ивановна Кулемина, бывшая гимназистка Санкт-Петербурга, переводчица и редакционный работник, истинная театралка и знаток художественной литературы. (Позже они выехали в Ленинград.)

В то время в огромном коллективе НТБ было только трое библиотекарей с высшим специальным образованием: начальник Ирина Николаевна Архангельская, главный библиотекарь читального зала детской литературы Ирина Александровна Тернавцева и я. К И.А. Тернавцевой постоянно бегал за книгами ее младший брат, кареглазый Ваню — теперешний кинорежиссер Иван Киасашвили, постановщик фильмов «Дамы приглашают кавалеров», «Письма с фронта», автор и режиссер многих выпусков телевизионной программы «Куклы» на канале НТВ. В школьные годы в Норильске он увлекся физикой, затем окончил физический факультет МГУ, а позже получил второе высшее образование в институте кинематографии. В зрелые годы посетил свой родной город и библиотеку (вместе с главным юристом комбината Борисом Яковлевичем Розиным).

В библиотеке работали несколько человек с высшим языковым образованием: Я.И. Бородзюля, Е.И. Кулемина и З.Е. Цицельская. Пять человек имели среднее специальное образование, у основной же массы было 8–10 классов средней школы. Начальник библиотеки поручила мне органи-

зовать постоянно действующий семинар библиотечных работников, где я проводила занятия по библиотековедению и библиографии по программе Московского государственного библиотечного института. Коллектив НТБ отличался сплоченностью, преданностью делу, самоотверженностью, легко усваивал новый курс в библиотечном деле. Мы оказывали помощь специалистам комбината в решениях актуальных проблем производства, в подготовке инженерных кадров, в повышении общеобразовательного и профессионального уровня рабочих, в расширении и углублении научных исследований. Смелые технические решения, воплощенные в жизнь и работу комбината, зарождались у рационализаторов в ее стенах. Основное содержание деятельности библиотеки определялось планом и задачами комбината.

Весной 1958 г. я была назначена директором библиотеки (сразу же после отъезда в Москву И.Н. Архангельской). Перевел меня на эту должность новый директор комбината — Владимир

Т.Н. Захарова. Норильск, НТБ, сентябрь 1956 г.

Васильевич Дроздов (к тому времени мне пошел только 25-й год). В.В. Дроздов дважды в месяц (по воскресеньям) посещал библиотеку. Весь коллектив готовился к его приходу, так как он подробно интересовался работой коллектива, читателями, содержанием «толстых» литературно-художественных журналов, букинистической литературой и новыми книгами (по любой тематике). До сих пор помню его лукавую улыбку, язвительные замечания, но чаще — простые слова благодарности. Библиотека получила из фонда директора комбината большую сумму денежных средств на приобретение букинистической книги. В Ленинград для закупки литературы была командирована библиограф Я.И. Бородзюля. Значительно пополнился редкой книгой «золотой фонд» библиотеки, насчитывающий около пяти тысяч томов. В.В. Дроздов не давал нам спокойно жить, помогал нам перерасти из простой технической библиотеки в культурный центр комбината.

При ней работали кружки по изучению иностранных языков (платные — для аспирантов и соискателей, бесплатные — для расширения кругозора), кружок по изучению философии (для соискателей), демонстрационный зал документальных фильмов по технике (в башне), лекторий (на пятом этаже). В.В. Дроздов до конца своих дней интересовался судьбой нашей библиотеки. Работая в Москве начальником Главникелькобальта, приезжая в командировки в Норильск, звонил в библиотеку и просил принести ему для чтения (для души) что-нибудь из фонда редкой книги. В Москве в качестве назидания своим коллегам говорил: «Поезжайте в Норильск в НТБ и учитесь у библиотекарей работе. Они чокнутые (в хорошем смысле этого слова)». Для нас это была высшая оценка нашего

труда, тем более что В.В. Дроздов не отличался щедростью на похвалы.

В 50-е годы НТБ непосредственно подчинялась главному инженеру комбината — Владимиру Алексеевичу Дарьяльскому — интеллигентному, порядочному человеку, знатоку литературы. При его непосредственном участии на всех пяти этажах здания библиотеки было заменено ветхое библиотечное оборудование, сделанное в Норильлаге в 40-е годы, на новое, современное, выполненное по чертежам, полученным из Прибалтики и Ленинграда. В центральном книгохранилище были установлены металлические трубы-штанги с уголками, а на них положены полки-доски. Было использовано все пространство помещения в высоту, а старые стеллажи перенесли на шестой этаж в башню-архив, это настоящий музейный экспонат.

Из всех трех читальных залов были выброшены старые деревянные книжные шкафы, на их место установлены новые стеллажи и книжные витрины, общие десятиметровые столы заменены отдельными столиками для читателей, реконструированы каталожные шкафы (по прибалтийскому образцу), сделаны металлические разделители-держатели для книг (вместо картонных). Вся работа библиотекарей была направлена на приближение книги к читателю, впервые был опробован открытый доступ литературы. Вместо читального зала периодики на втором этаже сосредоточили самую активную часть фонда (выделили из центрального книгохранилища), в основном словари, справочники, книги для рабочих массовых профессий, учебную литературу для студентов техникумов и вузов.

В.А. Дарьяльский постоянно уделял внимание моему техническому образованию: отправлял меня в командировки на научно-практические конферен-

ции и совещания по развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, Новосибирск, Красноярск). После Норильска, работая ректором Красноярского института цветных металлов, В.А. Дарьяльский не терял связи с НТБ. Я до сих пор вспоминаю о нем с благодарностью: он вкладывал душу в реконструкцию библиотеки.

В последний раз я встречалась с Владимиром Алексеевичем в 1995 г., находясь на отдыхе в Днепропетровске (на Украине). Мы вспомнили с ним один эпизод из истории библиотеки: он вызвал меня к себе в кабинет, показал описания изобретений к авторским свидетельствам и спросил о том, что я знаю о них. Я же откровенно ответила, что около сотни экземпляров сосредоточены в библиографическом отделе и с ними мы не работаем, а только накапливаем. С его легкой руки был создан специальный фонд описаний изобретений, к работе которого привлекли исследователей опытно-металлургического цеха (ОМЦ), химлаборатории и проектировщиков-металлургов. Ежегодно целенаправленно его стали комплектовать. Фонд явился кладезем мысли для изобретателей и (отчасти) для рационализаторов, учитывая, что в то время на комбинате еще не было патентного бюро.

Методическое руководство нами осуществлял в то время начальник технического отдела комбината К.К. Белоглазов (позже уехал в Ленинград).

Параллельно нашей библиотеке в Доме техники (на Комсомольской ул.) работала небольшая служба технической информации во главе с Григорием Климентьевичем Дорофеевым. Свою работу инженеры-информаторы осуществляли, опираясь на фонды и каталоги библиотеки. В 1965 г. библиотека вошла в состав этой службы. Очень хорошо помню момент переезда отдела технической информа-

ции в наше здание: они перевезли довольно скудный фонд листов технической информации и отчетов о командировках в деревянном сундуке образца XIX века. Этот эпизод до сих пор вызывает у меня улыбку.

В 50-е годы на первом этаже помещения библиотеки находилось научно-техническое общество (НТО) во главе с ученым секретарем — Львом Жуховицким. С группой инженеров он издавал бюллетень технической информации комбината. Оказывал большую помощь коллективу библиотеки в организации массовых мероприятий (читательских конференций по техническим журналам и книгам по цветной металлургии, горному делу и обогащению). За счет НТО оплачивались командировки участникам конференций, прибывшим из Москвы и Ленинграда. В то время в работе читательских конференций принимали участие члены редколлегий ведущих журналов и бюллетеней: «Горный журнал», «Цветные металлы», «Цветная металлургия», «Обогащение руд». На встречах выступали ученый Игорь Николаевич Плаксин — автор книг по гидрометаллургии и обогащению полезных ископаемых, ведущий журналист газеты «Труд» Юрий Дмитриев, бывший норильчанин писатель-журналист Евгений Рябчиков [автор первой книги о Норильске «Северное сияние» (М., 1946), а позднее книги «Пламя над Арктикой»], Сергей Александрович Снегов — физик по образованию, литератор по профессии (его первые книги: «Двадцать четыре часа», повесть, 1956 г., и «В полярной ночи», роман, 1957 г.), и многие другие известные люди. Позже на протяжении нескольких лет я вела переписку с С.А. Снеговым (с 1958 г. жил в Калининграде после отъезда из Норильска). Он и многие другие называли библиотеку комбината север-

ным храмом знаний, местом встречи ссыльной интеллигенции. Обещал написать главу об этом в своей очередной повести, но жизнь его оборвалась...

Вспоминаю встречу с И.В. Рехловым — норильским коллекционером репродукций картин знаменитых художников мира, он жил в доме по соседству с библиотекой. Предложил мне использовать огромные витринные окна первого этажа здания библиотеки под постоянно действующую выставку репродукций. Его идея была осуществлена, часто менялась экспозиция выставки, в то время его имя уже стало известным в Норильске.

Что представляла собой библиотека 50-х годов, каковы были ее структура, содержание фонда и читательский состав? Структура библиотеки: центральная (Ленинский пр., 1) и сеть библиотек-филиалов, передвижные и справочные библиотеки на промышленных предприятиях и стройках, включая Дудинский порт. Центральная состояла из отдела комплектования и обработки литературы, абонемента, центрального книгохранилища, трех читальных за-

НТБ

лов (периодики, технической книги и зал общественно-политической и художественной литературы) и, наконец, гордость библиотеки — справочно-библиографический отдел. В библиотеке имелись художественная и переплетная мастерские, машбюро с ротатором.

Нельзя не вспомнить библиотекарей-энтузиастов той поры, которых ценили, уважали и даже любили наши постоянные читатели. Это Нина Константиновна Барсук, Ядвига Иосифовна Бородзюля, Нелли Павловна Толстоброва, Евдокия Павловна Трифоненко, Валентина Ивановна Чуманова (Карашкевич), Нина Алексеевна Стукалина, Мария Васильевна Есиновская (позже заведовала канцелярией управления комбината), Ирина Александровна Тернавцева, Зоя Ефимовна Цицельская, Анна Андреевна Томашевская, Анна Николаевна Могильницкая, Клавдия Трифильевна Дементьева, Капитолина Алексеевна Вагина, Валентина Ивановна Якула, позже к ним присоединились Ефросиния Семеновна Шевчук, Вера Яковлевна Соколова, Зоя Вячеславовна Гончарова (Аптекман). Всех трудно перечислить поименно, пусть простят меня те, чьи фамилии я не назвала.

Удивительной красотой, артистичностью, элегантностью (несмотря на возраст) обладала бывшая балерина из Ленинграда — Надежда Скороходова, зав. филиалом на обогатительной фабрике. Лучом света пронеслась по НТБ переводчица с английского и немецкого языков Вера Тимофеевна Ковалевская (в дальнейшем работала в техническом отделе управления комбината, редактировала листки технической информации).

Книжный фонд библиотеки был многоотраслевым, не соответствовал типу специальных (технических) библиотек страны. Сама жизнь, условия

строительства и работы комбината диктовали создание его профиля: общественно-политическая, экономическая и техническая литература (почти по всем отраслям знаний), медицинская, сельскохозяйственная и, конечно, техническая книга. В последующие годы непрофильная литература была передана другим библиотекам города и страны.

Удивительно разнообразен был состав наших читателей, на протяжении истории библиотеки он качественно менялся. В 30–40-е годы — бесправные узники Норильлага (среди них ученые с мировыми именами) и вольнонаемные. В 50-е годы — комсомольцы-добровольцы, приехавшие в город по путевкам ЦК ВЛКСМ (в большинстве своем без профессии), и высокообразованные специалисты из Москвы, Ленинграда, Орджоникидзе и Красноярска. В 60–70-е годы — рабочие, приехавшие по организованному набору, выпускники вузов страны (в том числе и НВИИ) и, конечно, рабочие и инженеры действующих предприятий истроек, студенты, преподаватели, исследователи, проектировщики.

Библиотека гордится своими выдающимися читателями: первооткрывателем Норильска Н.Н. Урванцевым, минералогом, членом-корреспондентом АН СССР Н.М. Федоровским, ученым-геологом В.К. Котульским, физиком-писателем С.А. Снеговым, доктором исторических наук Л.Н. Гумилевым, писателем-публицистом Е.Я. Драбкиной, поэтом Д.Н. Кугультиновым, журналистом-писателем Е. Рябчиковым, актерами Г. Жженовым и И. Смоктуновским, строителями Н.Н. Рознатовским, Д.М. Муравьевым, А.И. Зайделем, Л.И. Анисимовым, архитекторами В.С. Непокойчицким и Л.В. Миненко, инженером-изыскателем М.И. Кином, обогатителем В.А. Голиковым, механиками В.Н. Лебединским, Л.И. Даниловым, И.И. Раевым,

горняками П.Т. Жмурко, К.К. Арбиевым, К. Мезенцевым, Э. Григорьянцем, Г.И. Садовским, металлургами В.А. Дарьяльским, доктором технических наук, профессором В.Ф. Борбатов, теплотехником Н.Н. Генгером и многими другими.

В мае 1963 г. на торжестве по случаю 25-летия НТБ присутствовали директор комбината В.И. Долгих и первооткрыватель Норильска Н.Н. Урванцев, который вместе со своим другом Н.Н. Зенгером из Дома техники пошли с нами в ресторан «Горняк», пели русские старинные песни и даже танцевали.

В 50–70-е годы в комбинате было принято водить на экскурсию в НТБ гостей города. У нас побывали Председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин (интересовался использованием валютных иностранных журналов), поэты К. Симонов, Р. Рождественский, К. Кулиев, Д. Кугультинов, Р. Казакова, З. Яхнин, летчик-космонавт В.В. Лебедев и другие.

Здесь уже уместно сделать небольшой экскурс в историю библиотеки. Своему появлению на свет она обязана освоению месторождения руд цветных металлов и строительству комбината: в мае 1938 г. при проектно-отделе на Нулевом пикете (на Горной ул.) была открыта первая в Норильске библиотека. Источком фонда в 600 экз. печатных единиц явились личные собрания книг, привезенные на Север геологами, горняками и строителями, как вольнонаемными, так и заключенными. Библиотека как воздух нужна была проектировщикам и строителям, осваивавшим вечную мерзлоту. В архиве комбината имеются приказы за 1936–1937 гг. о создании библиотеки, но они не были воплощены в жизнь.

В 1940 г. НТБ, насчитывавшая 8 тыс. экземпляров, была выделена из проектного отдела в самостоятельное подразделение и подчинена мозгу техничес-

*Т.Н. Захарова.
Норильск, 1972 г.*

кой мысли — техническому отделу комбината; был построен балок (домик) в районе бывшего управления угольных шахт, где она размещалась до 1943 г. В 1940 г. по распоряжению дальновидного руководителя — начальника комбината А.П. Завенягина (от 11 сентября 1939 г.) были созданы филиалы НТБ на промышленных и строительных площадках — прообраз будущей централизованной библиотечной системы,

в них был открыт доступ к технической книге и конвойным заключенным из числа высококвалифицированных специалистов, занятых на ответственной работе в комбинате.

В конце 1942 г. в Норильск была эвакуирована техническая библиотека комбината «Североникель» из Мончегорска, фонды которой были воссоединены с книгами НТБ.

В 1943 г. руководство комбината перевело библиотеку в лучшее здание поселка — Дом инженерно-технических работников (ДИТР), где она размещалась до начала 50-х годов, пока специально для нее архитектором В.С. Непокойчицким было спроектировано и построено новое здание на углу Октябрьской площади и ул. Орджоникидзе, дом 1 (ныне Ленинский пр., дом 1) — при въезде в город со стороны промплощадки.

Первым начальником библиотеки была жена главного инженера комбината Антонина Макаровна Иевлева, в это время с ней работал переводчиком известный талантливый журналист и писатель

Алексей Николаевич Гарри, который позже временно исполнял обязанности начальника библиотеки и бюро технической информации (мешал статус ссыльного). А.Н. Гарри и проектировщик П.А. Эрец работали и внедрили классификацию технической литературы для НТБ, которая просуществовала до введения универсальной десятичной классификации (УДК), тем самым ликвидировали хаос в систематизации и расстановке литературы.

Вместе с А.Н. Гарри в библиотеке работала Елизавета Яковлевна Драбкина, дочь профессионального революционера, автор научных работ по истории национального вопроса, секретарь Я.М. Свердлова.

Вернемся к 50-м годам. В стенах нашей библиотеки прошла учеба студентов-заочников: бывшего главного механика обогатительной фабрики (а позже комбината) Л.И. Данилова, ответственных работников энергосистемы В.Ш. Чохонелидзе, В.Т. Куца, В.А. Володина, начальника отдела автоматизации (а позже научно-технического управления), В.И. Волкова (за ним было закреплено постоянное рабочее место в читальном зале, ибо он часто занимался ночью) и многих других норильчан.

Уже в 50-е годы активно использовали фонды НТБ аспиранты-соискатели при написании диссертаций: директор комбината В.И. Долгих, помощник директора В.Ф. Протасов, экономист А.И. Топоровский, ведущий специалист рудника «Заполярный» Г.И. Садовский (позже ректор НВИИ), инженер-механик И.И. Раев (позже зав. кафедрой НВИИ), горный инженер Л.Б. Вид (позже зам. директора комбината по экономике), горняк М.И. Дорохов (позже директор института «Цветметинформация» в Москве), архитектор В.С. Непокойчицкий, начальник юридического отдела комбината Б.Я. Розин, метал-

лурги В.Ф. Борбат, Л.К. Говорова, М.Б. Ферберг, А. Орлов и многие другие (свыше ста человек).

Верным другом библиотеки был зам. главного механика комбината, краевед В.Н. Лебединский, автор книг «Звезда Заполярья» (М., 1971) и «Формула Завенягина» (в соавторстве с М. Колпаковым, Тула, 1985). Владимир Николаевич постоянно посещал библиотеку, через нас вел обширную переписку с Государственной библиотекой им. Ленина в Москве, хранил у нас рукописи своих работ. Выехав из Норильска на постоянное место жительства в Калинин, он до конца своей жизни обращался к нам с просьбами по сбору последних материалов о работе НГМК (делали вырезки из местных газет).

Вспоминая 50-е годы работы в библиотеке, нельзя не рассказать об общественной жизни коллектива, здорового, работоспособного, фанатично преданного библиотечному делу, молодого (по возрасту).

*Хор технической библиотеки выступает
в управлении комбината. 1961 г.*

Молодежь НТБ входила в состав комсомольской организации управления комбината, где секретарем комитета ВЛКСМ была юрисконсульт Полина Хараз (дочь А.С. Котляра). Меня избрали в комитет ВЛКСМ, где я возглавляла сектор идеологической работы.

Комсомольцы управления комбината организовали шефство над мужским общежитием инженерно-технических работников — ИТР-4, расположенным на Октябрьской площади (ныне Ленинский пр., 2). В нем жили многие инженеры, которые в скором будущем стали известными людьми в комбинате: В.П. Чуманов — бывший начальник электротехнического отдела института «Норильскпроект», О.П. Митяков — бывший зам. начальника управления энергосистемы, В.М. Осмоловский — бывший начальник цеха УЖКХ, и многие другие.

В красном уголке общежития проводились диспуты, викторины, вечера вопросов и ответов, выпускалась сатирическая газета «Наш быт». Все это скрашивало жизнь молодых специалистов. Часто воскресенья превращались в праздник — устраивались культпоходы в театр. В это время в комбинате появились бригады коммунистического труда. Библиотекари организовали вечер-встречу с бригадами рудника «Заполярный». В читальном зале на чашку чая собралось сто пятьдесят горняков во главе с директором рудника № 9 В.Н. Ковалевским. Завязался интересный разговор о перспективах развития НГМК, новом отношении к труду, о литературе, отражающей будни производства.

В 1958–1962 гг. шефскую помощь над молодежью управления комбината осуществлял сам директор комбината В.В. Дроздов, интересовался ее трудом, учебой и досугом. Когда строились телецентр

и плавательный бассейн, мы помогали убирать строительный мусор, мыть окна и полы, проводили субботники и воскресники на этих объектах.

В конце декабря 1958 г. (перед пуском в эксплуатацию телецентра) делали генеральную уборку помещения и в качестве поощрения одними из первых были приглашены на телепередачу КВН (нашу команду возглавлял главный юрист комбината Б.Я. Розин).

В 1959 г. отмывали керамическую плитку в плавательном бассейне, а после пуска его в эксплуатацию в ноябре 1959 г. стали обладателями первых абонементов на посещение группы здоровья (на целый квартал!).

Участвовали в субботниках при открытии Дома техники на Комсомольской улице, 12 (декабрь 1959 г.) и первого широкоэкранный кинотеатра им. Ленина (1960 г.). Помогали возводить свое будущее жилье, строить новый стадион.

Свой досуг молодежь проводила в двух кинотеатрах: «Родина» и «Победа» (открылся в 1956 г.), а также в драмтеатре и ДИТРе. Вспоминаю наш культпоход в театр на встречу с актерами Е.Л. Гельфандом, В.К. Лукьяновым, М.И. Шелагиным и Е.М. Юровской. В дальнейшем В.К. Лукьянов часто посещал нашу библиотеку.

Молодежь любила посещать танцы в клубе строителей, куда было трудно попасть, так как приглашительные билеты давали в качестве поощрения за общественную работу. Сам начальник СУ «Жилстрой» Д.М. Муравьев принимал непосредственное участие в проведении вечеров отдыха.

В 1956–1957 гг. в Норильске существовал парк культуры с танцевальной площадкой на месте, где сейчас возвышается здание института сельского хозяйства Крайнего Севера. Там мы посадили несколь-

Т. Н. Захарова. 1998 г.

ко северных березок, но, к сожалению, из-за морозов они погибли.

Летний отдых в воскресный день молодежь проводила в тундре. Устраивали коллективные выезды на Далдыкан и Ергалах, где на кочках в тундре танцевали танго и фокстроты под любимые мелодии, звучащие с пластинок патефонов, привезенных из Москвы и Ле-

нинграда; тогда еще не было ни одной турбазы.

Зимой участвовали в соревнованиях лыжников, посещали каток.

С нами дружили норильские поэты-строители Марк Сировский (в дальнейшем заведующий кафедрой иностранных языков НВИИ) и Юрий Климов, приехавшие по путевкам комсомола. Позже Марк Сировский подарил нам свое стихотворение «Город родной», где есть слова, трогающие сердце истинного норильчанина:

Мой город, как люблю твои проспекты я,
Дома и краны, рвущиеся ввысь!
Как воплощенье вечного бессмертия,
Стоит средь дикой тундры мой Норильск!

Беззаветную любовь к Норильску, комбинату, наши традиции мы передали современной молодежи — нашим детям и внукам. Дома и улицы, тундра с ее ягодным и грибным ковром, яркие жарки, северное сияние, пурги — все это в наших сердцах и умах останется до конца жизни! Я приехала в Норильск девчонкой, а покинула город в канун своего шестидесятилетия, отдав библиотеке 37 лет своей жизни. В моей трудовой книжке одна запись: «Научно-техническая библиотека НГМК».

В настоящее время НТБ обслуживает 25 тысяч читателей, имеет разветвленную сеть библиотек на предприятиях и фонд, насчитывающий полтора миллиона печатных единиц.

Отзвуки всеобщего социально-экономического, политического и духовного кризиса, охватившего всю Россию, достигли и Крайнего Севера. Несмотря на огромные трудности для комбината, НТБ была сохранена благодаря мудрому подходу к ее деятельности руководства комбината. Правда, есть специфические трудности и проблемы у НТБ. Вместе с тем значительно улучшилось техническое оснащение библиотеки: внедряется компьютерная техника, создается электронный каталог новых поступлений, библиографические базы данных по отраслям знаний, автоматизируются основные библиотечные процессы. И все это делается для читателя, труженика комбината.

Л.С. Хаустова

Людмила Хаустова:

*«Пляска эта
называется – пурга!»*

НОРИЛЬСК, 1944 ГОД

Хотя природа севера сурова, но в ней есть своя своеобразная красота.

Представьте себе бесконечные снежные просторы с редкими небольшими пятнами низкорослого тундрового кустарника. Представьте себе небольшой, затерявшийся в этих просторах город, который еще очень молод, который еще, собственно говоря, только строится и завоевывает себе право на жизнь. Представьте себе несколько тысяч людей, заброшенных сюда волею судьбы и закона...

Какая здесь все же красивая природа, несмотря на ее суровость.

Снег, снег, снег, куда ни брось взор.

Земля, словно невеста, оделась в белоснежный убор и застыла в своем холодном величии, в каком-то напряженном покое. Этот царственный покой покоряет, очаровывает, завораживает...

Невольно уносишься в мир сказок и фантазий из далекого забытого детства. Сердце и ум погружаются в состояние природного безразличия и неведения, и человек — дитя природы, — околдованный ее чарами, не в силах сопротивляться ей, сам погружается в состояние напряженного, холодного покоя, который каждый миг готов превратиться в ураган мятежных, диких чувств.

Человек. Да что человек!

Сама природа постоянно вырывается из этого мертвого покоя и, как бы обрадованная кратковременной свободой, старается выплеснуть свои чувства в безумной пляске снега, льда и ветра. Пляска эта называется — пурга!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Людмилу Сергеевну Хаустову в 1944 г. после окончания института стали и сплавов направили на работу в Норильск. Начинала сменным мастером, а с 1954 г. Л.С. Хаустова — начальник планового отдела обогатительной фабрики. В 1967 г. уехала жить в Ригу. Ушла из жизни в мае 1998 г., прожив 77 лет.

Эссе о пурге (а может, о природе человека?) Людмила Сергеевна написала в год своего приезда в Норильск, встретившись с тысячами «людей, заброшенных сюда волею судьбы и закона». Время жесточайшей цензуры безусловно отразилось в ее сочинении, которое спустя 55 лет принесла в клуб «69 параллель» ее дочь Ирина Николаевна Андросова. Она родилась в Норильске в 1945 г. Здесь окончила школу, НВИИ, стала инженером-энергетиком. Замужество, рождение двух сыновей, работа на предприятиях комбината (последние 10 лет — на руднике «Октябрьский») — все главные вехи ее биографии связаны с Норильском, который семья Андросовых покинула в 1993 г. Сейчас Андросовы живут в г. Таруса Калужской области.

В.А. Дарьяльский

Владимир Дарьяльский:

*«Норильск – город,
состоящий из
маленьких изб
и заводов-великанов».*

Норильское городское отделение
Общества по распространению политических и
научных знаний РСФСР

Научно-техническое Общество
цветной металлургии

На правах рукописи

В. А. ДАРЬЯЛЬСКИЙ.

НОРИЛЬСКУ— 25 лет

Норильск

Таковым было название труда В.А. Дарьяльского, изданного в Норильске в 1960 году. Брошюра имеет № 235, проставленный от руки чернилами. Это значит, что исторический очерк о развитии Норильского комбината выдавался под роспись и предназначался для служебного пользования.

По-видимому, очерк публикуется впервые, во всяком случае, никому из норильчан не известен случай выхода его в свет ни самостоятельно, ни в составе какого-либо сборника.

Стиль, орфография и пунктуация брошюры сохранены полностью.

23 июня 1935 года Центральным Комитетом нашей Коммунистической партии и Советом Народных Комиссаров было подписано решение о строительстве Заполярного Норильского горнометаллургического комбината.

Прошло 25 лет с момента издания указанного постановления, что составляет небольшой отрезок времени, и волею Коммунистической партии и советского народа далеко на севере Сибири, за Полярным кругом, выросло огромное современное социалистическое предприятие — Норильский горнометаллургический комбинат, выпускающий важные цветные металлы для промышленности нашей Родины.

В состав комбината входят: мощная геологическая служба, занимающаяся исследованием и разведкой недр Норильского района, 7 угольных шахт, выдающих энергетический и коксующийся уголь с годовой добычей 2 миллиона 300 тысяч тонн угля, и строящийся самый северный в мире угольный разрез на 750 тысяч тонн угля в год.

Уникальные по своим природным условиям горные предприятия — 3 рудника открытых работ и 2 подземных, выдающих жильные и вкрапленные полиметаллические руды с объемом в десятки миллионов тонн горной массы в год; мощная обогатительная фабрика, перерабатывающая руды и получающая никелевый и медный концентраты; металлургические заводы: никелевый, медный, хлорно-кобальтовый цех — выпускающие в чистом виде конечную продукцию.

Из руд уже сейчас извлекается 14 элементов, в том числе — никель, медь, кобальт, селен и другие металлы. Для обеспечения металлургии налажено производство кокса, а также химических продуктов серной кислоты, соляной кислоты, аммиака, карбида кальция, каустической соды, водорода, кислорода, хлор-газа и его производных продуктов;

теплоэлектроцентраль, обеспечивающая полную потребность комбината и города в электроэнергии и тепле; механические предприятия с комплексом производства — чугуна, стали, спецсталей, металлоконструкций, проката, механообработки и кузнечно-термическим;

транспортные предприятия — с самой северной в мире железной дорогой Норильск — Дудинка, железнодорожными узлами в Норильске и Дудинке, развитой сетью железнодорожных путей на рудниках и располагающей большим парком вагонов, паровозов и электровозов, и автомобильное хозяйство с парком свыше 700 тяжелых грузовых автомашин. Строительная индустрия располагает предприятиями по производству — железобетона на 60 тысяч кубометров в год, цемента; кирпича на 65 миллионов штук; шлаковаты, шлаковойлока, каменного литья, извести и гипса; рудниками — для добычи алевролита, известняка, гипса, карьеров для песка и бутового камня и материалов для покрытия автомобильных дорог;

разработку технологии добычи руд, угля, металлургических процессов, производства строительных материалов, изучение вечной мерзлоты и др. ведет исследовательский цех комбината, в котором работает около 250 человек. Центральная химическая лаборатория занимается вопросами контроля технологических процессов и разработкой новых совершенных способов анализа. Вопросы автоматизации предприятий решает цех автоматики.

Проектирование и мощное строительство комби-

ната и города ведется в основном силами проектных и строительных организаций комбината, располагающих сильной индустриальной базой строительства.

Техническое и продовольственное снабжение осуществляется комбинатом через свои организации снабжения, в состав которых также входит Дудинский порт, конторы в Красноярске, Москве, Архангельске и совхозы — в Норильске, Дудинке, Курейке и Таежном.

Город Норильск с населением в 115 тысяч человек располагает в настоящее время благоустроенным жилым фондом в 584 тыс. квадратных метров, сетью детских, культурных, медицинских и учебных заведений: детскими садами и яслями, школами, театром, кинотеатрами, в том числе широкоэкранным, телецентром, большим зимним спортивным залом, плавательным бассейном, тремя стадионами, профилакторием, санаторием в г. Сочи; хорошими библиотеками — технической, партийно-политической и художественной литературы; дневным и вечерним горнометаллургическим техникумом и вечерним институтом; в городе работает филиал Академии Наук СССР по изучению вечной мерзлоты и институт северного земледелия.

Так выглядит индустриальный Норильск сегодня, начавший свое могучее строительство 25 лет тому назад, в труднейших условиях вечной мерзлоты, полярных ночей и бушующих пург, среди голой тундры Таймырского полуострова, этого «края земли», протянувшегося в длину на 1000 километров и ширину на 500 километров, далеко врезающегося в Северный Ледовитый океан и омываемый морями Карским и морем Лаптевых. С древних времен этот край привлекал к себе взоры смелых мореплавателей, географов и геологов. Многие века Крайний Север был неприступной твердыней, о которую разбивались мечты самых смелых исследователей. Они отступали перед торосами ледовитых морей, перед

снегами и стужей тундры. Но человек шел на север, таивший в недрах своих богатые сокровища.

Русские люди на кораблях и лодках, на оленьих и собачьих упряжках пробирались к самым северным окраинам, в глухие безлюдные и бездорожные уголки, шли по берегам золотоносных рек и ручьев, по дремучей тайге и безмолвной тундре. Несмотря на всю отвагу и героизм, это был только робкий шаг к освоению огромных пространств, лежащих за чертой Полярного круга.

Шли века, зрела мечта человечества о покорении сурового севера, но «край земли» оставался загадочным и безжизненным пространством, и на Таймыре, самой северной окраине материка, господствовала полярная стихия, и кочующие народности тундры влачили свое жалкое существование.

Все, что сегодня сделано в Норильске, начиная от первых геологических исследований и разведок и кончая строительством мощных заводских и производственных корпусов, сделано при Советской власти. Только усилиями всего советского народа и Коммунистической партии, подкрепленными мощью современной техники и плановостью нашей социалистической системы, стало возможным поднять огромное гигантское дело по созданию на Крайнем Севере Норильского комбината и приступить к промышленному освоению богатств Заполярья, доселе лежавших нетронутыми многие сотни лет.

Арктика давно привлекала своими тайнами природы многие поколения многих народов. Десятки исследователей гибли от цинги и кораблекрушений. И все же русские наперекор всем трудностям все дальше и дальше пробивались на север. Появление первых русских поселений на Крайнем Севере относится к 12–13 векам, на которые уже в то время распространялось владычество «Господина Великого Новгорода», и районы Печоры и Северного края были подчинены новгородцам.

При Иване Грозном возникли промысловые поселки вдоль восточного побережья Ледовитого океана, вплоть до Пясины и Хатанги.

В Карском море все чаще стали появляться ладьи с промышленниками и рудознатоками. Уже в XVI столетии на Новой Земле были найдены «блестящие камни» — серебро, и по указу Ивана Грозного туда направлялись «люди по рудяному делу».

В 1647 году казак Семен Дежнев с Холмогорским крестьянином Федором Алексеевым предприняли плавание на Восток к устью Колымы и далее через Берингов пролив. Уже в 1578 году Московское государство имело сведения, что из реки Оби можно проплыть на Дальний Восток, причем два рейса из реки Оби в Америку равны одному из Испании.

Этим открытием русских пытались воспользоваться голландцы для торговых связей с Индией и Китаем.

Таким образом, на заре развития арктического мореплавания, Северный морской путь сыграл для России огромную роль в деле сближения народов и экономического развития государства.

Первыми русскими, прибывшими в район Норильска, был березовский казак с Тобольского севера Михаил Камышлов, который на лодке перебрался с Оби на Енисей в 1607 году. Вслед за Камышловым здесь побывали казаки Николай Стародубец, Иван Смирный и Кондратий Курочкин. Последний достиг реки Пясины и установил впервые возможность плавания из океана в Енисей.

В 1610 году на Енисее было основано в этом районе первое русское поселение Дудинка, а затем другие русские поселения: Кресты, Волочанка, Боганидка, после чего русские выходят к устью реки Хатанги.

Большой интерес иностранных государств к землям и богатствам нашего севера и Северному морскому пути вызвал сильную реакцию у Петра I.

Петр I, очищая от иноземных захватчиков и ук-

репляя западные границы Государства Российского, не спускал глаз и с Востока.

Дальновидный политик и патриот родины, он отверг «услуги» иностранных государств, считая, что русские сами должны взять в свои руки отыскание новых и торговых северных путей в Восточные страны. Он понимал колоссальную политическую и экономическую выгоду Северного морского пути и в 1719 году был очень озабочен, чтобы в России были свои моряки. Он мечтал открыть академию и морские училища, что и было сделано после его смерти. В 1736 году в Якутске была открыта «Навигационная школа».

В 1725 году Петр I снаряжает в северный район Тихого океана экспедицию под руководством Беринга, а в 1733 году под тем же руководством Беринга, с участием Российской Академии наук, снаряжается новая, великая северная экспедиция, самая крупная, какую знал до этого времени мир, в составе которой насчитывалось 580 человек.

По замыслу Петра I, эта экспедиция должна была «провесть дорогу через Ледовитое море», с тем чтобы связать Камчатку с Европейской Россией.

В течение 9 лет вела работу экспедиция, засняв на карту побережье Ледовитого океана от Белого моря до Колымы, а группа исследователей — Семен Челюскин, братья Харитон и Петр Лаптевы и др., долгое время изучали побережье Таймыра и проезжали по тундре на нартах от Хатанги до Пясино, от озера Таймыр до устья реки Таймыры.

Работа этой экспедиции имела большое значение для будущего Норильска — были обследованы судоходные подступы к Дудинке с моря и с верхнего течения Енисея, изучен район озера Пясино, собраны сведения о геологии района, и были обнаружены каменные угли.

Материалы этой экспедиции и их ценность столь велики, что они не потеряли своего значения еще и в настоящее время.

Участник этой экспедиции Харитон Лаптев сказал однажды своему другу Семену Челюскину: «Россияне будут плавать Северным морским путем... Не ведаю и сам, как сие будет. Но знаю, пойдут российские корабли Северной морской дорогой. Для человека, жаждущего деятельности, великие открываются здесь возможности».

Это были пророческие слова. Русские открыли Северный морской путь и поставили на службу огромные богатства Арктики.

Более подробные опубликованные сведения о географии и геологии Таймыра и Норильска появляются в 1845 году, после того, как этот район был исследован ученым-естествоиспытателем, членом Петербургской Академии Наук А.Ф. Мидендорфом, прибывшим сюда в 1842 году.

Последний был в Дудинке и районе озера Пясино, не заезжая в Норильск. Мидендорф в своем отчете указывал на наличие полезных ископаемых края, в частности каменного угля, что является первым опубликованным сообщением в литературе.

В 1866 году Российской Академией Наук в низовьях Енисея для поисков трупа мамонта был направлен ученый естествоиспытатель, академик Ф.Б. Шмидт.

На обратном пути в Петербург Шмидт остановился в Дудинке и по приглашению дудинского купца Сотникова К.П. дважды побывал в Норильске, где этот купец уже в 1865 году заявил месторождение угля и руды. На склоне горы Рудной в 1919 году экспедицией Урванцева Н.Н. был обнаружен заявочный столб Сотникова с надписью «К.П.С. 1865 г. сент. 1 д». В своем отчете Ф.Б. Шмидт подробно указывает о месторождении угля и меди. В честь этого ученого его именем и было названо впоследствии угольное месторождение в Норильске — гора Шмидта.

В 1868 году купец Сотников в компании с сибирским золотопромышленником Кытмановым

организовали на горе Рудной (около обогатительной фабрики) добычу руды двумя небольшими штольнями и построили рядом шахтную печь. Кирпич для печи был взят из каменной церкви в Дудинке, а взамен ее была построена новая деревянная церковь, на что Сотников получил благословение дудинского священнослужителя.

Построенная на вечной мерзлоте печь провалилась и сгорела ввиду низкой огнеупорности красного кирпича, просуществовав несколько более года. Выплавленные 200 пудов меди были проданы в казну и вывезены в Дудинку на оленях, а потом в Енисейск. На этом металлургия Сотникова прекратила существование.

Остатки «заводика» были обнаружены еще в 1919 году.

Развивающееся судоходство в северных морях и на Енисее, доставка грузов северным путем и дальше по Енисею до Красноярска, предназначенных в то время для строительства Сибирской железной дороги, создали условия, при которых кораблям не хватало топлива для возвращения обратно в западные порты. За уголь платили большие деньги. И вот племянник купца Сотникова А. К. Сотников пробует счастья в горном деле. В 1893–94 годах он организовал добычу угля открытым способом в Норильске, в верховьях Угольного ручья. Разрабатывалась нижняя пачка наиболее чистого второго пласта. Было добыто около 30.000 пудов угля, который на оленях был доставлен в Дудинку. Работало на добыче угля местное население, которое было в «долгу» у Сотникова за получаемые у него товары — табак, чай и др., а практически работа велась бесплатно.

Добытым углем были снабжены находящиеся в Дудинке морские суда русской экспедиции Вилькицкого и Английской Виггинса. На этом добыча угля и была прекращена.

В 1912 году на норвежском судне в устье Енисея прибыл известный норвежский полярный исследователь Фритиоф Нансен. Он добрался до Дудинки и отсюда приступил к ознакомлению с Енисейским Севером.

Нансен был в Пясинской тундре, посетил Туруханск и поднялся по Енисею до Красноярска. В результате своей поездки он написал книгу «В страну будущего» и высказал ряд практических предложений об использовании природных богатств Севера, Северного морского пути и путей к источникам сырья.

Нансен, впервые высказал мысль о необходимости строительства железной дороги из Дудинки в Норильск для выхода Норильских богатств к Енисею.

В 1915 году сын купца Сотникова, тогда студент Томского технологического института, прибыл в Норильск, собрал образцы угля, руды и пород, намереваясь организовать акционерное общество для разработки горных богатств Норильска. Он сделал глазомерную съемку района и поставил заявочные столбы.

Надежды Сотникова воспользоваться богатствами Крайнего Севера для своего обогащения были большой фантазией, им не суждено было осуществиться — произошла Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года.

Районы Крайнего Севера составляют в нашей стране свыше 9 миллионов квадратных километров. Это более одной трети всей территории Советского Союза. На севере проживают народы 26 национальностей.

Енисейский север самый большой район Заполярья. Сразу же после Октябрьской революции 1917 года Енисейский север стал предметом неустанныго внимания Советского правительства и лично Владимира Ильича Ленина.

Ленин выдвинул, как одну из важнейших задач советской власти, — изучение и освоение Арктики,

ее морей, природных богатств и помощь народам, населяющим северные районы.

Величайшей прозорливости В. И. Ленина принадлежит открытый и освоенный советскими людьми путь из Европы на Дальний Восток через моря Арктики.

1918 год. Молодая Советская страна в огне гражданской войны переносит неслыханные страдания. Немцы терзают Украину. На севере — Мурманске и Архангельске — хозяйничают интервенты. Деникинские банды рвутся к Москве. С Востока лезет Колчак. В тисках блокады и голода, героически отбиваясь от интервентов и белогвардейщины, Коммунистическая партия организует их разгром на всех фронтах, одновременно подготавливая все для будущего подъема народного хозяйства.

2 июля 1918 года В. И. Ленин подписывает декрет об ассигновании одного миллиона рублей на организацию гидрографической экспедиции в моря Северного Ледовитого океана для изучения судоходства в Баренцевом и Карском морях, устье Енисея и районах мыса Челюскина и Дежнева, т.е. там, где сейчас проходит трасса Северного морского пути.

В это же время под председательством Ленина Совнаркомом был утвержден план исследований и разработки богатств Крайнего Севера — Норильского и Печорского угольных бассейнов, для обеспечения углем кораблей Северного морского пути и северных районов страны.

В 1921 году Лениным подписывается постановление Совета Труда и Оборона по строительству порта в устье Енисея (Усть-Порт). В этом же году другой экспедицией ведутся первоначальные изыскания железной дороги Норильск — Усть-Порт.

В 1920 году для исследований севера было ассигновано уже 41 миллион рублей.

По личному указанию Ленина в 1919 году Сибревком обязал Сибирский геологический комитет направить в Норильск геологическую экспедицию.

*Слева направо:
завхоз А.И. Левкович, Н.Н.
Урванцев, лекпом Е.И. Урванцева.
Норильск, май 1923 г.*

Эта экспедиция, состоящая из 6 человек, под руководством горного инженера Урванцева Н.Н. имела целью поисков каменного угля в ближайшем расстоянии от Енисея. В 1920 году по предложению ВСНХ в район Норильска Геологическим комитетом направляется вторая более крупная экспедиция из Томска во главе с Н.Н. Урванцевым. Экспедиция ведет работу в тяжелых условиях, при недо-

статке питания, одежды, оборудования и тяжелых климатических условиях.

Связь экспедиции с центром в то время поддерживалась из Дудинки, хотя и плохо работавшим, но проволочным телеграфом, идущим вдоль Енисея на Красноярск.

Работами этой экспедиции были установлены первые подробные данные о месторождении угля и руды, и высказана необходимость проведения разведочных работ.

28 июля 1921 года на восточном склоне горы Шмидта была заложена первая разведочная штольня на уголь, которая ныне получила название шахты № 13, или «Восточная».

В 1922 году группа исследователей в составе Урванцева Н.Н., Бегичева Н.А., Пушкарева и Базанова для отыскания транспортных путей снабжения Но-

рильска спускается по реке Норилке в озеро Пясино и доходит до истоков реки Пясины, делая промеры и съемку реки. Эти данные послужили в дальнейшем началом открытия пути кораблям с Ледовитого океана до порта Валек, на реке Норилке.

Сделанные анализы проб руды норильского месторождения показали совершенно неожиданные результаты. В руде, кроме никеля и меди, оказалось большое количество платины. ВСНХ страны немедленно принял решение развернуть широкие разведочные работы с алмазным бурением и разведочными штольнями.

Большие промышленные пробы руды были направлены в Ленинградский горный институт профессорам Асееву Н.П. и Белоглазову К.Ф. для быстрого изучения и исследования.

По данным изысканий и работам экспедиции Урванцева Н.Н., по Норильскому району в то время рядом руководящих работников Геологического комитета было высказано положение и поставлен вопрос о нецелесообразности проведения дальнейших изысканий и исследований Норильского района ввиду тяжелых климатических и транспортных условий, безлюдности и дороговизны работ и по этим причинам невозможности эксплуатации этого месторождения в дальнейшем.

Президиум Высшего Совета Народного хозяйства страны под председательством Феликса Эдмундовича Дзержинского в 1925 году внимательно рассмотрел этот вопрос, не согласился с неосновательными доводами работников Геологического комитета и принял решение — работы в Норильске продолжать еще более быстрыми темпами и более активно. Для этого в 1925 году в Норильск направляется разведочная экспедиция с составом более 150 человек. Начальником экспедиции товарищ Дзержинский назначает тов. Аллилуева П.С. и заместителем начальника экспедиции т. Урванцева Н.Н.

Экспедиция получает хорошее оборудование и гусеничные тракторы. Объем работ значительно расширился. К этому периоду, кроме месторождения Норильск-1 (гора Рудная, «Угольный ручей», рудник «Северный»), открывается новое месторождение — Норильск-2 в 6 километрах от Норильска, за хлорнокобальтовым цехом.

Таким образом, благодаря работам, проведенным экспедициями Урванцева и Аллилуева, геологическое строение района Норильска, характер рудного и угольного месторождений в стадии предварительных разведок были выяснены к 1928 году.

Наступал второй период — более тяжелый, трудный, ответственный и огромный по своим масштабам.

Требовалось определить запасы руд и углей, месторождения высоких категорий для составления технического проекта. Для этого необходимо развернуть буровые разведочные работы в огромных объемах и пробурить десятки тысяч метров скважин.

В 1930 году начальником Норильской экспедиции назначается геолог А.Е. Воронцов, отдавший исследованию Норильского района весь свой энтузиазм и энергию. Понимая большое государственное значение проблемы Норильска и необходимость широкого ведения разведочных работ, Воронцов обращается в 1932 году с письмом к Сталину и просит оказать помощь экспедиции для форсирования работ, где дает характеристику месторождения, перспективные запасы руды и угля и экономическое значение района. Экспедиции немедленно была оказана помощь средствами, оборудованием, материалами и кадрами. Дела пошли быстрыми темпами, и к 1933 году было пробурено уже 3000 метров скважин, стало создаваться первое жилье, и была построена радиостанция. Благодаря форсированному ведению разведочных работ был произведен подсчет запасов руды и угля и в 1934 г. утвержден в Госу-

А.Е. Воронцов

дарственным Комитете по запасам.

Вплотную стал вопрос о промышленном освоении Норильского района. В конце 1934 года геолог Воронцов был вызван Народным Комиссаром тяжелой промышленности тов. Серго Орджоникидзе для доклада; последний оценил норильскую проблему, как проблему огромного масштаба, которая требует для своего решения внимания ЦК партии и правительства. В

1935 году, в марте месяце, Центральным Комитетом партии и правительством был рассмотрен вопрос о строительстве Норильского комбината и принято положительное решение. Под руководством т. Орджоникидзе была создана комиссия для разработки основных мероприятий, связанных с организацией строительства Норильского комбината, а 23 июня 1935 года вышло Постановление ЦК партии и Совета Народных Комиссаров СССР о строительстве Норильского никелевого комбината с окончанием строительства первой очереди в 1938 году.

В Постановлении указано, что строительство Норильского комбината надо признать ударной стройкой.

С этого времени дело промышленного освоения природных богатств Норильска стало на прочный фундамент и двинулось вперед быстрыми темпами.

Наряду с Норильском, кроме созданного в 1924 году Правительством комитета по Северу, создается большое количество полярных станций на островах и побережье Северного Ледовитого океана, выходит постановление о создании Арктического

института. На линию Северного морского пути выходят советские ледоколы — «Ермак», «Красин», «Сибиряков», «Ленин», «Челюскин» и др.

Через Северный полюс без посадки летят в Америку впервые в мире советские летчики — Чкалов и Громов; ледокольный пароход «Седов» дрейфует в течение двух лет во льдах Ледовитого океана; на дрейфующей льдине создается знаменитая станция «Северный полюс» во главе с Папаниным; в центральные районы Арктики направляются самолеты Молокова, Водопьянова, Мазурука. Все это дало возможность ускоренно познать тайны полярной пустыни.

Началась величественная эпопея строительства Норильска, претворения в жизнь решения нашей партии по созданию на далеком севере угольной базы для флота и предприятий для выпуска цветных металлов, и в первую очередь важнейшего металла для поднимающейся советской индустрии — никеля.

В навигацию 1935 г. большим потоком в район Норильска с запада, юга и севера стали поступать грузы, материалы и первые строители. Контроль и оказание всемерной помощи большой стройке на севере было поручено Красноярскому краевому и Таймырскому окружному комитетам партии (г. Дудинка). Огромные усилия в это дело вкладывал первый секретарь Таймырской окружной партийной организации т. Морозов, погибший на боевом посту при катастрофе на железной дороге в районе Кайеркана в 1938 году, имя которого было присвоено одному из первых подземных рудников комбината, и который стал называться рудником им. Морозова.

Первым начальником строительства Норильского комбината был назначен т. Матвеев. С Игарки шли первые баржи и корабли с лесом, досками и деревянными домами, сопровождаемые энергичным Ефимом Табачниковым, впоследствии ставшим известным металлургом малого металлургического завода и начальником аглофабрики.

С Ледовитого океана, сопровождаемые ледоколами, через Пясинский залив в озеро Пясино и реку Норилку, на Валек, шли суда, груженные оборудованием и материалами. Этот путь продолжался более 20 дней. Ввиду ранних заморозков часть судов каравана замерзла в озере Пясино.

В Дудинке высаживались первые сотни инженеров и рабочих — будущих строителей Норильского комбината, которые пешком напрямую, без дорог и тропок, блуждая по мокрой болотистой тундре, сопровождаемые тучами комаров, шли из Дудинки в Норильск.

Путь продолжался много дней, кончились продукты. На помощь был направлен самолет, сбросивший на парашюте мешки с питанием. Оборванные и полуголодные, люди, наконец, прибыли в Норильск.

Нет жилья. Пришлось более месяца жить под открытым небом, а потом поселиться в палатках. Основным видом транспорта в тот период были лошади. Нужны были овес и сено, которых иногда не было, и тогда на помощь вызывался самолет. Летом 1935 года летчики Герой Советского Союза Молоков с летчиком Махоткиным возили самолетами эти грузы в Норильск, и безызвестный автор Петр Казачкин написал по этому поводу стих, напечатанный в газете «Советский Таймыр»...

Сейчас туда дорога
для людей и груза...
Раньше только хляби были
ягель рос...
И в Норильск Герой Советского Союза
Молоков возил...
капусту и овес.

Еще раньше, в 1932 году, Молоков был в Норильске, откуда в Дудинку добирался пешком и на лошадях, описывая потом этот занятный эпизод. Несколько позднее перевозка грузов и людей из Дудинки и Валька в Норильск велась тракторами.

Создавались «тундровые экспрессы» с прицепами из саней и автомашин, доходившие до 35—40 прицепов, и такие «караваны» двигались от Дудинки иногда до двух недель. Не было дорог, установленные «вешки» заносило снегом, и тогда «поезд» продвигался почти метрами. Тяжело было водителям: в снег и пургу, при свете фар они выходили выискивать дорогу и смену сдавали на ходу у рычагов управления трактора.

Когда машины по разным причинам останавливались не доходя до места назначения, то люди выходили из «экспресса» и двигались до Дудинки или Норильска пешком, при страшном холоде и ветре.

Сколько нервов и человеческого терпения стоил такой путь! Немногим лучше были и транспортные связи с районом Дудинки. «Почтовые лошади» доходили из Красноярска до Дудинки за 45 дней: рейс пароходов из Красноярска в Дудинку продолжался 10 дней, а обратно в Красноярск—15 дней; рейс самолета зимой из Красноярска в Дудинку нередко продолжался до 30 дней—ветры, пурги, отсутствие посадочных площадок мешали движению самолетов.

Норильский край был мало известен, и даже в Советской энциклопедии в 1939 г. сообщалось, что «Норильск находится в 8 километрах к востоку от пристани Дудинки».

Для доставки оборудования, материалов и продуктов питания с порта Валек, поступивших туда Северным морским путем через Пясино, в январе 1936 года была закончена строительством узкоколейная железная дорога Валек — Норильск длиной 13 километров, трасса которой проходила в районе здания театра, профилактория «Заря» и далее на радиостанцию, отделение совхоза на Вальке и порт Валек.

Железнодорожная станция в городе находилась в районе гостиницы. Дорога пересекала улицу Октябрьскую и далее шла к угольным шахтам на «ну-

левой пикет». Время шло быстро. В Норильск приезжали все новые и новые кадры строителей, шахтеров, горняков, металлургов, энергетиков, врачей и химиков.

На «нулевом пикете» и Горной улице, в палатках и деревянных домах селятся первые жители Норильска. За лето 1936 года их прибыло более 1000 человек через Дудинку и Валек; население достигло почти 2000 человек. Развернулось строительство узкоколейной железной дороги Норильск — Дудинка, с обоих направлений одновременно, это была главная стройка; в этом же 1936 году закладывается первая промышленная угольная шахта № 13 («Восточная»).

Проектирование этой шахты велось здесь, на месте. Были выполнены также проекты временной электростанции, кирпичного завода, механических мастерских и дорог.

Это было началом создания своей собственной проектной организации в Норильске. Возглавлял основную проектную группу В.П. Бусыгин; водную группу — Д.К. Волошин; главным инженером комбината был т. Воронцов. Приступили к проектированию опытной обогатительной фабрики.

Начатая в 1936 году строительством железная дорога узкой колеи Норильск — Дудинка, протяженностью в 114 километров, при необыкновенно тяжелых климатических условиях, при наличии вечномерзлых грунтов на трассе, при отсутствии каких-либо механизмов была закончена строительством 17 мая 1937 года, а 18 мая из Дудинки в Норильск вышел первый поезд, прошедший этот путь за 7 суток. Открытие дороги было новой большой победой и праздником норильчан, а труд строителей дороги заслуживает звания поистине героического.

На многих участках дорога была построена по снегу, уклоны не везде были выдержаны, в результате чего поезда ходили до Дудинки по несколько су-

ток, а на отдельных участках поезд останавливался, и паровоз перетаскивал состав через подъем по два вагона и снова продолжал путь. Вход в пассажирский вагон был маленький, имеющим рост выше 160 см приходилось наклонять голову или колени и «вползать» в вагон. В шутку это называлось «не посадка, а присядка», а людей высокого роста железнодорожники называли «негабаритными».

В мае же месяце 1936 года на склоне «Угольного ручья» был заложен первый в Норильске рудник № 1 для добычи жильных руд.

Приступили к строительству опытной обогатительной фабрики. Пущен кирпичный завод № 1. Строятся причалы в Дудинском порту.

Коллектив Норильска пополняется в 1937 году большой группой молодых инженеров комсомольцев — Шаройко А.Е., Перфилов И.М., Васин К.Д., Ярцев К.И. и др., в дальнейшем ставшие на комбинате крупными специалистами: Шаройко — глав. инженер проекта Норильского комбината, Васин — начальник горного управления комбината, Перфилов — зам. начальника комбината по строительству, Ярцев — начальник отдела инженерных изысканий проектной конторы.

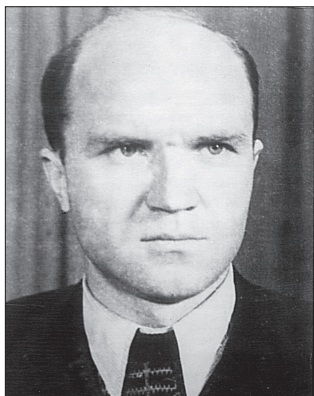
С пуском железной дороги коренным образом изменились условия доставки оборудования, материалов и людей. Дорога стала перевозить сотни тысяч тонн грузов в Норильск, а обратно в Дудинку уже в 1938 году было отгружено для кораблей морского флота около 40 тысяч тонн угля.

Значительно оживилось строительство, приобретая огромный размах.

Центральный Комитет партии, придавая строительству Норильского комбината большое значение, считал, что для руководства подобной стройкой, идущей в необыкновенных и тяжелых условиях, необходим организатор и руководитель большого и огромного размаха, преданный и волевой патриот Ро-

И.М. Перфилов

К.Д. Васин

дины, эрудированный специалист-инженер, могущий посвятить всего себя этому необыкновенному и огромному делу, человек, могущий рисковать и по-большевистски использовать свои большие права в отношениях с людьми. Таким человеком, коммунистом, инженером был виднейший деятель Советского государства Завенягин Авраамий Павлович, назначенный начальником Норильского комбината и прибывший сюда, в Норильск, 17 апреля 1938 года.

А.Е. Шаройко

Сын рабочего, паровозного машиниста, Завенягин шестнадцатилетним юношей в 1917 году вступает в ряды Коммунистической партии. В годы гражданской войны проявляет необыкновенную активность, работая в Московской области секретарем уездного комитета партии, борясь с контрреволюцией, голодом и разрухой.

Партия посылает Завенягина начальником полит-

отдела дивизии, где личным примером, мужеством и отвагой он вселял силу и веру бойцам, деля с ними все тяготы войны. После окончания гражданской войны партия направляет Завенягина секретарем Юзовского окружка партии в Донбасс, где он отдает все силы для увеличения добычи угля, в котором так нуждалась страна.

Окончив горную академию, Авраамий Павлович работает директором института по проектированию заводов черной и цветной металлургии, а затем заместителем Наркома тяжелой промышленности вместе с В. В. Куйбышевым и С. Орджоникидзе.

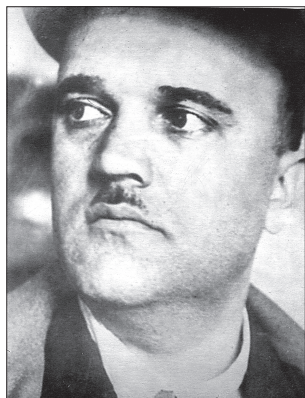
В 1933 году Завенягин назначается директором строящегося Магнитогорского комбината. Горячую любовь снискал Авраамий Павлович у трудящихся Магнитки.

Его имя было известно строителям и работникам промышленности. С его именем считались крупнейшие ученые страны. Он знал, какова жизнь в палатке, поставленной в открытой степи, и какое надо принять решение, от которого зависит судьба тысяч людей.

Это был энергичный и хладнокровный человек, умеющий управлять армией строителей и знать в этой армии по имени и отчеству не только главных инженеров, но и многих рядовых работников.

Он любил трудные дела, требовавшие от него всей души и всего сердца.

За проект создания Норильского комбината Завенягин взялся с жаром. Его интересовало и радовало все. Он считал, что отдаленность не может пугать большевиков, так как недалеко то время, когда Северный морской путь и сообщения по Енисею значительно оживут, а по воздуху будут проложены скорые воздушные дороги; на Таймыр можно привлечь умные и опытные кадры со всей страны; будут, безусловно, найдены способы, как победить вечную мерзлоту и как на ней строить; для борьбы с цингой,

А.П. Завенягин. 1938 г.

пургой и морозами будет создан такой город, в котором люди будут купаться в электрическом свете, будут получать из теплиц свежие овощи и цветы из оранжерей.

Но больше всего ему был дорог огромный размах строительства и выполнение задания партии и правительства по созданию Норильского комбината, чем открывался штурм Заполярья и что стало его жизнью.

Все было им взвешено и рассчитано — где брать лес, где строить порты, базы снабжения и конторы, совхозы и пионерские лагеря.

Центральные проектные организации готовили проект будущего Норильска для утверждения правительством, а Авраамий Павлович, находясь первое время в Дудинке, с присущей ему необыкновенной энергией управлял конкретными делами обеспечения строительства, находясь сегодня на Диксоне — на проводке морских судов, завтра в Игарке решал лесные дела, а послезавтра в Красноярске обеспечивал погрузку и отправку оборудования кораблями по Енисею.

Как высокообразованный инженер и эрудированный специалист, Завенягин не согласился с вариантом проекта комбината, представленного центральными институтами, и сразу после этого принял прозорливое, совершенно необыкновенное решение — создания в Норильске на комбинате своей мощной проектной конторы. Он считал, что если комбинат должен строиться и развиваться темпами, какие установлены Центральным Комитетом партии, то с этой задачей можно справиться только при таком решении — т.е. проектировать комбинат на месте. Завенягин отверг, как абсолютно неверный вариант,

вскрытия и отработки основных рудников комбината подземным способом, что предусматривалось проектом, и предложил строительство рудников будущего Норильска вести открытым способом. Завенягин создает сильный проектный отдел, в работе которого он принимает самое активное и непосредственное участие, предлагая более целесообразные варианты строительства рудников, шахт, металлургических и других предприятий. Он принимает и другое принципиальное решение в отличие от представленного проекта в развитии металлургии, — в Норильске надо выпускать чистые металлы, а не файнштейн, как это указывалось в проекте, который будет лежать 9 месяцев омертвленным капиталом в Дудинском порту.

Проектанты работают дни и ночи над новым проектом комбината. Создаются группы и секторы инженерно-геологическим руководят Ярцев, Павлов, Ким; сектором генплана — Найденов, Елистратов; водных ресурсов — Е.А. Попов, Борисов, Михайлов.

Группой коммуникаций — Соснин В.Н., обогатительной группой — Ненарокомов Ю.Ф., агломерацией — Волошин, металлургической — А.Н. Дампель, А.Г. Гамазин, Ховрин В. Н.

Во главе строителей стали — Стрельцов Е.К., Шер М.Л., Румянцев С.Ф., Бойко И. Н.

Механическая группа состояла из инженеров — Сарафа И.П., Сапожникова А.К., Либинзона В.Я., Бурштына А.Я., Власова и др.

Горняками руководили тт. Васин К.Д., Рабинович Л.А., Муромец.

Технико-экономический сектор вел т. Фиалков А.А. Аналогичного предприятия Норильскому комбинату не было не только в нашей стране, но и во всем мире. Технология переработки руд подобных нашему месторождению неизвестна была никому.

Для «большого» Норильска, в расчеты которого принималась переработка бедных руд с обогащением

ем их, требовалась тщательная технологическая схема, на основе которой должны составляться проекты будущих предприятий—обогадательной фабрики и металлургических заводов.

Для осуществления этого плана и быстрой выдачи никеля в 1938 году форсированно строится малый металлургический завод с его цехами —обогадательной фабрики, аглофабрики, плавильного цеха с шахтными печами и конвертерами, цеха разделительной плавки, обжигового и электролитного цехов, газогенераторной станции и восстановления никелевого порошка газом, электролиза меди по способу Хибинетта и вспомогательные цехи. На механическом заводе шло изготовление оборудования для малого завода прямо на улице, сварщики и котельщики при 30–40-градусном морозе гнули, варили и клепали листы железа, подогревая их на кострах. Героический труд людей был обычным явлением.

Горняки рудника № 1 выдавали жильную руду, которая накапливалась на малом заводе, а шахта № 13 выдавала коксующийся уголь, из которого в ущелье «Угольного ручья» рядом с шахтой получали хороший кокс путем «коксования угля в кучах».

Весь комбинат готовился к тому, чтобы в день открытия XVIII партийного съезда в 1939 году выдать первые тонны штейна. 10 марта 1939 года в день открытия съезда началась загрузка ватержакета. Горновые заняли свои места около выпускной канавы.

Громкое «ура» всех присутствующих встретило первые струи огненного штейна.

Получен первый норильский штейн. В этот день было выдано его 75 тонн.

В марте 1939 года А.П. Завенягин вместе с группой работников комбината был вызван в ЦК партии для доклада о ходе строительства и проектирования комбината. На основе этого доклада вышло постановление ЦК партии и Совнаркома о «форсировании развития Норильского комбината».

Международная обстановка, рост потребности в никеле и других цветных металлах требовали быстрого строительства комбината и необходимости приступить к строительству большого металлургического завода.

Комбинату была оказана большая помощь средствами и материальными ресурсами.

К 1 мая 1939 года заканчивается строительством временная электростанция ВЭС-2. Комбинат отмечает хорошую работу персонала станции — Ширяева, Лысягина, Ямпольского, Кононова и Хромова.

В Норильск приезжает И.М. Байдан — будущий инициатор стахановского движения среди норильских горняков, выполняющий ежедневно не менее 280 % выработки среди бурильщиков.

27 августа 1939 года приступлено к земляным работам на строительстве ТЭЦ. На Доску почета комбината заносятся знатные стахановцы-металлурги — Кракузин, Лавриков, Касьяненко, Мирошников.

В марте заложена шахта № 11 и в декабре началось строительство города Норильска.

В конце 1939 года населенному пункту Норильск правительством присваивается название «рабочий поселок Норильск».

1940 год знаменателен началом строительства большого металлургического завода — ныне никелевого завода, рудника «Угольный ручей», окончанием строительства малой обогатительной фабрики на малом заводе, выдачей первой жильной руды с рудника № 2/4 и закладкой штольни рудника № 3 и шахты № 12.

Тяжелыми в жизни комбината выпали годы 1939 и 1940. Была суровая и свирепая зима, хозяином была «черная пурга». Стройки, улицы, дома за короткое время заносились снегом. Зачастую утром выйти из дома было невозможно, и соседи домов

откапывали двери друг у друга. Расчистка от снега была почти бесполезна, остановилась железная дорога и транспорт.

С огромным напряжением человеческой воли велась борьба со стихией.

В эти годы в Норильск приезжают инженеры-горняки и механики, которые потом стали руководителями горных предприятий — Лисюк С.С., Савва Л.А., Баскаев Г.М., Фугзан М.Д., Коровин К.А., горный механик Агафонов А.И., механик Стифеев Т.Г., шахтер Евзеров М.М., Хромченко С., Виньков, Карлюков Ф., Коваленко А. М., Терновский С.А. и др.

Энергетики — Бронштейн, Александров, Бизяев, Ферштенфельд, Зильберштейн, Бондаровский.

Архитекторы — Непокойчицкий, Миненко, механики Хуторской, Матевич и др.

Строители — Агафонов С. П., Рознатовский Н.Н., Кушнев А.М., Епишев; металлурги — Аристов А.И., Калмыков Б.И., Эпштейн М. Г., Ильичев Г. В., Шепетько.

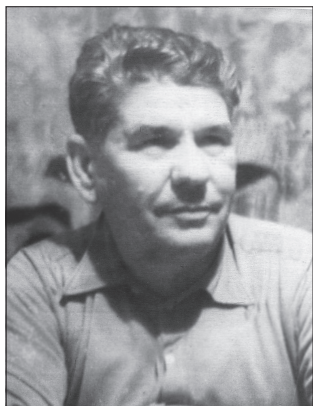
Врачи — Родионов, Розенблюм, Шишкин, Самойлова, Гейнц. Учитель Елисеев В. А. и многие другие.

Механиком Дудинского порта назначается Стифеев Т.Г., главным механиком комбината — Ботвинов С.И., на механический завод идет Захаров Ф.Д.

Главным инженером комбината назначается с 1940 года Зверев В.С.

Строительство комбината приобретает все больший размах, успехи коллектива комбината растут каждый день.

На должность заместителя Наркома в Москву отзывается А.П. Завенягин. Начальником комбината назначается А.А. Панюков, работающий до этого начальником Дудинского порта. В этой обстановке комбинат встречает войну 1941 года, вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз.

С.И. Ботвинов

Многие норильчане добровольно уходят на фронт. Крепче сплачиваются ряды строителей, шахтеров, рударей, металлургов, транспортников.

Больше руды и угля на-гора! Больше металла фронту!

Норильский металл стал нужен Родине, как никогда. Через 6 дней после начала войны прекратил свою работу пущенный в 1938 году и выдававший в больших количествах и высокого качества никель и кобальт комбинат «Североникель». Страна и наша промышленность оказалась в тяжелейшем положении. Без никеля тяжело вести успешно войну, он нужен в первую очередь на броню танков, кораблей, самолетов в пушки и снаряды.

А.А. Панюков и А.П. Завенягин

Правительством принимается решение об эвакуации комбината «Североникель» в Норильск.

День и ночь, без сна и отдыха шла работа по демонтажу совершенно нового оборудования у мончегорцев. Его грузили на вагоны и вместе с людьми — рабочими, инженерами и их семьями — направляли в дальний путь, через Северный Ледовитый океан, Архангельск и Мурманск, в неизвестный им Норильск.

Тяжело было ехать. Фашистские самолеты-стервятники бомбили составы с людьми и оборудованием по железной дороге, а при выходе кораблей из морских портов и по пути в океане покушались подводные лодки.

Под охраной сторожевых кораблей большой караван грузовых судов почти с 4 тысячами людей, взрослых и детей, шел Северным морским путем в Норильск около 13 суток. Взрослые и дети лежали на нарах, сбитых из досок, недостаток воды и питания вызывал заболевания. Порт Дудинка и Норильск приветливо встретили мончегорцев.

Много труда стоило норильчанам расселить армию прибывших людей. Селились везде, где только было возможно, не считаясь с условиями.

Не теряя ни одного дня, опытные рабочие и инженеры — горняки, строители, металлурги, геологи, механики, химики включались в общую борьбу коллектива норильчан за быстрейшую выдачу металла фронту, строительство комбината и проектные работы.

В числе приехавших мончегорцев были главный инженер комбината «Североникель» Береснев И.С., металлурги — Логинов, Белов, Филатов, Кужель, Дарьяльский, Захаров, Волкова, Знаменский, Иевлев, Терпogosов, Гусаковский, Петров Б.В., Бусько А.В., Гирбасов, Киреенко Ф.Т., Иванов М.С., Бродницкий К.Н., Шулико В.Т;

горняки — Усевич, горный механик Глазунов, механики — Воронин А.Ф., Компанеец И.П., Ждан Н.Р., Лебединский В. Н.;

С.И. Сердаков

геологи — Усевич А.А., Шешукова Г.М. и энергетики — Фрумкин, Вершинин; строители — Всесвятский В.Н., Полтава В., Анисимов Л.И.;

опытные мастера-металлурги — Бабушкин, Ахлюстин, Левенко, Афанасьев, Сердаков, Ковалев, Романов, Нижегородов, Федюха, Лисин и много других.

Самой ближайшей задачей перед коллективом комбината и строителями в эту пору была — выдать к 1 мая 1942 года первый электролитный никель с малого металлургического завода. Для этого надо закончить строительством передел разделения файнштейна, обжиговой цех и цех электролиза. День и ночь кипела работа по монтажу этих цехов.

Отставание в монтаже обжигового цеха малого завода, вызванное неустойчивостью оборудования, установленного на вечной мерзлоте, приводило к серьезной задержке, срыву взятых обязательств коллективом комбината по выдаче электролитного никеля к 1 мая.

Нельзя было получить анодов из закиси никеля. И здесь впервые в практике цветной металлургии инженерами Захаровым, Дарьяльским, Иевлевым было принято решение пускать цех электролиза никеля на анодах из файнштейна с содержанием серы до 23%. Для недопущения растрескивания анодов делалась железная арматура и в нее заливался расплавленный файнштейн. Так был решен и освоен новый процесс на высокосернистых анодах, и первый норильский никель был выдан в срок — 1 мая 1942 года.

Получением катодного никеля на малом заводе завершается освоение всей схемы переработки жильных руд и наступает новый период, когда на

малой обогатительной фабрике развертываются работы по освоению схемы переработки бедных вкрапленных руд с получением коллективного концентрата, его агломерации и плавки в печах.

Малый завод стал основной школой подготовки кадров металлургов — рабочих, мастеров, инженеров и исследователей всех специальностей для большого металлургического завода. Самоотверженный труд людей, огромный размах социалистического соревнования на всех участках, сменах, бригадах, борьба за каждый дополнительно выданный килограмм никеля, меди и платины для фронта — для разгрома фашизма Красной Армией, был невиданным до сих пор. Шахтеры соревновались с рударями, строители с металлургами, железнодорожники с автотранспортниками. У всех одна цель и один вопрос! Сколько выдал сегодня продукции сверх плана?!

23 февраля 1942 года в день 24-й годовщины Красной Армии задувается первый ватержакет большого завода и в апреле — первый конвертер.

Для оказания помощи стройкам 18 апреля был проведен общекомбинатский субботник трудящихся, на который вышло 22 тысячи человек. Началось строительство цеха электролиза никеля большого металлургического завода.

18 ноября 1942 года досрочно выполнен годовой план по катодному никелю малым заводом.

6 декабря запущен второй ватержакет, а 13 декабря 1942 года ТЭЦ дала промышленный ток. Пущена одна печь Герресофа. Бойцам Красной Армии собрано подарков на 654 тыс. рублей и продуктов ленинградцам 11,8 тонны.

В феврале месяце 1943 года от Верховного Главнокомандующего Сталина трудящиеся комбината получают благодарность за сбор средств на постройку танковой колонны «Красноярский рабочий» и дивизиона зенитных пушек.

Пускается сернокислотный и бисульфатный цехи.

Государственный комитет обороны выносит Постановление о резком увеличении никеля на комбинате.

7 апреля 1943 года в строй действующих предприятий вступил цех электролиза никеля большого завода. Дан ток на ванны электролиза. Комбинату присваивается звание лучшего предприятия Министерства. На строительство комбината прибывает 900 человек юношей и девушек, направленных Красноярским крайкомом комсомола.

Пущен кислородный завод.

В июле 1944 года началось строительство большой обогатительной фабрики.

В ноябре пущена вторая турбина ТЭЦ.

5 декабря комбинат выполняет план года по всем показателям.

18 декабря открылась первая партийная конференция большевиков Норильска.

А.П. Завенягин поздравляет коллектив комбината со званием лучшего предприятия министерства. 1943 г.

С.М. Енин

21 декабря выдан первый лигроин с крекинг-установки.

Строители Норильской ТЭЦ, как победители в соревновании, 25 декабря получают Знамя Государственного Комитета Обороны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 188 работников комбината награждаются орденами, из них: орденом Ленина — тт. Байдин — бурильщик, Бочарников — инженер-исследователь, Воронцов — начальник экспедиции, Енин С. — начальник «Металлургстроя», Захаров — начальник Главка, Панюков — начальник комбината, Перфилов — начальник «ТЭЦ-строя». Это награждение совпало с битвой советских войск на Курской дуге и г. Орлом.

С каждым днем растет выпуск никеля на комбинате. Он идет уже тысячами тонн на оборонные заводы. На фронте все могучее наносятся удары родной Красной Армией по немецким фашистам. Больше никеля — крепче броня, больше пушек — скорее победа! Еще больший размах приобретает строительство комбината. Кругом море строительных лесов.

Норильск становится местом, на который обращается внимание не только в нашей стране, но им начинают интересоваться за границей. Вот что писала о Норильске в то время одна американская газета, поступившая на комбинат: «Норильск — центр цветной металлургии в Сибири. Морис Гинцус, корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн», сообщает из Норильска: Норильск, 29 сентября.

Среди американцев немногие слышали о Норильске, но для русских Норильск является символом торжества человека над природой Севера. Уже с некоторых пор этот ныне процветающий индуст-

риальный центр, самый крупный в своем роде, составляет военным заводам бесценные металлургические принадлежности.

Норильск — город, состоящий из маленьких избу и заводов-великанов. Железнодорожная ветка соединяет его с Дудинкой, портом на Енисее, 75 миль к западу. Регулярное воздушное сообщение с Красноярском, расположенным на тысячу миль к югу, является самой близкой связью с сибирской железной дорогой. Разумеется, телефонная связь с Москвой и Красноярском — постоянна.

В Норильске имеется несколько небольших городских парков, постоянный театр, электрическая централь, футбольный зал, залы для танцев, кинокартин и лекций. Есть средняя школа, металлургическое училище и промышленное училище, преподающее 71 специальность. Однако Норильск расположен в северной Сибири, у семидесятой параллели, в области вечной мерзлоты, в «замороженной пустыне», как говорилось до появления в печати «Дружественной Арктики» Вильямура Стифансона.

Здесь лето длится каких-нибудь десять недель. Зимой полярная ночь продолжается три месяца. Неделями метет полярная пурга.

Вначале ввиду жестокой погоды плановая комиссия разрешила 67 безработных дней в течение зимы. Теперь же, ввиду новых способов преодоления сурового климата, позволяется лишь семь безработных дней.

Норильск — живое доказательство того, с каким напряжением Россия распространяла цивилизацию на далекий Север.

Первыми, кто в 1919 году посетил то место, где ныне стоит город, были геолог профессор Урванцев и сопровождавший его товарищ Воронцов.

В современной, технически оснащенной войне без никеля воевать успешно почти невозможно. Это отлично понимали главари фашистской Германии.

Проникший слух о Норильске за границу, о неведомом до сих пор комбинате, выпускающем никель, встревожил их. Броня без никеля — это сотни тысяч дополнительно погибших солдат, что равносильно проигрышу не одного большого сражения. И немецкое командование идет на далекую и большую диверсию. В район Диксона и устье Енисея оно посылает самый крупный в то время военный линейный корабль немецкого флота «Адмирал Шеер» с группой других судов с целью топить караваны грузовых судов при входе в Енисей, закрыть фарватер и тем самым прекратить движение морских судов по реке и снабжение оборудованием, материалами и продуктами питания комбинат и население Норильска, тем самым остановить или сократить производство никеля, чем ослабить все нарастающую мощь ударов Красной Армии по немецким войскам. Линкор своими тяжелыми орудиями нанес ущерб Диксону и торговым караванам, но не смог завершить своего подлого дела до конца. Энергичные меры, принятые советским командованием, привели к быстрому очищению этого района от немецких кораблей и их ликвидации.

И хотя фронт был далеко, но дыхание войны достигло Норильска.

В больницах появились первые раненые моряки, доставленные нашими транспортными самолетами с Диксона. Норильск и Дудинка приняли меры предосторожности.

Горные работы начали ощущать недостаток взрывчатки. Было принято решение восполнить недостаток взрывчатки постройкой окисиликвитного завода. Нашлись энтузиасты этого дела тт. Зинюк, Усевич И., Иванов К., Фугзан М.

Важная проблема была решена. Завод заработал.

На комбинате не было кастрюль варить обед — большая беда. На механическом заводе организуется их производство. Не было своего цемента и гипса.

Обратились к геологам — спустя немного времени нашли гипс и сырье для цемента — алевролит.

Не было бензина для машин — организовали производство. А сколько таких вопросов и проблем было решено, сколько волнений, переживаний, надежд и разочарований, сколько труда героического, незаметного и скромного затрачено, сколько мелких предприятий таких построено по нужде — всего не перечесть.

Ухудшилось дело с питанием, сократили нормы отпуска продуктов по карточкам. Но не пали духом норильчане, герои тыла.

В хвое елки был обнаружен витамин «С»; быстро наладили производство хвойного кваса, который обязаны были пить все по «распоряжению», чтобы не потерять сил и не заболеть цингой.

12 мая 1944 года Государственный Комитет Обороны принял новое постановление об увеличении выпуска Норильского никеля. По сравнению с прошлым годом надо было увеличить производство никеля на 63 %, меди черновой — на 83 %, освоить производство кобальта. Собралась очередная партийная конференция комбината. Решался вопрос о дальнейших мерах по увеличению выпуска металла.

Если до сего времени из комбината никель вывозился грузовыми самолетами гражданской авиации, то сейчас для этой цели была снята с фронта крупная воинская часть тяжелых боевых самолетов под командованием известного в стране военного летчика т. Лахова, погибшего потом при катастрофе самолета в районе Кайеркана. Круглые сутки своим шумом самолеты напоминали и призывали строителей, горняков, шахтеров и металлургов Норильска к новым трудовым подвигам — фронту нужен металл, как можно больше, металл нужен сегодня и только сегодня, для окончательной победы над врагом; наша победа близка!

В мае 1944 года комбинату, как победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании,

присуждается переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. 25 июня на митинге трудящихся комбината командир гвардейской дивизии полковник Фокин, прибывший с фронта, вручает начальнику комбината тов. Панюкову Красное знамя. В ответ на эту награду трудящиеся комбината ответили досрочным выполнением полугодового плана по всем видам продукции 17 июня.

Знамя вручалось в ДИТРе. Переполненный зал бурной овацией встречал приветствие т. Фокина и ответные слова т. Панюкова — «норильчане не подведут нашу славную армию и удержат это знамя Славы до полной победы над врагом». А в это время доблестные войска Красной Армии, наступая, уже переходили рубежи нашей Родины.

Находящийся в зале поэт Казимир Лисовский выразил этот торжественный момент вручения знамени следующими словами:

... Знамя мужества, знамя доблести!
Алый бархат в руках шуршит,
В нем — огней золотые отблески,
В нем — частица нашей души.
Знамя славы — наша награда!
Как святыню, как честь свою,
Пронесем его сквозь преграды,
До победы полной в бою.

За стахановской вахтой следовала неделя салютов, месячник смотра организации труда и сбора рационализаторских предложений. Непоборимая сила соревнования заставляла быстрее двигать поезда полярной магистрали, ярче гореть топки плавильных печей и котлов электростанции. Стремление победить, выйти первым в смене и бригаде утраивало энергию.

Соревнующимися за лучшие показатели среди рабочих и мастеров-металлургов были Сердаков, Глазков, Родичев, Комаров, Куприянов, Потапов, Кра-

кузин, Спирин, Алексеев, Вяткин, Лавриков, Чижин, Ковалев; инженеров — Знаменский, Аристов, Калмыков, Катаев и других.

Вслед за металлургами загремели рекордами горняки — Байдин, Петухов, Рагулин и др.

От отдельных рекордов переходили к рекордам по смене, цеху, шахте, заводу. В этом году знамя ГКО вручалось комбинату 6-й раз.

В октябре открывается горнометаллургический техникум как база для подготовки кадров.

Строители комбината продолжали широким фронтом вводить все новые и новые мощности.

Наступил 1945 год. Вступает в строй действующих предприятий завод, выпускающий новый важный металл, и агломерационная фабрика. Идет строительство рудника «Угольный ручей», обогатительной фабрики, коксохимического завода, аэродрома, сооружение водовода Норилка — ТЭЦ, домов в городе и железной дороги широкой колеи Норильск — Дудинка.

Огромный труд вложили строители комбината в общую борьбу норильчан. Не жалея сил и здоровья, трудились строители — Н.В. Волохов, Агафонов С.П., Рознатовский, Валануца, Ермилов, Кушнев, Фомин, Кошелев, Анисимов, Гарфункель, Всесвятский, Муравьев, Енин, Махновецкий, Коковин, Локштанов, Иоффе, Левитанский, Лавров, Эпштейн, Вайшенкер, Коляда, Арсентьев, Леринман, Епишев.

Правительство отпускает средства на строительство двух домов отдыха «Таежный» и на оз. Лама. Впервые норильчанам был разрешен двухнедельный отпуск. Созданный в 1941 году Норильский заполярный театр, теперь получил новое здание на 450 мест, в котором продолжают свою замечательную творческую деятельность артисты — Юровская, Шелагин, Лукьянов и другие.

Выпуск никеля увеличился по сравнению с прошлым годом на 63 %, черновой меди — на 83 %,

освоено производство нового важного металла кобальта.

Красная Армия разгромила фашистскую Германию и водрузила Знамя Победы над Рейхстагом.

9 мая, в День Победы, на стадионе состоялся многотысячный митинг трудящихся Норильска.

11 мая 1945 года Государственный Комитет Обороны принимает решение об увеличении производства никеля на комбинате.

17 мая 1945 года выходит указ Президиума Верховного Совета о награждении 337 человек трудящихся комбината орденами и медалями, из них орденом Ленина награждаются: Бизяев А.П. — главный энергетик комбината; Иевлев И.С. — начальник цеха электролиза никеля; Петухов А.И. — бурильщик шахты № 13. За период войны комбинат 13 раз завоевывал в соревновании знамя Государственного Комитета Обороны, и на вечное хранение переданы два знамени — комбинату и ТЭЦ.

Снова всколыхнулись норильчане на трудовые подвиги.

1 мая 1946 года знатный норильский бурильщик Иван Рагулин заехал во время отпуска в Кривой Рог к своему другу, известному в стране бурильщику Семиволосу. Рагулин спустился в шахту и выработал 1650 %. Его напарник по Норильску бурильщик Иван Гуцол, работавший на руднике № 3/6, в ответ на это выработал 1318% нормы, отбил 68 кубометров горной массы и заработал за смену 1727 руб.; через 5 дней бурильщик рудника № 2/4 Максименко выработал 1660 % нормы, а бурильщик рудника № 3/6 Белозеров дал 1802 % нормы и заработал за смену 2392 руб.

В эти дни мая на всех предприятиях сменах, бригадах были достигнуты небывалые показатели. В обжиговом цехе завода старший мастер Андреев М.А. обеспечивает выполнение плана цеха на 190 %.

На шахтных печах плавильного цеха мастер т. Федюха, Киприянов и Кракузин достигли проплава в 76 т шихты с квадратного метра.

Машинист экскаватора т. Песс на «Угольном ручье» переработал за смену 8280 т горной массы.

За разработку новой схемы переработки шламов совместно с институтом Академии Наук СССР впервые двум инженерам комбината Бересневу И.С. и Киреенко Ф.Т. присуждается звание лауреатов Сталинской премии.

В 1948 году начальник комбината Панюков А.А. отзывается в Москву, начальником комбината назначается Зверев В.С., главным инженером комбината т. Береснев И.С. Вся деятельность комбината подчинена строительству обогатительной фабрики. Руководители стройки т. Ройтер Л.А., Матевич, Вальц много вложили своего труда и опыта в организацию строительных работ. Достаточно потрудились во время пуска инженеры фабрики Лебединский, Гитгарц, Озолин, Шмидт, Прищенко, Калинин, директор фабрики Логинов, главный инженер Шаройко, Никонов А.И., Малицкий, Волкова, Муравьев А.М., Никонова А.

5 ноября 1948 года фабрика была пущена. Заработали дробильные агрегаты. Завершился переход комбината на постоянную технологическую схему и переработку вкрапленных руд. Рудники «Угольный ручей», «Гора Рудная» стали подавать руду на фабрику, а рядом шло строительство подземного рудника № 7/9. На другой строительной площадке у Зуб-горы началось строительство медного завода. Усиливается строительство жилья в городе.

В.С. Зверев

Главный архитектор города Непокойчицкий В. С. получает в 1949 году первую премию на смотре-конкурсе городов РСФСР. На письмах норильчан появились адреса норильских улиц — Орджоникидзе, Мончегорская, Пионерская, Комсомольская, Севастопольская, Южная и др. За разработку нового мощного взрывчатого вещества — оксиликвита для открытых горных работ. второй группе норильских инженеров горняков в 1949 году, в составе тт. Васина К.Д., Усевича И.В., Иванова К.И. и Фугзана М.Д. присваивается звание лауреатов Сталинской премии.

Улицы города украсились красивыми фонарями и массой света. Начала работать в новом здании техническая библиотека, открылся Дом политического просвещения, закончен строительством зимний спортивный зал — большое сооружение, построенное силами субботников трудящихся Норильска.

Открываются новые хорошие школы. Дом пионеров, кино, заочный политехнический институт. Геологи комбината упорно продолжали расширять границы рудного и угольного месторождений. На геологических картах появляются новые участки, где выявлены руда и уголь, — Зуб-гора, Моронга, Черногорка, Имангда, Кайеркан с огромными запасами угля и ряд других.

Обследуются районы Хатанги, Курейки и Тунгусский бассейн, где обнаружены впервые огромные запасы железных руд. Большой труд вложили в эти исследования геологи комбината — профессора Урванцев Н.Н. и Котульский, геологи — Воронцов, Шешукова, Розанов, Нелюбин, Моор, Коровяков, Роговер, Корешков; топографы — Шевцов, Грязнов, Маслов, Шейнманн, Сорокин; геодезисты — Успенский, Аброшкевич, Булмасов; буровики — Сапрыкин, Котельников, Ломаков, Воронов, Литвинов, Зуев и многие другие.

Страна сильно нуждалась в электролитной меди. Пущенный осенью 1949 года, плавильный цех мед-

ного завода выдавал черновую медь. В 1950 году весь коллектив комбината, строительные конторы и помогающие им эксплуатационные предприятия заканчивали строить медный завод.

Директора и механики эксплуатационных предприятий с рабочими выходили на отведенные им участки строительства и руководили работой. Питание доставлялось на рабочее место. Работа шла все 24 часа. Это была поистине народная стройка. Коммунистам и комсомольцам стать в первые ряды стройки — такое решение вынес партийный актив комбината. Много труда и невероятных усилий было затрачено коллективом конторы «Спецстрой» и его руководителями Всесвятским В.Н. и Кошелевым С.П., директором ТЭЦ Бондаровским и другими.

В конце декабря месяца 1950 года на ванны цеха электролиза меди был подан ток.

Норильская электролитная медь была выдана. Возглавили работу завода старые опытные инженеры тт. Кибалин, Каландаров и Киселев.

Это была очередная большая победа норильчан. За период с 1945 по 1950 год правительство награждает две больших группы тружеников Заполярья орденами и медалями и среди них орденом Ленина: Агафонов С.П., Анисимов Л.И., Береснев И.С., Васин К.Д., Веревкин А.Ф., Глазунов В.Н., Ермилов Б.Ф., Жмыхов И. М., Зверев В.С., Логинов А.Б., Панюков А.А., Михно Я.К., Угланов В.А., Шишкин Ф.Г., Глазков Н.А., Смердов Г.К.

6 ноября 1951 года был подан первый состав руды на обогатительную фабрику с нового рудника «Медвежий ручей», а в декабре месяце — с рудника № 7/9.

Вступили в строй рудник алевролитов и цементный завод. Металлурги комбината совместно с учеными Ленинградского горного института внедрили новый процесс флотации фаянштейна, что коренным образом изменило технологию производства никеля.

Много сил и труда было вложено обогатителями и металлургами Ильичевым Г.В., Аристовым А.И., Волковой А.П., Омаровым, Малковым, Белоглазовым К.К. в создание этого процесса.

В 1951 году за разработку и внедрение нового способа получения чистого металла третьей группе норильских инженеров тов. Дарьяльскому В.А., Терпогосову В.В., Иевлеву И.С. присуждается звание лауреатов Сталинской премии.

Главным инженером комбината вместо тов. Береснева назначается Терпогосов В.В. — молодой, жизнерадостный, энергичный и способный инженер-металлург.

Крупным и большим событием конца 1952 года для комбината было окончание строительства дороги широкой колеи Норильск — Дудинка. Поезд стал проходить это расстояние в 90 км за 4 часа.

В 1953 году заканчивается строительство последнего металлургического объекта — завода по переработке шламов, руководителями которого стали Лапин Ю.Д. и Соколов А.П., а в 1954 году — остальных цехов механического завода и новой турбины ТЭЦ.

Строительство основных объектов, рассчитанное по первоначальному плану и проекту на развитие первой очереди комбината, было закончено.

В 1953 году в расцвете сил скончался главный инженер комбината В.В. Терпогосов.

В 1954 году после большой, плодотворной, продолжительной и крайне напряженной работы из Норильска выезжает директор комбината В. С. Зверев.

С 1953 г. главным инженером комбината назначается В.А. Дарьяльский и директором комбината с 1954 года А.Б. Логинов.

В 1953 году рабочий поселок Норильск Указом Президиума Верховного Совета СССР преобразовывается в город Норильск.

Комбинат переходит в ведение Министерства металлургической промышленности, а потом Министерства цветной металлургии.

А.Б. Логинов

Трудящиеся города в 1953 г. избирают первый Норильский городской Совет депутатов трудящихся. Его председателем избирается А.С. Бурмакин.

В 1953 году партийной организацией комбината и города избирается первый Норильский городской комитет партии; создаются горком комсомола и Таймырский окружком профсоюза.

Наступает новый период в жизни молодого Норильского комбината и города, характерный огромными преобразованиями в организации производства, обеспечении рабочей силой, развитии во всех звеньях критики и самокритики и политического воспитания людей.

В 1954 году, учитывая большую важность выпускаемых Норильским комбинатом цветных металлов для нашей промышленности, правительством Союза ССР принимается координальное решение об обеспечении комбината кадрами постоянных рабочих.

Предприятия комбината крайне нуждались в рабочей силе. Были периоды, когда отсутствие рабочих приводило к остановке предприятий на продолжительное время. Стояли шахты, рудники, строительные конторы и переделы заводов. Пополнение новыми рабочими шло быстро, но острый недостаток или полное отсутствие жилья на отдельных площадках усугубляли тяжелое положение дел на комбинате, что приводило к неритмичной работе с выполнением плана по основным видам продукции.

За эти годы на комбинат прибыли десятки тысяч новых рабочих в основном неквалифицированных, не имеющих производственных навыков. Принимались огромные усилия для расселения людей.

Временное жилье в виде бараков превращалось в комнатную систему с минимальными удобствами, центральным или печным отоплением и водоразборными колонками на улицах. В этих временных поселках строились и пускались новые магазины, столовые, детясли и детские сады, школы и кино, но велики были трудности. Перед комбинатом стоял основной вопрос, который требовал решения — строительство постоянного жилья. В этом был будущий успех его производственной деятельности.

В этот период в несколько раз сократились ассигнования на строительство промышленности. План выпуска продукции непрерывно возрастал. Создавались отдельные «узкие» места, особенно в работе горных предприятий. Острый недостаток горной техники, отсутствие квалифицированных кадров рабочих и инженеров болезненно сказывались на работе предприятий.

Основные работы по строительству в промышленности велись на окончании строительства объектов и все внимание сосредоточивалось на строительстве жилья.

По призыву партии и правительства на помощь комбинату, находящемуся в тяжелом положении, шли комсомольцы Москвы, Ленинграда и демобилизованные воины. Около 7 тысяч человек молодых рабочих юношей и девушек прибыло в 1956 году, принеся с собой энтузиазм, волю к победе и пренебрежение к трудностям. Они шли на самые ответственные участки работы. Мало было среди них тех, кто испугался борьбы с суровым севером. Все они потом стали ведущими квалифицированными рабочими, а многие из них упорно учились, закончили без отрыва от производства норильский техникум или вечерний институт и стали специалистами.

Прошло несколько лет, и молодые люди, когда-то новые рабочие, возмужали, дисциплинировались, освоили дело, и на всех участках деятельности ком-

бината снова начало разгораться знамя социалистического соревнования.

Новым постановлением правительства предусматривалось дальнейшее строительство и развитие Норильского комбината. По Енисею и Северным морским путем корабли усиленно стали доставлять новую технику, особенно горную, — мощные экскаваторы и электровозы, буровые станки и бурильные установки, тяжелые автомашины, краны и бульдозеры, угольные комбайны и проходческие машины, рельсы и кабель. Новая техника в руках умелых людей — это огромная сила, которая быстро стала ставить работу комбината на твердые ноги.

Советское радио ранним январским утром 1957 года принесло норильчанам печальную весть. Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР сообщали о преждевременной смерти Авраамия Павловича Завенягина — первого заместителя председателя Совета Министров СССР, крупного государственного деятеля нашей страны, члена ЦК КПСС, дважды Героя Социалистического Труда, награжденного шестью орденами Ленина и медалями, лауреата Сталинской премии.

Постановлением правительства Норильскому горнометаллургическому комбинату присваивается имя А.П. Завенягина.

Смерть Завенягина была тяжелой утратой для советского народа и особенно для норильчан, о жизни и быте которых он никогда не забывал, а деятельностью комбината интересовался, гордился им и всемерно помогал.

В 1957 г. из комбината выехал А.Б. Логинов. Директором комбината назначается В.В. Дроздов, опытный и оперативный руководитель, проработавший в никелевой промышленности около 25 лет. За работу и внедрение нового технологического процесса ему присвоено звание лауреата Сталинской премии. Главным инженером комбината в 1958 году

В.В. Дроздов

становится т. Долгих вместо ушедшего по состоянию здоровья т. Дарьяльского В.А.

Во втором полугодии 1957 года комбинат уверенно начал выполнять государственный план, и с тех пор на протяжении 10 кварталов 1958, 1959 и 1960 годов, без перерыва, в социалистическом соревновании между предприятиями коллективу комбината присваивается переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. При большой помощи Центрального Комитета нашей партии, крайкома КПСС и Красноярского совнархоза коллектив комбината уверенно увеличивает выпуск важных цветных металлов для народного хозяйства.

По сравнению с 1957 годом в 1960 году выпуск увеличивается: никеля — на 127,5 %, меди — на 113,7 %, кобальта — на 138,8 %, платиноидов — на 114,9 %, селена — на 108,7 %, горной массы — на 178 %, выработка электроэнергии — на 125 %, производительность экскаваторов возрастает на 138 %, буровых станков — на 165%.

На рудниках открытых работ перерабатывается в сутки до 120 тысяч тонн горной массы.

Возросло извлечение на обогатительной фабрике никеля на 3,6 % и меди — на 2,4 %, на металлургических предприятиях никеля — на 3,5 %, меди — на 2,7 %, кобальта — на 22,3 %. Повышение извлечения позволило в 1959 году выдать сверх плана значительное количество никеля, меди и кобальта.

Рост качественных и количественных показателей сопровождается ростом производительности труда на одного промпроизводственного рабочего по сравнению с 1957 годом на 37 %, при росте заработной платы на 16,7 %.

На предприятиях комбината было занято менее чем в 1957 году рабочих на 2700 человек, ИТР — на 1100 человек. Свыше 95 % всех трудящихся, работающих на комбинате, переведено на сокращенный рабочий день.

После многих лет деятельности комбината, когда он находился на дотации, в 1958 году он стал рентабельным предприятием и дал 96 млн. рублей прибыли от реализации товарной продукции.

Значительно усилилось строительство комбината. За этот период в промышленное строительство и энергетику вложены сотни миллионов рублей. Построено 133 тыс. м² благоустроенной жилой площади.

Закончена строительством угольная шахта «Западная-Коксовая» и заканчивается строительством шахта «Кайеркан-Новая»; электрифицирована железная дорога Норильск— Кайеркан и весь норильский узел.

Большие средства вложены в развитие рудников «Медвежий ручей», «Угольный ручей» и 7/9, что позволило резко увеличить их мощность. Обогательная фабрика благодаря проводимой реконструкции превысила переработку руды по сравнению с проектной на 15 %; началось коренное изменение технологической схемы работы никелевого завода и его реконструкция.

Введена в работу самая большая в стране руднотермическая электропечь для плавки концентрата и агломерата мощностью в 33 тыс. киловатт, и в 1960 году пускается вторая электропечь.

Начаты строительные работы по переводу аглофабрики с производства агломерата на сухой окатный концентрат; заменяется обжиг никелевого концентрата в механических печах на автоматизированные печи в «кипящем слое».

На медном заводе готовится к пуску вторая отражательная печь; идет расширение ТЭЦ — готовится к пуску в 1960 году новая турбина и ведутся

строительные работы к пуску больших турбин и котлов высокого давления.

На полную мощность работают заводы строительной индустрии — железобетонный, цементный и кирпичный. Выполнен большой объем работ по водоснабжению и теплоснабжению предприятий комбината и города.

Большое внимание за эти годы комбинатом и Норильским городским комитетом партии было уделено строительству жилья. Благодаря этому, планы по жилью выполнялись каждый год.

Из временных бараков и «балков» только за 1959 год и I квартал 1960 года переселено в благоустроенные общежития 4230 семей и 4000 человек одиночек в хорошие общежития.

Кроме жилья, построены: телецентр, музыкальная школа с концертным залом на 400 мест, широкоэкранный кинотеатр на 1200 мест, плавательный бассейн, две средних школы на 1840 мест, два корпуса больницы, детские учреждения на 750 мест, 8 магазинов, 2 столовых, молокозавод. В городе работает 112 магазинов, 62 столовых, ресторан, два кафетерия, автомат-закусочная, 5 магазинов кулинарии и другие предприятия общественного питания. Широкое распространение получила индустриализация строительства — сборный железобетон, кирпичные блоки, фибролитовые плиты. На строительстве работает большое количество машин и механизмов.

Завершен полный переход на свайное фундаментное строительство, что снизило трудовые затраты на возведение фундаментов в 3,5 раза.

Коэффициент сборности в жилищном строительстве достиг 0,63.

В результате этих мероприятий производительность труда на строительстве повысилась в 1959 году к 1957 году на 58 %.

Огромный размах и большее внимание на ком-

бинате уделяется вопросам внедрения новой техники и технологии.

Постановление ЦК КПСС и правительства от 26 февраля 1959 года по комплексной автоматизации и механизации Норильского комбината еще больше нацелило и всколыхнуло всех трудящихся комбината на решение этой первоочередной государственной задачи. За эти годы рабочие и инженерно-технические работники комбината разрабатывали, решали и внедряли многие новшества из новой техники, главными из которых нужно считать: создание нового скоростного высокопроизводительного бурового станка НБС-2 для открытых рудников. Его создали наши инженеры-конструкторы и механики тт. Шишаев В.Г., Стифеев Т.Г., Дейч Г.Г.

Как показала практика работы 4-х таких станков, изготовленных на комбинате, производительность их по сравнению со станками БС-1 увеличилась в 3 раза. Значительно улучшены условия труда рабочих, находящихся теперь в закрытой кабине, чего нет на других станках. Комбинат уже в этом году введет в работу около 25 станков.

Инженеры-исследователи тт. Хасдан и Конных создали буровой станок НБС-3 для подземных рудников, производительность которого выше на 15—20 %, а сечение горных выработок эти станки требуют в 2 раза меньше.

На обогатительной фабрике инженерами Малицким О.Н., Волковой А.П., Калмыковым А. А., Богдановым П.М. и другими работниками внедрена новая прогрессивная схема стадияльной флотации с активацией труднообогатимых зерен медным купоросом. Внедрение этой схемы увеличило переработку руды на 34 %, позволило повысить извлечение никеля на 2,1 % и получить годовую экономию около 14 миллионов рублей. На обогатительной фабрике широко внедрено гуммирование деталей флотомашин, что в несколько раз увеличило срок их служ-

бы и дало большой экономический эффект. Широкое применение на фабрике нашла защита металлических частей оборудования изнаноустойчивой литой габбродиабазовой плиткой. По предложению инженера-конструктора т. Озолина на фабрике ведется удлинение шаровых мельниц УЗТМ, что на тех же площадях позволяет увеличить производительность мельниц не менее чем на 16 %.

В результате этих мероприятий фабрика уже в 1959 году по сравнению с 1957 годом увеличила переработку руды на 10,7 %, выдала никеля в концентрате больше на 25 %. Производительность труда на 1 рабочего возросла на 32 %.

Важнейшим мероприятием внедрения новой техники в металлургическом производстве никеля является пуск в 1959 году первой мощной автоматизированной руднотермической электропечи. Электроплавка рудосодержащих материалов является прогрессивным процессом, исключает производство кокса и значительно повышает извлечение никеля, меди, кобальта и платиновых металлов. В 1960 году будет пущена вторая электропечь и в 1961 г. — третья. Экономия по сравнению с шахтной плавкой достигает 94 млн. рублей в год, а за счет лучшего извлечения металлов будет выдано дополнительно сотни тонн никеля, меди, кобальта и значительное количество платиновых металлов. Инженерами-исследователями комбината т. Боровковым и другими разработан новый оригинальный способ окатыwania и сушки гранул рудного никелевого концентрата в «кипящем слое», который будет внедряться уже с 1960 года вместо агломерации. Это будет совершенно новый процесс в цветной металлургии, он обеспечит рудные электропечи хорошей шихтой и создаст им совершенно ритмичную и устойчивую работу.

Закончен внедрением на никелевом заводе, впервые в никелевой промышленности нашей стра-

ны, разработанный инженерами-исследователями и металлургами комбината тт. Наджарьяном, Брындиным, Ланиным и другими, способ обжига никелевого концентрата флотации фаянштейна в «кипащем слое». Уже в 1960 году на такой процесс будет переведен весь обжиговой цех. В результате его внедрения будет резко улучшено качество продукции, процесс поддается автоматизации и создаются хорошие условия труда для обслуживающего персонала.

Впервые в Советском Союзе на комбинате группой инженеров во главе с кандидатом химических наук т. Гиндиным Я.М. разработан и внедрен в производство в 1960 году процесс экстракционного разделения тяжелых цветных металлов в растворах с применением жирных органических кислот и получением кобальта высокой чистоты. Огромную перспективу для комбината имеет этот процесс, так как он даст возможность уже в ближайшем будущем заменить сложный громоздкий и тяжелый способ получения кобальта на комбинате компактным, автоматизированным процессом экстракции с минимальным количеством обслуживающего персонала. По этой схеме институт «Гипроникель» проектирует новый цех для комбината «Североникель».

Коллектив медного завода совместно с учеными Ленинградского горного института внедряет новую схему получения селена; инженерами завода Малиновским, Солдатовым, Ивановым создан и изготовлен оригинальной конструкции насос для откачки шламов из ванн; коллективом завода создан новый станок для сдирки основ.

Энергетики комбината т. Корсак и другие внедряли на станции способ двухступенчатого сжигания топлива и транспорт пыли горячим воздухом. Это дало возможность увеличить производительность котлов с 200 т пара в час до 280 т и сэкономить в год до 45 тысяч тонн угля.

На угольных шахтах комбината широко внедряется прогрессивный способ штангового крепления; совместно с Ленинградским горным институтом шахтеры изготовили и испытали новый оградительный щит, что даст возможность резко повысить производительность труда забойного рабочего. Внедрение этого щита коренным образом изменит технологию добычных работ при разработке пологоспадающих пластов угля нашего месторождения.

За последние 3 года на комбинате приняло участие в рационализации производства 24 тысячи трудящихся. За это время подано 41 374 рацпредложения и внедрено из них 30 385 с экономическим эффектом в 141,8 миллиона рублей. Рационализаторы и изобретатели комбината взяли обязательство внести в фонд семилетки 300 миллионов рублей за счет внедрения своих предложений и свое обязательство в первом году семилетки перевыполнили, дав вместо 50 млн. рублей по обязательствам 60 миллионов экономии от предложений.

Большой и почетный труд выполняют на комбинате инженеры исследовательского цеха и химической лаборатории старые норийчане тт. Соколов А.П., Наджарьян Ж.Р., Пищик, Финогенова Н.А., Гиндин, Ферберг М.Б., Бухарин С.В., Пьянков Н.И., Зайдман Л.А., Эдельханов Ю.Л., Коровин К.А., Раев и другие.

Каждый день их творческой работы приносит комбинату новые успехи, и плоды их труда, превращенные в новые технологические схемы, новые аппараты и машины, преобразуют комбинат и его будущее.

Для реализации постановления ЦК КПСС и правительства по автоматизации и механизации комбината требуется огромное напряжение сил всех трудящихся комбината, всех привлеченных к работе проектных и исследовательских институтов страны, предприятий, изготавливающих головные образцы оборудования и приборы, и очень четкой работы

со стороны органов технического снабжения Совнархоза и центральных организаций снабжения.

Горные предприятия комбината первыми начали оснащаться новой техникой, которую готовят заводы нашей могучей Родины. За последние годы комбинат получил 16 экскаваторов 4-кубовых, 7 самых совершенных, новых, мощных скальных экскаваторов 6-кубовых, 25 штук 150-тонных электровозов, 75 штук 95-тонных думпкаров, 90 штук 10-тонных и 50 штук 25-тонных самосвалов, 158 бульдозеров, 55 буровых станков.

Подземные рудники оснащаются мощными скреперными лебедками ЛС-55 и ЛС-75, колонковыми перфораторами КС-50, буровыми машинами БА-100 и БМН, высокоударными перфораторами и автоподатчиками конструкции инженеров Норильского комбината АНП-5.

Угольные шахты оснащаются новыми высокопроизводительными углепогрузочными и проходческими машинами и комбайнами.

В результате чего механизация проходческих работ составляет сейчас 100 %, а механизация добычи угля 47 %. Идет автоматизация конвейерных линий.

Проведение ряда мероприятий и внедрение новой техники на рудниках позволило повысить среднемесячную выработку на одного промтрудоустроенного на открытых рудниках с 119 м³ в 1957 году до 253 м³ в 1960 году или на 112,5 % и на подземных работах с 25 м³ до 39 м³ или на 56,2 %. В это же время на угольных шахтах производительность на одного промтрудоустроенного возросла с 28 тонн до 45 тонн и на металлургических предприятиях на 45 % по никелю и 34 % по меди.

Это есть начало осуществления большого плана перевооружения комбината новой техникой, за которым должна следовать комплексная автоматизация всех процессов на предприятиях.

Наращивая быстрыми темпами выпуск цветных

металлов, строя новые и реконструируя старые предприятия на базе новой техники и технологии, обеспечивающей значительное снижение стоимости выпускаемой продукции, комбинат и партийная организация города направляют активную деятельность всех трудящихся на решение в ближайшие годы семилетки важнейших и решающих вопросов хозяйственной деятельности комбината. Основными из них являются:

а) дальнейшее увеличение добычи руды и угля открытым способом, дающим наибольший экономический эффект с тем, чтобы к 1965 году открытым способом добывалось не менее 75 % руды.

В работу войдет угольный разрез № 1 на Кайеркане, а к 1965 году должен быть введен там же новый мощный угольный разрез № 2.

На открытый способ будут переведены добыча известняков, алевролитов и песчаников;

б) в ближайшие два года закончить реконструкцию обогатительной фабрики, превратив ее в совершенное, механизированное и автоматизированное предприятие с высокими показателями по извлечению цветных металлов, в том числе, решая вопрос с извлечением окисленных и силикатных минералов;

в) закончить реконструкцию всех цехов никелевого завода в связи с переходом его на новую, прогрессивную и более совершенную технологическую схему с внедрением окатывания и сушки рудного концентрата вместо агломерации, руднотермических электропечей и печей обеднения шлаков вместо шахтных печей; исключение из металлургического производства кокса с заменой его на отдельных переделах газом; установка восьмидесятитонных конвертеров вместо сорокатонных; строительство нового цеха флотации фаянштейна; замена механических печей обжига концентрата типа Герресгофа новыми совершенными автоматизированными печами «кипящего обжига» и восстановлением закиси ни-

келя газом; замены существующих анодных печей на более мощные с непрерывным процессом плавки и розлива анодов; получение богатого кобальтового концентрата в цехе электролиза никеля и на этой основе перевод кобальтового производства на совершенный, компактный, автоматизированный, экстракционный процесс;

г) перевод цеха № 1 медного завода на новую комбинированную схему автоклавного и экстракционного процесса, что коренным образом изменит технологию этого передела и резко повысит производительность труда;

д) на основе новой технологии проводимой реконструкции и строительства предприятий комбината закончить проведение комплексной автоматизации всех процессов и переделов;

е) для резкого снижения стоимости строительства жилья широко внедрять современные индустриальные способы строительства из блоков и панелей, еще более активно внедрять свайные основания, максимально повышая этим коэффициент сборности строительства;

ж) всемерно форсировать строительство энергетических предприятий, особенно теплоэлектроцентрали, ведя эту работу по ускоренному опережающему графику, чем ввод мощностей на других предприятиях комбината, установить на станции в ближайшие годы 2 турбины по 100 тысяч киловатт и смонтировать 4 мощных котла сверх высокого давления;

з) в ближайшие годы для создания культурных условий жизни и быта трудящихся нашего заповедного комбината всемерно продолжать форсирование строительства жилья, школ, детских и медицинских учреждений, тепличного хозяйства и столовых, культурных и спортивных учреждений, строительство санатория в г. Сочи и нового профилактория на Вальке.

Проведение этих мероприятий, находящихся под

постоянным контролем городской партийной и профсоюзной организаций, гарантирует превращение нашего красивого заполярного города в образцовый город нашей страны.

В ответ на обращение передовых предприятий нашей Родины по досрочному выполнению семилетнего плана коллективы предприятий комбината пересмотрели свои обязательства и возможности и дали слово по выпуску основной продукции выполнить семилетку в 5 лет и выдать к ранее установленному семилетнему плану дополнительно никеля — на 11,5 % и обеспечить рост выпуска продукции в 1965 году по сравнению с 1957 годом никеля — на 165,6 %, меди — на 129,6 %, кобальта — на 208 %; платиновых металлов — на 151,8 %, добычу угля — на 136 %, выработать электроэнергии на 198 %, горной массы — на 269 %. Значительно увеличить извлечение всех металлов, повысить производительность горного оборудования: экскаваторов — на 156 %, бурстанков — на 202 %, скреперных лебедок — на 229 %, выход горной массы с 1 погонного метра скважины на 406 %, увеличить выпуск валовой продукции на 151,9 % и поднять производительность труда по комбинату более чем на 65 %.

Залогом успешного выполнения взятых социалистических обязательств является всерастущий размах социалистического соревнования трудящихся комбината, рост технической культуры, грамотности и политической сознательности. На предприятиях комбината трудится 72 коллектива с числом работающих в 1504 чел., которые удостоены звания коммунистических, и 322 работающих, которым присвоено звание ударника коммунистического труда.

Соревнуются за звание ударника коммунистического труда 1033 человека и за звание бригады коммунистического труда 426 коллективов, в которых работает 8007 человек. Это передовые люди, патриоты нашей Родины, высокосознательные и

культурные строители коммунистического общества. Имена и портреты их будут на десятилетия занесены в Книги почета, как людей, создающих историю комбината на основе высокой сознательности и коммунистического отношения к труду.

Этими знатными людьми на угольных шахтах стали бригадиры и рабочие — Макменев, Гусаров, Залевский, Зорин, Копытков, Герасимов, Гладких, Бобровский, Скудин, Егорченко;

на рудниках открытых работ — Каландарашвили, Завалишин, Батаев, Ильин, Лупов, Куяченков, Гончаров, Малахов, Набоков;

на подземных рудниках — Абасов, Кирпич, Самодуров, Скворцов, Темных, Грицук, Масловский, Савочкин, Митрохин, Шляхов, Барашкевич, Беляйкин, Алипченков; транспортники рудников — Малышев, Губин; на обогатительной фабрике — Давыдов, Тягунов, Кудаковцев; на никелевом заводе — Ярыгин, Шиковицкий, Якименко, Калмыкова, Григнер, Рычков; на медном заводе — Котов, Почейкин; на ТЭЦ — Тамарли, Закружных;

на строительстве — Коротких, Мицкевич, Супряга, Колосков, Нурдинова, Худеев, Кузик, Жадеев, Булыгин; на цементном заводе — Шестаков; на ДОЦе — Баев, Шаталов, Спасюк; на руднике алевролитов — Селецкий, Данькин; на железной дороге — Конотоп, Соловьев, Ткаченко, Мурашкин, Скориков, Ильин, Тропников, Малявка; на механическом заводе — Гурьев, Чалый; в автотранспортной конторе — Крушинский; в Норильснабе — Щитинин, Тарасов, Шнайдер; в Норильском совхозе — Шанина, Теслюк, Нестеренко, Кашликова и Деганова.

Много сил и труда в дело улучшения работы комбината, бытового обслуживания, технического и продовольственного снабжения вложили коллективы нашего Дудинского порта, Норильснаба и его контор, Норильторга и жилищно-коммунального управления и старейшие работники этих организа-

ций — Лазарев М.И., Ташлыков, Всесвятский, Сабсай, Волков, Гайдай, Котляр, Гапеев, Великий, Розентул, Кулевский, Егоров и многие другие.

На предприятиях комбината работают герои Советского Союза — Костин Леонид Николаевич — грузчик управления торговли; Плотянский Петр Трофимович — слесарь рудника «Северный», и Герои Социалистического Труда — т. Агафонов Сергей Павлович — заместитель директора комбината по строительству, и Лидо Петр Николаевич — рабочий железнодорожного цеха горного управления.

Огромный труд и усилия вложили советские люди в строительство Норильского комбината, в выпуск необходимых для нашей Родины цветных металлов, но дальнейшее развитие комбината на этом не останавливается. Исторические решения XX и XXI съездов нашей Коммунистической партии о всемерном широком развитии промышленности и сельского хозяйства, задача догнать и перегнать передовые капиталистические страны по выпуску продукции на душу населения в ближайший отрезок времени определили дальнейшие судьбы развития Норильского комбината. Интересны и велики его перспективы. За 1965 год мы должны будем увеличить производство основных металлов более чем в 2 раза по сравнению с 1960 годом, для этого большой размах примет строительство новых рудников на южном поле рудника «Медвежий ручей» — главным образом подземных с глубокими шахтными стволами; будут заложены новые открытый и подземный рудники на месторождении Черногорка, в 22 километрах от Норильска; будет подключено в работу рудное месторождение Зуб-гора.

Дальнейшая усиленная работа геологов должна быть направлена на поиски и разведку новых месторождений как богатых жильных, так и вкрапленных руд в районе Норильска.

Угольная база комбината переместится в район

Кайеркана, где будут строиться мощные открытые разрезы и угольные шахты. Обогажительная фабрика и металлургические заводы должны удвоить свои мощности как в первую очередь за счет использования имеющихся площадей, модернизации оборудования, и внедрения новой технологии, так и нового строительства. Сильно возрастет потребление электроэнергии.

Необходимая энергетическая мощность комбината возрастет почти в два раза. Для обеспечения этих нужд признается целесообразным строительство крупной гидроэлектростанции на реке Хантайка, что в 120 километрах на юго-востоке от Норильска. В больших размерах будет развиваться автомобильный и железнодорожный транспорт, строятся Дудинский порт, новый аэродром для тяжелых скоростных самолетов и сельское хозяйство, особенно парниковое в Норильске.

Коренным образом изменится бытовое и культурное обслуживание трудящихся, обеспечение овощами и продуктами питания. Большое развитие получит телевидение за счет строительства ретрансляционных станций, что позволит норильчанам видеть передачи из городов Сибири.

Принимая решения в 1935 году о строительстве Норильского комбината, ЦК партии и Советское правительство возлагали на эту необыкновенную стройку на далеком Севере, находящуюся на расстоянии нескольких тысяч километров от западных, восточных и южных морских и речных портов, далеко от промышленных и культурных центров страны, большие надежды, связанные с созданием здесь мощной базы обеспечениястроек Севера, морских и речных кораблей каменным углем.

ЦК партии и правительство считали необходимым поднять на службу Родины богатейшие запасы важнейших цветных металлов, находящихся в норильских полиметаллических рудах — никеля, меди, кобальта и платиновых металлов; технически, на примере Нориль-

ского северного района решить вопросы строительства промышленных и гражданских сооружений, автомобильных и железных дорог, портов и аэродромов в условиях вечной мерзлоты; научиться бороться с пургой и снежными заносами и опыт такого строительства передавать другим будущим северным стройкам нашей страны; создать далеко в Сибири, практически в недосыгаемом районе, солидную базу по выпуску цветных металлов и обеспечению ими нашей промышленности на случай нарушения мирной жизни советских людей; создать на далеком Таймырском полуострове большой промышленный и культурный центр для приобщения к новой жизни местного национального населения, находившегося сотни лет в безграмотном, забитом и невежественном состоянии.

Теперь после 25 лет существования Норильского комбината, подводя итоги, можно смело и твердо сказать, что коллектив трудящихся комбината и города Норильска выполнил все поставленные нашей Коммунистической партией и советским народом задачи и решил успешно все поставленные вопросы.

Норильским углем обеспечиваются корабли, работающие на северной трассе, стройки и города на берегу Ледовитого океана — Диксон, Архангельск, Мурманск, Вайгач, Новая земля и другие; снабжаются углем пароходы и города на Енисее — Усть-Порт, Дудинка, Игарка, Туруханск.

Из руд Норильска извлекается сегодня 14 элементов, а по комплексу извлекаемых металлов, их важности и ценности предприятий, равных комбинату нет в нашей стране:

Технически решены вопросы ведения горных работ по добычи угля и руды в условиях вечной мерзлоты; строительства шоссейных и железных дорог, с самой северной в мире железной дорогой Норильск — Дудинка; многоэтажных зданий и сооружений, примером чего может быть наш социалистический город Норильск, цветущий город, по-

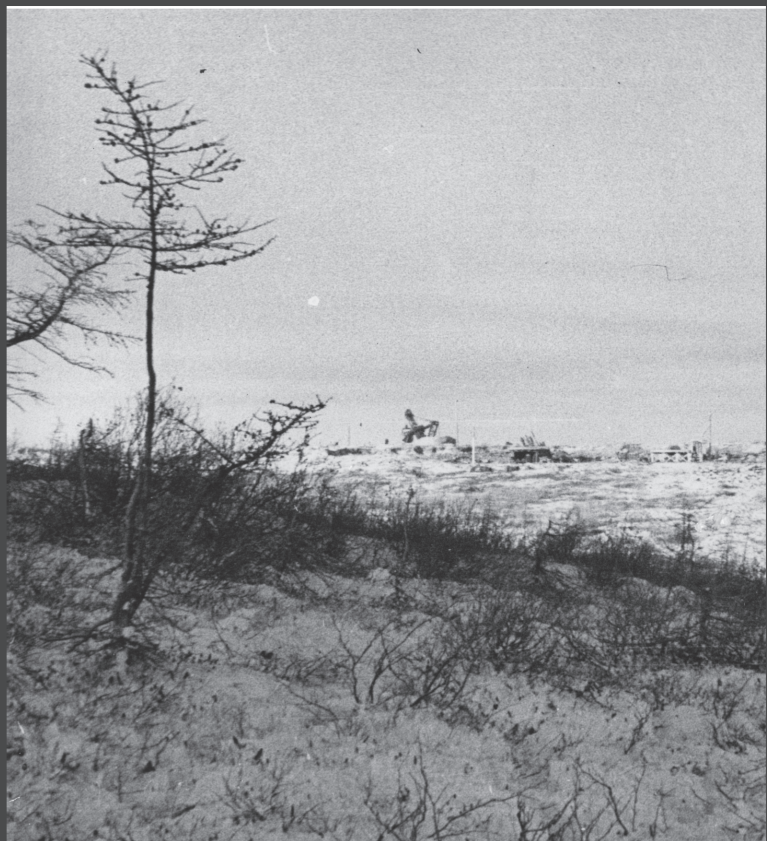
коящийся своими фундаментами на вечной мерзлоте; побеждены пурги и заносы — все 365 дней в году ритмично работают предприятия Норильска.

Норильск верно послужил нашей Родине в период Великой Отечественной войны, работая уверенно и спокойно, выдавая никель для танков, самолетов и пушек, для разгрома немецкого фашизма; велико влияние Норильска на уровень культуры местного населения, ибо он связан крепкими нитями с самыми отдаленными районами Таймыра, оказывая всемерную помощь местному населению.

Залогом дальнейшего успеха широкого строительства и хозяйственной деятельности комбината в выполнении семилетнего плана выпуска цветных металлов являются наши замечательные люди, преданные делу патриоты Родины, умеющие побеждать любые невзгоды, находить из них выход и не теряться в тяжелых условиях Севера; залогом наших успехов является сильная и сплоченная, воспитывающаяся в борьбе с трудностями, Норильская партийная организация и неослабная постоянная помощь и внимание комбинату и городу со стороны Центрального Комитета нашей Коммунистической партии и Советского правительства.

Супруги Дарьяльские. 40-е годы

Алексей Свечников:

*«Три дня
с Дарьяльскими».*

К концу 1989 г. подходила к концу работа по истории организации производства кобальта на Норильском ГМК. Оставались открытыми лишь несколько вопросов проблемного характера. Ответы на них можно было получить в архивах, что на тот период было маловероятным, так как вся деятельность кобальтового завода с самого начала строительства была глубоко засекречена и находилась под опекой КГБ.

Так постепенно созрела необходимость личной встречи с легендарным металлургом, ученым, одним из организаторов кобальтовой промышленности Союза, первым руководителем кобальтового завода в Норильске, Владимиром Алексеевичем Дарьяльским.

Я был знаком с ним заочно. Мы изредка переписывались, Владимир Алексеевич был в курсе моей работы, подбадривал и по мере возможности помогал своими советами. К этому времени Дарьяльский был серьезно болен, перенес инфаркт, инсульт, ему была сделана сложная операция, он часто и подолгу лечился в больнице. По изменившемуся почерку было видно, как нелегко было бороться с недугом этому сильному человеку.

Я начал колебаться. Возникло два взаимоисключающих чувства. Первое — элементарный такт по отношению к больному человеку. И второе — долг перед коллективом, сумевшим решить важнейшую государственную задачу оборонной промышленности Союза. Победил долг, и я в какой-то момент написал о необходимости личной встречи. Меня поняли и пригласили. Итак, три дня с Дарьяльскими.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Седьмого февраля 1990 г., утром, я прибыл поездом в Днепропетровск. Вышел на привокзальную площадь. Осмотрелся. Часы показывали 10.20. Сдерживая волнение, позвонил. Минут через пятнадцать я уже поднимался на второй этаж четырехэтажного дома. У приоткрытой двери квартиры стоял высокий худощавый человек, опиравшийся на трость, и гостеприимно улыбался. В крепком рукопожатии, в тех простых словах, с которыми Владимир Алексеевич пригласил меня войти, я почувствовал к себе почтенное уважение, которого, как мне тогда показалось, я не заслуживал. Я посчитал это проявлением обычной вежливости Дарьяльского. Но оказался не совсем прав. Узнав о том, что я на кобальтовом производстве проработал двадцать лет, Владимир Алексеевич посчитал меня просто родным человеком. «Шлюзы» полностью раскрылись, и белые пятна в материалах рукописи постепенно исчезли.

Екатерина Петровна, когда я вошел в квартиру, призналась, что они с Владимиром Алексеевичем накануне моего приезда пытались представить, как я выгляжу, и почти угадали.

Выбрав минутку, пока я снимал верхнюю одежду, она шепнула: «Вы уж, пожалуйста, подолгу его не расспрашивайте. Владимир Алексеевич еще очень слаб, быстро утомляется. Часик-полтора, не больше. Ему требуется постоянный отдых...»

Я дал слово. (Менее чем через год — 7 января 1991 г. чета Дарьяльских справит свою золотую свадьбу.)

Наша беседа началась. Я вкратце рассказал о состоянии рукописи, о форме будущей книжки, об ее участниках. Показал портреты ветеранов, фотографии переделов, рассказал о положении его родного производства.

Было заметно, как быстро улучшилось настроение бывшего металлурга. Встреча с молодостью, с людьми, до боли знакомыми и уважаемыми им лично, оживили память. На него нахлынули воспоминания, и мне почти уже не приходилось задавать вопросы, я боялся пропустить самый незначительный эпизод и свои записи вел оборванными фразами, чтобы успеть за рассказчиком.

— В период запуска кобальтового завода, — напомнил мне Владимир Алексеевич, — были специалисты, которые работали хотя и недолго, но очень помогли нам, и надо бы хотя бы вспомнить их имена. Начальниками смен в ГМО, в хлорном цехе работали Софья Николаевна Работина, Любовь Васильевна Муньтьянова, Лев Абрамович Абелевич — первый заведующий мастерской, Длугач — первый начальник энергосистемы завода. Он окончил Военно-морскую академию. С группой морских офицеров был направлен в Италию для закупки военных судов. Были закуплены три эсминца. Перегнали их в Севастополь. Через некоторое время при полном снаряжении и экипаже вдруг один из них перевернулся и затонул. Чуть позднее то же самое случилось с другим, а затем и с третьим. Ясно было — проектом предусмотрена хитрая диверсия... Длугач говорил, что посадили нас не зря, правильно. Через некоторое время пришло указание освободить его и направить в Москву.

Александра Мокеевна Шапкина — начальник ЭЛЗО. Очень была трудолюбива. На работу никогда не опаздывала. Сколько надо было пробыть на производстве, столько и задерживалась всегда. Интересы дела для нее были превыше всего. К подчиненным относилась всегда с уважением. Выехала в Подольск, где в это время начались работы по производству урана, а также титана. Там и умерла. Причина смерти неизвестна. А Муньтьянова уехала в Челябинск, где в то время тоже разворачива-

лись работы по урану. Я ее лично отговаривал от этой затеи, просил остаться на заводе, специалисты нашему производству были очень нужны. Она осталась непреклонной. Работала на новом месте начальником лаборатории. Однажды проводилась ревизия. Комиссия обнаружила недостачу двух граммов урана. Ей сказали: «Мы вас будем судить. 10 лет вы заработали». Суда не было. Помешало нарушение мозгового кровообращения Муньтьяновой. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна...

Слушая, украдкой рассматриваю Дарьяльского. Он для меня человек-легенда: металлург от Бога, один из основателей-практиков цветной металлургии России в 30-х годах, первый директор (тогда начальник) Норильского кобальтового завода в 40-х, исполняющий обязанности директора Норильского ГМК в 50-х, ректор Красноярского института цветных металлов 60–70-х годов, профессор, лауреат Сталинской премии, кавалер семнадцати государственных наград...

Что и говорить — огромный производственный опыт, завидная научная эрудиция. 13 января 1990 г. ему исполнилось 77. Он чуть выше среднего роста, хорошо выбрит, подтянут, в черных брюках, светлой однотонной рубашке. Теплый вязаный пуловер мягко облегает его фигуру. Лицо чуть-чуть продолговатое, благородное, улыбчивое. Мягкие профессорские манеры, искренний тон, естественность в обращении, но в иногда прорывающихся интонациях ощущается непреклонность, твердая воля. Он был уважаем и обласкан вышестоящим руководством (за гибкий и глубокий ум, титаническое трудолюбие, общительный и покладистый характер).

Владимир Алексеевич Дарьяльский был любим подчиненными. Многие просто боготворили его за умение выслушать, разобраться, поддержать, помочь. За доступность. Ежедневно, по будням и праздникам, а часто и ночью, когда особенно трудно, он был

среди работающих, чтобы выяснить обстановку, разрешить какие-то вопросы технологии, материального обеспечения производства. Главная черта руководителя такого сложного производства — надежность. За такого начальника можно в огонь и в воду.

В 1951 г. Дарьяльский был переведен на должность главного металлурга комбината. Возглавил кобальтовый завод С.П. Алексеев, до перехода руководивший серно-кислотным цехом. Как вскоре оказалось, он — полная противоположность бывшему. Если административную жесткость (даже если она не всегда оправдана) можно было еще как-то терпеть, то полное отсутствие компетентности — нет. Произошло неслыханное в условиях ГУЛАГа — взбунтовавшиеся кобальтчики потребовали сменить руководство завода. Комиссия (как рассказывал Наполеон Акопович Тер-Оганесов, в то время начальник цеха № 2 кобальтового завода) заседала недолго, и на смену незадачливому начальнику прислали Георгия Васильевича Ильичева, выпускника 1939 г. Московского института цветных металлов и золота. Опытный металлург, умница, Георгий Васильевич быстро снял причину конфликта.

... За интересной беседой время бежит незаметно. В половине третьего (вот тебе и полтора часа!) Екатерина Петровна предложила нам прерваться на обед. Я машинально посмотрел на Владимира Алексеевича, он улыбнулся и убедил хозяйку отодвинуть обед на часок.

Дарьяльский лично знал П.И. Рожкова, автора статьи «Кобальт», опубликованной в газете «Норильскстроевец» № 73 от 14 июля 1940 г., А.Г. Гамазина — главного инженера проекта кобальтового завода и А.А. Калмыкова — первого начальника исследовательской лаборатории. Павел Иванович Рожков был молодым специалистом и, несмотря на то что работал в Норильске всего два года, был уже начальником обжигового цеха малого металлурги-

ческого завода. Вскоре после нашего приезда из Мончегорска он ушел на фронт. На его место назначили меня. Пришел в цех, все лежало набоку. Фундаменты оборудования ставили прямо на мерзлоту, и все постепенно тонуло. Мы долго боролись за работоспособность цеха. Подкладывали бруски, рельсы, привязывали тросами, укрепляли стяжными болтами, домкратили. И все это до тех пор, пока цех фактически не утонул совсем.

Александр Григорьевич Гамазин был заключенным. По образованию — электрохимик и электрометаллург. Работал на строительстве кобальтового завода с 1943 г. Он очень быстро вошел в курс дела. С открытием норильского техникума в 1944 г. вел преподавательскую работу. После ухода А.Б. Логина Гамазин — инженер проекта, куратор завода до самого своего отъезда в Ленинград.

— Однажды мне позвонили из лагеря и сказали: «Вас хочет видеть А.А. Калмыков, он с вами учился в институте, был в одном потоке». И он пришел в сопровождении военного.

Действительно, мы учились в параллельных потоках, он на обогатителя, а я на металлурга. Слушали общие лекции. Его оставили в Ленинграде в МЕХАНОБРе. С первых дней войны забрали на фронт. Потом плен и 10 лет лагерей в Норильске.

Алексей Алексеевич под Ленинградом был ранен, лежал без движения. Немцы положили его в госпиталь, вылечили. Дарьяльский вспомнил, как спросил Калмыкова: «Была ли мысль о побеге?» И тот ответил: «Немцы отправили меня под Гамбург на кобальтовый завод. Там я и работал».

— Как так? Ты же сидел в лагере?

— Но лагерь и завод составляли одно целое. У каждого из нас был жетон-пятачок-пропуск. Ты его опускаешь при входе через проходную, и на вахте автоматически отмечается — кто пришел, а кто нет. На этом кобальтовом заводе работало 90 исследо-

вателей и примерно 10 занимались производством. Был рабочим очистного отделения. Работал целый год, труд был очень напряженным. Работали мы под присмотром надсмотрщиков-калмыков. По-русски они не понимали, а может быть, притворялись. У каждого из них была дубинка с набалдашником. Они могли ударить, если видели, что кто-то работает с прохладцей, могли даже убить. На исследовательской работе, куда меня перевели, работали еще двое русских. Решили бежать. Но трудности этого побега заключались в том, что вся Германия покрыта каналами. Надо перебираться через эти каналы. Пробирались до наших три месяца. Пришли к своим. Меня направили командиром артиллерийской батареи. Были в Польше. Шли в Германию. Воевал на Южном фронте. Вошли в Чехословакию. Американцы и англичане прут навстречу. Получил приказ не допустить их до Пльзеня. Но американцы были уже ближе. Тогда командир корпуса скомандовал дать залп так, чтобы снаряды легли позади или, по возможности, впереди цепей. То есть надо было, чтобы они остановились. Ну, мы дали хороший залп. А он пришелся прямо по наступающим американским частям. Конечно, уложили первые передовые части. Пльзен взяли. Но так как это было нарушением каких-то совместных переговоров СССР, США, Англии, американцы заявили протест. Весь командный состав корпуса был отправлен на Украину, арестован и отдан под совместный советско-американский суд. Судили всех офицеров корпуса по группам американцы, а наши фактически были наблюдателями. Кто получил 20, кто 15, кто 10 лет лагерей. Всех посадили в поезд и отправили в Красноярск. Некоторая часть была отправлена в Норильск. В числе этой группы оказался и я...

Наш завод, — продолжал рассказывать дальше Владимир Алексеевич Дарьяльский, — был под кон-

тролем КГБ. Калмыков был принят в исследовательскую лабораторию, которая находилась тогда под руководством Надежды Георгиевны Заостровской — начальника химлаборатории кобальтового завода. В это время к нам из министерства пришла бумага с указанием начать переработку кобальтовых мышьяковистых руд с Дальнего Востока. Там было открыто богатое месторождение, откуда в Норильск пришло несколько вагонов. И чрезвычайно сложная проблема была решена при помощи исследовательской лаборатории завода, которой потом руководил Калмыков. По данным исследований отправили бумагу в Москву. Представитель КГБ не раз спрашивал меня, не зря ли приняли на такую работу, на такую ответственную должность Калмыкова? Я, как мог, успокоил его.

— Но я все же проверю, — сказал он, уходя.

Прошло месяца три, и снова пришел этот человек.

— Мы все проверили. Документы по Гамбургу сохранились. По нашему запросу мы их получили. Там он везде соглашался работать сам.

— Ну что же делать, — говорю я, — он сейчас занимается такой важной темой...

— Да, собственно, — согласился этот товарищ, — ему ведь все равно, где сидеть: здесь или землю копать.

Потом в цехе № 3 (шлакоплавильном) Алексей Алексеевич помог решить проблему продувки сплава воздухом. Стали получать сплавы, богатые по кобальту. Ну а когда освободился, Калмыков перешел на обоганительную фабрику. Позднее выехал в Ленинград. Работал в МЕХАНОБРе.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Мне отвели отдельную комнату. Чуть забрезжил рассвет, я поднялся, чтобы по свежей памяти расшифровать свои вчерашние записи. Екатерина Петровна очень удивилась, увидев, что я уже на ногах. Мы все накануне легли где-то около двух ча-

сов ночи... Я вскочил, как ужаленный, и начал извиняться за то, что, забыв про наш уговор, увлекся беседой с Владимиром Алексеевичем.

— Ничего, ничего, — сказала эта удивительная женщина, пытаюсь успокоить меня, — я сразу обратила внимание, что Владимир Алексеевич нисколько не утомился, а даже, наоборот, прибодрился, был весь день в хорошем настроении и даже отказался от лекарств.

У меня отлегло от сердца.

— И сон у него сегодня хороший, — добавила она.

После завтрака, прежде чем продолжить нашу беседу, мне показали семейные фотографии. И как-то слово за слово у нас с Екатериной Петровной завязался совершенно непринужденный разговор. И вскоре выяснилось, что эта милая, гостеприимная и умная женщина — интересная собеседница. Я увлекся и посвятил хозяйке весь свой второй день пребывания в Днепропетровске.

В семейном альбоме я натолкнулся на фото 1930 г. С фотокарточки смотрела на меня симпатичная девушка. Я невольно задержал свой взгляд: точеная фигурка, на неотразимо красивом лице большие лукавые глаза. Вся фотография источает свежесть, чистоту, умение искренне радоваться просто наступившему дню, просто хорошей погоде.

— Кто это? — спросил я хозяйку. — Уж больно красива!

— Это я еще школьница.

— Вы? — вырвалось у меня.

— Что, не похожа? — тихо засмеялась она. — С тех пор прошло 60 лет.

Екатерина Петровна Дарьяльская родилась в 1915 г. в Белоруссии. Родители вскоре расстались, и малышку взяли на воспитание родственники матери — Вассы Дмитриевны, которые жили в Петергофе под Ленинградом. Там же окончила 8 классов. Дальше училась в Ленинграде в Техмассе — учеб-

ном заведении, где готовили специалистов узкой профессии — конструкторов. Работая чертежником в Ленэнерго, поступила в вечерний машиностроительный техникум от Путиловского завода. Любила конный спорт и стрелковый тир, действовавший при Осовиахиме. Все свободное время отдавала этим своим увлечениям. Постепенно появились уверенность, навык, пришли первые успехи, а с ними призы.

Екатерина Петровна вспоминает:

— Узнала, что при Военно-медицинской академии на кафедре академика И.П. Павлова организованы курсы медицинских сестер, бросилась туда и, как оказалось, не зря. На курсах преподавались такие дисциплины, как полевая хирургия, десмургия (учение о повязках), функциональное назначение хирургического инструментария, первичная обработка ран, выхаживание раненых и больных и т.д.

Началась война с Финляндией, и нас распределили по госпиталям. Меня направили в Боткинскую больницу. Первая ночь запомнилась первым раненым в голову — всю ночь дежурила возле него.

Мне передали, что вызывает Блинов — начальник Военно-медицинской академии. Оказывается, меня зачислили кандидатом в военно-полевой госпиталь, а я уже подала заявление с просьбой отправить меня на фронт добровольцем.

Дальше сборный пункт... Териоки.

Фронт был недалеко. Едем. Вскоре послышалась стрельба, показались остовы сгоревших деревень, пожараща...

Палатки полевого госпиталя, рассчитанные на 25 человек, были переполнены. Раненых было так много, что в палатках приходилось размещать по 50 человек. Санитары — пожилые люди, по две сестры на палату. Везде стоны, кровь и наше неумение. В этом госпитале нас было всего четыре сестры из академии, и в первые дни вся тяжесть обработок ран, перевязок, наложений шин легла на наши плечи.

Закончилась война. Вернулась в Ленинград. Встал вопрос — что дальше: учиться или работать? Решила поступать в медицинский институт. Начала готовиться к экзаменам. Случайно встретила с одним из руководителей Военно-медицинской академии Бресткиным: «Зачем институт? Мы о ваших делах на фронте наслышаны. Давайте к нам в академию, возьмем без экзаменов».

Я загорелась. Но быстро остыла. Решила поступать в медицинский институт на общих основаниях. Пошла посоветоваться с только что вернувшейся из Ялты своей двоюродной сестрой. Она ездила с тяжелобольным мужем. Ялта не помогла. После похорон вернулась в Ленинград.

Сестра убедила поехать вместе с ней в Мончегорск.

Приехала. Пошла в военкомат вставать на учет. Направили в госпиталь. Место, где расположен госпиталь, выбрано удачно. Тишина, чистый воздух, по-северному уютно... Начальник госпиталя, к которому я зашла, встал навстречу; предупредительность, утонченная вежливость, красив, почти неотразим... С ходу предложил место главной медсестры хирургического отделения, отдельный кабинет, бесплатное питание, 660 рублей оклад... Слушая легкий кавказский акцент, вдруг поняла, нет, скорее почувствовала каким-то шестым чувством в этих незаслуженных еще, незаработанных льготах что-то нехорошее... Повернулась и ушла.

Пошла на комбинат в отдел кадров. Направили в цех электролиза никеля. Начальник цеха был в командировке, меня принял его заместитель Иван Степанович Иевлев: завтра на работу. Обратная дорога шла через цех. Нахлебалась газа. Не понравилось. Решила уехать. Через несколько дней начальник отдела кадров пришел прямо домой: «Позарез нужны операторы». Уговорил.

Нас работало четыре оператора, я старшей. В мою обязанность входило передавать сводки руководству цеха. Зашла в кабинет. Среди других увидела Дарьяльского. Лицо показалось знакомым. Я вдруг вспомнила, что уже видела этого молодого и интересного человека однажды в Ленинграде, где-то на каком-то вечере. А он посмотрел на меня и говорит хозяину кабинета:

— Ты побереги для меня эту блондинку.

Было это в четверг или в пятницу, а в субботу Дарьяльский пригласил меня на лыжную прогулку. Говорю: «У меня нет лыж».

— Найдем.

Пришла. И началась его опека надо мной.

В это же самое время застопорилась работа кобальтового цеха. Приехал Михаил Михайлович Царевский, директор комбината «Североникель», и предложил Владимиру Алексеевичу принять плавильное отделение, наладить производство.

Цех расположен далеко. Работа предстояла напряженная, почти безвыездная. Владимир Алексеевич тут же сделал мне предложение. Я еще раздумывала, когда Дарьяльский вернулся из гостиницы, где он жил, ни слова не говоря, вручил мне деньги, сберкнижку. На мой недоуменный вопрос сказал: «Хозяйствуй».

С порученной работой Владимиру Алексеевичу удалось справиться оперативно. Снова приехал Царевский, вызвал своего заместителя по жилбыту: «Сдаем новый дом. Езжайте за Дарьяльским, пусть сам выберет себе квартиру. Да не забудьте подобрать соответствующую мебель».

Мама моя в 1937 г. вторично вышла замуж за Федора Николаевича Константинова. Они жили в городе Старая Русса. Мы вызвали их к себе. С первого дня Владимир Алексеевич называл мою маму — мамой, а отчима — Федором Николаевичем. Федор Николаевич с началом войны ушел на фронт, прошел

всю войну. Родители наши жили с нами вместе до самой своей кончины.

Эвакуация из Мончегорска нашего кобальтового цеха с людьми и оборудованием началась 7 июля на рассвете. На станции Заполярная попали под бомбежку. Немцам удалось отрезать состав с новобранцами и разбомбить его. Мы побежали к составу. Везде раненые, изувеченные, убитые. Дала команду побежавшим вместе со мной С.И. Афанасьеву, А.А. Пушкину (в Норильске потом знаменитые мастера электроплавки кобальта) и другим немедленно собрать все, что может пригодиться в качестве шин, организовали самодельные носилки, сбор раненых. Начала немедленную обработку ран, уколы, повязки и каждому на грудь табличку — что сделано и когда. Всего оказалось около сорока человек. Вскипятили чай, напоили всех горячим чаем. И тут-то вдруг пришел откуда-то старый санитар и с ним девчонка — медсестра. Оказывается, когда началась бомбежка, они испугались и убежали. Проинструктировала их на всякий случай. Слышу мне кричат: «Пошел наш поезд!» Я быстро в вагон. Оглянулась на себя — вся в крови. Едем. Вдруг передали по вагонам: «Ищут медсестру, которая оказывала помощь раненым».

Я на всякий случай нырнула под нары. Ищут военные, опрашивают свидетелей... Уже потом, когда плыли в Дудинку, мне сказали, что военные хотели благодарить за спасенных раненых.

До Дудинки добирались тринадцать с половиной суток. Подплываем. Тишина. Яркое солнце. Все вышли на палубу — и вдруг самолет! Все враспыленную и быстренько в трюм. Думали, что сейчас обстрел начнется. А это, оказывается, начальник Норильского комбината Александр Алексеевич Панюков вылетел нам навстречу.

Первое время в Норильске жили по две семьи в одной комнате. Мы, например, жили вместе с семьей Анатолия Васильевича Бусько.

С первых дней трудилась в проектно-монтажном отделе комбината. На работу ходила вместе с Алексеем Борисовичем Логиновым, особенно когда пуржило.

Что еще добавить? Может быть, то, что свою пенсию от первого и до последнего дня заработала своими руками.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Я знал, что Владимир Алексеевич рано остался без родителей, и попросил его рассказать хотя бы вкратце, как сложилась его личная судьба до поступления в Ленинградский горный институт в 1934 г.

— В 1930 году, — начал свой рассказ Владимир Алексеевич, — я окончил 9 классов в своем родном селе Демянске Новгородской области и получил путевку для поступления в ЛГИ и выехал в Ленинград. Но поступил я в институт только в 1934 году, а до этого поработал в двух институтах в качестве шлифовщика образцов породы. В институте геохимии, который возглавлял академик А.Е. Ферсман, и в геолого-химическом институте, им руководил другой известный академик — В.А. Обручев.

Мне посчастливилось быть участником трех научных экспедиций, организованных Академией наук.

В 1931 году наша экспедиция работала в районе Черного Яра на Волге. Это район между Сталинградом и Астраханью. Руководили экспедицией Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, известный ученый, археолог и антрополог, и Константин Константинович Марков, членкор Академии наук.

В этой экспедиции мне удалось обнаружить торчащий из земли бивень. Раскопки показали, что это был неизвестный ранее науке, давно вымерший слон-трогонтерий. Эта находка была настолько важной, что наша экспедиция получила материальную

возможность прямо на месте раскопа законсервировать скелет, упаковать его в огромный деревянный ящик и водным путем доставить прямо к стенам института. Институт располагался на берегу Невы.

Бивень и скелет трогонтерия отреставрировали и выставили в специальном зале для обозрения. По этому случаю в газете «Ленинградская правда» была напечатана заметка о том, что член экспедиции Дарьяльский обнаружил ценнейшую для науки находку — скелет древнего слона-трогонтерия!

В 1932 году экспедиция под руководством Ферсмана делала геохимический разрез Южного Урала. Этот район охватывал территорию между Стерликамском, ст. Карталы, Кустанай, р. Тобол. Работа этой экспедиции помогла спрогнозировать наличие полезных ископаемых. Район этот довольно обширный, населенный многими народами, он помог расширить познания не только в географии, геохимии, но и в нравах и обычаях народов, населявших этот геологический район. Руководителем нашей партии был Иван Иванович Савельев.

В 1933 году Академией наук СССР была организована Памирская правительственная экспедиция во главе с Николаем Васильевичем Крыленко и Николаем Петровичем Горбуновым, академиком (в прошлом секретарь В.И. Ленина).

Экспедиция составляла 300 человек и была разделена на две группы. Одна группа — скалолазы. Другая занималась поисками полезных ископаемых, в том числе одним из главных ее направлений были поиски исландского шпата, из которого изготавлились кристаллы для радиоприемников. Эта экспедиция, в которой тогда я участвовал, просуществовала несколько лет и практически решила задачи, которые ставила перед собой.

...Мое общение с милой и доброжелательной четой Дарьяльских подходило к концу. За эти промелькнувшие одним мигом дни я открыл для себя

в неофициальной обстановке еще одних замечательных норильчан, интересных во всех отношениях. Уже набегала легкая грусть и предчувствие того, что, может быть, уже не суждено будет больше увидеться с ними.

Мы изредка переписывались. С распадом некогда великой страны, расцвету которой была посвящена вся творческая жизнь Владимира Алексеевича Дарьяльского, жизнь его семьи круто изменилась. Скончался В.А. Дарьяльский 27 ноября 1999 г.

P.S. До последнего дня жизни моральную и материальную помощь В.А. Дарьяльскому оказывали руководители комбината, а позже — РАО «Норильский никель». Непосредственное участие в его судьбе принимали В.Н. Ксинтарис, В.И. Долгих, Б.И. Колесников, А.В. Филатов, В.П. Механик, В.И. Полищук, Б.Г. Гулевич. А И.П. Колько несколько раз посещал Владимира Алексеевича Дарьяльского в Днепропетровске.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абасов 503
Аббакумов 144
Абелевич Л. А. 512
Абрашка 322
Аброшкевич 487
Агаджанов Сурен Иванович 19–20, 24, 26, 32
Агаджанова Араксия Ивановна 11, 22
Агафонов А. И. 472
Агафонов Сергей Павлович 472, 483, 487, 504
Айвазов Леон Агасиевич 201, 371, 375
Айвазов Рубен 198, 201
Акимов 245
Алабян Карло Семенович 277–278
Александров 472
Алексеев С.П. 514
Алексеев Федор 451, 483
Алексеевский Всеволод Михайлович 301, 323, 326–333
Алипченков 503
Аллилуев П. С. 459
Алферов 144
Андреев М. А. 485
Андрей 330–331
Андросова Ирина Николаевна 440
Анисим 329–330
Анисимов Л. И. 344, 431, 475, 483, 487
Анна Владимировна 373
Антонов Петр 337, 349
Арбиев К. К. 432
Аристов Александр Иванович 336, 340–341, 346, 351, 472, 483, 488

Арон 94
Арсентьев 483
Архангельская Ирина Николаевна 422, 423, 424
Арцимович Л. 220
Асеев Н. П. 458
Астафьева Э. М. 310
Атарова О. И. 232
Афанасьев С. И. 475, 522
Ахлюстин 475

Бабушкин 475
Бабушкина Евгения Семеновна 304
Баев А. А. 229, 356
Баев 503
Базанов 458
Байдан И. М. 471
Байдин 478, 483
Балакун Г. 338
Бакланов 257
Баландин Алексей Александрович 154, 160, 306–307, 320, 321
Балуева Нина Ивановна 414, 415
Баранов Серафим Петрович 412–419
Баранова Ольга Казимировна 419
Барашкевич Ольга Казимировна 503
Барсук Нина Константиновна 430
Баскаев Г. М. 472
Батаев 503
Бахарева Инна Александровна 394
Бацер Давид Миронович 30
Бегичев Н. А. 458
Бедный Демьян 212
Безденежных Г.А. 337
Бездитько А. 336
Белов 474
Белоглазов К. К. 427, 488
Белоглазов К. Ф. 458
Белозеров 484
Белоусов В. А. 345
Белявков А. 339
Беляйкин 503

Береговой 94
Береснев И. С. 474, 485, 487
Берестова Дуся 417
Беринг Витус 452
Берия Лаврентий Павлович 35, 169, 171, 219
Беспалова Полина Максимовна 298
Бизяев А. Д. 193, 195, 472, 484
Биячуева Н. 350
Блинов 519
Бобилов П. И. 344
Бобровский 503
Богданов П.М. 495
Бойко И. Н. 470
Бойцов 295
Болевский 349
Бондаровский 472, 487
Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич 523
Борбат В.Ф. 432, 435
Борисов 469
Боровков В.В. 339, 341, 344, 496
Бородзюля Ядвига Иосифовна 423, 426, 430
Борхарт 151
Ботвинов С.И. 473
Бочарников 478
Боярогло 104
Брагинский Лев Исаакович 30
Бресткин 520
Брилев Сергей Георгиевич 393–394, 399
Брилева Альбина Александровна 386, 388, 390–391, 394, 398
Бриллиант Григорий Давидович 83, 122
Бродницкий К.Н. 301, 474
Бронштейн И.К. 193, 195, 472
Брындин 497
Бугаева А. В. 344, 350
Булгаков М. А. 375
Булмасов 487
Булыгин 503
Буре 189
Буре Павел 189
Бурмакин А. С. 489
Буров Борис 417
Бурокаявичус 337
Бурштын Вульф Яковлевич 204–207, 470
Бусыгин В. П. 464
Бусько Анатолий Васильевич 474, 522

Бухарин С.В. 498
Бушуев 247
Бычков Д. 339

Вагина Капитолина Алексеевна 430
Вайшенкер 483
Валеева 230
Валануца 483
Вальц 485
Вандалковский А. В. 233
Ванюков А. В. 342
Вареников Анатолий 303–306
Васильев М. Г. 344
Васильев Николай Борисович 296
Васильева Екатерина Трофимовна 296
Васин К. Д. 465, 466, 470, 486, 487
Васса Дмитриевна 518
Великжанин П. 336
Великий 504
Венер 306
Вережкин А. Ф. 487
Вернадский В. И. 149, 169, 170
Вершинин 475
Виггинс 455
Вид Л. Б. 434
Вилькицкий Борис Андреевич (Андрей Ипполитович?) 455
Вильямс Альберт Р. 67
Виньков 472
Витман Борис Владимирович 147
Власов 470
Вовакин 257
Водопьянов Михаил Васильевич 461
Волков 504
Волков В. И. 343, 434
Волкова А. П. 474, 485, 488, 495
Володин В. А. 434
Волохов Н. В. 179, 180, 483
Волохова Нина Федоровна 394
Волошин Д. К. 464, 469
Вольяно 181, 182

Воронин А. Ф. 475
Воронов 487
Воронов А. Б. 344
Воронцов Александр Емельянович 354, 356, 359, 360, 361, 365,
459, 460, 464, 478, 480, 486
Воронцова Елена 357, 359, 360
Воронцова Ира 365
Воронцова Софья Георгиевна 355, 359
Вовченко-Кийкова Валентина Васильевна 402
Всесвятский В. Н. 475, 483, 487, 504
Вяткин 483

Габитов Р. 338
Гагарин Юрий 220
Гайдай 504
Галкин Николай Иванович 124
Гамазин Александр Григорьевич 469, 514, 515
Гальпер 402
Ганзелка 297
Гапеев 504
Гарри Алексей Николаевич 434
Гарри 188
Гарфункель Владимир Львович 370–374, 483
Гарфункель (Бубновская) Наталья Владимировна 369
Гейнц А. Г. 232, 472
Гельфанд Е. Л. 437
Генгер Н. Н. 432
Герасимов (ударник) 503
Герасимович Б. П. 211
Гиндин Я. М. 497, 498
Гинзбург Виктор Львович 306
Гинцус Морис 478
Гирбасов 474
Гиршман 230
Гитгарц 485
Гладких 503
Глазков Н. А. 483, 487
Глазунов В. Н. 487
Глебова Светлана 222
Глушанок Игорь Семенович 394

Говорова Л. К. 350, 435
Говорухин 115
Гогуа Ирина Каллистратовна 30
Голиков В. А. 431
Гончаров 503
Гончарова (Аптекман) Зоя Вячеславовна 430
Горбачев М. С. 213
Горбунов Николай Петрович 524
Гордеев А. П. 344, 345
Горшков Л. С. 359
Горшков С. И. 230
Грамп Александр Николаевич 15–17, 24, 38, 69, 74
Грамп (Агаджанов) Евгений (Джим) Александрович 21, 22, 25, 26, 33, 39, 40, 41, 42, 378
Грейвер Татьяна Наумовна 322
Григнер 503
Григорьев И. Ф. 129
Григорьева А. 336
Григорьянц Э. 432
Грицук 503
Громов 461
Грязнов 486
Губин 503
Гулевич Б.Г. 525
Гумилев Л. Н. 215, 216, 431
Гурашидзе 350
Гурьев 504
Гусаковский 474
Гусаров 503
Гутман 245, 248, 250
Гуцол Иван 484

Давыдов 503
Дампель А. Н. 469
Данилов Л. И. 344, 431, 434
Данькин 503
Дарьяльская Екатерина Петровна 511, 514, 517–519, 524
Дарьяльский Владимир Алексеевич 301, 426–427, 432, 446, 474, 475, 488, 492, 510–516, 518, 521–525
Дацко 189

Деганова 504
Дежнев Семен 451
Дейч Г.Г. 495
Дейч 230
Дементьев П. В. 26
Дементьева Клавдия Трифильевна 430
Дзенитис А. Я. 232
Дзержинский Феликс Эдмундович 458–459
Дзюбенко Н.С. 209
Дивеев А. 338
Длугач 512
Дмитриев Юрий 428
Дмитриева Галя 321
Добровольская Елена Герасимовна 297
Долгих В. И. 343, 432, 434, 492, 525
Долгих В. П. 308, 309
Домарев Виктор Сергеевич 130
Домарев Владимир Сергеевич 128–135, 137–141, 216
Домарева Ирина 128, 131, 135, 137, 138
Домарева Наталья Дмитриевна 130–135, 137, 138, 139, 141
Дорофеев Григорий Климентьевич 427
Дорохов М. И. 434
Достоевский Ф. М. 42
Драбкина Елизавета Яковлевна 431, 434
Дреер 91, 92, 94
Дроздов Владимир Васильевич 341, 424–426, 436, 492
Дубовицкая Ф. 312
Дуня 359
Дьяконов Валентин Иванович 307, 308
Дягилевы 389

Евлаш И. В. 307
Евлаш Ю. Н. 307, 344
Евгения Дмитриевна 135
Евзеров Моисей Исаакович 78, 124–125, 472
Евзерова-Качурина И. 76, 78,
Егоров 504
Егорченко 503
Елисеев В. А. 472
Елистратов 469

Енин С. М. 478, 483
Епишев 472, 483
Еренбург Александр Михайлович 307, 308
Ермилов Б. Ф. 483, 487
Ермоленко К. 336
Ершов В. 272
Есенин Сергей 391
Есиновская Мария Васильевна 430

Жадеев 503
Ждан Н. Р. 475
Жеребцов Ю. 341
Жженов Георгий 189, 295, 431
Жмурко П. Т. 351, 432
Жмыхов И. М. 487
Жуков Виталий 417, 418
Жуховицкий Лев 428

Завалишин 503
Завенягин Авраамий Павлович 104–106, 138, 149, 185–188, 227,
243, 249–253, 255, 256, 258–266, 270, 272–275, 277–279, 285,
289–290, 291, 355, 360, 433, 467–469, 471, 473, 477, 491
Загарский В. С. 351
Загарская Н. 312
Загребаленко Иван 96, 97
Зайдель А. И. 344, 431
Зайдман Любовь Абрамовна 116–117, 498
Закружных 503
Залевский 503
Замятина Людмила 14, 42
Зарембо И. П. 359
Захаров Ф. Д. 473
Захаров 474, 475, 478
Захаров 276, 277
Захарова Тамара Николаевна 433, 438
Зверев Владимир Степанович 269–270, 289, 301, 393, 473, 485, 487, 488

Зенгер Н. Н. 432
Зигмунд 297
Зильберштейн 472
Зинюк 480
Знаменский С.В. 233
Знаменский 474, 483
Зорин 503
Зуев 487

Иван IV Грозный, Васильевич 451
Иван Гурьянович 382
Иванов Валентин 194
Иванов 497
Иванов В.К. 344
Иванов К. И. 480, 486
Иванов М. С. 474
Иванова Зина 230, 235
Иванова К. М. 230
Иванькова Н. М. 229
Игнатьева 230
Иевлев Иван Степанович 474, 475, 484, 488, 520
Иевлева Антонина Макаровна 433
Ильин 503
Ильин 504
Ильичев Георгий Васильевич 472, 488, 514
Иоффе 483

Кагарава 238
Казаков Ю. 295
Казакова Римма 432
Казарцев В. М. 76
Казачкин Петр 462
Казначеев В. П. 211
Каландарашвили 503
Каландаров 487
Калачикова Н. В. 302, 344, 345

Калинин М. И. 410
Калинин 485
Калмыков Алексей Алексеевич 483 (?), 495, 514, 515, 517
Калмыков Б. И. 472, 483 (?)
Калмыкова 503
Калюсский Семен 25, 39, 41
Камышлов Михаил 451
Капица П. 220
Карлюков Ф. 472
Касабова Г. И. 3, 201
Касьяненко 471
Катаев 483
Кашликова 504
Керсневская Евфросиния 300
Киасашвили Иван 423
Кибалин 487
Ким М. И. 431, 469
Киприянов 485
Киреенко Максим 302
Киреенко Марта 302
Киреенко Федор Трифонович 154–155, 302, 305, 320–323, 474, 485
Киркоров Юрий Васильевич 358
Киров 375, 391
Кирпич 503
Киселев 487
Киселев 113–114
Киселев Евгений 296
Кливанс Гертруда Яковлевна 14, 16, 24, 37, 69, 74
Климов Юрий 438
Ковалев 475, 483
Ковалевская Вера Тимофеевна 430
Ковалевский В. Н. 436
Коваленко А. М. 472
Коган Павел 295
Кожуховский 304
Козодеров И. 338
Козырев Николай Александрович 210–223
Коковин 483
Колегов А. 344
Колесник Николай 378
Колесников Борис Иванович 343, 344, 396, 398, 525
Колесников В. Н. 413
Колли 277, 278
Колосков 503
Колмаков А. А. 344

Колпаков М. 435
Колько И.П. 525
Коляда 344, 483
Комаров 336, 483
Комнатный Н. А. 344
Компанеец И. П. 475
Конных 495
Коновалов 103–104
Коноров Дмитрий Павлович 300
Кононов 471
Конотоп 503
Константинов Федор Николаевич 521
Копп 329
Копытков 503
Корешков 486
Коровин К.А. 472, 498
Коровяков 139, 486
Королько Рудольф Иванович 204–207
Кортаева (Борун) Мая Максимовна 41
Коротких 503
Корсак 498
Костин Леонид Николаевич 504
Косыгин А. Н. 432
Котельников 487
Котляр А. С. 436, 504
Котов 503
Котульская Елена Климентьевна 354, 366
Котульский Владимир Климентьевич 216, 354, 366, 431, 486
Коуба Э. Ф. 344, 350
Кочар Г. Б. 257, 259, 272, 273, 278, 283
Кошелев С. П. 483, 487
Кракузин 471, 483, 485
Красный 192, 193
Крахман 356
Кристаллинская М. 295
Кронфельд Мария Николаевна 388
Кронфельд Михаил Львович 386–388, 393
Кротов 139
Круглов 187
Крупская Н. К. 198
Крушинский 504
Крыленко Николай Васильевич 524
Ксинтарис В.Н. 525
Кугультинов Д. Н. 431, 432
Кудаковцев 503

Кудряшов Володя 416, 417
Кужель 474
Кузик 503
Кузнецов 171
Кузнецов В. А. 232
Кузнецов В. В. 37, 43
Кузнецов Побиск Георгиевич 146–152, 164, 165
Кузнецов Х. Я. 230
Куйбышев В. В. 467
Куклашов В. 336
Кулагов Э. 344
Кулевский 504
Кулемина Екатерина Ивановна 423
Кулиев Кайсын 432
Куприс Ада 30, 34
Куприс Алекс 34
Куприс Римас 34, 35
Куприянов В. И. 337, 483
Купчик В. 350
Курочкин Кондратий 451
Куц В. Т. 434
Кушнев А. М. 472, 483
Кушнев А. П. 269, 271, 483
Куяченков 503
Кытманов 454

Лавриков 471, 483
Лавров 483
Ладыго А. С. 344, 351
Лазарев М. И. 504
Ланин 497
Лапин Ю. Д. 344, 488
Лаплас 220
Лаптев Петр 452
Лаптев Харитон 452, 453
Латышев Виктор Данилович 112, 122
Лахов 481
Лебедев В. В. 432
Лебединский В. Н. 431, 435, 475, 485
Левенко 475

Левин Михаил Ильич 76, 79, 81, 84–91, 93–100, 102–125
Левин Петр Иванович 150
Левитанский 483
Левкович А. С. 457
Ленин Владимир Ильич 76, 169, 456, 457
Леринман 483
Либерман 88–90, 92, 94, 102, 106, 111, 114, 122, 123
Либинзон В. Я. 470
Лидо Петр Николаевич 504
Линцер 190
Лисин 475
Лисов Г. 217, 219
Лисовский Казимир 482
Лисюк Борис 33, 39, 367, 378
Лисюк С. С. 472
Литвинов 487
Лобачева Ольга Максимовна 139–141
Ловячин Б. 338
Логинов 474, 485
Логинов Алексей Борисович 199, 422–423, 487, 488, 489, 492, 523
Локштанов 271, 272, 273, 279, 483
Ломагин Георгий Александрович 245, 254–257, 259, 261, 263–265, 269
Ломако Петр Фаддеевич 199, 351
Ломаков 487
Лукашевич Ольга Николаевна 302, 326, 328
Лукьянов В. К. 295, 437, 484
Лупов 503
Лысягин 471

Магомаев Муслим 295
Магула 344
Мазеина Светлана 243, 257, 279, 284, 291
Мазманиян Михаил Давыдович 257, 259, 265–267, 272, 273, 278, 283
Мазур Володя 404
Мазур Кирилл Константинович 145
Мазурук 461
Майер Курт 260
Макарьев 404
Макарьева Наташа 403
Макменев 503

Максименко 484
Макухина Д. И. 236
Малахов 503
Малиновский 497
Малицкий О. Н. 485, 495
Малков Виктор Петрович 308, 488 (?)
Малков Давид 151, 488 (?)
Малышев 503
Малючков Леша 245
Малявка 504
Мамулов 290
Маркелова Нина Ивановна 308
Марков Константин Константинович 523
Мартынов В. 295
Мартынова Валентина 416
Марчевская Татьяна Ивановна 396
Маслов 486
Масловский 503
Матвеев В. З. 223, 355, 356, 462
Матвеева Кима 355
Матвеева Лидия Карловна 355
Матевич 472, 485
Махалов Ю. 338
Махновецкий 483
Махоткин 462
Машьянов Н. П. 347, 348
Маяковский Владимир Владимирович 30
Мезенцев К. 432
Мечев Валерий Валентинович 337, 338, 339, 342
Меркулов 144
Механик В.П. 525
Мещанинова В. 230
Мидендорф А. Ф. 453
Миненко Лидия Владимировна 242, 245, 248, 250, 261, 262, 266,
268, 270, 271, 273, 280, 289, 290, 291, 431, 472
Мирон 358–359
Мирошников 471
Митрохин 503
Митяков О. П. 436
Михайлов Александр Павлович 99, 100, 107, 118, 469
Михно Я. К. 487
Мицкевич 503
Могильницкая Анна Николаевна 430
Молоков 461–462, 463
Моор 486
Мордвинов 277

Морель Игорь 274
Морозов 461
Муньянова Любовь Васильевна 512, 513
Муравьев А. М. 485
Муравьев Д. М. 269, 344, 431, 437, 483
Мурахтамов 216
Мурашкин 503
Муромец 470
Мягков 255

Набоков 503
Наджарьян Ж. Р. 497, 498
Найденов 469
Нансен Фритьоф 455
Насонов В. В. 221
Нелюбин Адриан Ефимович 360, 364, 486
Нелюбина Ада Адриановна 363
Немыкин Женя 348
Ненарокомов Ю. Ф. 469
Непокойчицкий Витольд Станиславович 242, 243, 257, 272, 275,
279, 284, 291, 344, 431, 433, 434, 472, 486
Нестеренко 504
Нежный А. 242
Нижегородов 475
Никифоров М. С. 336, 339, 340
Никишин П. Е. 233
Николаев 194
Никонов А. И. 485
Никонова А. 485
Никулин И. А. 185
Ногтев Александр Петрович 215
Норильский С. 213
Нурдинова 503
Ньютон 214

Обручев В. А. 523
Озолин 485

Омаров 488
Орджоникидзе Серго 375, 460, 467
Орехов М. 342
Орлов Александр Михайлович 307, 308, 338, 435
Осипова Ревекка Семеновна 306, 322
Осмоловский В. М. 436
Охотин М. 344
Охрименко 230

Павлов И. И. 469
Панюков Александр Алексеевич 226, 227, 235, 270, 272–273, 285,
407, 473, 478, 482, 485, 487, 522
Папанин 461
Парамонов Леонид Иванович 301
Парин Василий Васильевич 151
Пахомов А. 344
Перепечин В. И. 344
Перфилов И. М. 465, 466, 478
Петр I 451, 452
Петренко Михаил Евгеньевич 179, 180, 182, 183
Петров Б. В. 474
Петухов А. И. 483, 484
Пик Вильгельм 151
Пиотровский 154, 155, 156
Пирог Н. 230
Пищик 498
Плаксин Игорь Николаевич 428
Платонова 295
Плотянский Петр Трофимович 504
Подьяпольский Р. 338
Полкунов 107
Полищук В.И. 525
Полтава В. 475
Пономаренко Инна 380
Попов Александр Андреевич 103, 104, 119
Попов Г. А. 232
Попов Е. А. 469
Потапов 483
Потылицын П. 347–348
Почейкин 503

Преловская З. Я. 308, 309
Примаков Виталий 15, 47, 48
Прищенко 485
Протасов В. Ф. 434
Прохоров А. 220
Птух Анна 207
Пушкарев 458
Пушкин А. А. 522
Пьянков Н. И. 498
Пьянкова Вероника 14

Рабинович Л. А. 470
Работина Софья Николаевна 512
Рагулин Иван 483, 484
Радионова 230
Раев И.И. 431, 434, 498
Райвигер М.Ф. 229
Раиса Михайловна 116–118
Рамзин 65
Распопина М.В. 308
Распопин В. 336
Резникова Ирина 210
Ремейко Олег 41
Ремейко С.М. 232
Рехлов И.В. 429
Римский-Корсаков Николай Андреевич 49
Роговер 486
Роготнев 305
Родионов В. Е. 82–83, 231, 232, 356, 366, 472
Родионов Виктор 378, 483
Родичев А. 336, 483
Рождественский Р. 432
Рожков Павел Иванович 514
Розанов 486
Розенблюм З.И. 83, 232, 472
Розентул 504
Розенфельд 306
Розин Борис Яковлевич 396, 423, 434, 437
Рознатовская В. П. 232
Рознатовский Н. Н. 431, 472, 483

Ройтер Л. А. 186, 485
Романова 230
Романов 475
Росси Жак 217
Ростропович М. 221, 295
Румянцев С. Ф. 470
Рычков 503
Рябов В. Г. 339, 341, 351
Рябчиков Евгений 227, 428, 431

Сабсай 504
Савва Л.А. 472
Савельев Иван Иванович 524
Савенко Пантелеймон Иванович 134
Савочкин 503
Савчук И. 201, 346
Садовский Г. И. 432, 434
Салтыков-Щедрин М. Е. 42
Самодуров 503
Самойлова К. В. 229, 472
Сапожников А.К. 470
Сапрыкин 487
Сараф И.П. 470
Саркисян 83
Сарычев 152
Свердлов Я. М. 434
Свечников Алексей Николаевич 509
Седов 220
Селецкий 503
Семенов 277
Семиволос 484
Сердаков С. И. 336, 475, 483
Сидорин 341
Симонов Константин Михайлович 432
Синев Л. 344
Сировский Марк 438
Ситников 102
Ситникова Тамара Георгиевна 302, 307, 308, 309
Скалянская 230
Скворцов 503

Скворцова 230
Скориков 503
Скороходова Надежда 430
Скудин 503
Слепак Г. М. 268
Слепые (супруги) 272
Слепцов Павел Евсеевич 111, 112, 113, 114, 115, 122, 123
Сливинская Тамара Ивановна 312
Смердов Г. К. 487
Смирнов А. С. 344
Смирнов С. М. (С. И.?) 235, 236
Смирный Иван 451
Смоктунровский Иннокентий Михайлович 189, 295, 431
Смолов Юрий Михайлович 396, 398
Смолова Раиса Петровна 409
Снегов Сергей Александрович 210–211, 215, 217, 326, 428, 431
Соболев Н. В. 344, 345
Соколов 216
Соколов 83
Соколов Анатолий Петрович 301, 302, 488, 498
Сokolova Вера Яковлевна 430
Солдатов 497
Солженицын А. И. 178, 211, 213, 218, 221, 375
Соловьев 503
Соя 230
Сорокин 257, 487
Соснин В. Н. 469
Сотников А.К. 454
Сотников К. П. 453, 454
Спасюк 503
Спирин 483
Сталин Иосиф Виссарионович 24, 63, 168, 171, 187, 190, 375, 389, 406, 412, 459, 476
Староверов Л. Д. 130
Стародубец Николай 451
Старостин Андрей 189
Стегний Зинаида 374
Степан Михайлович 298
Стифансон Вильямур 479
Стифеев Т. Г. 472, 495
Стрельцов Е. К. 470
Стриго В. В. 336, 338
Стукалина Нина Алексеевна 430
Сударкина Вера Александровна 301
Сулейменов Омар 216

Сулейманов 338, 340–341
Супряга 503
Суханова Е. 350
Суходрев Всеволод Петрович 419

Табачников Ефим 462
Табачникова Айка 357
Тамарли 503
Тамм И. 220
Тарасов 504
Тарасова И. И. 312
Татьян 189
Ташлыков 504
Темных 503
Терновский С. А. 472
Тернавцева Ирина Александровна 423, 430
Тер-Оганесов Наполеон Акопович 336, 346, 350, 514
Терпегосов В. В. 474, 488
Теслюк 504
Тимофеев Дмитрий Васильевич 183–184
Ткаченко 503
Толстоброва Нелли Павловна 430
Толстой Л. Н. 42, 390
Томашевская Анна Андреевна 430
Топоровский А.И. 434
Трифоненко Евдокия Павловна 430
Троицкий Стефан Сергеевич 244–245, 255, 272
Тропников 504
Трусс Альберт 156, 160
Туманис 232
Тягунов 503

Угланов В.А. 487
Урванцев Николай Николаевич 133, 135, 138, 139, 140, 176, 216,
406, 431, 432, 453, 457–459, 480, 486
Урванцева Елизавета Ивановна 139, 141, 406, 457

Урванцева 230
Усевич А.А. 475
Усевич И. В. 480, 486
Усов Федор Михайлович 268, 273
Успенский 487

Федирко Клара Михайловна 374
Федотов И.А. 304, 305
Федоровский Николай Михайлович 149, 169–170, 216, 431
Федюха 336, 475, 485
Ферберг Мириам Борисовна 303, 312, 316, 344, 350, 435, 498
Ферсман А. Е. 170, 523, 524
Ферштенфельд 472
Фиалков А. А. 470
Филатов Анатолий Васильевич 338, 396, 399, 474, 525
Финогенова Н. А. 498
Фишман Александр 418
Фишман Е. Г. 232
Фишман Яков Моисеевич 149
Фокин 482
Фомин 483
Фомин Петр 216
Фомичев Анатолий 404
Фролов В. С. 144
Фрумкин 479
Фугзан М. Д. 472, 486, 480

Хабалова Л. 24
Хагажеев Д. Т. 339, 343
Хасдан М. Б. 312, 342, 495
Халимова А. К. 344, 350
Хараз Полина 436
Хаустова Людмила Сергеевна 440
Ховрин В. Н. 469
Хорунжий С. К. 269

Хромов 471
Хромченко С. 472
Хрущев Никита Сергеевич 20
Худеев 503
Хуторской 472

Царевский Михаил Михайлович 521
Цицельская Зоя Ефимовна 423, 430

Чалый 504
Чандрасекар 210
Чачик 250, 251, 253
Челюскин Семен 452, 453
Чемберлен Уильям Генри 58
Чернышев 277
Чехов А. П. 42, 390
Чижин 483
Чкалов Валерий Павлович 461
Чохонелидзе В. Ш. 434
Чуманов В. П. 436
Чуманова (Карашкевич) Валентина Ивановна 430

Шадрина Майя Константиновна 394
Шадрина Ольга Яковлевна 391, 394
Шалыгин Л. М. 342
Шамис И.А. 128
Шанина 504
Шапиро Г. Л. 269
Шапкина Александра Мокиевна 512
Шаройко Александр Емельянович 254, 256, 269, 272, 273, 274,
275, 278, 465, 466, 485

Шаталов 503
Шахматов И.К. 305
Шевцов 486
Шевченко 192, 193
Шевчук Евфросинья Семеновна 430
Шейман Юрий 216
Шейнманн 487
Шелагин М. И. 295, 437, 484
Шепетько 472
Шер М.Л. 470
Шестаков 503
Шешукова Г. М. 475, 486
Шидельман Петр 346
Шиковицкий 503
Шикторов Иван Сергеевич 187–188
Ширяев 471
Шишаев В. Г. 495
Шишкин Александр Степанович 406
Шишкин И. З. 230, 232, 356, 357, 472
Шишкин Ф. Г. 487
Шишкина Элита Эммануиловна 401
Шкловский И. С. 214
Шляхов 503
Шмидт Ф. Б. 453
Шмидт Я. С. 391, 485
Шнайдер 504
Шулико В. Т. 474
Шумилов М. П. 359
Шумилова Л. 359
Шустицкая Валентина Ивановна 346, 350
Шустицкий Вадим Дмитриевич 338, 339, 351

Щагина Анна Никифоровна 386
Щагина Нина Алексеевна 386
Щеглов Сергей Львович 415
Щербаков 83
Щитинин 504
Щусев 276–277

Эдельханов Ю. Л. 498
Эйнштейн 169, 218
Энгельс Ф. 214
Эпштейн М. Г. 472, 483
Эрец П. А. 434

Юматов Георгий 295
Юровская Е. М. 437, 484
Юрьев Алексей 122–124

Якименко 503
Якубова Р. А. 268
Якула Валентина Ивановна 430
Ямпольский 471
Ярцев К. И. 465, 469
Ярыгин 503
Яхнин З. 432
Яценко О. Н. 398

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Грамп Е.: «...уже через год после ареста отца мать добровольно отказалась от американского гражданства и приняла гражданство СССР».	13
Кливанс Г. Письма из России в Америку	45
Евзеров М.: «Нераскаявшийся враг вновь в строю борцов за индустриализацию своей страны, за Социализм...»	77
Домарева И.: «У моего отца жизнь — отнятая дважды...»	127
Витман Б.: «Норильск — место для стойких, крепких духом людей...»	143
Кузнецов П.: «Идея и определила мою жизнь. Из-за идеи жизни сел...»	163
Никулин И.: «А вокруг чудес природы — людские трагедии такого многообразия и глубины, каких человечество не видело прежде».	175
Айвазов Л.: «...норильчане — люди из особого материала невиданной прочности».	197
Королько Р.: «Такие таланты, как Бурштын, и построили Норильский комбинат».	203
Дзюбенко Н.: «...Козырев замахнулся на само Время!»	209
Родионов В.: «В каком-то здании наскоро развернули госпиталь».	225
Непокойчицкий В.: «Я до последних дней своих не забуду встречи с Авраамием Павловичем Завенягиным...»	241
Ферберг М.: «Я благодарна судьбе...»	293
Ситникова Т.: «Жесткость и доброта сочетались в Киреенко самым удивительным образом...»	319
Киреенко Ф.: «...Алексеевский умер, не дожив до свободы».	325

Мечев В.: «Норильские традиции всех нас питают до сих пор»	335
Воронцова Е.: «В нашей семье даже дети знали, что отца в Норильск послал Сталин».	353
Нелюбина А.: «...на секундочку отпустила руку. Меня тут же подхватило и понесло...»	363
Гарфундель-Бубновская Н.: «Отец написал маме: ради дочери ты должна быть свободна от меня».	369
Коротаева (Борун) М.: «Мы — дети своих отцов, матерей и твои, город нашего детства!»	377
Брилева А.: «...главное богатство норильских мест — не медь или платина, а люди!»	385
Шишкина Э.: «...счастлива считать себя норильчанкой».	401
Смолова Р.: «...мы тоже были первыми».	409
Захарова Т.: «Библиотеку комбината называли северным храмом знаний...»	421
Хаустова Л.: «Пляска эта называется — пурга!»	441
Дарьяльский В.: «Норильск — город, состоящий из маленьких изб и заводов-великанов».	445
Свечников А.: «Три дня с Дарьяльскими».	509
Указатель имен	526

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель
Г.И. Касабова

Корректор
А.Д. Чайка

Компьютерная верстка
О.Г. Егин
А.А. Блинов

ООО «ПолиМЕдиа»
Лицензия ИД № 03287 от 20.11.2000 г.
143000, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Подписано в печать 01.07.2008. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.
Объем 17,25 печ. л.
Заказ № 10.
Доп. тираж 12 экз.

Отпечатано в ООО «ПолиМЕдиа»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 18, стр. 1